

Роман Злотников Русские сказки

Роман Злотников Русские сказки

Пролог

Федеральный агент Айвен Круифф не любил работать с русскими. Возможно, повинны в этом были детские впечатления. Его мама считала, что забивать ребенку голову всякими лживыми, слезливыми сказочками означает поступать против воли Господа, давшего человеку разум и речь, а первейший долг родителей состоит в том, чтобы попытаться как можно раньше научить свое чадо отличать добро от зла. А потому, в перерыве между утренней молитвой и вечерним чтением Библии, она однажды рассказала ему о том, что когда-то давно русские казнили своего короля, а потом Бог их за это долго наказывал. До тех пор, пока они не выбрали себе нового. А может, все началось чуть позже, в университете. Русские тогда как раз вляпались в Сонтреймский конфликт, и симпатии большинства студентов, конечно, были на стороне тех, кто представлялся им в то время маленьким, но гордым и свободолюбивым народом. Кстати, в тот раз сонтреймцы сумели хорошенько надавать русским по зубам. Помнится, тогда в университете была очень популярна шутка про медведя, который по полгода спит в яме, носящей смешное название «берлога», и о шустром хорьке, пробравшемся в эту яму и отгрызшем у медведя его любимую лапу. А может быть, его неприязнь была вызвана тем, что его изошренный, тренированный ум никак не мог взять в толк, как это государство, правители которого за время его существования наломали столько дров, к настоящему моменту ухитрилось тем не менее не только вообще сохраниться как таковое, но и не утратить статус одного из самых влиятельных игроков на политической арене. Вполне возможно, что были и еще какие-то более глубокие причины. Круифф никогда особо не задумывался над этим. Он просто НЕ ЛЮБИЛ работать с русскими и всячески старался этого избегать. Слава богу, у агентов его ранга для этого имелась масса возможностей. Однако сейчас был как раз тот случай, когда все его возможности оказались абсолютно бесполезны. Поскольку вокруг этой забытой всеми богами планетки вращалась на геостационарной орбите одна-единственная

станция-посольство, и именно русская. И с этим ничего нельзя было поделаться.

Круифф незаметно вздохнул и вновь сфокусировал взгляд на собеседнике. Высокий и грузный мужчина с седеющими висками, одетый в добротный, без излишеств, костюм несколько консервативного покроя, наклонился вперед и прикурил сигару от старомодной настольной зажигалки. Потом откинулся на спинку кресла и продолжил:

– И все-таки, профессор, я не понимаю, какой интерес Стенсоновский экономический университет может испытывать к Голуэ. По-моему, она являет собой уж слишком явный нонсенс в свете тех теорий, которые, как мне известно, вы с таким успехом разрабатываете.

Айвен несколько покровительственно усмехнулся – так, как, по его мнению, и должен был усмехаться профессор социополитики из столь престижного международного учреждения, каковым являлся Стенсоновский экономический университет, и заговорил с нарочитой, даже слегка утрированной вальяжностью:

– Ну что вы, мистер посол, в этом-то все и дело. Голуэя просто прекрасный объект для изучения, просто прекрасный. Согласно большинству наших теорий, экономика подобного типа просто не может существовать как саморазвивающаяся система, что же до тех теорий, которые допускают ее существование, то они утверждают, что подобное развитие очень быстро приводит к коллапсу. Однако же на Голуэе мы этого не видим, не так ли? Ну скажите, разве не интересно исследовать подобный феномен?

Посол глубокомысленно усмехнулся:

– Вы не совсем правы, профессор. Согласно заключениям наших экспертов, их экономика пребывает в коллапсе уже более полутора сотен лет. А поскольку их вариант экономической организации наиболее успешно работает именно в экстремальных условиях, они, понимая это, постарались, и вполне успешно, как видите, растянуть этот коллапс на столь длительное время. К тому же в самом начале, пока шло распространение по планете ныне господствующего варианта социоэкономической организации, им пришлось выдержать очень сильную конкуренцию с иными вариантами, часто переходившую в фазу военного конфликта. А что может быть более мощным стимулом для технологического рывка, чем хорошая крупномасштабная война? – Посол скривил губы в иронической улыбке и развел руками, потом вновь посерьезнел. – Так что за эти первые сто пятьдесят лет им удалось подняться от уровня паровых и примитивных электрических технологий до термояда. И даже освоить околопланетное пространство. – Посол пожал плечами. – Впрочем, несомненно, что при более разумной социоэкономической организации они бы могли добиться гораздо большего. Ведь даже отказ от экономического освоения ресурсов остальных планет системы был вызван больше политическими, нежели технологическими причинами. Их руководители опасались, что колонии, без которых освоение планет не только экономически нецелесообразно, но и просто невозможно, окажутся слишком изолированы от той системы тотального контроля, которая является основным атрибутом и становым хребтом их социоэкономической организации... – Тут посол улыбнулся. – Впрочем, кому я это рассказываю?

И оба понимающе рассмеялись.

Когда смех утих, Круифф энергично взмахнул рукой:

– Да-да, здесь наши выводы полностью совпадают, но меня больше всего интересует, почему они не рухнули в первые же десятилетия? – Он широко раскрыл глаза, стараясь придать своему лицу самое что ни на есть невинное выражение, но не удержался от шпильки: – Ведь, как вы, несомненно, знаете, ваши предки почти четыре столетия назад, еще на Земле, тоже попытались было создать нечто подобное, однако эта попытка потерпела фиаско менее чем через семьдесят лет, а здесь продолжается уже почти триста... – Он сделал паузу, дожидаясь реакции посла, но тот великолепно держал паузу, и только большой опыт Круиффа позволил ему заметить, что складка в углах волевого рта собеседника обрела несколько большую жесткость. Айвен ругнул себя за несдержанность и постарался быстро перевести разговор на более отдаленную тему: – Кстати, если уж углубляться в историю, то как раз в двадцатом веке жил автор, который достаточно достоверно описал тот вариант социальной организации общества, который, как мне кажется, в настоящее время

существует на Голуэе. Его звали Джордж Оруэлл, а название книги, м-м-м, кажется...

– «1984», – вежливо подсказал посол.

– О, так вы читали!

Посол сухо кивнул, а Айвен вдруг припомнил, что древний автор в своей книге имел в виду как раз то государство, которое в то время существовало на родине посла, и поспешно закрыл рот, чтобы не сморозить очередную глупость, которая на этот раз могла оказаться непоправимой. Некоторое время они оба молчали, потом посол, спохватившись, любезно улыбнулся:

– Ну что ж, господин профессор, я думаю, в моих силах удовлетворить ваше желание.

Круифф изобразил на своем лице признательность:

– Очень рад, очень рад... И когда я смогу отправиться вниз?

Посол усмехнулся, всем своим видом показывая, что его забавляет непосредственность уважаемого гостя:

– Не торопитесь, профессор. Голуэя – не тот мир, где иностранцы могут чувствовать себя свободно, как бы им хотелось. Думаю, процесс выдачи визы продлится не менее недели и за это время вам придется заполнить кучу всяких анкет. Да и позже, на поверхности, вам придется тратить уйму времени на то, чтобы добиться у местных чиновников необходимых вам разрешений. – Посол снова растянул губы в улыбке: – У них несколько более зарегулированное общество, чем то, к которому вы, да и мы, привыкли. На Голуэе требуется специальное разрешение даже для того, чтобы на один день съездить в соседний город.

На лице Круиффа отразилась целая гамма чувств – удивление, досада, разочарование, а потом он робко пробормотал:

– Но я считал, что виза... Посол отрицательно покачал головой:

– О нет, мистер Круифф, виза – это только первый шаг. – Посол заговорил наставительным тоном: – Там, внизу, вам будет выделена специальная квартира, покидать которую вы сможете только в определенные часы. Будет определен маршрут, только в строгом соответствии с которым вы сможете передвигаться, вы будете прикреплены к терминалу в строго определенной библиотеке, поскольку право на личные терминалы имеют только функционеры достаточно высокого уровня. Получите также карточки на питание в определенной столовой. И это все. Если вам понадобится что-то еще, вы должны будете снова обращаться за разрешением.

Лицо Круиффа выразило крайнее замешательство.

– Но... а не могло бы посольство взять на себя... скажем, некоторые из этих проблем... – Он говорил, то и дело запинаясь, словно испытывал стеснение и неловкость. – Я знаю, подобные, скажем так, отдаленные учреждения в любом государстве финансируются не слишком щедро, а я являюсь представителем одного из влиятельных членов наблюдательного совета университета, и мы могли бы поучаствовать...

Посол снова улыбнулся, но на этот раз в его улыбке сквозила насмешка.

– Благодарю вас, профессор, но у нас вполне достаточное финансирование. А что касается вашей просьбы, то, как мне кажется, я смогу пойти вам навстречу. – Он повернулся к встроенному терминалу и нажал клавишу. – Один из моих сотрудников как раз собирался «вниз». У него осталась пара недель от отпуска, – посол слегка наклонился в сторону Круиффа, его голос звучал доверительно, несколько даже заговорщицки, – знаете, хоть это и не особо приветствуется, но мы построили в горах Орала неплохую лыжную базу, специально для отдыха персонала. – Он развел руками, как бы извиняясь. – Вы ведь знаете – с Голуэей нет никакой торговли, транспортная связь от случая к случаю, так что не всегда удается подгадать так, чтобы провести в империи весь отпуск. А совмещать отпуска служащим Департамента внешних сношений запрещено. Поэтому многие предпочитают проводить оставшуюся часть отпуска «внизу». Катаются на лыжах, ходят по горам, короче, развлекаются как могут. Так что я готов попросить моего сотрудника взять над вами шефство. Ему «снизу» это будет сделать гораздо легче, чем нам отсюда, с орбиты. – Посол замолчал, выжидательно глядя на Айвена, который, спохватившись, поспешно заулыбался, кивая головой.

– Но... вы сказали, что я буду жить в специально отведенной квартире, а ваш сотрудник на этом лыжном курорте. Может быть, лучше и мне...

Посол хмыкнул:

– Какой уж там курорт. Так, три домика в старотирольском стиле. – Он снова наклонился к Айвену и добавил самым доверительным тоном: – Впрочем, не сомневаюсь, что вам там было бы удобнее, чем в этих муравейниках, которые они называют городами. Однако, – посол снова развел руками, – к сожалению, это абсолютно невозможно. Если вы поселитесь на базе, голуэйцы никогда не предоставят вам доступ к своему терминалу. А все наши терминалы закомутированы только на посольскую сеть и не имеют никакого выхода к голуэйцам. Даже текущую связь с ними мы осуществляем только по специальным двусторонним замкнутым кабельным линиям. – Словно предупреждая следующий вопрос Круиффа, посол зачастил: – Но насчет всего остального можете не беспокоиться, все мои сотрудники имеют зиц-паспорта с довольно широкими правами передвижения, так что ваш, – посол хмыкнул, – так сказать, куратор сможет спокойно посещать вас, скажем, раз в день и оперативно помогать вам с решением возникающих проблем. – Он снова хмыкнул и закончил несколько двусмысленно: – У нас здесь большой опыт в подобного рода делах.

Айвен изобразил нерешительность:

– Не знаю, удобно ли это? Ведь, насколько я понял, ваш человек собрался отдохнуть... Посол покачал головой:

– Не беспокойтесь. Мы все бываем на поверхности, как минимум, раз в месяц, так что и это развлечение успело большинству порядком приесться. А поскольку жизнь у нас здесь довольно скучная, я думаю, он с радостью ухватится за возможность хоть немного ее разнообразить.

– Ну если так...

На широком лице посла расцвела самая радушная улыбка:

– Вот именно, профессор, и не берите в голову. Оказывать всемерное содействие гражданам Содружества – наша святая обязанность.

Круифф удовлетворенно закивал головой:

– Что ж, благодарю. Так значит – неделя. Посол развел руками:

– Мы сделаем все возможное, чтобы сократить этот срок.

* * *

Вечером Айвен, приняв душ, сбил себе в ручном шейкере свой любимый коктейль и устроился перед визиографом в обширной спальне, занимавшей одну пятую площади отведенных ему апартаментов, впрочем гораздо более скромных, чем те, к которым привык. Надо было продумать ситуацию с начала и до конца и на этот раз постараться ничего не упустить. По его прикидкам, он отыграл свою партию с эффективностью, близкой к максимальной. Последние двадцать лет он работал в центральном аппарате (этот фактор оказался одним из решающих при его назначении на это задание, поскольку руководство полагало – и было совершенно право, – что вряд ли среди ныне действующих полевых агентов найдется хоть один, не идентифицированный контрразведывательным отделом посольства) и потому успел слегка подзабыть навыки полевого агента. Впрочем, Круифф и на заре своей карьеры никогда не считался особо крутым полевиком. Его коньком всегда был документарный анализ, вот здесь ему равных не было. Но Айвен тряхнул стариной и основательно подготовился к своей нелегкой миссии, внимательно изучив, помимо массы специального материала по Голуэе, и всю имеющуюся информацию по персоналу русского посольства. Сам посол был отставным адмиралом и землевладельцем средней руки, а посему сыгранный Круиффом образ жирующего ученого из престижного университета должен был показаться ему вполне правдоподобным. Одной из основных психохарактеристик подобного типа личности является устойчивое отвращение к громким скандалам, а прошлогодние социологические исследования Ломоносовского университета, которые Айвен тщательно изучил перед отъездом, убедительно свидетельствовали о том,

что в этой среде господствует устойчивое мнение, будто граждане Американской федерации – завзятые скандалисты. Причем американские ученые по этому показателю могут дать сто очков вперед большинству своих сограждан. На мысль изобразить такого человека Круиффа натолкнул прежде всего Лос-Ангейский скандал, попортивший его «конторе» немало крови. Однако недаром у русских есть пословица: «Нет худа без добра». Бытующее предубеждение на сей раз было Круиффу на руку. Посол, скорее всего, приложит максимум усилий, чтобы потенциально скандальный тип из «яйцеголовых» побыстрее сделал свои дела и убрался восвояси, а значит, никаких особых затруднений с этой стороны вроде бы не предвидится. Однако этому типу личности, как правило, сопутствует врожденная недоверчивость, так что он, скорее всего, должен был бы приставить к Айвену своего соглядатая. И поскольку этого все равно было не избежать, Круифф сам предоставил ему такую возможность. Айвен слегка усмехнулся при воспоминании о том, как посол словно бы вынужденно, но совершенно открыто заговорил о так называемой «лыжной базе». Впрочем, эта его откровенность вполне понятна и ничего не меняет. Если посол заподозрил, что Круифф не тот, за кого себя выдает, то он должен был предположить, что информация о базе на поверхности не является для него новостью, а если гость посольства – всего лишь профессор, то не о чем и беспокоиться. И все-таки реакции посла ему не очень понравились. Конечно, просчитать человека, прошедшего подготовку по курсу мимокоррекции, чрезвычайно сложно (а в том, что дипломат подобного ранга, пусть даже и не профессиональный, прошел подобную подготовку, сомневаться не приходилось), но кое-что Айвену все же удалось рассмотреть. И это кое-что озадачивало. Дрожание век, структура изменения ритма и глубины дыхания, тремолция рук немного не соответствовали тем, которые можно было ожидать. Хотя, возможно, все дело в каких-то индивидуальных особенностях организма. К тому же отставной адмирал оказался несколько более начитанным, чем Круифф мог предположить. На первый взгляд он не принадлежал к типу людей, которые интересуются древними авторами. Впрочем, и это тоже имело свое логическое объяснение. Наверное, если бы сам Круифф оказался сотрудником посольства планеты, которая только что опубликовала что-то вроде «Билля о правах» или находится в состоянии гражданской войны из-за разногласий по поводу рабства, то, скорее всего, проявлял бы не меньший интерес к собственной истории. А у русских их Гражданская война вообще была пунктиком. Айвен слышал, что они каждый год устраивают настоящее маленькое сражение на Земле, где-то на юге их Метрополии, в местечке со странным названием Перекоп. Вроде как французы у Ватерлоо. А в прошлом году, когда они отмечали трехсотую годовщину казни императорской семьи, интерес к тому времени вообще превратился в некую разновидность массового психоза. Слава богу, сейчас он сходит на нет. Так что, возможно, неприятная осведомленность посла имеет вполне земные корни. Во всяком случае, все, что могло произойти, уже произошло. Оставалось только ждать.

Посол не обманул. Всего через четыре дня Круифф вновь оказался в уже знакомом кабинете. На этот раз посол был не один. В углу кабинета, в большом широком кресле, расположенном рядом с массивным, под стать всей мебели кабинета, журнальным столиком и кадкой, в которой росла карликовая сосна, сидел двухметровый громила, затянутый в универсальный спортивный комбинезон. Среди несколько по-варварски помпезной обстановки посольского кабинета подобная одежда резала глаз, но, судя по всему, посол решил, что в таком облачении громила будет выглядеть менее устрашающе. Или, может быть, ему просто захотелось подбавить в предстоящий разговор немножко демократичности, если не фамильярности. Во всяком случае, когда хозяин кабинета вышел из-за стола и, встретив Круиффа на полпути от двери, пожал ему руку, Круифф решил, что и последнее предположение тоже вполне имеет право на существование. С широкой радушной улыбкой на лице посол мягким движением повернул драгоценного гостя к громиле, который поднялся с кресла с неожиданной для своих размеров грациозностью. Посол несколько интимным жестом склонил голову к плечу Круиффа и заговорил самым доверительным голосом:

– Поздравляю, мой дорогой профессор, ваша виза готова. – Он указал кивком головы

на громилу: – Знакомьтесь, штаб-майор Иван Р. Голицын, ваш сопровождающий. Он – сотрудник охраны посольства и к тому же частенько исполняет обязанности курьера, так что ваш добровольный помощник не новичок во властных коридорах. Я думаю, «внизу» он будет для вас намного полезнее, чем любой другой.

– О, благодарю. – Круифф протянул руку шагнувшему к нему майору и изобразил нечто вроде кислой улыбки. А как еще, скажите на милость, должна реагировать подобная ученая крыса, если ему в провозатые навязывают этакое нечто явно из военного ведомства, столь нелюбезного сердцу всякого университетского обитателя. Похоже, он несколько переоценил интеллект посла. Но разве можно было предположить, что дипломат, пусть даже непрофессиональный, опустится до столь неуклюжей мести. Айвен сделал вид, что вежливый тон дается ему с некоторым усилием: – И когда я смогу отправиться?

На этот раз тренированный глаз мог бы обнаружить в улыбке посла признаки тщательно скрываемого удовлетворения.

– Я уже распорядился готовить челнок. Голуэйцы дают нам коридор только на час в день, так что если вы не желаете остаться до завтрашнего полудня, то необходимо покинуть посольство не позже чем через полчаса.

– О, конечно-конечно. Я особо не распаковывался, но у меня...

– Не беспокойтесь, профессор, господин майор поможет вам донести вещи. Свои он загрузил в челнок еще с утра.

Майор молча кивнул.

Посольский челнок оказался маленьким семиместным корабликом, в котором явно угадывалась военная родословная.

Впрочем, это было в духе русских. Вполне вероятно, что и сама станция посольства когда-то болталась на орбите какой-нибудь из их планет в качестве орбитальной батареи. Причем можно было предположить с большой долей уверенности, что существенная часть систем защиты и наблюдения до сих пор поддерживается в исправном состоянии.

Они с майором расположились в соседних креслах наискосок друг от друга, ибо длина ног майора не допускала никакого иного расположения. Круифф устроился поудобнее и принялся исподтишка разглядывать этого русского. Спустя пару минут он чуть не присвистнул от удивления. Нет, посол оказался вовсе не так прост. Его сопровождающий был высок и при этом массивен, запястья заметно, даже несколько неестественно утолщены, зрачок крупный, но подвижный и, судя по рельефно выступающему животу, очень развитая диафрагма. Несомненно, проект «Святослав»! Федеральное агентство стратегической информации прознало об этом проекте не так давно. Когда он уже лет пять как считался полностью свернутым. Впрочем, как знать... Насколько Круиффу помнилось, все известные им участники этого проекта до сих пор пребывали на своих должностях, так что проект вполне мог в той или иной форме продолжать свое существование. И идея-то была неплоха. В отличие от прежних, радикальных попыток создания так называемого «человека будущего» русские попытались внести в человеческий организм только некоторые улучшения – заменить какую-то часть атомов углерода скелета на более прочный кремний, немного повысить скорость прохождения нервных импульсов, слегка поднять содержание железа в крови, чтобы улучшить снабжение тканей кислородом, увеличить плотность чувствительных элементов на сетчатке, утолщить мышечные микрожгутики, увеличить количество нейронных связей в мозгу... ну, и еще десяток подобных малозаметных изменений... И посмотреть, что из этого получится. По имеющимся сведениям, подобным процедурам было подвергнуто около семи сотен молодых военных, и, судя по тому, что большинство из них в настоящее время все еще подвизалось в армии, да к тому же по большей части в элитных специальных подразделениях, у русских кое-что получилось. Похоже, правда, что супермены вышли несколько однобокими. Во всяком случае, на роль «человека будущего» они явно не тянули. Но что подобная машина для убийства может делать в этом богом забытом медвежьем углу? А что, если русские тоже узнали о... Круифф сердито нахмурился, но тут же, опомнившись, придал лицу спокойное выражение. Впрочем, этот майор тоже мог состоять в каком-нибудь специальном подразделении. Насколько

Круифф помнил, русские набирали охрану посольств из состава специальных подразделений флота – так называемых «Бешеных медведей». «Медведи» использовали время своего пребывания в должности охранников для детальной подготовки к действиям на этих планетах: совершенствования в языке, изучения местности, площадок десантирования и подходов к наиболее важным объектам, для ознакомления с культурными особенностями. Так что на случай войны у русских под рукой были полностью подготовленные подразделения диверсантов, пригодных для глубокой заброски. Айвен мысленно поморщился. Бойцы таких подразделений были, по существу, смертниками, поскольку в случае начала масштабной войны, когда только и могла возникнуть потребность в подобного рода действиях, ни о какой поддержке и тем более эвакуации после выполнения задания не могло быть и речи. Но какого черта посол приставил подобного типа к нему самому?

Челнок начало потряхивать, затем стала быстро нарастать тяжесть. Они входили в плотные слои атмосферы. Айвен посмотрел на боковой обзорный экран. Компенсаторы избавляли изображение от сетки мощных электрических разрядов, бушующих сейчас на поверхности челнока, и все же из-за великого множества помех картинка на экране выглядела весьма смазанной. Круифф был поражен тем, как сильно все напоминает посадку на Землю. Состав атмосферы, мощность и структура ионосферы у планет разные, а потому посадка на каждую новую планету всегда превращалась для Круиффа в увлекательное зрелище, но сейчас... Он был потрясен. В центральном офисе, на Земле, он был, наверное, несколько сотен раз, так что цветовая гамма посадки на Землю была ему прекрасно знакома. И вот сейчас он наблюдал нечто чрезвычайно похожее. Настолько похожее, что, если бы кресло напротив не занимал этот русский, могло показаться, что он в очередной раз направляется в штаб-квартиру своего агентства и шаттл заходит на посадочную глиссаду, оканчивающуюся на специальном посадочном поле Кемп, штат Орегон, Метрополия.

Кресло напротив скрипнуло. Айвен оторвался от экрана и повернул голову к своему попутчику. Тот сидел с закрытыми глазами, откинувшись в кресле. Его губы были страдальчески сжаты. Что ж, хотя перегрузки были вполне терпимы, майору, с его изрядно утяжеленными костями, явно приходилось гораздо круче, чем ему. Круифф посмотрел на майора с сочувствием. Тот, видимо, почувствовал его взгляд: веки его приподнялись, он окинул Круиффа спокойным взглядом своих светло-голубых, почти серых глаз, потом подчеркнуто безразлично отвернулся. Мысли Айвена тут же приняли несколько иное направление. Самой памятной попыткой усовершенствования человеческой природы был проект «Нибелунги», осуществленный семьдесят лет назад в Объединенной федеративной республике. Немцы вовлекли в проект почти восемь тысяч человек, в основном молодых юношей и девушек. Предполагалось, что они дадут начало чему-то вроде новой расы, основные улучшенные черты которой путем естественного генетического скрещивания постепенно распространятся на остальную часть населения. Круифф мысленно улыбнулся. Это было грандиозно. Двенадцать лет сплошного триумфа... а потом полный крах. Все семь тысяч с лишком суперлюдей умерли в течение полутора лет от чудовищного букета болезней, из которых саркома Ракоши оказалась наиболее безобидной. И никто до сих пор не знает почему. А как много осталось этому майору? Круифф поморщился от этой мысли, но отвязаться от нее так и не смог. Интересно, сколько ему было, когда он вляпался в эту дрянь? Двадцать? Двадцать пять? Вряд ли больше. И что теперь? Ломота в костях? Мышечные боли? Кошмары по ночам? Впрочем, вряд ли. Если бы это было так, он не был бы тем, кем сейчас является. Конечно, подопытную свинку удобнее держать в погонах, в случае возникновения проблем всегда можно быстро заткнуть в дальний гарнизонный госпиталь или вообще спрятать концы в воду, и русские показали себя в этом гораздо разумнее немцев, но совершенно абсурдно предполагать, что, если бы у майора в настоящее время были какие-нибудь серьезные проблемы со здоровьем, он смог бы даже близко подойти к той должности, которую занимает сейчас. Так что его час расплаты за юношеский авантюризм пока не наступил. Пока.

Айвен криво усмехнулся, подивившись внезапному приступу сентиментальности,

охватившему его в столь неподходящий момент, да еще по отношению к русскому, и снова повернулся к боковому экрану.

В этот момент перед челноком вспыхнула черная звезда.

Часть I Холодная зима

– И все-таки, судари мои, я считаю, что это только начало. Попомните мои слова, грядет страшное время. – Мужчина в пенсне, с благообразной бородкой, окаймлявшей снизу его скорбно сморщенное лицо, с выражением которого так не вязался яркий румянец его щек, сокрушенно покачивая головой, обвел взглядом своих собеседников.

Один из них, крупный мужчина в добротном шерстяном костюме, обремененный объемистым брюшком, открыл было рот, чтобы ответить, но подавился. Наконец ему удалось все же судорожным глотком протолкнуть соленый грибочек в свое солидное нутро, и он, бодро вскинувшись, повернулся к собеседнику:

– Чепуха, сударь, совершеннейшая чепуха! Мы, осенисты, предупреждали его величество, что столь явное небрежение правами граждан, дарованными им самим в его благословенном осеннем манифесте, небрежение, демонстрируемое людьми, которых он облек своим доверием, пренебреженно пагубно отразится на нем самом. И, как видите, мы были правы. Но сейчас все позади. – Он сделал паузу, чтобы приложиться к рюмке и закусить розовой пластиночкой соленого сальца, потом деликатно рыгнул, заслонив рот ладонью, и продолжил уже более благодушно: – Конечно, некоторые эксцессы неизбежны, но, как только князь Эйген получит портфель премьера, он быстро сумеет все привести в порядок. Вот помяните мои слова.

Другой собеседник, высокий худой мужчина с наголо бритым черепом и черными, вытянутыми в нитку усами, одетый в длинный черный сюртук, иронично скривился, раздраженно сорвал с шеи салфетку, нервным движением вытер губы и, скомкав, бросил ее на стол.

– Наивный бред! – Его голос был, под стать наружности, хрипловато-скрипуч. – Осенисты – это толпа благодушных мечтателей, а ваш князь Эйген – крикун и суматошник. Я скорее поверю в то, что можно убедить суверена денонсировать свое отречение, чем в то, что осенисты смогут сделать что-нибудь путное с этой страной.

Упитанного мужчину, казалось, столь явная грубость ничуть не обидела.

– Зря вы так категоричны, барон.

Он неодобрительно покачал головой и попытался сделать недовольное лицо, что, впрочем, ему совершенно не удалось. Поэтому он оставил эти попытки и, потянувшись через стол к большому блюду, подцепил вилкой колечко еще горячей чесночной колбаски, покрытое хрустящей золотистой корочкой, поднес его к глазам и несколько мгновений придирчиво разглядывал, потом со вздохом отправил в рот. Прожевав, он опять отпил наливочки из рюмки и повернулся к барону:

– Так вот, как я уже говорил, вы слишком категоричны. Наша партия объединяет людей, которые составляют гордость нашей империи. Ставкин, Осензей, граф Колнемчин, ваш земляк маркграф Заксензих... и к тому же – кто еще может принять на себя ответственность за судьбы империи после отречения суверена? Конституционалисты? Монархисты? Или, – он хохотнул, – Черная тысяча? Вот это уж, милостивый государь, действительно бред.

Барон набычился:

– Отнюдь. Пусть в Черной тысяче нет громких имен, но мы многочисленны и сплоченны. У нас широкая поддержка в низах...

Его оппонент благодушно рассмеялся:

– Ну что вы, батенька. Какая поддержка? Несколько десятков лавочников, приказчики да мелкие торговцы.

Барон побагровел, но третий собеседник вовремя заметил, что дело неладно, и торопливо замахал руками:

– Господа, господа, ну будет, будет. Мы же с вами культурные люди. Еще не хватало, чтобы мы разругались, как граф Сомскин и Крайненгоф на вечере у князя Элбрана третьего дня. Право, суверен поступил очень опрометчиво, согласившись подписать отречение. Положительно все помешались на политике. Барон Койроф, так тот вообще, верите ли, велел от своего дома натянуть через всю улицу плакат: «Да здравствует Конституционное собрание!», а когда хозяин доходного дома, что напротив, не позволил крепить скобу к стене, так барон тотчас выкупил у него дом и, говорят, Господи прости, за сорок тыщ, – тут говоривший сморщился и покачал головой, – а дом-то, дом – гниль одна, потолки бревнами подперты. Лет сорок уж как ремонта не было. Тьфу, а не дом, пятнадцать тыщ красная цена.

Бритый усмехнулся:

– Да ладно вам, милейший господин Максин. Для барона дело ведь не в доме, плакат-то он уж наверное повесил?

– Конечно, тотчас. Еще чернила на договоре не просохли.

– Вот видите. Хотел барон – и сделал, как хотел. А на это никаких денег не жалко.

Упитанный согласно кивнул и потянулся к блюду с пирогами, стоящему под его левой рукой.

– Полностью с вами согласен, господин барон. Хотя я бы был снисходителен к нашему милейшему хозяину. Я думаю, что подобное расточительство лишило бы душевного спокойствия любого банкира. – Он замолчал, отдавая должное пышному пирогу с грибами, и круто сменил разговор, благодушно улыбаясь хозяину: – А кухарка у вас отменная, уважаемый, все мечтаю переманить, да никак не решаюсь. А ну как не согласится, а вы обидитесь, от дома откажете. Как мне тогда? – И он утробно расхохотался.

Его смех был столь заразителен, что спустя несколько мгновений к нему присоединились и остальные.

Когда все немного успокоились, барон покачал головой:

– Да-а-а, прошу простить, профессор, но я больше не знаю ни одного человека, способного столь изящно перейти от разговора о судьбах бывшей империи к... – тут он не выдержал и снова хмыкнул, – к собственным гастрономическим пристрастиям. Профессор кивнул:

– Ну и что? Жизнь, батенька, слишком коротка, чтобы растрчивать ее на этакие глобальные вещи. Надобно уметь радоваться и малому. Кстати, – он повернулся к хозяину дома, – я слышал, днями возвращаются ваши домашние? И что вы предполагаете насчет старшенькой?

Хозяин на мгновение задумался, тщательно прожевывая кусочек белорыбицы, который отправил в рот как раз перед самым вопросом, и, запив его глотком белого вина, пожал плечами:

– Не знаю, не знаю. Она у меня девица несколько экзальтированная, ну, вы же знаете современную молодежь, а посему вполне вероятно, что ее эксцентричный порыв уже прошел, но... Нет, ничего не могу придумать.

Барон скривил губы в саркастической улыбке, но от комментариев воздержался, а профессор, наоборот, открыл рот, чтобы что-то сказать, однако в этот момент раздался нервный стук в дверь. Все трое невольно повернули головы на звук. Хозяин недоуменно вскинул брови:

– Да-да?

Дверь со скрипом распахнулась, и на пороге вырос пожилой слуга с роскошными седоватыми бакенбардами. Он был явно взволнован:

– Прошу прощения, барин, там... это, Прол. – Слуга осекся и смущенно отвел глаза, застыдившись, что вот так, без зову, ввалился к трем важным господам и испортил им обед.

Хозяин сердито насупил:

– Так что случилось, Агафин, говори толком.

– Так Прол с утра поехал в деревню. Ну, за припасом к завтраму. Да и задержался

чуток. У деверя. А как срок пришел обратно ехать, он и решил, чтоб побыстрее, аккуратно через Волчью балку. С ночи-то подморозило, вот он и думал, что проскочит. – Слуга перевел дух и, собравшись с мыслями, продолжил рассказ: – Едет это он, значит, едет, а тут сверху чтой-то как шибанет, как ухнет. Его с телеги как ветром сдуло. А наверху-то треск, а наверху-то шум. А Пролу и деться некуда, кроме как под телегу. Вот он и сидит, Господа поминает и святым кругом себя осеняет.

Хозяин поморщился:

– Полно, Агафин, давай покороче. Слуга покраснел.

– Как угодно, барин. Так вот, когда Прол из-под телеги-то вылез, глядь – трое голых мужиков на косогоре.

– Голых? – удивился упитанный.

– Как есть голых.

Сидящие за столом недоуменно переглянулись. Барон подался вперед:

– Значит, сначала шум и гром, а потом откуда ни возьмись трое голых мужиков, так?

– Как есть истинная правда, барин, – закивал слуга. Барон с сомнением покачал головой:

– М-м-м, ну и что они говорят?

– Так без памяти все, – пояснил слуга, – Прол их было потряс, да где там. Вот он их на телегу и сюда. Двое-то, говорит, ничего, а с третьим намаялся. Здоров дюже.

– Интересно, интересно, – упитанный засуетился и начал вылезать из-за стола, – если позволите, я их осмотрю. Чрезвычайно любопытно.

Хозяин тоже поднялся со своего места.

– Буду весьма благодарен, профессор. И все трое, оставив накрытый стол, торопливо двинулись вслед за слугой вон из комнаты.

Трое мужчин, привезенных Пролом, были уже выгружены из телеги и уложены в людской на сено. Когда господа спустились в людскую, конюх как раз заботливо укрывал их лоскутным одеялом и старыми попонами. Вокруг толпилась прислуга и дворовые, суетливо расступившиеся, когда Агафин влепил ближнему пареньку затрещину и зычно выкрикнул:

– Брысь отседова, барину дорогу заслонили. Упитанный профессор тут же выскочил вперед и подбежал к стоящему рядом с импровизированным ложем табурету, на ходу доставая часы из жилетного кармана.

– Нуте-с, нуте-с, – бормотал он, захватив запястье крайнего пухлыми, но, по всему было видно, умелыми пальцами. Посчитав пульс первого, он перешел ко второму, а когда взял руку третьего, его брови удивленно вскинулись: – Посмотрите, господа, каков богатырь. И пульс не нащупаешь, руки не хватает. – Он поерзал пальцами, приспособившись, потом положил руку на лоб, сделал еще несколько манипуляций и оттянул веко. Потом повернулся к остальным: – Что ж, похоже, эти господа абсолютно здоровы. Вы только посмотрите, какие здоровые зубы. А кожа... будто только из табесской бани с благовониями. – Он весело хохотнул, но тут же принял серьезный вид. – Однако я диагностирую у них шок. Да-да, глубокий, я бы даже сказал, чрезвычайно глубокий шок, – он задумчиво покачал головой, – чрезвычайно интересно. С чем-то подобным я встречался только полтора года назад. Помните ту известную катастрофу на ипподроме, ну, когда погиб популярный авиатор... – Тут профессор осекся, и в следующее мгновение его лицо озарилось довольной улыбкой: – Ну конечно, господа, – он вскочил и забегал, размахивая руками, – эти господа, несомненно, авиаторы! Видимо, их аэроплан потерпел крушение, отсюда и весь тот шум, гром и все остальное. Да-да, так оно и есть.

Барон криво усмехнулся:

– Но позвольте спросить, почему они голые?

– Голые? – Профессор недоуменно уставился на лежащих. – Э-э-э... не знаю. Возможно... – Он замолчал, не зная что ответить.

На помощь пришел хозяин дома:

– Полноте, барон, вполне вероятно, что они по каким-то причинам сняли одежду.

Может быть, у них на аэроплане начался пожар, а их одежда оказалась запачкана газOLIном. Ну что мы будем гадать. Подождем, когда они очнутся, и спросим их самих. – Он повернулся к профессору: – Кстати, а не скажете ли, как долго у них будет длиться этот ваш шок?

Профессор развел пухлыми ручками:

– Не знаю, батенька, шок – это дело такое. Может пройти за час, а иногда пациент пребывает в нем и неделями. Тут уж как бог положит. – Он повернулся к лежащим. – Одно могу сказать. Похоже, что в вашем случае одним часом не обойтись.

Хозяин дома кивнул и повернул голову в сторону двери, возле которой по-прежнему толпились дворовые:

– Агафин, распорядись, чтобы этих господ немедля перенесли наверх в гостевую. И пошли кого-нибудь, чтобы непременно были рядом.

Профессор согласно кивнул:

– Я с утра телефонирую своему приятелю Неклюди, он приват-доцент кафедры психиатрии Медицинской академии, так что это ему наверное ближе, чем мне, костоправу. – Он привычно хохотнул. – Я думаю, он сумеет выхлопотать койки в болезном доме при академии. Так что, возможно, завтра к вечеру эти господа вас больше обременять не будут.

Хозяин помотал головой:

– Да ни в коем случае, профессор. Не беспокойтесь. Дом у меня большой, место найдем, да и присмотреть за ними есть кому. У меня дочь кухарки работает сестрой милосердия в доме призрения инвалидов, а нынче как раз в отпуске. Вот ее к ним и приставим.

– Ну и славно, – обрадовался профессор, – а то, сказать по правде, болезный дом при академии битком забит. Прямо госпиталь какой-то. Слава богу, хоть на фронте последнее время затишье, а то уж столько народу покалечено, а все везут и везут. – Он сокрушенно вздохнул, но тут же вскинул голову и, растянув губы в привычной улыбке, повернулся к хозяину дома: – Кстати, батенька, а ведь мы еще не закончили. Я, признаться, всю неделю мечтал о ваших изумительных ватрушках с вареньем, а мы их еще и не попробовали. Не вернуться ли нам в столовую?

Барон усмехнулся:

– По-моему, профессор, вы и на смертном одре попросите принести себе бутерброд с ветчиной.

– А как же, батенька, а как же, – закивал профессор, – за дамами не бегаю-с, возраст, возлияниями балуюсь в меру, новомодными штучками типа авто и паровых катеров не увлекаюсь, чем еще сердце порадовать?

В столовой разговор, как и можно было ожидать, завертелся вокруг неожиданных гостей. Барон был настроен скептически:

– А я вам говорю – пьяное мужичье. Последнее в кабаке пропили и по пьяни в лесу и заплутали... Профессор, похохатывая, возразил:

– Нет, батенька, если наш мужик и пьет, так только до исподнего. В таком виде из кабака не выйдешь. Да и ручки у них не те, нет-с, я вам скажу, не мужицкие это пальчики. У первых двух вроде как наши с вами, а у третьего, ну того, самого здорового, так вообще интересно. – Профессор вытянул над столом пухлую руку и, указывая пальцами другой, пояснил: – Вот тут, на костяшках, а также тут и тут – нашлепки, вроде как мозоли или пятки, будто сей господин на руках ходил или отчаянно колотил по чему-то твердому. Очень, я скажу вам, странная аномалия. – Он покачал головой и протянул руку к следующей ватрушке. – Очень бы мне было интересно с этим господином побеседовать.

* * *

На следующий день профессор прикатил в усадьбу ближе к вечеру. Когда пролетка остановилась у высокого крыльца, профессор разглядел хромированную решетку радиатора авто, хищно высунувшуюся из-за дальнего угла дома, и, по обыкновению хохотнув,

повернулся к своему спутнику:

– О, барон уже здесь. Так что вы, батенька, сегодня будете солировать при, так сказать, полном аншлаге.

Они вылезли из пролетки. Профессор дал извозчику полтину мелочью, и вновь прибывшие, торопливо поднявшись по ступеням, вошли в дом.

Пока они раздевались, на улице уже совсем стемнело. Агафин, сложив шубы господ в привратницкой, торопливо зажег керосиновую лампу и повел гостей вверх по лестнице, сипло бормоча на ходу:

– Ноне хозяин из банку ра-а-ано приехамши. Все вчерашними антиресуется. Кухаркина-то дочка с ними намаялась. Ну прямо дети малые, все под себя делают... и кормить их смех один, токмо молочко там али кашку каку жиденьку. Осторожно, барин, тут ступенька высока, – он вздохнул, – как на прошлой неделе на лестнице лектричество сгорело, все никак не сподобимся *монтера*, – он уважительно подчеркнул голосом это слово, – пригласить. Вот и пришли. Хозяин ужо час как про вас спрашивал.

Барон тоже приехал не один. В просторной гостиной за большим круглым столом, освещенным подвешенной над ним новомодной электрической лампой под зеленым абажуром, кроме хозяина, сидели еще двое – барон и высокий военный в полевом мундире, на левом плече которого, однако, горделиво болтался аксельбант лейб-гвардейца. Рука военного была перевязана и подвешена за шею на черной косынке. Когда профессор со спутником появились на пороге, все сидящие за столом обернулись к ним, а хозяин торопливо поднялся и устремился навстречу гостям:

– Мы вас уже заждались, судари мои. Господа уж когда приехали, а вас все нет и нет. – Он повернулся к слуге: – Агафин, подавай чай. Господа доктора, наверное, притомились.

Спутник профессора попытался было открыть рот и возразить, что они перекусили у «Нанона» перед самым отъездом, но профессор не дал ему говорить:

– О, всенепременно, батенька. И, как я подозреваю, здесь не обойдется без ваших великолепных ватрушек?

– Несомненно, профессор, – улыбнулся хозяин, – разве я мог о них забыть, зная, что вы нас сегодня посетите.

Когда гости расселись, а чай разлили по чашкам, барон криво усмехнулся и, видимо продолжая прежний разговор, заговорил несколько раздраженным тоном:

– И все-таки я не понимаю, почему наш милейший хозяин принимает такое живое участие в судьбе этих троих. Вот полковник Остей, заместитель моего старого приятеля и кузена барона Эксгольма, не исключает, что это шпионы кайзерцев.

Военный, по-видимому слегка смущенный тем, что попал в столь именитую компанию (еще бы: двое гласных Третьего Государственного собрания и президент крупнейшего банка страны), нервно дернул веком, но тут же овладел собой и заговорил спокойным, хотя и несколько напряженным тоном:

– Не совсем так, господин барон. Это полковник Эксгольм горячо придерживается подобной версии. Полностью исключать этого, конечно, нельзя. После того как господин барон связался со мной, я телефонировал в Генеральный штаб и на центральный ипподром. Вчера вылетали только два аэроплана, и оба благополучно сели в назначенных пунктах. Так что это, скорее всего, не наши пилоты. Но, по-моему мнению, вероятность того, что это кайзерские шпионы, чрезвычайно мала. – Он натянуто улыбнулся. – Да я и не вижу причины, по которой кайзерцам стоило бы забираться так глубоко в наш тыл. Война проиграна. Фронт, считай, рухнул. Солдаты бегут толпами. Военные заводы охвачены забастовками. Нам самим-то решительно непонятно, какие у нас есть военные секреты. – Он принужденно рассмеялся, но, видимо, эта тема была для полковника больным местом, поэтому он попытался перевести разговор в иное русло: – Я скорее допускаю, что это какие-нибудь авантюристы, искатели приключений, совершавшие на свой страх и риск некий умопомрачительный вояж. И застигнутые в воздухе поломкой.

– Что ж, возможно, – кивнул хозяин дома и повернулся к новому гостю, прибывшему вместе с профессором: – А что вы думаете по этому поводу?

Тот от неожиданности поперхнулся, захлебнулся чаем и закашлялся. Профессор, сидевший рядом с ним, оторвался от очередной ватрушки, и, неодобрительно покосившись на коллегу, крепко стукнул его ладонью по спине. Гость всхрипнул и, громко кашлянув в последний раз, умолк, обводя смущенным взглядом сидящих за столом. Барон и полковник едва скрывали усмешки, профессор как ни в чем не бывало вернулся к облюбованной ватрушке, а хозяин, благожелательно глядя на смущенного гостя, молча ждал ответа на свой вопрос.

– Ну-у-у, трудно сказать, господин Максин. Во всяком случае, современная психиатрия вполне допускает что человек, переживший падение аэроплана, может и с попыткой достаточно сильный шок. Однако мне надо осмотреть пациентов.

– Конечно-конечно, – закивал хозяин, а профессор недовольно покосившись на соседа, торопливо проговорил:

– Не спешите, батенька, это от вас не уйдет. – Он хохотнул. – Скажу вам честно, милейший, основное, что я вынес из вчерашнего осмотра, так это уверенность, что сии господа вряд ли будут обладать способностью двинуться куда-то в ближайшее время.

Когда профессор уже достаточно побаловал себя ватрушками и хозяин уже открыл рот, чтобы предложить ему и его спутнику пройти в комнату, где были размещены неожиданные гости, входная дверь с шумом распахнулась и на пороге вырос сильно возбужденный Агафин:

– Очнулися, барин, эти-то, очнулися...

* * *

Сначала пришла боль. Круифф вздрогнул всем телом и застонал. В следующее мгновение его тело скрутила дикая судорога и стон едва не превратился в вопль, но он стиснул зубы и сумел сдержаться. А еще через мгновение боль ушла и его расслабленное тело рухнуло обратно на кровать, с которой оно было приподнято судорогой.

– Профессор, с вами все в порядке?

Круифф на мгновение замер, лихорадочно пытаясь припомнить сначала, кто он такой, а потом – под какой личиной выступает на этот раз, поскольку подсознание заботливо сохранило ощущение того, что между этими двумя его ипостасями в настоящий момент должна существовать некоторая разница. К тому же ему казалось, что с ним заговорили не на его родном языке. Айвен медленно открыл глаза.

Первое, что он увидел, было склонившееся над ним лицо молодого человека. Круифф несколько мгновений рассматривал его, потом медленно открыл рот и заговорил на том же языке, на котором к нему обратились:

– Э-э-э, прошу прощения, молодой человек, не могу припомнить вашего имени. – Он повел глазами по сторонам: – А где я нахожусь?

Молодой человек облегченно выдохнул и тут же, воровато оглянувшись, торопливо заговорил:

– Слушайте внимательно. Я – пилот посольского шаттла. Мы на Голуэе. Но не на той, которую мы знаем, а, похоже, в ее достаточно отдаленном прошлом. У них только несколько лет назад появились первые механические наземные средства передвижения. Кроме того, похоже, здесь пока еще имеется в наличии рыночный вариант экономической организации. – Он сделал паузу, давая время Круиффу вникнуть в смысл сказанного. – Мы здесь уже четыре дня. Нас подобрал в лесу один из слуг хозяина дома, причем мы были абсолютно голыми, что до сих пор приводит их в недоумение. Пока что нас считают потерпевшими крушение путешественниками, которые совершали полет на ограниченно распространенном в данное время примитивном летательном аппарате под названием аэроплан. – Он мгновение помолчал, потом добавил виноватым тоном: – Мне пока ничего более умного в голову не пришло, поэтому симулирую травматическую амнезию и стараюсь поддерживать их в этом убеждении.

В этот момент за дверью послышались шаги, пилот торопливо отпрянул от кровати

Круиффа и юркнул в соседнюю постель. Айвен прикрыл глаза, оставив, правда, едва заметные щелочки, сквозь которые с некоторым трудом можно было наблюдать происходящее в комнате. Дверь стукнула, на пороге появилась худая молодая женщина с некрасивым, но приветливым лицом. В руках у нее был широкий поднос, накрытый чистой белой тряпицей.

– Уже проснулись, барин, – добродушно обратилась она к пилоту, – вот и ладно. Я уж и завтрак принесла. Сейчас поснедаете.

Женщина на мгновение задержалась на пороге, затворив ногой дверь, и неторопливо двинулась через комнату к большому круглому столу, стоящему у окна. Круифф внимательно наблюдал за ней, лихорадочно пытаясь прокачать через мозг весь массив свалившейся на него информации. Большую часть того, что с ним произошло, он вспомнил еще во время рассказа пилота, а сейчас в памяти всплыли и последние мгновения в шаттле, особенно эта невероятная черная звезда. А отсюда следовало, что абсурдные на первый взгляд предположения пилота, как минимум, имеют право на существование. К тому же Круифф, как опытный профессионал, всегда предпочитал действовать исходя из реальных данных о ситуации, а не из теоретических предпосылок вроде той, что мол, этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. Версии пилота имелось вокруг множество подтверждений. Айвен плотнее прикрыл глаза и, продолжая прислушиваться к разговору, сформулировал первые выводы: «А) ощущаемая структура гравитационного поля, а также вид из окна позволяют предположить, что мы, скорее всего, находимся на поверхности планеты, причем планеты земного типа; Б) тактильный и зрительный анализ материала постельных принадлежностей, обивки стен, мебели, оконных рам и дверей, а также, предположительно, устройств для освещения и обогрева помещений позволяет предположить крайне низкий уровень развития технологии; В) судя по произношению и строению фраз, произнесенных вошедшей женщиной, население местности, где я нахожусь, пользуется несколько видоизмененным вариантом стандартного общепланетарного языка Голузи, причем некоторые особенности использования местоимений и артиклей дают основание предположить, что это устаревший вариант языка. Из этого следует, что до получения дополнительной информации гипотеза о временном провале становится основной».

Круифф несколько мгновений полежал неподвижно, со всех сторон рассматривая полученные выводы, потом тихонько вздохнул и открыл глаза. Женщина, хлопотавшая возле пилота, еще некоторое время не замечала, что еще один ее пациент пришел в себя, но пилот быстро отметил, что Айвен решил наконец обнародовать факт того, что он уже очнулся, и несколько театрально уставился на него, вытаращив глаза. Женщина резко обернулась и всплеснула руками:

– Ой, батюшки, еще один опамятовал, – она метнулась к нему, положила руку на лоб, взволнованно запричитала: – Говорить-то можешь, болезный? Круифф медленно кивнул и произнес:

– Да.

– О Господи, радость-то какая, побегу барина обрадую. – И она проворно скрылась за дверью.

Дождавшись, пока утихнут шаги сиделки, пилот наклонился вперед и спросил, но уже не на голуэйском, как в первый раз, а на англике:

– Ну, что надумали, профессор?

Круифф внимательно посмотрел на пилота. Этот паренек был так же похож на обыкновенного пилота орбитального шаттла, как лягушка на крокодила. С его способностью ориентироваться в ситуации он тянул никак не меньше, чем на оперсостав. Эта его идея обратиться к нему на голуэйском... да и сентенции о «рыночном варианте экономической организации» и «ограниченно распространенном в данное время примитивном летательном аппарате», как правило, не входят в словарный запас обычного пилота. Ну да ладно, с этим позже. Пока надо постараться убедительно сыграть свою роль. Он быстро спросил:

– Что вы рассказали обо мне?

Пилот пожал плечами:

– Не особо много. – Пилот скупно улыбнулся. – Я ведь по легенде почти ничего не помню даже о себе. Я признал в вас своего спутника. Вы – какой-то ученый, в какой области – не знаю. Иностранец, даже для меня. Я – механик и начинающий пилот, аэроплан не мой, а принадлежит этому аристократу, который и является нашим основным пилотом. – Он кивнул в сторону все еще лежащего в беспомощности майора и с усмешкой заключил: – Вот в принципе и все.

Круифф посмотрел на него с уважением. Похоже, этот парень сумел выжать максимум из сложившейся ситуации. И с майором он придумал неплохо. Вряд ли того можно было выдать за ученого, механика или кого-то подобного, а версия об эксцентричном путешествующем аристократе внушала доверие при первом же взгляде на могучее тело майора.

– Что они думают о нашей национальности?

– Не знаю. Естественно, с нашим вариантом голуэйского на местных мы не тянем. К тому же у вас немного другой акцент, и я был не уверен в вашем уровне языковой подготовки, поэтому и представил вас иностранцем и для нас тоже. – Пилот усмехнулся. – Вся проблема в том, что мы не имеем ни малейшего представления, какие еще языки существуют пока на этой планете, если существуют.

Круифф успел лишь кивнуть, потому что в коридоре послышались звуки шагов. Дверь распахнулась, и на пороге появился рослый человек лет сорока с небольшим, в домашнем халате и шлепанцах, со странным сооружением на носу и здоровым румянцем во всю щеку. Он остановился у двери и, окинув взглядом Круиффа, снова откинувшегося на подушки, сделал шаг вперед:

– Прошу прощения, господин... э-э-э... Круифф с усталым видом прикрыл глаза и заговорил слабым голосом:

– Вы есть наш гостеприимный хозяин?

Мужчина запнулся и несколько озадачено кивнул:

– Да... господин Паулин Максин, потомственный дворянин, действительный совет... то есть, прошу прощения, по нынешним временам просто господин Максин. – И он резко наклонил подбородок к груди в таком странноватом, но красивом подобии поклона.

Круифф облизал губы, стараясь, чтобы это выглядело как признак крайней слабости, и заговорил снова:

– Я должен выразить вам самую горячую благодарность. Мой юный друг успел мне немного рассказать. – Он страдальчески поморщился и из-под полуопущенных век внимательно оглядел хозяина.

Тот слушал его с серьезным и взволнованным лицом. Похоже, нравы здесь довольно просты и есть все шансы на то, что какое-то время им удастся держаться своей версии. Однако пауза затягивалась, и хозяин поспешил успокоить своего беспомощного гостя:

– Ничего, ничего. Не волнуйтесь. Вам надо отдохнуть. – Он несколько суетливо повернулся к стоящей рядом сиделке: – Павлина, давай-ка на кухню, пусть хоть кашки... Агафин, – он возвысил голос, – Агафин, распорядись там. – И тут же повернулся к Круиффу: – Прошу простить, но думаю, для вас сейчас покой – первое дело. – С этими словами он снова кивнул и, пятась со всей возможной при шлепанцах деликатностью, скрылся за дверью, которую бесшумно притворил за собой.

Как только шаги в коридоре стихли, пилот соскочил со своего ложа и, подойдя к кровати Айвена, присел на постель у изголовья:

– И что теперь?

Круифф отрывисто бросил:

– Обстановка, Коротко.

Пилот заговорил так же отрывисто:

– Война. Крупная. Большинство ведущих государств. Не закончена. Революция. Правящая династия свергнута. Попытка установить республику. – Слова сыпались и

сыпались не умолкая.

Когда сиделка вернулась с кашей, пилот уже опять лежал на своей кровати. Круифф послушно открывал рот и глотал мягкую разварную кашу, а голова была занята совершенно другим. Похоже, они капитально влипли.

Судя по всему, их выбросило как раз в точку перелома. В тот самый момент, когда история этого мира претерпела свои самые крутые изменения, которые и привели к тому, что Голуэя стала столь яркой социоэкономической аномалией.

К вечеру Круифф умело загонял добросовестную сиделку массой мелких и по большей части абсолютно бессмысленных просьб. Так что когда к вечеру весь обширный дом успокоился и затих – а спать здесь ложились по-деревенски рано, – сиделка уже едва держалась на ногах. Когда добрая женщина, закутавшись в толстую, тяжелую шаль, устало опустила на стоявший у стола стул, пилот приподнялся на кровати и, бросив на Айвена быстрый взгляд, заговорил глубоким, сочным голосом с едва заметными звенящими обертонами, так не похожим на его обычную речь:

– Отдохни, женщина, – пауза, – ты устала, – пауза, – приляг на кровать, – пауза, – приляг.

Женщина пошевелилась, повела вокруг невидящим взглядом, потом медленно поднялась и двинулась в сторону свободной кровати, стоящей у самой двери. Круифф мысленно присвистнул. Похоже, парень представляет собой настоящий черный ящик. Ну кто мог ожидать, что он владеет методикой психопринуждения? Между тем женщина уже добралась до кровати и все с тем же полусонным выражением лица присела на одеяло. Пилот снова заговорил:

– Ложись, – пауза, – ложись, – пауза, – спи, – пауза, – спи.

Минуты через две с кровати послышалось ровное дыхание крепко спящего человека. Пилот, бесшумно вскочив на ноги, осторожно подошел к погружившейся в сон женщине, несколько мгновений всматривался в ее лицо, потом повернулся к Айвену.

– Ну что ж, профессор, – сказал он, коротко усмехнувшись, – давайте уж познакомимся по-настоящему. – Он подошел к приподнявшемуся на постели Круиффу и, протянув ему руку, представился: – Юрий С. Постышев, старший лейтенант. Разведывательная служба флота. Управление специального планирования. – Губы пилота снова сложились в усмешку, в голосе слышалась легкая ирония. – Ну а что занесло в наши края такую важную птицу, какой у нас всегда считали федерального агента Круиффа?

Айвен чуть не икнул от неожиданности. Так вот почему ему так не понравились реакции посла! На несколько мгновений в комнате установилась полная тишина, потом Круифф тихо спросил:

– Вы знали это с самого начала?

Юрий кивнул:

– Мы знали о вашем приезде заранее. Информация из Центрального разведуправления поступила дня за три до вашего прибытия.

– И?... – спросил Айвен.

Старший лейтенант пожал плечами:

– Мы решили вам не мешать, – он окинул американца испытующим взглядом, – так как считали, что в данном случае наши интересы совпадают. – Русский замолчал, словно давая Круиффу время, чтобы оценить свою откровенность. Потом, не удержавшись, спросил: – Не поделитесь, что на Голуэе так привлекло ваше внимание?

Круифф инстинктивно поджал губы. Неужели этот русский думает, что... Но тут вдруг сообразил, что в ситуации, в которой они оба оказались, многие правила утратили силу. Конечно, если все случившееся не было какой-то изощренной провокацией русской контрразведки. Впрочем, хотя вероятность такого поворота и не следовало исключать полностью, после всего увиденного она представлялась достаточно малой величиной. К тому же возможно, русский прав. Вполне вероятно, что, в определенных границах, их интересы на Голуэе действительно близки. Во всяком случае, если они знали, кто он на самом деле, то вряд ли его задание представляло для них тайну за семью печатями. Круифф

криво усмехнулся:

– Наше управление получило информацию о том, что на Голуэе есть «гипербомба».

На лице русского выразилось удивление. Круифф пояснил:

– Мы называем «гипербомбой» любое устройство, которое может быть применено в военных целях, если уровень используемых в нем технологий способен нанести ущерб безопасности Американской федерации.

Юрий понимающе кивнул.

– Понятно. – Помедлив, он словно нехотя добавил: – У нас тоже появилась информация, что голуэйцы работают над генератором СВП большой мощности, – Он запнулся, в голосе зазвучало напряжение. – Очень большой, около ста гигаглоуб.

Круифф вздрогнул. Генераторов СВП сравнимой мощности во всей известной человечеству части Вселенной насчитывалось всего семь штук. Или восемь, если подтвердится информация о том, что такой генератор запустили индийцы. Но даже самый крупный из них, японский, обладал пиковой мощностью только в пятьдесят два гигаглоуба.

– Этого не может быть! Пилот хмыкнул:

– Может. Наши приборы несколько раз фиксировали всплески мощностью до восьми сотен килоглоуб. И, судя по форме импульса, это было всего лишь калибровкой управляющих контуров.

Круифф потерянно молчал. В комнате повисла напряженная тишина. Айвен покачал головой:

– И все-таки непонятно, как с такой примитивной технологией можно, к примеру, поднять на орбиту детали предускорителя, не говоря о прочем.

Русский ухмыльнулся:

– Они и не стали этого делать.

– Что?!

– Генератор смонтирован на поверхности планеты. – Русский с ухмылкой следил, как меняется в лице американец. – Вернее, под поверхностью, – уточнил он, – Наша лыжная база находится как раз над тоннелем разгонного блока предускорителя.

Айвен побледнел:

– Мой бог, да если они наберут даже десять процентов мощности, то разнесут всю планету.

Юрий досадливо поморщился:

– Если я не ошибаюсь, то наше появление здесь может означать, что они уже сделали это.

Они посидели молча, будто придавленные осознанием столь страшного факта. Наконец пилот деликатно кашлянул и, когда Круифф вновь повернулся к нему, заговорил:

– Ладно, похоже, все это в прошлом, вернее, в будущем, причем достаточно отдаленном. А нам надо определяться с настоящим. У вас есть какие-нибудь предложения?

Айвен упер в пилота внимательный взгляд:

– Как мне кажется, до сего момента вы прекрасно справлялись без моей помощи.

– Ай, бросьте, – произнес старший лейтенант. – Я читал ваше досье. У нас с вами несопоставимый уровень. Я всего лишь младший оперсостав, а здесь, похоже, представляется возможность переписать историю этого мира.

Эк загнул. Круифф удивленно посмотрел на собеседника. А ведь у этого молодого человека непомерные амбиции. Если бы они каким-то образом смогли вернуться в свое время, он бы посоветовал начальнику этого старшего лейтенанта отправить его на углубленную психологическую экспертизу. Впрочем, если они не ошибаются, то в ИХ времени вокруг центрального светила этой системы стремительно распространялся чудовищный вихрь СВП-аномалии.

– Послушайте, Юрий, я бы не советовал вам увлекаться подобными идеями. Векторная теория времени Плазова – Майнца, конечно, слишком далека от конкретики, но, если отбросить всяческие бредни о параллельных временных потоках, из нее явственно следует, что глобальные узлы закреплены во времени практически намертво. Так что в данном

случае у нас только один выход – попытаться свести факторы нашего влияния на события к минимально возможному уровню. Иначе генеральная воплотившаяся вероятность нас просто сомнет. – Он сделал паузу и веско заключил: – Все, что сейчас происходит на Голуэе, уже произошло, и с этим ничего поделать невозможно.

Пилот немного помолчал, словно раздумывая.

– Что ж, возможно, вы и правы. – Он хитро улыбнулся. – Хотя еще посмотрим, удастся ли вам убедить в этом майора.

Айвен удивленно покосился на лежащую на соседней кровати глыбу мышц:

– И в чем вы предвидите главную трудность? Юрий с деланным равнодушием пожал плечами:

– Просто предки майора были почти полностью уничтожены в мясорубке наподобие той, что набирает сейчас обороты на этой планете... И я знаю его отношение к тому, что здесь творилось в НАШЕ время.

* * *

Через два дня Айвен начал вставать и ходить по комнате. Вообще-то он мог подняться с постели еще в первый день, хотя, честно говоря, чувствовал себя не очень хорошо, да к тому же, по его плану, следовало немного поиграть роль обессиленного больного. До тех пор, пока они не почувствуют себя готовыми покинуть своего гостеприимного хозяина и затеряться на просторах этой обширной страны.

Пока все шло хорошо. Со своими родными странами они более или менее определились. У их хозяина была очень неплохая домашняя библиотека, и пилот, умница, как только очнулся и немного разобрался в обстановке, тут же выпросил разрешение в ней покопаться. Так что с этим проблем не было. Имена себе подобрали тоже, клинику постшоковой амнезии Айвен знал достаточно хорошо, чтобы попытаться поводить за нос местную современную медицину с некоторыми надеждами на успех. Самая большая сложность была с «родным» языком. Оставалось надеяться, что в эти смутные военные времена им удастся достаточно долго избегать встречи со своими мнимыми соотечественниками. Впрочем, на этом опасности не заканчивались. Из той скудной информации, которой они обладали, можно было сделать вывод, что их хозяин принадлежит к сословию потомственной аристократии. А на данном уровне развития цивилизации аристократы, как правило, были людьми достаточно образованными, и в их среде знание одного, а чаще даже нескольких иностранных языков являлось скорее закономерностью, чем исключением. Так что Круифф решил пока особо не форсировать события и попытаться потянуть время хотя бы до того момента, пока не очнется майор. Айвен, вслед за пилотом, с легкостью получил доступ к библиотеке хозяина дома и за пару вечеров с помощью словарей набрал достаточный словарный запас «водного» языка. Что-то около пяти-шести тысяч слов. Вся беда была в том, что Айвен не имел ни малейшего представления ни как звучат эти слова, ни каковы особенности грамматики и строения предложений. Не меньшие трудности были и с профессией. Из специальной литературы в библиотеке хозяина основное место было отведено трудам по финансовому и банковскому делу, в которых Круифф, будучи неплохим специалистом по этому вопросу, разобрался довольно быстро. Но выдать себя за финансиста не представлялось никакой возможности. Ведь знакомство с основами финансового и банковского дела да зачатками экономической науки – это одно, а практика – совсем другое. В любой области деятельности люди вырабатывают определенные навыки взаимоотношений, свой специфический жаргон и иные вещи, облегчающие им взаимопонимание. А поскольку, как Айвен уже успел выяснить, их гостеприимный хозяин являлся одной из крупных финансовых фигур этой страны, шансов на то, что ему удастся хоть сколько-нибудь убедительно выдать себя за специалиста в этой области, у него не было. То же произошло и с другими, более или менее подходящими областями деятельности. Иные были пока недоступны по схожим причинам, другие просто еще не существовали, как, например, прикладная электроника. С той же

проблемой столкнулся и Юрий. Несмотря на все его фундаментальные для данного уровня развития науки знания по аэродинамике, метеорологии и динамике газовых сред, отсутствие малейшего представления о конструкции и порядке работы примитивных механических двигателей портило всю обедню. А его боевые навыки, так же как и познания в криптографии и иных сугубо специфических дисциплинах, скорее могли внушить подозрение. Но главное было не в этом. Основная проблема заключалась в майоре. Пилот пришел в себя спустя сутки после того, как их обнаружили и привезли в этот дом.

Айвену понадобилось еще около трех суток. Майор же до сих пор не очнулся. А это означало, что в случае каких-либо неприятных неожиданностей они полностью лишены свободы маневра. Для того чтобы просто сдвинуть майора с места, требовалось, как минимум, двое крепких мужиков. Не говоря уж о том, чтобы попытаться его куда-либо транспортировать. К тому же подобное несоответствие размеров и массы тела неизбежно привлекло бы излишнее внимание. Сиделка и та все время охала:

– Нет, ну дюже тяжел. Это какая ж баба его выдюжит?

К концу недели, имевшей здесь продолжительность, к удивлению Айвена, как и на Земле, семь дней, в усадьбу начали съезжаться гости. Некоторые из них были пилоту уже знакомы, поскольку присутствовали в доме как раз в тот день, когда Юрий очнулся, и, кроме того, за время, прошедшее после, пилот успел раздобыть массу полезной информации о гостях и домочадцах хозяина. Для человека, обладающего навыками ситуативного допроса, получить необходимую информацию, как правило, не составляет особого труда. Проблемы могут возникнуть только в том случае, если собеседник просто молчит. Но дворовые, конюхи, кузнецы и иная прислуга в разговор вступали охотно. А общие темы во все времена очень похожи. И потому после пары дежурных фраз о том, что «время ноне смутное, тяжкое» либо «молодежь таперя совсем от рук отбилася», разговор шел по накатанной колее. За несколько дней они успели собрать приличное досье на большую часть тех, кто должен был здесь появиться. А появиться должны были многие, поскольку семья их гостеприимного хозяина в ближайшие выходные должна была возвратиться после отдыха на водах.

* * *

Вечером последнего рабочего дня недели, когда в распахнутые ворота усадьбы, замыкавшие длинную, протяженностью около трехсот ярдов, аллею, обсаженную могучими деревьями с аккуратно подстриженными, шарообразными кронами, показались гордые профили ухоженных лошадок первой упряжки, Айвен и Юрий сидели, уютно пристроившись у небольшого оконца на узкой лестнице, ведущей на чердак.

Гости съезжались косяками. Юрий называл тех, кого он успел запомнить с прошлого раза, или высказывал предположение о том, кто это может быть из тех, о ком он разузнал от прислуги. А Айвен, слушая вполуха, пытался хотя бы в общих чертах смоделировать варианты развития сегодняшнего вечера. Во всяком случае, по его прикидкам, существовала очень большая вероятность того, что он в ближайшее время подвергнется дотошным расспросам, мягко завуалированным под светскую болтовню за теплым, дружеским ужином. Однако вопреки его ожиданиям вечер и ночь прошли спокойно.

Утром, часа через полтора после завтрака, их вновь соизволил посетить лично хозяин дома. Он появился на пороге в сопровождении дородного мужчины, на лице которого играла добродушная улыбка, судя по строению лицевых мышц, пребывавшая там почти постоянно.

– Доброе утро, господа, позвольте представить вам господина Пантюше, профессора медицины, известного хирурга и моего доброго знакомого.

Круифф и пилот, коротавшие время на своих кроватях, обложившись подшивками популярных журналов и газет за последний год, изобразили нечто вроде сидячего поклона, причем в соответствии с избранными ролями у Юрия поклон вышел несколько заискивающим, а Айвен и в столь неудобной позе ухитрился изобразить что-то вроде

благоклонного приветствия собрата-ученого. Профессор не стал тратить время зря и тут же взял быка за рога:

– Нуте-с, батеньки мои, уж позвольте мне немного вас потревожить.

Осмотр был достаточно тщательным, но, с точки зрения землян, привыкших к несколько иным процедурам медицинского контроля, не более чем поверхностным. К тому же Круифф умудрился изобразить замедленную реакцию зрачка, а пилот проделал то же самое с коленным рефлексом, так что к концу осмотра профессор выглядел немного озабоченным. Впрочем, ненадолго. Когда, сложив свои примитивные инструменты в громоздкую кожаную сумку, он откинулся на спинку стула, его лицо снова приобрело прежнее добродушное выражение.

– Ну что ж, неплохо, очень неплохо. Конечно, реакции пока еще несколько замедленны... Впрочем, чего-либо такого и стоило ожидать, но... – он внимательно посмотрел на Айвена, – вы по-прежнему ничего не помните?

Круифф явственно почувствовал запах жареного. Пожалуй, он несколько недооценил возможности местной медицины. Похоже, профессор применил к нему какой-то из местных тестов, и он где-то прокололся.

– Крайне смутно, профессор. Кое-что начинает проявляться, но я скорее назвал бы это... видениями, а не, воспоминаниями.

– М-гм, ну-ну, очень может быть. – Профессор выглядел несколько озадаченным, и Круифф укрепился в своих подозрениях. Однако мгновение спустя добродушное лицо посетителя озарила привычная улыбка, и он повернулся к хозяину дома: – Паулин, твои гости выглядят явно окрепшими, так что я, пожалуй, пойду, отдам должное запеканке. – И он, в обычном здесь стиле, поклонившись присутствующим, быстрыми шагами вышел из комнаты.

Хозяин проводил его несколько недоуменным взглядом, а потом повернулся к Айвену:

– Еще раз прошу простить за беспокойство, но вчера вечером возвратились с вод мои домашние, и по сему поводу у нас в доме, как вы уже, наверное, заметили, собралось довольно большое общество. Так что я собирался просить вас сегодня, если, конечно, господин Пантюше не сочтет это угрозой вашему здоровью и душевному равновесию, непременно с нами отобедать.

Круифф благодарно поклонился в местной манере. Он был готов к подобному повороту событий еще с вечера.

– Покорно благодарю. Я с удовольствием принял бы ваше предложение, но мой костюм...

– О, какие пустяки, – хозяин дома всплеснул руками, – мы с вам почти одного телосложения, а у меня есть несколько запасных костюмов. Практически новых, ненадеванных. Так что, ежели вы не побрезгуете, я пришлю сиделку с одним, чтобы она вам его подогнала. – Он выжидательно посмотрел на Круиффа и, получив его благосклонный кивок, торопливо добавил: – Конечно, вас больше устроило бы что-нибудь из ателье, но я не был уверен, что вам уже можно...

– Ну что вы, что вы. Мне очень приятно.

Обмен любезностями продлился еще не менее двух минут, после чего господин Максин наконец откланялся. Как только за хозяином закрылась дверь, Круифф повернулся к пилоту. Тот еще какое-то мгновение сидел на кровати с закрытыми глазами, потом рывком вскочил на ноги:

– Хозяин зовет нашу сиделку. Больше ни души ближе сорока шагов.

Круифф кивнул:

– Ну и что ты об этом думаешь? Пилот покачал головой:

– Похоже, мы их недооценили.

– И что теперь?

Юрий улыбнулся:

– Великий Круифф у нас ты.

Айвену было не до шуток.

– Послушайте, молодой человек, последние двадцать лет я был всего лишь жалким кабинетным червем, а сейчас нам требуются способности хорошего полевого агента.

Пилот на мгновение задумался, на его лице продолжала играть улыбка.

– Возможно, вы правы, сэр, но все дело в том, что, что бы я ни придумал, первую скрипку придется играть именно тебе. Поскольку за обеденным столом со всеми этими господами будешь сидеть именно ты. – Он замолчал, прислушиваясь. – У нас больше нет времени. Сюда идет сиделка.

Процесс подгонки костюма неожиданно оказался чрезвычайно трудоемким и, с небольшими перерывами, занял все остававшееся до обеда время.

Наконец Круифф, с которого за это время сошло семь потов, одернул странный кургузый пиджак, сшитый из нескольких слоев различных растительных волокон и, по его мнению, сидевший на нем как на корове седло, примял подбородком стоячий воротник, перетянутый тонким шнурком галстука, нервно оправил толстые мнущиеся брюки и раздраженно покосился на стоящую рядом сиделку. Та, заметив его взгляд, соорудила довольную мину и, всплеснув руками, зачистила:

– Нет, ну прямо красавчик писанный, – и принялась оглаживать полы пиджака и расправлять воротник.

Круифф раздраженно фыркнул, собираясь сказать что-то резкое, однако сдержался и, бросив на флегматично развалившегося на кровати пилота напряженный взгляд, еще раз подвигал плечами, пытаясь свыкнуться с непривычными ощущениями, и направился к двери.

Обед был накрыт на первом этаже, в просторном зале с эркером, в большие окна которого меж толстых рам било не по-осеннему яркое солнце. Все, по-видимому, уже собрались, ждали только его.

Спасибо хозяину дома – ритуал представления оказался неожиданно кратким и необременительным. Господин Максин наскоро представил его своей супруге и старшей дочери – юной симпатичной особе, тут же уставившейся на Круиффа любопытными глазами, а потом вывел его к середине зала и громко объявил:

– Господа, это профессор Кройф. О необычных обстоятельствах его появления в моем доме вы все изрядно наслышаны. Прошу простить, но профессор еще не совсем здоров, и потому я не смею излишне утомлять его представлением всех присутствующих. – Он сделал паузу и радушно закончил: – А сейчас – прошу к столу.

Круиффа усадили между хозяйкой и юной леди, которой просто не сиделось на месте от любопытства, так что она с трудом дотерпела до первой перемены. Стоило слуге лишь на мгновение заслонить девицу от бдительного ока маменьки, как она наклонилась к Круиффу и зашептала:

– Скажите, профессор, а вам было страшно лететь на аэроплане?

Айвен чуть не поперхнулся. За те пятнадцать минут, что он провел за выглядевшим так невинно обеденным столом, он уже весь взмок от напряжения – ему и в голову не могло прийти, сколько испытаний поджидало его здесь. На свое счастье, он за свои сорок два года службы успел побывать на приемах в доброй сотне различных особняков, посольств и дворцов, а потому довольно быстро освоился с несколько непривычными столовыми приборами (странная закорючка на спице, поначалу поставившая его в тупик, оказалась ножом для разделки рыбы, а узкий витой хрустальный рожок на ножке был вовсе не предназначен для того, чтобы из него пить, а являлся чем-то вроде личного настольного ароматизатора). Однако, когда Айвен повернул лицо к девушке, на его лице играла легкая светская улыбка. – Нет, эсс, – тут он склонился к ее изящному ушку, – вернее, я никому не признаюсь в этом.

Девушка прыснула в кулачок, но, поймав укоризненный взгляд матери, посерьезнела и склонилась к тарелке. Однако выдержала она недолго:

– А куда вы летели?

– Извините, эсс, это секрет.

Девушка разочарованно поджала губки, но своих попыток не оставила. Как оказалось,

это было только разминкой. Спустя час, когда подали десерт, разговор за столом сделался общим. И Круифф, на которого один за другим посыпались вопросы, почувствовал себя как угорь на сковородке. Но самое серьезное началось немного позже, когда дамы покинули обеденный зал.

Сначала ничто не предвещало грозы. После ухода женщин слуги внесли маринованную баранину и салатницы с монсоксским салатом, который из-за обилия чеснока считался чисто мужским блюдом и, кроме того, хорошей закуской. Поэтому следом на столе появились и запотевшие бутылки с прозрачной жидкостью, явно имевшей своей основой продукт глубокой перегонки, а мужчины пересели поближе друг к другу. После каждой рюмки разговор становился заметно громче, так что, когда этот военный задал свой вопрос, Круифф не сразу понял, что он обращается именно к нему. Но над столом тут же повисла полная тишина. И новый вопрос прозвучал неестественно громко:

– Не правда ли, господа, амнезия господина профессора имеет чрезвычайно избирательный характер?

На взгляд Круиффа, это могло быть принято и за комплимент. Поскольку подразумевалось, что его сверстанные на живую нитку манеры приняты обществом и у окружающих, во всяком случае у большинства, остался только один невыясненный вопрос. И все же на выпад следовало как-то отреагировать.

Айвен медленно опустил руки на стол и, разогнув пальцы, выпустил нож и вилку. Потом вытащил салфетку из-под тесного воротника узкой, жесткой, словно панцирь, рубашки, которая, ко всему прочему, в отличие от тех, к которым он привык, совершенно безобразно аккумулировала весь пот, выступающий на теле, и распространяла его по еще вроде бы сухим местам, и старательно вытер губы. Небрежно бросив салфетку на стол, Айвен поднял глаза на задавшего вопрос:

– Прошу прощения, господин...

– Барон Эксгольм, полковник Генерального штаба, к вашим услугам.

– Благодарю вас. Значит, вы подозреваете, что я, специально, по каким-то одному мне известным причинам, симулирую потерю памяти? – Произнеся последнее слово, Круифф резко вскинул глаза и упер в саркастически улыбающегося полковника свои сузившиеся зрачки.

Навыки психопрессинга, как, впрочем, и защиты от него, слушатели академии Бюро стратегической информации должны были усвоить еще к концу первого семестра. А последующая служба предоставила массу возможностей для их шлифовки. Улыбка сползла с лица полковника, как банановая кожура. Его губы беззвучно шевелились, словно пытаясь что-то сказать, кадык судорожно дергался. Айвен отвел глаза. В комнате воцарилась напряженная тишина. С легкой улыбкой Айвен обвел присутствующих лукавым взглядом:

– В таком случае я должен сказать вам следующее – вы... правы.

Над столом пронесся изумленный вздох. Щеки полковника залило лихорадочным румянцем. Подавшись вперед, он хрипло проговорил:

– И как вы это объясните? Круифф, откинувшись на спинку стула, отрицательно покачал головой:

– Да никак. Этого я делать не собираюсь.

– Делать чего?

– Объяснять.

Барон Эксгольм, усилием воли взяв себя в руки, саркастически улыбнулся:

– Ну, это зря. Возможно, вы забыли, что идет война и...

Круифф не дал ему договорить. С коротким смешком он махнул рукой:

– Бросьте, полковник. Не стоит меня пугать. Не думаю, чтобы вы так плохо разбирались в людях, чтобы не понять – со мной это не пройдет. – Он посмотрел долгим взглядом на барона. – Я вовсе не собирался вас раздражать своим... упрямством. Просто я НЕ МОГУ ничего рассказать.

– Вам мешает присяга?

– Нет. Слово честного человека. О присяге скорее уместно говорить моему спутнику,

но... я не вправе говорить за него. Вам придется подождать, пока он очнется. Полковник с сомнением покачал головой и, стараясь не встречаться взглядом с Круиффом, пробормотал:

– В таком случае бьюсь об заклад, что вам довольно скоро придется давать объяснения во Втором департаменте Генерального штаба.

За столом снова воцарилось молчание. Его нарушил Круиффф, негромко спросив:

– Правильно ли я понял из ваших слов, что и вы, полковник, имеете отношение к Генеральному штабу?

Тот молча кивнул. Круиффф, не говоря больше ни слова, скользнул взглядом по напряженным лицам сидевших за столом. Решив наконец, что обстановка созрела, он проговорил, стараясь, чтобы его голос звучал спокойно и убедительно:

– Господа, поскольку успешный исход той, смею заверить, чрезвычайно важной миссии, в которой я имею честь принимать участие, в настоящий момент оказался под угрозой, и именно из-за особо секретного ее характера, могу ли я обратиться к вам с предложением?

Ответом ему было молчание, которое явно можно было рассматривать как знак согласия.

– Я бы хотел предложить вам выбрать из своей среды достойное лицо, которому я мог бы предоставить доказательства абсолютной лояльности нашей миссии по отношению к вашей стране.

– А почему не всем? – скептически проворчал полковник.

Айвен непреклонно покачал головой:

– Нет. Миссия должна оставаться максимально секретной.

Некоторое время все молчали, раздумывая, потом заговорил хозяин дома:

– Поскольку, господин профессор, вы сами предложили это, мы готовы подчиниться вашему выбору.

Круиффф ответил универсальным полупоклоном, что, как показала реакция присутствующих, считалось здесь вещь совершенно естественной.

– Ну что ж, раз уж этот разговор начал барон Эксгольм и, как я считаю, его невозможно заподозрить в излишней ко мне доверчивости, пусть это будет он.

Судя по живой, хотя и сдержанной, реакции присутствующих, это был правильный ход. Однако справиться со скептицизмом полковника, помноженным к тому же на уязвленное самолюбие, было не так-то просто.

– И какие же доказательства вы можете представить? Ведь, насколько я наслышан, вас со товарищи нашли в лесу абсолютно голыми и без единого клочка бумаги.

Айвен многозначительно улыбнулся:

– Как мне кажется, это уже только мои проблемы. Главное, чтобы вы сочли эти доказательства достаточно убедительными.

Господин Максин тут же воспользовался моментом, чтобы разрядить напряженную обстановку:

– Действительно, господа, давайте пока отложим эту тему. Я предлагаю перейти в курительную.

Когда все поднялись из-за стола, полковник оказался рядом с Круифффом:

– Ну, и когда же вы собираетесь представить мне эти доказательства?

Круиффф повел глазами по сторонам и, убедившись, что, несмотря на всеобщий интерес к ним обоим, рядом нет никого, кто мог бы расслышать их разговор, сказал:

– Немедленно если вы согласитесь подняться в мою комнату.

Способностям пилота в области психопринуждения он доверял больше, чем своим собственным.

* * *

Двигатель кашлянул, выплюнул мутную, сизую струйку дыма и зарокотал на малых оборотах, сотрясая машину мелкой дрожью. Пилот еще несколько мгновений вслушивался,

потом разогнулся и уже привычным движением вытер руки изрядно замасленной ветошью. Похоже, этот вонючий, неуклюжий и нелепый механизм под названием двигатель внутреннего сгорания наконец-то ему покорился. За спиной послышался голос старшего механика:

– Завел, значит...

Юрий повернулся и, мгновенно натянув на лицо выражение искренней радости с оттенком подобострастия, бодро ответил:

– А как же, Прон Акиевич. Я ж обещал. Старший механик обошел машину кругом и заглянул под задранный капот с другой стороны:

– А это что?

Пилот смущенно потупился:

– Да это так, придумка одна, чтоб искра ровнее была.

Старший механик куснул ус и задумчиво покачал головой:

– Ну-ну, посмотрим на твою придумку, – после чего повернулся и величественно проследовал в свою каморку, притулившуюся к стене в дальнем конце гаража.

Юрий проводил его взглядом, стер с лица подобострастную улыбочку и, сунув ветошь в наколенный карман своего засаленного комбинезона, снова нырнул под левый капот старого авто.

Они с американцем покинули поместье господина Максина три месяца назад. На следующий день после званого обеда. В тот знаменательный вечер он провел лишь самую поверхностную обработку полковника Эксгольма, поскольку резкое изменение его позиции от полного неприятия до абсолютного доверия выглядело бы слишком подозрительно. Поэтому после краткой беседы, основным достоинством которой было не содержание, а сочетание инфразвуковых ритмов, полковник вызвался прислать за ними на следующий день авто, чтобы отправиться туда, где они смогут представить достаточно убедительные доказательства.

Все прошло по плану. От получасового разговора в Отдельном кабинете роскошного ресторана у полковника осталось только ощущение того, что предъявленные доказательства связаны с тайнами короны, да еще смущение от собственной забывчивости, явившейся, очевидно, следствием глубокого впечатления, произведенного тем, что ему было предъявлено.

Барон Эксгольм оказался ценным приобретением.

Он был выходцем из небольшой, но довольно сплоченной общины северных приморцев, из-за своей малочисленности уже давно тесно связанных родственными узами. Большинство представителей этой общины, несмотря на иноземные корни, служили престолу суверена уже на протяжении многих поколений, а потому барон имел весьма обширные связи во всех сферах общества. Благодаря этим связям им обоим удалось почти мгновенно найти работу. Юрия устроили шофером в гараж штаба военного округа, а Круиффу, как представителю науки, была предложена должность консультанта при городской телефонной компании. Это назначение открывало чрезвычайно широкие возможности и при надлежащем их использовании могло помочь им не только быстро и естественно вписаться в здешнее общество, но и занять в нем достойное место. Однако американец был больше занят подготовкой надежного пути ухода за границу. Поскольку состояние дел здесь приобретало все более зловещий оборот. Заводы стояли, рынки пустели, железнодорожный транспорт ходил с перебоями. Полицейского можно было отыскать только на нескольких центральных улицах, да и то с большим трудом. На рабочих, да и на мещанских, окраинах появились группы вооруженных людей, называвших себя «народными патрулями» и подчинявшихся, впрочем зачастую чисто номинально, так называемым Комитетам действия. Военные патрули пока еще появлялись время от времени на центральных вокзалах, но на дезертиров уже никто не обращал внимания. Резервные части, стоявшие лагерями верстах в десяти от города, постоянно митинговали, то поддерживая, то отвергая своих командиров. Зато появилось дикое количество неизвестно кем издававшихся газет, бульварных листков и прокламаций. Деньги стремительно обесценивались, и

крестьяне, пока что еще появлявшиеся на рынках, все чаще не соглашались брать деньги за товары, а настаивали на обмене. Эта страна неукротимо катилась в пропасть. Но... они были прикованы к ней. Пока не очнется майор.

* * *

В этот вечер Юри (он взял себе этот созвучный своему настоящему имени псевдоним, так как среди людей избранной им национальности его новое имя изредка встречалось) подзадержался на работе. Сегодня у него было приподнятое настроение, поскольку, после двухнедельных усилий, ему удалось-таки вдохнуть жизнь в старенький «ролкс», а это означало, что он начал потихоньку осваиваться со здешними примитивными средствами передвижения. Иной раз дивясь тому, как можно было усложнить такие простые вещи.

Когда он, кивнув сторожу, престарелому отставному солдату-инвалиду, вышел за ворота, солнце уже давно село и на небе зажглись столь знакомые по прежней жизни созвездия. Он постоял, с наслаждением вдыхая свежий морозный воздух, после гаражной вони казавшийся сладким, отыскал небольшую туманность у северной оконечности созвездия Львиный Коготь, за которой находилась Земля, а потом не торопясь двинулся вверх по переулку. В это время вагоны конки уже не ходили, и он решил срезать путь.

Юрий успел отойти от ворот гаража шагов на триста, когда навстречу ему из-за угла покосившегося забора, нещадно скрипя сапогами, появились четверо сутулых мужиков. У двоих торчали из-за плеча короткие кавалерийские штуцеры. Старший, грузный бородатый мужик в грубой солдатской шинели и грязной хлопковой папахе, резко затормозил и, положив руку на болтающуюся на брюхе кобуру, нагло уставился на Юрия:

– Эй, ты кто такой? Судя по тону, он был настроен довольно воинственно.

И причина этого настроения явственно ощущалась уже с расстояния пяти шагов. Юрий поморщился, ему сейчас совершенно не хотелось влипнуть в какие-нибудь неприятности. Поэтому он остановился и демонстративно выставил вперед раскрытые ладони:

– Прошу прощения, я простой механик из гаража штаба округа. Позвольте мне пройти, господа.

Он уже достаточно усвоил местный диалект, чтобы не опасаться, что его примут за иностранца.

– А-а-а, – старший осклабился, – офицерье возишь, шкура. – Он бросил взгляд на остальных, сгрудившихся за его спиной, и снова повернулся к Юрию.

Тот спокойно смотрел на них. С его уровнем подготовки четверо неуклюжих мужиков не представляли для него никакой опасности.

– Ну, че молчишь, офицерьев прихвостень?

– А разве ты о чем-то спросил? – Юрий неожиданно почувствовал, как в нем поднимается злость. – Мне показалось, что тебе просто захотелось побрехать, как заскучавшему псу.

Старший вытаращил глаза. Он никак не ожидал от этого сухощавого молодого парня подобной наглости. В его неповоротливом мозгу мелькнула смутная мысль, что этот странный тип, бог знает почему, может быть опасен. Иначе с чего этот плюгавик не боится четверых вооруженных мужчин. Но тут ему подумалось, что, может быть, этот парень просто не заметил у них оружия. Нарочитым жестом старший передвинул висевшую на поясе кобуру. Они постояли еще минуту, молча пялясь друг на друга, и за это время винные пары окончательно унесли все опасения из головы старшего. А когда до него дошло, что его авторитету в глазах подчиненных нанесен существенный урон, его охватило бешенство. Вся эта игра мыслей так ясно читалась на его лице, заросшем недельной щетиной, что Юрий не выдержал и рассмеялся. И этот смех окончательно вывел старшего из себя.

– А ну к стене! На колени! – Старший выхватил барабанник и попытался ударить этого наглеца тяжелой рукоятью по голове, но тот необъяснимым образом вдруг переместился вбок и после неуклюжего удара старшего, пришедшегося в пустоту, оказался у него за

спиной. Мужик завертелся, пытаясь обнаружить внезапно исчезнувшего противника. – Эй, ребята, а ну покажите ему, что значит спорить с «народным патрулем»!

Ребята начали суетливо приводить себя в боевую готовность. Двое заклацали затворами штуцеров, а третий, которому, видимо, просто не хватило огнестрельного оружия, выхватил из-под полы заношенного суконного пальтишка полуметровую дубинку со вбитыми в толстый конец гвоздями и неуклюже ею замахнулся. Юрий почувствовал, что кровь в его жилах стремительно ускоряет бег, и мягким движением скользнул к нему.

Схватка напоминала одновременно балет и избиение. В этом мире вряд ли существовали школы, где можно было бы обучиться хотя бы начаткам тактики схватки с несколькими противниками, а составляющие того, что впоследствии станет несокрушимым искусством рукопашного боя, были размазаны по многочисленным национальным видам борьбы или оставались случайными находками любителей уличных драк.

Через две минуты все было кончено. Юрий еще несколько мгновений молча постоял, потом тряхнул головой, будто прогоняя наваждение, тяжело вздохнул и склонился над лежащими телами. У старшего была сломана шея, у двоих проломлены виски, а того, что с дубиной, он прикончил прямым ударом, вогнав ему в мозг носовую кость. Юрий вздохнул. Черт, по-видимому, этот скачок во времени оказался для него не таким безобидным, как он раньше считал. Как быстро он потерял контроль над собой!

Когда он вошел в подъезд доходного дома, в котором они с Круиффом снимали две меблированные комнаты по соседству, старенькие, поцарапанные ходики в глубине привратницкой показывали уже половину первого. Старичок привратник привычно дремал у своего окошка, не проснувшись даже от резко клацнувшего замка входной двери.

Круифф его ждал. Как только Юрий открыл скрипучую дверь своей комнаты, соседняя распахнулась, и американец, одетый, согласно местным традициям, в халат и кальсоны, возник на пороге. Проводив взглядом объемистый сверток, который его сосед заволок в комнату, Айвен быстро бросил взгляд в один конец коридора, потом в другой и молча вошел вслед за русским в его жилище:

– Что это?

Юрий, не говоря ни слова, скинул поношенный полушубок, купленный на местной барахолке по сходной цене, и, взяв кусок местного мыла, изрядно пахнущего щелочью и козлиным жиром, двинулся в сторону общего туалета, находящегося в конце коридора, бросив на ходу:

– Посмотри сам.

Когда он вернулся, американец сидел на единственном в комнатке колченогом стуле и попыхивал местной дешевой сигареткой, а перед ним на столе лежал разобранный револьвер местного производства. Здесь его называли барабанник.

Юрий молча переоделся, зажег чадающую керосиновую плитку и, вытащив из-за форточки кастрюльку с превратившимся в лед вчерашним постным супчиком, поставил ее на огонь.

– Откуда это? – спросил Айвен.

Юрий поморщился:

– Так получилось. Потерял контроль. Круифф понимающе кивнул. Они помолчали, потом вдруг Юрий с неожиданным жаром заговорил:

– Понимаешь, не могу видеть, что они вытворяют со своей страной. Люди будто походили с ума или потеряли инстинкт самосохранения. Ты же знаешь, в нашей истории тоже было что-то подобное, хотя я всегда считал, что у нас все происходило гораздо... пристойнее, что ли. Во всяком случае, со стороны тех, кто делал революцию. К тому же это было так давно, что... Знаешь, это был один из самых тяжелых и противоречивых периодов нашей истории. С одной стороны, мы стали в то время одним из двух самых сильных государств планеты, а с другой... ежедневно убивали тысячи своих людей, причем большинство ни за что, просто чтобы поддерживать в остальных нужный накал чувств.

Круифф покачал головой:

– Моя страна на своем пути тоже прошла множество тяжелых моментов, но мы не

имеем привычки так остро реагировать на столь отдаленные во времени события. Юрий криво усмехнулся:

– Ну, большинство из нас тоже. Интерес к тем событиям, как правило, захлестывает империю волнами. Это происходит, особенно когда приближается какая-нибудь круглая дата. Возможно, я реагирую на все происходящее столь остро, потому что во время последней такой волны рядом со мной оказался майор. А для него то время вообще как будто совсем рядом. Он, благодаря семейным преданиям, можно сказать, живет в нем. Знаешь, жаль, что он еще в коме... Он отдавал той эпохе каждую свободную минуту. Мне всегда казалось, что он просто фанатически предан тому времени... фанатичнее даже, чем его семья. – Юрий вздохнул, на короткое время в комнате установилась тишина. – А сейчас мне кажется что я его понимаю.

– Но ведь это не ваша империя и даже не Земля? – сказал Айвен.

Юрий молчал. Американец передернул плечами:

– Что ты узнал?

– Сегодня еще в двух частях, Центральном авиаотряде и Второй самокатной роте, на общей сходке отстранены командиры и созданы Комитеты действия. А это, с учетом того, что Второй маршевый полк, под охраной которого находятся склады боеприпасов и снаряжения округа, сформировал собственный Комитет действия еще в начале недели, означает, что, если в городе начнутся беспорядки, у штаба округа уже не будет не то что достаточных, а вообще НИКАКИХ войск для их подавления. Счет времени пошел уже на дни.

Круифф молча собрал барабанник, бросил его к остальному оружию и заговорил, спокойно и жестко:

– Сегодня пришло сообщение из северной столицы. Правительство князя Эйгена низложено, власть перешла к «Национально-патриотическому единению». Всем местным органам «старого режима», – он выделил голосом эти два слова, – предложено сложить с себя полномочия и передать их местным Комитетам действия.

Юрий вскинул голову:

– Ха! Началось. Айвен молча кивнул:

– Я думал, что у нас будет больше времени, но... Мы должны как можно скорее покинуть эту страну.

Юрий смотрел перед собой отсутствующим взглядом. Круифф внутренне поморщился – он не любил, когда на лице его собеседника появлялось такое выражение, но время поджимало, а потому он перешел к делу:

– На тебе лежит обеспечение финансовой базы наших дальнейших действий. – Он выжидательно посмотрел на своего более молодого собеседника.

Юрий сидел, задумчиво глядя в темное окошко, расписанное морозными узорами.

– А знаешь, я ведь родился на Луковом Камне, – заговорил он словно в забытии, – и впервые увидел настоящую зиму только на Земле, когда учился в академии, в Екатеринбурге. Наша полевая база располагалась под Якутском. Несколько бревенчатых изб-пятистенок и такие же маленькие окошки с деревянными рамами... – Юрий замолчал.

Айвен досадливо нахмурился. Ох уж эти русские. Сейчас, когда они попали в жестокий цейтнот и времени до того, как все вокруг превратится в хаос, остается все меньше и меньше, его, видите ли, потянуло на лирику.

– Хорошо. Я понял, – сказал, встряхнувшись, Юрий, – Что я должен сделать?

Круифф вытащил руки из карманов халата и разложил на столе сложенный лист карты, пачку ассигнаций и схему, начерченную на листке папиросной бумаги:

– Если наши brave революционеры не успеют ничего порушить, то через четыре дня из столицы выйдет специальный курьерский поезд. Кроме всего прочего, в нем будет специальный вагон Государственного банка. Плановая перевозка наличности в местное отделение. Он должен привести почти полтора миллиона ассигнациями и двести сорок две тысячи золотом и валютой. Ты должен осуществить акцию по изъятию. Юрий усмехнулся:

– Я знаю, что подобные акции, выполняемые в интересах успеха миссии, не

противоречат этике ни нашей, ни вашей спецслужбы, но ты ничего не ощущаешь, собираясь грабить ДЛЯ СЕБЯ?

Американец зло зыркнул на него:

– Может, хватит?

Русский убрал с лица ехидную улыбку:

– Извини. Я действительно принимаю все слишком эмоционально.

Круифф молча кивнул, принимая извинение, и принялся объяснять дальше:

– Поезд сопровождает рота гвардейцев-ветеранов. Кроме того, в самом вагоне будет находиться охранная команда из десяти вооруженных курьеров. Так что задача совсем не проста. Вот схема вагона и стандартное расположение постов, а это карта дороги с указанием наиболее предпочтительных мест контакта.

Юрий кивнул:

– Да, майор бы нам здесь очень пригодился. И что потом?

– На акцию у тебя должно уйти не больше недели. Я за это время переправлю майора в город и подготовлю маршрут отхода на север. Первую часть пути одолеем на поезде. У меня, как видишь, уже есть некоторые завязки в Департаменте военных перевозок, так что нас отправят военным эшелоном. – Круифф устало улыбнулся. – То есть это скорее будет гражданский поезд из пяти-шести купейных вагонов под охраной двух рот ветеранов. Как оказалось, достаточно много влиятельных людей до последнего не верили в серьезность происходящего.

– А почему на север?

– Во-первых, очень скоро на юг и запад хлынет целая толпа беженцев. Во-вторых, по моим сведениям, многие города на этих направлениях уже находятся под властью Комитетов действия и, учитывая состав пассажиров нашего поезда, мы вряд ли сможем там уехать далеко. К тому же есть некоторые наметки на то, что к моменту нашего прибытия в один из северных портов – а поезд направляется в Северогорск – там уже будет высажен коломбский или бриттский экспедиционный корпус. Они проявляют самый живой интерес к северному и разведанным запасам меди. Но даже если нет, то с учетом того, что майор может так и не очнуться к тому времени, возможностей уйти за границу через северные порты, по моим расчетам, намного больше, чем через западную или южную границу.

Юрий с усмешкой заметил:

– А ты знаешь, акцент у нас с тобой практически исчез. В случае чего вполне можем сойти за местных. – Увидев, что американец снова раздраженно хмурится, он поспешно добавил: – Хорошо, завтра отпущусь у старшего механика.

– А отпустит? Было бы неплохо, если бы у нас до последнего момента сохранялся свободный доступ к универсальным средствам передвижения.

Юрий фыркнул:

– Ну, даже если они поставят на охрану роту солдат, я все равно смогу угнать авто в любой момент. К тому же я там выступаю в роли уроженца одной из деревень неподалеку. Так что просто скажу, будто мне нужно срочно проведать прихворнувшую тетку, а Прон Акиевич сильно равнодушен к салцу, окорочку, чесночной колбаске и иным деревенским деликатесам. Отпустит.

– Но в штабе округа могут объявить военное положение.

Юрий насмешливо улыбнулся:

– Власть штаба округа давно уже заканчивается за входной дверью. Гараж – это вотчина Прона Акиевича, во всяком случае пока.

Круифф кивнул:

– Что ж, отлично.

В кастрюльке зашумело. Юрий торопливо подскочил к керосинке, закрутил вентиль, поставил кастрюльку на обрезок доски, снял крышку и повернулся к американцу:

– Есть будешь?

Тот отрицательно покачал головой:

– Я сегодня соизволил отужинать у «Нанона».

Юрий шутливо вскинул брови, ожидая объяснений.

– Оказалось, что здесь тоже встречаются очень предусмотрительные люди, которые высоко ценят оперативную информацию. Юрий усмехнулся:

– Ну-ну. Тогда извини, а я поем.

Спустя пять минут он отодвинул пустую кастрюльку и откинулся к стене:

– И куда мы собираемся в конце концов направить свои стопы?

Американец щелкнул затвором штуцера, который держал в руках, поморщился и брезгливо вытер измазанный палец носовым платком:

– Ну как можно содержать оружие в таком состоянии? – Он бросил штуцер на кровать и повернулся к Юрию: – Я думаю, лучше всего отправиться на западный континент. Насколько я помню, Сорагничество доберется до него лет через сто – сто пятьдесят, не раньше. Так что, даже с учетом того, что мы проживем несколько дольше, чем средний абориген, нам вполне хватит времени, чтобы успеть мирно отойти в мир иной.

– А как же потомки?

Круифф хмыкнул:

– Ну, не знаю как ты, а лично я не собираюсь заводить на Голуэе никаких потомков.

Юрий кивнул:

– Ладно. Место встречи на случай, если тебе придется отсюда съехать?

– Центральный почтамт. Обратишься к старшему письмоводителю. Его психотип хорошо поддается гипнообработке, так что я закодирую его на какой-нибудь простенький пароль. Например, – тут он хмыкнул, – «князь Росен».

Юрий весело улыбнулся. Это было имя, которое они подобрали для майора. Круифф поднялся на ноги:

– Ну что ж, как говорят здесь – покойной ночи. Тебе понадобится оружие?

– Я возьму барабанник. Остальное заberi. Айвен кивнул и, завернув штуцера в кусок шинельного сукна, в котором Юрий их и принес, вышел из комнаты.

* * *

В этот день Струк «дал козла». И дело-то было – ничего особенного. Лабаз с хорошим суконцем. Пустыш навел. А хорошее сукно по нынешним временам, пожалуй, лучше «рыжухи» будет. Для них-то уж точно лучше. «Рыжуху» сейчас хорошо не сдашь. А прячут и сторожат ее не в пример лучше, чем сукно. Особливо сейчас. Хозяин-то лабаза сторожа не сменил, так и оставил дедка с колотушкой и свистулькой. А кому свистеть-то, городских теперь и днем-то не сыщешь.

Откуда появился ЭТОТ, он так и не заметил. В чем после полностью повинился, заслужив порку. Тоже мне, хорош «стремный». Он и сам до сих пор так и не понял, как тому удалось незаметно подойти вплотную, однако, когда он отозвался на условный свист и Бзырь с напарником, немым Красильщиком, вылезли через окошко с четырьмя штуками сукна, из-за спины Струка раздался тихий, но внятный голос:

– Промышляем?

Струк от неожиданности подпрыгнул, а Бзырь отскочил в сторону и выхватил «перо». Но незванный гость даже не шевельнулся. Несколько мгновений они молча пялились друг на друга, потом Бзырь сплюнул сквозь зубы и хрипло спросил:

– Ты кто?

Незнакомец усмехнулся:

– Черт из подворотни.

Бзырь угрожающе качнулся вперед:

– А шел бы ты, пока цел. Незнакомец покачал головой:

– Сначала я должен сделать то, для чего к вам и подошел.

Для Бзыря это могло означать только одно, а потому он прыгнул вперед, тыча в воздухе ножом. Струк был готов поклясться, что незнакомец даже не шелохнулся до самого того момента, когда «перо» Бзыря коснулось его полушубка, но тут вдруг что-то с

противным хрустом жажнуло ему прямо в лоб и он опрокинулся как раз на брошенные у стены штуки сукна.

Когда он выпутался из ткани, Бзырь валялся на земле и тихо скулил, баюкая руку, Красильщик вытянулся у стены во весь рост, прищипленный к ней за воротник Бзыревым «пером», а незнакомец неторопливо прохаживался перед ними, удрученно покачивая головой:

– Да-а-а, жалкая картина, ну да делать нечего... – Он повернулся к Бзырю: – Не хнычь, это всего лишь вывих. – Он шагнул вперед, вырвал «перо» из стены лабаза и бросил его под ноги Бзырю. – Завтра к трем пополудни приходите в «Седую толстуху», есть базар, – после чего повернулся и растворился в темноте.

В «Седой толстухе», грязной забегаловке, принадлежащей старухе Трунье, здоровенной бабище, благодаря которой это заведение и получило всем известное название, хотя на вывеске было изображено совершенно другое, вполне благозвучное, они появились за полчаса до назначенного срока. Здесь, как правило, собирались самые авторитетные в их среде люди, поэтому Струк чувствовал себя не в своей тарелке. Но не успели они скромно усестись в дальнем углу, как из клубов сизого дыма, густо заполнявшего помещение, выплыло обширное будто бочка водовоза, брюхо хозяйки. Она окинула их придирчивым взглядом и спросила:

– Ты Бзырь?

Бзырь неохотно отозвался:

– Ну...

Хозяйка молча кивнула и скрылась в дыму. А спустя минут пять появилась снова, но на этот раз у нее в руках был треснутый дубовый поднос, уставленный тарелками с дымящимся супом из бараньей требухи и запотевший шкалик, явно только что из ледничка.

– Эй, мать, – удивленно пробормотал Бзырь, – мы это не заказывали.

Хозяйка молча разгрузила поднос и, показав в кривой ухмылке черные провалы на месте выпавших зубов, сказала:

– Жрите. Уплочено.

Ночной незнакомец появился так же внезапно, как и в первый раз. Струк как раз опрокинул стопарь и, довольно крикнув, поставил его на стол, как вдруг увидел, что тот уже сидит по другую сторону стола. Пару мгновений он ошалело пялился на него, потом, опомнившись, ткнул Бзыря локтем. Тот поперхнулся и со свирепым видом повернулся было к Струку, но тут заметил незнакомца. С минуту все молчали, приглядываясь друг к другу, потом гость, или, скорее, радушный хозяин, тихо заговорил:

– Мне нужно три человека для одного деликатного дела. Чтоб были люди опытные, смелые и... без предрассудков.

«Деловые» переглянулись. Бзырь осторожно спросил:

– По-мокрому? Незнакомец усмехнулся:

– Возможно, но я бы не хотел.

– Мы по-мокрому не работаем. Незнакомец с иронией посмотрел на Бзыря:

– А сторож?

Они переглянулись, и Бзырь нехотя пояснил:

– Так мы ж его аккуратненько.

Незнакомец покачал головой:

– Дед сейчас в Четвертом инвалидном доме, на Кухарской. Если бы удар пришелся на палец ниже, он был бы уже не жилец.

Бзырь не нашелся что ответить. За столом опять установилась тишина. Из дыма выплыла хозяйка:

– Эй, хозяин, может, надобно чего?

Тот молча мотнул головой, и старуха так же тихо исчезла.

– Ну так как? Бзырь прищурился:

– А чего мы-то? Вон у Грумбы ребята не в пример круче или у Жада...

Незнакомец снова усмехнулся:

– Я еще не сказал своего самого главного требования. Мне нужны ПОСЛУШНЫЕ. Они переглянулись: не сказать, чтобы это звучало комплиментом, но... многое объясняло. А в этом деле и так было слишком много загадок. Бзырь наклонился вперед:

– Сколько?

Незнакомец ответил сразу:

– По полтора куска. Каждому. Струк тихо охнул. Даже по нынешним временам деньги большие, даже очень. Бзырь облизнул губы и кивнул:

– Лады.

Незнакомец молча поднялся и, мотнув головой на прощанье, двинулся к выходу из забегаловки.

На хазу они приехали на извозчике. «Гроб», здоровенный четырехэтажный доходный дом в Мытарском переулке, что на самых задворках Пресного рынка, когда-то был построен для армейских отставных офицеров не слишком высоких чинов. Квартиры в нем были достаточно просторные и по причине окраинного расположения и близости рынка не очень дорогие. Поговаривали, что хозяин дома решил на сие начинание, патронируемое Департаментом общественного призрения, в пику содержателям трех других доходных домов, к тому времени уже превратившихся в воровские притоны. Он, имея казенных покровителей, был уверен, что господа отставные офицеры, как люди привычные к порядку, не позволят себе ничего такого. И поначалу задумка хозяина вроде как даже удалась. Но мало-помалу близость рынка со множеством дешевых питейных заведений повлияла на квартиросъемщиков не самым лучшим образом. Престарелые отставники, лишённые привычного армейского распорядка, начали поголовно спиваться, чем не преминули воспользоваться местные содержатели притонов, подпольных швейных мастерских и прочий люд, поднаторевший в темных делах. Отставников щедро ссужали деньгами, подпайвали, подбивали на игру, и таким образом квартиросъемщики, занимавшие поначалу вполне приличествующие званию отставного ротмистра или штабс-капитана квартиры из двух, трех, а то и четырех комнат, сначала лишались одной комнаты, потом еще, еще, и дело кончалось тем, что в их собственности оставалась драная подстилка, брошенная на пол в дальней комнате, которую новые хозяева квартир выделяли им по доброте душевной, а еще и для того, чтобы в съемных листах по-прежнему красовалась, к их удовольствию и выгоде, фамилия, скажем, ротмистра Коблуйко или штабс-капитана Трогоска.

Когда они ввалились в комнатку, которую Бзырь подрядил у старика Тятехи, «каина» средней руки, который «держал» три угловых квартирки, незнакомец деловито прошелся вдоль стен, внимательно осматривая стыки и засаленные углы, хмыкнул, заметив отставшую штукатурку, двинул по ней рукоятью барабанника, неизвестно откуда взявшегося у него в руке, и, обнаружив за вздутием рукотворную дыру, затолкал в нее старую засаленную шаль, поднятую с пола. Потом сел спиной к двери и кивком разрешил сесть остальным.

– Итак, господа, как я уже сказал, основное, что мне от вас требуется, это повиновение. Ты, – он повернулся к Струку, – в лошадях разбираешься?

– Деревенский, чать. – обрадованно кивнул Струк, который всю дорогу боялся, что от него потребуют чего-то совсем уж страшного.

– Отлично, сегодня же пойдешь в Скотные ряды и купишь крепкую лошаденку с розвальнями. А кроме того, три пары лыж. Лыжи привезешь сюда. Затем купишь продуктов и завтра с утра выедешь из города по Сенному тракту. На двадцать второй версте свернешь влево по лесной дороге. Там, верст через семь-восемь, будет избушка лесника. Если там никого нет – приведешь в порядок, растопишь печь и будешь ждать нас. Если же есть, – он сделал паузу, от которой Струк похолодел, что не ускользнуло от нанимателя, который еле заметно усмехнулся, – заплатишь хозяину за постой. Если мы не появимся через шесть дней – можешь возвращаться обратно. – Он повернулся к Бзырю: – Вы оба каждый день к десяти часам утра будете приходить к кассам Центрального вокзала. Ждите полчаса. Если я не появлюсь – значит, свободны. – Хозяин замолчал, так посмотрев на подельников, что у Струка засосало под ложечкой. – Пока не дам отбой – ни на какое дело не

ходить. Вот каждому за послушание. – В его руке, все так же неожиданно, появилась пачка денег. Он отделил от нее по несколько ассигнаций Бзырю и Красильщику, а почти половину отдал Струку со словами: – А это тебе, на расходы. На лыжах все ходить умеют?

Они кивнули. Все трое были деревенские, а в лесу по зиме без лыж делать нечего.

– Тогда до встречи.

Когда они уже по третьему разу пересчитали деньги и Бзырь, брызгая слюной, изрядно уменьшил долю, выделенную Струку на расходы, тот вдруг удивленно произнес:

– Эй, мужики, а как его зовут?

– Кого? – не понял разгоряченный Бзырь.

– Ну, ЭТОГО.

– А я почему знаю, – сварливо огрызнулся Бзырь и, мгновение подумав, добавил: – Чумной он какой-то. Выскакивает как чертик из табакерки, деньгами сорит... – Он повернулся к остальным: – А можа, ТОГО, возьмем денежки и только нас и видели? Эвон сколько отвалил-то.

Тут неожиданно вмешался Красильщик. Он замычал, привлекая к себе внимание, выразительно вытаращил глаза и провел пальцем поперек горла. Струк поежился, а Бзырь, вздохнув, согласился:

– Да-а-а, это уж точно, – и, помусолив в руках причитающиеся ему деньги, вдруг отделил те, что отобрал у Струка, и буркнул: – Ладно, делай все, как он сказал.

* * *

На вокзале он появился уже на следующий день. Бзырь с Красильщиком, изрядно намерзнувшись, как раз уже собирались уходить, и тут он, по своему обыкновению, вдруг возник у чугунной колонны, в двух шагах от них:

– Пошли.

– Куда? – оторопело спросил Бзырь. ЭТОТ зыркнул на него так, что у Бзыря отнялся язык, и быстро зашагал вдоль перрона. Они дошли до конца перрона и спрыгнули вниз. Пройдя по путям шагов сорок, они свернули в отстойник и, преодолев под вагонами три порожняка, оказались у тупикового пути со стоящим метрах в десяти маневровым паровозом под парами с пятью подцепленными вагонами. У паровоза топталось два подозрительных типа в тужурках железнодорожников. ЭТОТ остановился и повернулся к спутникам:

– Значит, так. Слушай сюда. Сейчас займемся маневрами. Вам покажут, как отцепить вагон. Когда научитесь делать это на стоящем вагоне и сверху, вас засунут в собачие ящики и вы должны будете научиться делать все снизу. А когда освоите и это – попробуете проделать расцепку на ходу. Ребятки, – он кивнул в сторону железнодорожников, – вам помогут.

Бзырь набычился:

– Ты че, я ж тебе не медведь цыганский такие штуки вытворять, мы так не договарива... – и осекся, наткнувшись на бешеный взгляд ЭТОГО.

Тот еще пару мгновений побуравил его взглядом, потом покосился на Красильщика и раздвинул губы в улыбке, больше напоминающей оскал:

– На то, чтобы научиться всему, о чем я говорил, у вас только два дня. На третий – я посмотрю, что вы умеете. – С этим он повернулся и исчез под вагоном.

Бзырь перевел дух, как-то беспомощно взглянул на Красильщика, который, уставясь перед собой, осеял себя святым кругом, и, зло сплюнув, двинулся к паровозу.

Необходимую сноровку они приобрели только на четвертый день. Когда Бзырь и Красильщик, распаренные и взмокшие, несмотря на мороз, наверное, в сотый раз вывалились из-под все еще двигающегося накатом вагона, ЭТОТ защелкнул крышку часов и, слегка скривившись, сказал:

– Ну, в первом приближении... можно согласиться, – потом убрал часы и, мотнув головой, бросил: – Пошли. Уже опаздываем.

Через два с половиной часа они выскочили из туго набитой теплушки на полустанке, в сорока верстах от города где поезд остановился всего на полминуты. Уже стемнело. ЭТОТ отвел их по путям почти к выходному семафору и, кивнув в сторону развалюшки, некогда бывшей будкой обходчика, приказал:

– Спрячьтесь здесь. Часа через полтора на станцию придет специальный курьерский поезд. Долго он не задержится. Когда тронется, то при проходе этой стрелки слегка притормозит. Возможно, даже и остановится. За это время вы должны забраться под шестой с конца вагон. По этому свистку, – он вытащил из кармана полицейскую свистульку и дунул в нее, – отцепите пять задних вагонов, а вот по такому, – он свистнул два раза, – отцепите вагон от головы поезда. Понятно?

Они молча кивнули. Он наградил каждого выразительным взглядом и в своей обычной манере словно растворился в воздухе.

Все оставшееся время Бзырь провел трясясь как в лихорадке. Однако все оказалось довольно просто. Когда поезд проходил стрелку, раздался какой-то резкий звук, и кондуктор, стоявший на задней площадке последнего вагона, засвистел и прикрутил тормоз. Поезд замедлил ход и остановился. Бзырь с Красильщиком, пригнувшись, бросились к вагону. Поезд тронулся. Вскоре Бзырь почувствовал, что превращается в ледышку. Одно дело – запрыгивать в собачий ящик неподвижного или еле двигающегося вагона и через пять минут выскакивать обратно, другое дело – болтаться в нем невесть сколько времени на жутком сквозняке и крепком ночном морозе. Но тут откуда-то сзади послышался условный протяжный свист. Бзырь ругнулся, пнул Красильщика и торопливо полез к сцепке, привычно хватаясь за поперечины рамы. Второй свист раздался сразу же, как только они расправились с первой сцепкой. Бзырь, зло чертыхнувшись, полез в обратную сторону.

Вагон остановился. Бзырь и Красильщик спрыгнули на землю и неторопливо направились к сдвижной двери. Бзыря так и подмывало поглядеть, чего это они сперли. Они успели пару раз стукнуть по двери, которая, к их удивлению, оказалась запертой изнутри, как вдруг с грохотом откинулась бронированная крышка верхнего зарешеченного окошка и сквозь решетку просунулась рука с барабанником. «Деловые» бросились за вагон. Барабанник два раза грохнул, и рука спряталась. Бзырь, утирая холодный пот, пробормотал:

– Во влипли...

В темноте вдруг послышались быстрые шаги. Кто-то бежал вдоль рельсов. Вскоре они различили фигуру своего нанимателя. Бзырь подался вперед:

– Там люди, с оружием.

ЭТОТ молча перешел на шаг и, подойдя поближе, осторожно заглянул за угол вагона. Хмыкнул. Вытащил из-за пазухи бутылку с чем-то вонючим, взболтнул, скользнул вдоль вагона и точным движением метнул ее в открытое окно. Внутри раздался звон разбитого стекла, шипение, а потом кашель. ЭТОТ повернулся к сообщникам:

– Сейчас они полезут наружу. Ваша задача – разоружить их и слегка успокоить.

Не успел он отдать команду, как дверь вагона с грохотом отодвинулась и в образовавшуюся щель, отчаянно кашляя, протиснулся дюжий мужик с барабанником в руке. ЭТОТ двинул ему без размаха под дых, вырвал барабанник и свирепо рывкнул:

– НУ!

Бзырь и Красильщик, стряхнув оцепенение, ринулись к двери.

Минут через пять налетчики и все охранники, которых было десять человек, оказались в вагоне. Все еще пованивало, но вполне терпимо. Из охранников двое было ранено – одного пырнул ножом в руку Бзырь, другому попал в плечо из барабанника ЭТОТ. Сейчас он был занят тем, что перебирал тугие мешки в уже вскрытом сейфе привинченном к полу в средней части вагона. Бзырь, вооруженный двумя барабанниками, караулил пленников, нервно следя за каждым их движением. До него только что дошло, во что он ввязался, и от ужаса у него пересохло во рту, а голова гудела как пустой котел. Оказывается, они ограбили специальный вагон Центрального банка, охранявшийся специальной командой из десяти человек. Ну, это уж чересчур! При мысли о том, что за ним теперь будет охотиться столичная криминалка, а то и весь Охранный департамент, Бзырю сделалось совсем худо.

Между тем их главарь, по-видимому, нашел то, что искал. Он поднялся на ноги и подошел к двери. Сбросив вниз два мешка, он развязал третий и высыпал из него пачки ассигнаций. Потом бросил пустой мешок Красильщику, жестом указал на сложенное у двери оружие, а сам повернулся к охранникам, угрюмо сидевшим на полу в углу вагона:

– Господа! Я нашел то, что мне необходимо, и вскоре мы вас покинем. Я понимаю, наш поступок выглядит в ваших глазах обыкновенным ограблением, но это не совсем так. Эта страна вскоре погрузится в хаос, и деньги, которые вы везете, скорее всего, будут либо украдены, либо растрочены, либо разграблены. Причем, полагаю, это произойдет в течение нескольких ближайших недель. И если вы задумаетесь над тем, что происходит, то вынуждены будете согласиться со мной. Поэтому я предлагаю вам поступить следующим образом. – Он пнул ногой кучу денег на полу: – ЭТО возьмите себе. У вас есть неоспоримые доказательства того, что на вас было совершено нападение, и я не думаю, чтобы в том хаосе, которым охвачена страна, расследование проводилось уж очень тщательно и принесло хоть какие-нибудь результаты. Взамен я прошу только об одном, – он посмотрел на охранников, переводя взгляд с одного на другого, – опишите налетчиков так, чтобы искали не нас, а каких-то других людей, абсолютно на нас непохожих. Времени, чтобы сговориться, у вас будет достаточно. – С этими словами он повернулся к Бзырю и, кивком приказав следовать за ним, выпрыгнул из вагона.

Пробежав с версту по шпалам, они скатились в небольшой овраг, где их, к немалому удивлению Бзыря и Красильщика, ждали воткнутые в снег лыжи. А через час с небольшим вышли к сторожке и растолкали бессовестно дрыхнувшего Струка. Тот быстро запряг лошаденку, и к рассвету они уже миновали Пожарную заставу. На углу Лешаковской и Кухарской ЭТОТ вдруг велел придержать лошадь и, развязав мешок, извлек несколько пачек ассигнаций:

– Здесь двадцать тысяч. Больше, чем мы договаривались. Это – премия за послушание. И совет. Бесплатный. Подавайтесь на юг. Сегодня же.

Он спрыгнул с саней, закинул за спину добычу и исчез в подворотне. Все трое молча переглянулись, и Струк, ни слова не говоря, развернул лошаденку в сторону Южной заставы. У самого выезда из города они заскочили в придорожный трактир и купили окорок, хлеба, чесноку да четверть забористой «Смирнянской». Закат застал их уже на почтовой станции в сорока верстах от города по Степному тракту.

* * *

– Ну, с богом. – Господин Максин вздохнул, поднялся на ноги и, подойдя к Круиффу, традиционно трижды обнял его, целуя в щеки.

Айвен стоически перенес столь пылкое прощание и, пожав хозяину руку, с легким поклоном покинул просторный холл. Выйдя на парадное крыльцо, он оглянулся по сторонам. Во дворе четверо мужиков с натугой несли от людской к саням, на которые были заботливо навалены овчинные полости и тулупы, отчаянно скрипевшие носилки, связанные из дубовых жердей. На них горой возвышалось могучее тело майора. На передке саней сидел неизменный Прол. Круифф подождал, пока мужики аккуратно уложат свою ношу, и спустился с крыльца. Внизу он обернулся и еще раз помахал рукой семейству господина Максина, прильнувшему к окнам, а потом, путаясь в длинных полах тулупа, подошел к саням и неуклюже перевалился через бортик. Прол чмокнул, гикнул, лошадь дернулась и тяжело поволокла сани.

Подъем кончился, и лошадка пошла шибче. В лицо ударил ветерок. Круифф поднял воротник тулупа и плотнее укутал ноги. Было около трех часов пополудни, но дорога оставалась безлюдной. Только где-то впереди, почти у самого горизонта, на фоне сизого зимнего неба виднелись две шевелящиеся точки, обозначая то ли пешеходов, то ли конных. По левую руку темной зубчатой крепостной стеной возвышался лес. Мир казался замерзшим и обезлюдившим. И Айвену вдруг пришло в голову, насколько странно все то, что с ними произошло. Из гигантской Вселенной, в которой до звезд подать рукой, а путешествия

между ними уже успели порядком наскучить, внезапно переместиться в мирок, где путешествие на расстояние в десять верст занимает, с учетом всей необходимой подготовки, целый световой день. Где люди захлебываются от восторга, обнаружив, что с помощью современных технических средств можно совершить путешествие вокруг своей планеты за невероятный срок всего в восемьдесят дней, а дамы обсуждают вызывающие платья-брюки, в которых при ходьбе иногда можно угадать женскую лодыжку. При этой мысли Айвен вздрогнул от внезапного озноба, усмехнулся и снова поправил воротник.

Прол, время от времени поглядывавший на своего необычного пассажира, сочувственно покачал бородой и ткнул кнутом в небо:

– Моложеет, барин.

– Что?

– Моложеет, говорю. К теплу, стало быть.

Круифф кивнул и снова задумался. На этот раз его мысли обратились к тому, что творилось вокруг. Когда он осознал, что они оказались в далеком прошлом Голуэи причем как раз в переломный момент, то в первые несколько недель все его усилия были направлены только на то, чтобы обеспечить выживание. Утвердиться, завязать связи, найти источники информации и финансирования, подготовить пути отхода. Но позже, когда основное было сделано, его стали посещать время от времени кое-какие досужие мысли. Причем достаточно крамольные. Не вызвало сомнений, что их провал в прошлое был вызван «разгоном» СВП-генератора. Но почему их выбросило именно в этот момент? Чем вызвано то, что они оказались именно в этом времени? И не означает ли все это, что в этой точке пространственно-временная структура также неустойчива. А отсюда совсем было недалеко до вывода, что принудительное изменение устоявшейся реальности все-таки возможно, что такое предположение вполне имеет право на существование. Из этого следует, что все столь же бурные события, которыми была так богата история старушки Земли, вполне возможно, также были следствием подобных пространственно-временных флуктуации, каким-то, пока еще неясным образом оказывающих воздействие на самую многочисленную и высокоразвитую популяцию животных на планете. Недаром современники начала Первой мировой войны писали, что мир будто охватило всеобщее безумие. И здесь он тоже мог наблюдать что-то подобное. Хотя, скорее, с обратным знаком. Умные люди, с которыми ему довелось общаться, прежде деятельные, ныне были словно охвачены оцепенением либо существовали в каком-то своем, придуманном мире. Довольно сносно разбираясь в происходящем и представляя в общих чертах чем может закончиться нынешнее развитие событий, одни и их было большинство, Отказывались хоть как-то влиять на ход вещей, как будто ожидая, что все устроится само собой, Другие яростно интриговали, пытаясь приобрести статус, который сами же почитали бесполезным, а третьи увлеченно ловили рыбку в мутной воде, напрочь позабыв об инстинкте самосохранения. Между тем на поверхность всплывало все больше и больше отбросов, мутной пены – пройдохи, шарлатаны, озлобленные убийцы, честолюбивые бандиты и всяческая иная шваль. Для них открывалось широкое поле деятельности.

Прошлым вечером, после ужина, они с господином Максином поднялись в его кабинет. Банкир был взволнован и слегка напуган. Предложив гостю сигару, он поерзал, не зная, как приступить к предмету разговора, наконец, отбросив сдержанность, взволнованно заговорил:

– Прошу прощения, господин Кройф, но что же это творится?

Айвен, аккуратно раскурив сигару, невозмутимо ответил:

– Революция, господин Максин, что же еще? Хозяин дома всплеснул руками:

– Да какая это революция? Это... какой-то бандитизм.

– А кто сказал, что это разные вещи?

– Ну как же, ведь на Западе...

– Все было точно так же, – перебил его Круифф. – Вы почитайте первоисточники. Да что там говорить; В тех странах, которые нынче почитаются как светочи цивилизации и прогресса, революции начинались казнью собственных суверенов. Так неужто вы думаете,

что ЗДЕСЬ все будет иначе?

Хозяин дома побледнел:

– Так вы думаете...

– И это будет только началом, – проговорил Круифф. – Так что... Хотите совет?

Максин ошеломленно кивнул.

– Уезжайте, причем немедленно. Завтра же. Иначе будет поздно.

– Но... я не могу. У меня семья, дом, банк, наконец.

– А все это скоро станет не вашим.

– Как?

Круифф усмехнулся:

– Вы интересуетесь как? Почитайте господина Энгельма. Он четко объяснил, что все, чем вы владеете, создано путем жестокого грабежа низшего сословия. И потому оно, это сословие, имеет полное моральное право забрать все это себе. Чем все уже и начали заниматься. Вы видите вокруг себя силу, способную это остановить?

Максин медленно покачал головой.

– Вот так-то. – Круифф затянулся сигарой, потом заговорил снова, спокойнее: – Ну а если вы еще на что-то надеетесь, то, по крайней мере, примите меры предосторожности. Конвертируйте наличность в иностранные ценные бумаги, а золотовалютные запасы переводите на депозит куда-нибудь за границу. И не стесняйтесь вывезти туда же содержимое клиентских сейфов. Попомните мое слово, если в конце концов у них объявятся хозяева, они будут вам горячо благодарны. – Круифф снова затянулся сигарой и продолжил уже почти ласково: – А сами уезжайте. Увозите семью. Если произойдет чудо и здесь действительно все каким-то образом наладится, то будете считать, что съездили на отдых. Мы через три – пять дней собираемся отправиться на север с военным эшеленом. И я могу замолвить за вас словечко. Вам выделяют купе, на семью. Конечно, это не совсем то, к чему привыкли ваши домашние, но... Можете мне поверить, это – лучшее, на что вы сегодня можете рассчитывать.

Банкир задумался:

– Признаться, в ваших словах есть резон, но... Как все это внезапно на нас обрушилось. Еще три месяца назад мои совершенно спокойно вернулись с вод. А два месяца назад в городской управе давали осенний бал. И вот за какие-то месяцы, даже недели, все пришло в совершеннейшее расстройство. Бандиты на улицах, грабежи среди бела дня, транспорт не ходит. Телеграф то работает, то не работает... Прямо не знаю, что делать. Оставлять банк в такое время...

Круифф разочарованно пожал плечами. Эх, жаль, здесь нет Юрия, его собственных способностей психопринуждения явно недостаточно. Милейший господин Максин слишком привязан к своему делу. Все же Айвен решил попытаться еще раз:

– И все-таки я настоятельно советую вам уехать. На-сто-я-тель-но. Если вам дорога ваша семья... Банкир вздрогнул и закивал головой:

– Да-да, наверное, вы правы.

Однако на следующий день господин Максин, смущенно отводя глаза, заявил, что решил пока не торопиться с отъездом.

До города добрались, когда уже стемнело. Прол лихо проскочил почти пустую Кухарскую с занесенными снегом рельсами конки. Это означало, что сегодня вагоны конки на линию не вышли. Свернув на Буковый бульвар, сани подкатили к небольшому двухэтажному особняку, подслеповато взиравшему на мир маленькими окошками. Еще третьего дня Круифф договорился с приятелем господина Максина и полковника Эксгольма бароном Конгельмом, гласным Государственного собрания, одним из троих очевидцев их появления, что на несколько дней оставит «князя» у него в доме. Так что, по идее, его уже должны были ждать.

Барон встретил гостя на верхней площадке лестницы. Он приветствовал Круиффа поклоном, коротко что-то приказал стоявшим рядом дюжим слугам, а сам радушно указал гостю рукой на дверь гостиной:

– Нынче я отпустил большинство слуг пораньше, так что вы скидывайте тулуп и милости прошу чайку. Мы вас давно жаждали.

Айвен послушно разделся, напряженно размышляя над тем, что означает местоимение «мы», и, потирая замерзшие руки, неторопливо проследовал к рукомойнику.

Из гостиной слышались приглушенные голоса. Круифф тщательно вымыл руки, вытер их хлопковым полотенцем, пригладил тоненькие усики и бородку, которые он, по местной моде, отпустил два месяца назад, и двинулся к двери гостиной.

Из четверых присутствующих он знал только полковника Эксгольма да его заместителя полковника Остея. При его появлении все поднялись на ноги, и барон, по праву хозяина, представил своих гостей:

– Ну, дорогой господин Кройф, позвольте мне представить вам господина Плашню, купца первой гильдии, гласного городского собрания, и господина Топкора, владельца полотняной мануфактуры. А с господами военными вы уже знакомы. – Хозяин дома молча подождал, пока Круифф обменяется со всеми рукопожатиями, и заговорил снова: – Не стану зажимать ваше время долгими церемониями, а, с вашего позволения, перейду сразу к делу. Прошу садиться. – Он указал Круиффу на небольшой диванчик рядом с миниатюрным столиком, на котором размещался изящный чайный сервиз. – Откушайте чаю. – Он молча наблюдал, как Айвен, сделав несколько неторопливых глотков, поставил чашку на место, и с решительным видом начал свою речь: – Прошу простить нашу назойливость, но, по нашему мнению, дело не терпит отлагательств. – Он кашлянул. – Когда вы представили господину Эксгольму веские доказательства важности вашей секретной миссии, взяв с него слово никому не говорить о том, что вы ему открыли, мы все, признаюсь, попытались заставить господина полковника открыть нам некоторые обстоятельства вашего с ним разговора. Мы считали себя вправе настаивать на этом, так как господин барон входит в руководство весьма влиятельной патриотической организации под названием «Черная тысяча» и между нами, как правило, нет никаких секретов.

Барон помолчал, пристально глядя на Круиффа и пытаясь угадать, какое впечатление произвело на него это заявление. Но Айвен не открывал рта. Барон Конгельм еле заметно поморщился и снова заговорил:

– Мы исходили из предположения, что вы представляете какие-то влиятельные круги ведущих мировых держав, которые дальновидно обеспокоились развитием событий на нашей родине и предоставили вам полномочия для оказания помощи здоровым силам общества. Однако полковник, несмотря на все наши уговоры, остался верен данному вам слову и ничего нам не рассказал. Вот почему мы решили обратиться прямо к вам, – закончил барон и с обессиленным видом откинулся на спинку кресла.

Айвен чувствовал некоторую растерянность. После успешного завершения «беседы» с полковником Эксгольмом он никак не ожидал, что придется снова к этому возвращаться и пытаться как-то объяснить, как он оказался в этой стране. И вот на тебе. Круифф прекрасно понимал, что его довольно скромные способности психопринуждения не позволят ему справиться сразу с четырьмя потенциальными объектами, к тому же, не имея времени на подробный анализ ситуации, он не мог просчитать, какая из версий окажется для него самой выгодной при последующем развитии событий. Импровизации же Круифф не очень любил. Как бы то ни было, пока следовало молчать и ждать, как пойдет дело дальше.

Первым не выдержал барон Конгельм. Он вскочил на ноги и нервно заходил по комнате:

– Поверьте, господин Кройф, мы все нисколько не сомневаемся в вашей верности данному слову, но посудите сами. Ваша миссия в силу стечения обстоятельств по сути сорвана. Вы потеряли свой аэроплан и, вероятно, крайне важные материалы, которые на нем находились и должны были облегчить вам выполнение вашей миссии. У вас на руках больной, которому, вне всякого сомнения, отводилась в ваших планах большая роль. А ситуация в стране за эти месяцы изменилась столь разительно, что для вас становится проблемой даже возможность успешно покинуть ее пределы. Что до нас, то мы не предлагаем вам ничего предосудительного. Только помощь, нашу помощь и помощь

большого числа патриотически настроенных граждан. – Барон с доверительным видом наклонился к Круиффу, – Признаюсь, мы уже начали действовать, не дожидаясь вашего согласия. Полковник Остей организовал несколько полетов аэропланов для осмотра местности, с тем чтобы обнаружить место падения вашего аппарата, но, к сожалению, пока нет никаких результатов. Возможно, ваш аэроплан упал в одно из озер, что во множестве имеются в лесных массивах восточнее поместья господина Максина. В таком случае мы просто бессильны. – Барон наконец замолчал, уставившись на Круиффа неподвижным взглядом, в котором уже читалось некоторое раздражение.

И тут Айвен понял, почему ему и его спутникам удалось с такой легкостью вписаться в здешнее общество и почему люди, облеченные властью и отнюдь не страдающие излишней доверчивостью, так охотно шли с ним на сближение, ссужали деньгами, помогали советами. Выбитые из колеи всем ходом событий в последние месяцы, потерявшие веру в собственные силы, эти люди были в таком отчаянии, так жаждали какого-нибудь выхода, что готовы были увидеть в любом иностранце мессию, посланного, чтобы указать им выход из тупика. Однако дальше молчать было нельзя. На него требовательно смотрели четыре пары горящих глаз. Айвен понял, что его собеседники просто не примут уверток и заpiresательств. А это значит, что, если он не хочет провести остаток вечера, слушая горячие уговоры собравшихся, ему следует немедленно изложить им какую-нибудь удобоваримую версию. Айвен быстро перебрал в уме более или менее подходящие варианты и с решительным видом выпрямился в кресле:

– Господа! Я принимаю вашу помощь. Раздался вздох облегчения.

– Но, господа, должен вас огорчить. Те, кто меня послал, – а я, с вашего позволения, пока сохраню в тайне, кто они такие, – не ставили перед собой задачи попытаться каким-то образом прекратить ту кровавую вакханалию, которая все больше захватывает вашу страну. В тот момент, когда я отправлялся в путь, еще оставалась иллюзия, что все не так плохо и новое правительство сумеет справиться с ситуацией.

При этих словах барон Конгельм брезгливо поморщился, а полковник Эксгольм зло усмехнулся. Айвен продолжал:

– Впрочем, даже если бы мы и предполагали, что все обернется настолько плачевным образом, то – и я думаю, господа, что вы согласитесь со мной, – нигде за границей не найдется силы, способной повлиять на ситуацию столь кардинальным образом. – Айвен немного помолчал, как бы предлагая собеседникам вникнуть в смысл того, что он сказал. – Наша же миссия была гораздо скромнее.

Круифф чувствовал, как снова напряглись и насторожились его собеседники. Надо было мобилизовать все свои силы и весьма ограниченные возможности, чтобы эти господа поверили ему сразу же и... оставили его в покое. Он имел крайне смутное представление о здешней загранице и элите зарубежных государств, поскольку изучение данных вопросов отложил на более отдаленное время, а потому его версия, сочиненная на скорую руку, не выдержала бы мало-мальски подробного обсуждения и анализа.

– Несмотря на несколько, как мы сейчас видим, излишний оптимизм, те, что меня сюда послали, учитывали и возможность того, что ситуация в стране может измениться в неблагоприятную сторону. В этом случае мы всего лишь должны были помочь суверену и его семье покинуть пределы страны. Конечно, при условии, что на то будет получено его согласие.

Он замолчал. Несколько мгновений в кабинете стояла полная тишина. Барон Конгельм, сердито посмотрев на полковника Эксгольма, с разочарованной миной откинулся на спинку кресла. Полковник выглядел растерянным. Круифф понял, что его версия требует некоторой корректировки. Поскольку просто эмиграция бывшего государя из своей страны, да еще в столь серьезный для нее момент, и впрямь вряд ли могла служить достаточным основанием для столь упорного молчания полковника и отвечала его возвышенным чувствам.

– Прошу простить, господа. Но, судя по, прошу извинить меня, разочарованному выражению ваших лиц, вы не до конца осознали замысел моих нанимателей.

– Куда уже понятнее, – прогудел с дивана купец, – его величество драпануть решили.

Круифф мягко улыбнулся:

– Это не совсем так. Его величество пока не в курсе. Но это не важно. В свете последних событий моя миссия приобретает еще большую значимость.

Его собеседники переглянулись; Круифф пояснил:

– Как я уже сказал, за границей нет такой силы, которая могла бы кардинально изменить ситуацию. Это могут сделать только сами граждане этой страны. Но за границей есть силы, которые могли бы оказать патриотам достаточно существенную помощь. И кто, как не суверен, сможет стать лицом, которое объединит здоровые силы и выступит гарантом того, что оказанная помощь не будет растрчена впустую.

С минуту в гостиной стояла тишина, потом подал голос мануфактурщик:

– А что, по-моему, вполне понятное дело. У нас тоже абы кому денег не дают, какие бы залогов ни предлагали.

Барон Конгельм достал из кармана портсигар и закурил, нервно щелкнув зажигалкой.

– Итак, чем мы можем вам помочь? Круифф с облегчением перевел дух. Похоже, сработало.

– Простите, но мне требуется время, чтобы все обдумать. Как вы понимаете, я совершенно не рассчитывал на подобное развитие событий.

– Да-да, прошу простить меня, – тут барон вспомнил о долге радушного хозяина, – прошу прощения, господа, я думаю, наш гость полностью удовлетворил наши ожидания, а теперь я вынужден просить вас отпустить его. Господин Кройф, вне всякого сомнения, устал, и нам не следует больше докучать ему.

Уже лежа в постели, Круифф еще раз прокрутил в голове события сегодняшнего вечера. Конечно, его версия сверстана на скорую руку и вряд ли выдержит больше двух, от силы трех недель, но столько и не надо. Не позже чем через неделю они будут уже далеко от этого города и близки к тому, чтобы навсегда покинуть эту страну.

Если бы он только знал, как сильно ошибается.

* * *

– И что ты им поручил? – Русский откровенно забавлялся.

– Тебе смешно... – Круифф в раздражении скомкал салфетку и бросил ее на стол, – Сам не понимаю, как это я не просчитал такого развития событий.

Они сидели за небольшим круглым столиком, накрытым белоснежной крахмальной скатертью, на балконе центрального зала «Нанона». После успешного завершения акции по изъятию ценностей они решили позволить себе небольшой выход в ресторан. Юрий задумчиво покачал головой:

– Ты знаешь, я сам все время ловлю себя на том, что мне как будто все время что-то мешает, сбивает с толку. Мне трудно себя контролировать. Чувствую, что приходится прилагать гораздо больше усилий, чем обычно, и для того, чтобы держать себя в руках, и чтобы, наоборот, заставить себя делать то, что надо, а временами так вообще накатывают приступы необъяснимой слабости... У тебя не возникает таких ощущений?

Айвен задумался. За последние месяцы у него практически не было времени на то, чтобы хотя бы ненадолго вынырнуть из бешеного водоворота, в который превратилась его жизнь, и сосредоточиться на своих ощущениях. Но сейчас он вдруг осознал, что все это время чувствовал себя как-то странно. По вечерам, когда Айвен по своей давней привычке еще раз проигрывал события ушедшего дня и оттачивал то, что ему предстояло делать завтра, ему все время приходилось заставлять себя делать это. Поскольку к вечеру он постоянно чувствовал себя как выжатый лимон. Да и в течение дня он уставал неожиданно быстро и, вот напасть, несколько раз ловил себя на том, что просто забывает некоторые вещи. Недели две назад, после очередного приступа забывчивости, он даже взял себе за правило все записывать. И, уму непостижимо, даже вечером не удосужился хотя бы просто проанализировать столь несвойственный ему поступок. Возможно, он бессознательно

списывал все это на последствия их невероятного приключения, однако сейчас вдруг со всей ясностью осознал, что эти ощущения день ото дня не ослабевали, а наоборот – все больше усиливались. И в этот момент Айвен припомнил свои дорожные размышления, когда он возвращался с майором из поместья господина Максина. Он вздрогнул. Значит, ЭТО действует и на них. Русский наклонился над столом и положил руку ему на плечо:

– Эй, старина, не грусти. Я сам понял это не так давно. Просто у меня последнее время было много «контактной» работы, ты же больше работал головой, а в этом случае все не так заметно. К тому же кабинетная работа расслабляет. Так что, видимо, «перенос» прошел для нас не так бесследно, как показалось сначала.

– Это не то, что ты думаешь, – сказал Айвен.

– То есть?

Круифф залпом выпил рюмку, поставил ее на стол, минуту посидел нахмурившись и повернулся к Юрию. Выслушав его краткий рассказ, тот ненадолго задумался.

– Пожалуй, ты прав, действительно, теперь я понял, что с каждым днем ЭТО становится все заметнее. И что же нам делать?

Круифф пожал плечами:

– Наверное, то же, что мы уже делаем. Похоже на то, что мы в настоящее время находимся практически в эпицентре этой странной СВП-флуктуации, и чем быстрее мы покинем эту зону в частности и эту страну вообще, тем больше шансов, что у нас в конце концов все вернется к норме. Кстати, возможно, что столь затянувшееся бессознательное состояние у майора каким-то образом тоже связано с ЭТИМ. Ведь он Измененный, так что вероятность того, что на него ЭТО действует гораздо сильнее, достаточно велика.

Юрий в задумчивости покачал головой:

– Возможно. Но только я вот о чем думаю. Раз существует прямая зависимость, нельзя исключить, что может быть и обратная.

Круифф несколько мгновений раздумывал над его словами, потом спросил:

– Что ты хочешь этим сказать? Русский рассмеялся:

– Да брось, – он взял графинчик, налил себе стопку, выпил ее маленькими глоточками, по-простецки крякнул и быстро закусил соленым огурчиком и копченой колбаской, – ты слишком хороший аналитик, чтобы не понять, о чем я говорю.

Айвен задумчиво нахмурил брови, потом скривил губы в насмешливой улыбке:

– Значит, ты собираешься в одиночку остановить надвигающуюся на страну катастрофу в надежде, что это принесет стабилизацию уровня флуктуации и, возможно, даже понизит его. Но, во-первых, мое предположение, может быть, полный бред, во-вторых, если даже какая-то зависимость и существует, то ведь она вполне может оказаться какой угодно, даже прямой, да еще геометрической, а это значит, что любое действие может только повысить уровень, и – это в-третьих, – как ты мыслишь себе эту попытку, да еще имея на руках майора в подобном состоянии?

Юрий мечтательно воздел взор к потолку:

– Да, майор бы нам не помешал. Я видел работу его команды на Сонтрейме, во время второго конфликта. Мечта. Позади все горит, впереди все рыдает. Его ведь перебросили к нам как раз в связи с этим чертовым СВП-генератором. Руководство не исключало возможности силового решения, и послу показалось целесообразным приставить его к вам. Поскольку возможности для сбора информации в качестве курьера он практически исчерпал. А я должен был придать нашей маленькой группе необходимую мобильность и подстраховывать тылы.

Круифф усмехнулся:

– А я-то ломал голову, зачем ко мне приставили этого грозного сторожевого пса.

Юрий посмотрел на собеседника с иронией:

– Как видите, мистер, решение загадки, как всегда, оказалось намного проще, чем вам, по-видимому, представлялось, – он вздохнул, – но вы правы. Имея на руках больного майора, мы мало на что способны.

Круифф с облегчением вздохнул, стараясь, чтобы русский этого не заметил. Его

склонность к авантюрам в будущем могла создать немало проблем. Слава богу, на этот раз взял верх здравый смысл. Однако не мешало бы закрепить успех. Круифф торопливо взял графин и снова наполнил стопки:

– Давай, как это у вас принято, выпьем за удачу. Юрий усмехнулся и поднял свою стопку. Они чокнулись, выпили и принялись за еду. Несколько мгновений за столом было слышно только позвякивание ножей и вилок, потом Юрий снова откинулся на спинку стула:

– Между прочим, ты мне так и не ответил. Что ты поручил этим добровольным помощникам? Круифф поднял взгляд от тарелки:

– А что я мог им поручить? После отречения суверен с семьей попросил разрешить ему поселиться в Вивадии. И, получив это разрешение два месяца назад, особо не торопясь, тронулся в путь, делая остановки на всех мало-мальски заметных станциях. Надо сказать, – Круифф усмехнулся, – если верить здешним газетам, несмотря на отречение, он продолжает пользоваться популярностью у значительной части общества. Но несколько дней назад специальный поезд с семейством суверена внезапно исчез со своего маршрута, причем произошло это где-то на перегоне Хольм-Таркив. Во всяком случае, вот уже четыре дня нет никакой информации о его передвижении. Естественно, я попросил их установить, где находится этот поезд, и отслеживать его движение.

– Таркив – это, насколько я помню, где-то на юге. А как ты объяснишь наш отъезд в совершенно противоположном направлении?

Айвен беспечно дернул плечом:

– Ну, это несложно. Наши друзья уверены, что майор тоже высокопоставленная особа. И я просто обязан сделать все для его благополучной эвакуации. Так что мой отъезд на север вполне объясним.

– Возможно. А мой?

Круифф резко выпрямился и сжал ладонями виски:

– О, дьявол. Об этом я не подумал. А ведь они вполне могут спросить об этом. Или предложат, чтобы майора сопровождал ты, а мне надлежит заняться моей так называемой миссией...

Пилот вздохнул:

– То-то и оно. Оба помолчали.

– Да ладно. – Русский успокоительно махнул рукой. – Я вполне могу остаться вроде бы как для связи, а через некоторое время отправлюсь за вами вслед. Айвен бросил на пилота подозрительный взгляд. Тот ответил ему невинной улыбкой:

– Уж не сомневаешься ли ты в моей способности преодолеть здешние смешные границы?

Круифф медленно покачал головой:

– В твоих способностях я несколько не сомневаюсь. Я сомневаюсь в твоём благоразумии.

Русский слегка поморщился, нагнулся к столу, быстро подцепил вилок маринированный грибок и отправил его в рот.

– А если даже и так? С моим уровнем подготовки я думаю, сумею выпутаться из ситуаций, в которых могу здесь оказаться, по крайней мере в девяноста случаях из ста. Так почему бы не попробовать вмешаться?

– Я бы на твоём месте не очень-то рассчитывал на вашу подготовку, – вздохнул Круифф. – Учитывая, что действие этого, назовем его фактором X, с течением времени усиливается, все твоё преимущество может сойти на нет, причем довольно быстро.

– Но ведь мы с тобой, в отличие от местных, обладаем серьёзной подготовкой к действиям в условиях комплексного психоподавления. Кроме того, действие X-фактора усиливается и для всех остальных, не так ли? Значит, ухудшение будет пропорциональное и я все равно остаюсь в выигрыше, даже при прочих равных условиях.

– Ну, я бы не был так уверен в этом. Ведь пока что мы с тобой здесь чужие. Может быть, на нас он действует сильнее. Вот ведь майор – он до сих пор не очнулся.

Пилот задумался:

– Ну что ж, возможно, ты прав. И все же я хотел бы рискнуть. Могу пообещать, что если я вдруг почувствую, что вероятные последствия, о которых мы с тобой говорили, действительно имеют место, то немедленно брошу все и отправлюсь за вами вслед.

Айвен сердито блеснул глазами:

– Нет, я запрещаю тебе. Все может кончиться тем, что к тому моменту, когда ты решишь отправиться вслед за нами, X-фактор уже так подействует на тебя, что ты будешь просто не в силах это сделать или, как майор, впадешь в бессознательное состояние. – Айвен умолк, пристально глядя на русского и стараясь вложить в свой взгляд всю силу убеждения. – А я, между прочим, совершенно не расположен объяснять ему, когда он наконец очнется, куда я подевал его единственного в этом мире земляка.

Русский помрачнел и со вздохом склонился над своей тарелкой. Некоторое время оба молча ели, потом Юрий отодвинул пустую тарелку, утер рот уголком салфетки и, скомкав, положил ее на стол:

– И все-таки. Как быть, если они зададут тебе этот вопрос? Насколько я понял, у этого барона Конгельма достаточно возможностей, чтобы перекрыть или хотя бы сильно затруднить нам уход на запад.

Круифф молча налил себе стопку, залпом выпил и пробормотал сквозь зубы:

– Об этой проблеме подумаем, когда – и если – она возникнет.

У столика неслышно нарисовался официант:

– Господа велят подавать десерт?

Они переглянулись и ответили одновременно:

– Давайте.

* * *

На следующий день Круифф наведился в банк к господину Максину. В приемной управляющего банка на строгой формы удобных кожаных диванах сидело довольно много народу, но, как только секретарша доложила о его приходе, господин Максин, взволнованный, почти сразу же возник на пороге и пригласил его в кабинет:

– Очень рад, очень рад... Чаю?

– Благодарю.

Они сели в кресла у небольшого чайного столика в углу обширного кабинета. Банкир собственноручно налил чай в изящные фарфоровые чашечки, придвинул гостю вазочку с вареньем:

– Прошу вас, угощайтесь.

– Еще раз благодарю.

Господин Максин поднес чашку ко рту, разок отхлебнул и дрожащей рукой поставил чашку обратно на столик. Было видно, что он не находит себе места от беспокойства и нетерпения.

– Прошу прощения, господин Кройф, – заговорил он возбужденно, – но, если это еще возможно, я бы хотел принять ваше предложение.

Круифф, по примеру хозяина ставя чашку на место, утвердительно кивнул:

– Без всякого сомнения. Вы столько для нас сделали, что я с удовольствием сделаю то, что обещал. Однако позвольте полюбопытствовать, – спросил он после короткого молчания, – что заставило вас изменить первоначальные намерения?

– Как, вы не знаете? Об этом все только и говорят. Четыре дня назад вооруженная банда совершила налет на специальный курьерский поезд и ограбила вагон, перевозивший наличность Государственного банка.

Круифф усмехнулся про себя, однако придал лицу крайне озабоченное выражение:

– Да что вы Говорите! И большая банда?

– Чрезвычайно большая. Человек под сорок. А главарь у них – ромэл. И, что самое страшное, налет произошел всего в тридцати верстах отсюда. Если уж подобные банды безнаказанно орудуют так близко от города... – Банкир в возмущении стиснул руки.

Айвен сочувственно покачал головой:

– Вот видите. Я же говорил. И то ли еще будет... Господин Максин согласно закивал:

– Да, да, вы были абсолютно правы. Собеседники принялись пить чай, рассеянно глядя перед собой в большое окно, затянутое по краям морозными узорами. Круифф повернулся к банкиру:

– Я нынче же договорюсь о местах. Насколько я помню, детишек у вас двое? Господин Максин кивнул.

– Отлично, значит, купе за вами. Там только два спальных места, но... уж как-нибудь. И вот еще что. Поскольку это военный эшелон, то приказ о его отправке может прийти в любой момент, так что вам необходимо перевезти семью в город.

– Всенепременно, – закивал банкир, – сегодня же закажу номера в «Принц-паласе».

– А вот этого я бы вам не советовал, – склонился к нему Круифф, – я слышал, что эти так называемые «народные патрули» завели привычку вламываться ночью в гостиничные номера и производить самовольные допросы.

– Да что вы говорите? – Господин Максин вздрогнул. – И куда же смотрит полиция?

– Помилуйте, – грустно улыбнулся Айвен, – какая полиция? Когда вы последний раз видели городского? Теперь вместо полиции как раз «народные патрули». Не знаю только, какого это они народа.

– Но что же мне делать? – растерянно пробормотал банкир.

– А вы обратитесь к барону Конгельму. Он любезно согласился приютить у себя нашего больного друга. Да и вашим домашним там будет не в пример покойнее.

– Действительно, – обрадовался господин Максин, – вы знаете, все это так на меня подействовало, что... – Он прижал руки к груди, словно извиняясь.

– О, я прекрасно вас понимаю.

Они еще немного посидели, обсуждая детали. Наконец господин Максин спохватился:

– Да что же это я все о своем да о своем. Ведь, как я понимаю, у вас ко мне дело. Круифф кивнул:

– Да, есть тут небольшое дельце. Могу я вас спросить, ваша связь с зарубежными корреспондентами пока еще надежна?

– Настолько, насколько это пока еще возможно в наших условиях. У нас есть собственный штат вооруженных курьеров, но... Вы сами понимаете... – Господин Максин приложил ладонь ко лбу, голос его повеселел. – Да, кстати, я последовал вашему совету и еще третьего дня телеграфом перевел все валютные счета в мой дочерний банк в Цимрихе, а также, не далее как вчера, отправил туда с курьерами большую часть наличного золота и основные ценности из клиентских сейфов. Они должны добраться туда к концу недели и телеграфировать мне.

– Ну, я надеюсь, что к концу недели нас здесь уже не будет. Однако у меня к вам вот какое дело. – Круифф немного помолчал, серьезно и даже с несколько заговорщицким видом глядя в глаза банкиру. – Те, кто меня послал, – люди чрезвычайно предусмотрительные и, кроме того, обладающие довольно значительными возможностями. А посему, несмотря на постигшую нас ужасную катастрофу, я все-таки получил в свое распоряжение достаточные средства. – Айвен умолк, стараясь подметить, не возникло ли случайно у господина Максина каких-либо сомнений на его счет. Но тот был весь внимание. Можно было продолжать без опаски. – Однако сейчас положение дел таково, что столь значительные средства, да еще в иностранной валюте, мне совершенно не надобны. Но оставлять их здесь, да еще учитывая, что мы собираемся уезжать, представляется мне совершеннейшим безумием.

Банкир всплеснул руками:

– О Господи! Ну конечно же. Я всенепременно обеспечу перевод ваших средств в любой выбранный вами банк. Как много вы собираетесь перевести?

– Восемьдесят две тысячи. В билетах британского государственного банка..

Господин Максин уважительно покачал головой:

– Солидная сумма, тем более по нынешним временам. Насколько я знаю, большинство

иностранных бирж уже прекратили котировки нашей валюты, но даже по курсу полуторамесячной давности выйдет больше пятисот тысяч. – Банкир решительно тряхнул головой. – Не беспокойтесь. Даже если с курьером что-нибудь случится, моих активов вполне хватит, чтобы возместить вам все потери. Итак, в какой банк вы предполагаете их перевести?

Айвен улыбнулся:

– А давайте не будем мудрить. Пусть это будет ваш же дочерний банк, о котором вы мне расскажете. Господин Максин просиял:

– Ну что ж, польщен. В таком случае мы все немедленно оформим в лучшем виде. И будем считать, что деньги уже там.

Через полчаса Круифф покинул здание банка обладателем личного номерного счета. Ко всему прочему у него в кармане лежал номерной ключ, открывающий доступ к этому счету, предназначенный для пилота, и еще один – для майора, буде тот очнется.

* * *

Следующие два дня прошли в предотъездных хлопотах. Круифф без особых хлопот решил вопрос с купе для господина Максина, уменьшив свой запас местной валюты еще на пятьдесят тысяч, и осторожно, мелкими порциями, чтобы не вызвать лишних вопросов, раздал долги. Юрий озаботился заготовкой продуктов на дорогу: они здраво рассудили, что буфеты на станциях по пути следования их поезда вряд ли будут работать. Кроме того, наметился легкий флирт между ним и старшей дочерью господина Максина, который перевез семью в дом барона на следующий же день после разговора с Круиффом. Майор по-прежнему находился в бессознательном состоянии. Соратники барона Конгельма рыли носом землю в поисках пропавшего поезда государя. А обещанный военный эшелон все еще недвижно стоял на запасных путях Центральной сортировочной станции, так что Айвен уже начал терять веру, что этот эшелон вообще когда-нибудь отправится. Но вот однажды ночью его разбудил звонок из Департамента военных перевозок округа. Эшелон должен был отойти от перрона завтра в два часа пополудни.

Остаток ночи и первую половину дня все провели в напряженном ожидании. Для доставки на вокзал майора и семейства банкира Юрий пригнал из гаража выпрошенный у старшего механика «ролкс». Всю дорогу до вокзала Круифф боялся, как бы к ним не привязался какой-нибудь «народный патруль». Слава богу, Юрию пришло в голову приладить на капот флажок с красным кружком, играющий здесь роль красного креста, дам одели в платья сестер милосердия, ну а носилки с майором не заметить было просто невозможно. И все обошлось.

Когда эшелон наконец тронулся, Айвен обессиленно вздохнул и повернулся к пилоту:

– Ну, слава богу, похоже, двинулись. Юрий криво усмехнулся:

– Погоди, это только начало пути. Кто знает, где он закончится.

* * *

Беда пришла неожиданно. Три дня поезд медленно останавливаясь и подолгу стоя на каждом втором полустанке, двигался на север. Домашние господина Максина сильно волновались, и Круифф часто задерживался в их купе, оставляя пилота наедине с майором. В этом не было ничего удивительного – хотя в купе банкира набилось целых шесть душ, там все же было не так тесно, как в купе у Круиффа, где почти все свободное место было занято майором, которому пришлось подставлять лавки, чтобы он уместился на полке и не рухнул при резком торможении.

Всякий раз, когда поезд, лязгая вагонными буферами, замедлял ход, Айвен встревоженно приныкал к окну, а дамы испуганно съеживались и, напротив, отодвигались от окна как можно дальше. Иногда за окнами вагона слышались возбужденные голоса, мелькали какие-то вооруженные люди, но все обходилось, и вскоре они отправлялись

дальше. Потом остановки стали короче и реже, все начали понемногу успокаиваться. Круифф уже не так часто заглядывал в купе господина Максина, передав инициативу пилоту, который продолжал флирт с умненькой и симпатичной дочкой банкира. Дорожный быт понемногу налаживался, и, если бы не теснота, с которой, впрочем, все уже как-то свыклись, путешествие походило бы на вполне заурядную поездку. Так было до той ночи, когда эшелон надолго застрял на какой-то станции. В полной неизвестности прошло часа два. Вдруг дверь купе с шумом открылась, и Круифф увидел перед собой людей в грязных и донельзя заношенных шинелях, небритых, с суровыми лицами, вооруженных пехотными штуцерами.

Верховодил, судя по всему, невысокий шустрый солдатик со злыми глазенками и жидкой всклокоченной бородкой. Он несколько мгновений по-хозяйски рассматривал их, потом сделал шаг вперед и наклонился над майором, занимавшим всю спальную полку и придвинутую к ней лавку:

– Болезный?

Юрий кивнул. Мужичок опасливо отшатнулся:

– Чумной?

– Нет. Просто без памяти. Солдатик облегченно расслабился:

– Ну ладно, злыдни, хватайте свое энтого и давай наружу. Кончился ваш драп.

Они молча переглянулись. Вагон гудел и стонал, повсюду слышались сердитые, жалобные, умоляющие, растерянные голоса пассажиров. Кто-то кому-то грозил. Кто-то, наоборот, сулил деньги и вечную благодарность. Похоже, нечто подобное происходило в каждом купе. А значит, не было никакого смысла тратить время на разговоры.

– Прошу прощения, но мы не сможем его вынести. Он слишком тяжел. Это такая особая болезнь, от нее очень тяжелеют кости.

Сообщение Юрия поставило солдатика в тупик. Если бы пассажиры купе начали ругаться или просить его, он знал бы, как с этим справиться, он уже заранее предвкушал, как заставит «этих злыдней» выметаться из купе. Но то, что ему сказали, да еще таким спокойным голосом... Ну как можно заставить безногого встать и идти? Мужичонка несколько мгновений постоял в недоумении, недоверчиво хмыкнул, с опаской наклонился над майором и попытался приподнять его руку. По его покрасневшему лицу было видно, что она оказалась тяжелее, чем он ожидал даже после предупреждения. Солдатик наморщил лоб, раздумывая, потом с ухмылкой повернулся к Круиффу и Юрию:

– А вы его того, волоком. – Мужичонка заржал, за ним и все остальные.

– Пилот, быстро взглянув на Круиффа, соскочил с полки и шагнул к солдатике. Айвен тут же развернулся к остальным, заслоня пилота и солдата своей широкой спиной, и начал громко, с надрывом возмущаться:

– Ну как же так, господа! Как вам не стыдно! Как же можно так относиться к больному? Он же совершенно беспомощен. Разве вы сами никогда не были ранены или больны? Ведь мы же не требуем ничего невозможного и не отказываемся выполнить ваши распоряжения. Мы просим только...

– Ладно, неча ныть, – раздался за его спиной покровительственный голос, – так уж и быть, счас пришло медбратьев с носилками. – Солдатик отпихнул Круиффа в сторону и повелительно ткнул пятерней в одного из тех, кто пришел вместе с ним. – Плюян, все понял? Дуй в лазарет. – Он снова повернулся к землянам. – Вот что, господа хорошие, я вижу, вы люди смиренные и с понятием. Так что сидите тут тихонько и не рыпайтесь. Все одно без толку. А мы покуда пойдём еще кой-кому укорот сделаем. – С этими словами он вышел из купе.

Русский, молча переглянувшись с Круиффом, осторожно задвинул дверь купе. Круифф шумно выдохнул. Несколько мгновений они молчали, потом Юрий сказал, покачав головой:

– Черт, никогда не приходилось работать в таких условиях.

– Что ты ему приказал?

– То, что смог. Ни о каком конкретном приказе и речи быть не могло. Я попытался только хоть немного изменить общее отношение. Добавить доброжелательности, что ли...

– Похоже, кое-что тебе удалось.

– А толку? – досадливо отозвался Юрий, осторожно выглядывая в окно. – Похоже, мы попали в очень неприятный переплет.

Круифф согласно кивнул:

– Если я не ошибаюсь, это Коев.

– И что?

– Здесь расквартирована Шестая учебная дивизия генерала Тропина. Мне сказали в штабе округа, что он крепко держит ее в руках. По крайней мере, до самого нашего отъезда в штаб округа не поступало никакой информации о брожении в ее рядах. Я даже надеялся, что, если наш конвой понесет потери, мы сможем здесь пополнить охрану.

Юрий поморщился:

– Да уж, попали как кур в ошип. Тут дверь купе с грохотом поползла в сторону, и в щель просунулась мрачная бородатая рожа:

– Ну, где тут ранетый? Круифф поспешил ответить:

– Вот, но он не раненый, он больной.

– Чумной? – испуганно спросил медбрат.

– Нет-нет, что вы. У него довольно редкая болезнь, просто сильно потяжелели кости. – Он мгновение помедлил и поспешно прибавил: – Но это совершенно не заразно.

– Ну да, – недоверчиво начал медбрат, но тут позади него послышался знакомый голос, покрывший его таким многоэтажным матом, что тот вздрогнул и принялся торопливо затаскивать в купе носилки.

Носилки развалились, едва они выволокли майора из вагона. Медбрат чертыхнулся, с досадой покосился на Айвена и русского, у которых остались в руках лишь обломки задних ручек, и зло рявкнул на пришедшего с ним солдата:

– Ну че стоишь? Дуй за санитарной двуколкой. Когда тот скрылся из виду, он повернулся к лежавшему на полу майору и с сомнением покачал головой:

– Ну дюже тяжел. Это что же за болезнь такая?

Круифф пожал плечами:

– Не знаю. Я не врач.

Юрий тихонько оглядывался. Перрон был заполнен солдатней. Большинство просто топталось у здания вокзала или толпилось у поезда, то и дело раздражаясь смехом, когда из вагона вываливался очередной сановный пассажир, изрядно помятый и удрученный.

У самого паровоза угрюмо стояла плотная толпа солдат ветеранских рот. Они неодобрительно глазели на все, что творилось, но явно не собирались вмешиваться. Круифф покосился на окна своего купе. Он прихватил с собой в дорогу несколько упаковок золотых десятков и большую их часть засунул под обшивку вагона над окном. Конечно, за время, что поезд стоял на станции, у него не раз был подходящий момент, чтобы достать их оттуда, но Айвен сильно сомневался, будет ли это разумно. Он вздохнул и перевел взгляд на перрон. У вагона копошились пассажиры, торопливо собирая вещи, которые избежали конфискации. Солдатики с ржанием вышвыривали их из окон прямо в грязь. А шутники из толпы то и дело наступали ползающим женщинам на волочащиеся по земле подола, толпа вокруг весело гоготала, когда те взвизгивали или падали лицом на перрон. Все это очень напоминало поведение детей, которые внезапно обнаружили, что никаких внешних запретов больше не существует, ведь собственных моральных установок у детей еще нет.

Двуколка появилась минут через пять. Дважды к ним пытались прицепиться слегка подвыпившие ватаги, но оставшийся с ними медбрат сумел отогнать их, прокричав, что все делается по распоряжению Кузьяра. По-видимому, так звали того низкорослого солдата. Ватаги тут же отстали, из чего можно было заключить, что этот самый Кузьяр имел здесь немалую власть. Однако, когда они уже погрузили майора на двуколку, из толпы, окружавшей их, вдруг возникли двое – невысокий крепкий солдат, в отличие от большинства остальных, потрошивших вагоны, вооруженный громоздким пистолетом с неотъемным коробчатым магазином, и худой тип в отчаянно скрипящем длиннополом кожаном пальто, с кобурой барабанника на поясе. Гражданский недовольно спросил:

– В чем дело?

Судя по тому, что медбрат суетливо соскочил с двуколки и, подобострастно согнувшись, принялся что-то объяснять, власть этих двоих была побольше власти Кузьяра. Круифф с тревогой посмотрел на пилота. Тот стоял у колеса двуколки, покусывая нижнюю губу. Медбрат замолчал, застыв в поклоне. Солдат с пистолетом и гражданский переглянулись, потом солдат вскочил в двуколку и так же, как Кузьяр в купе, с заметным усилием поднял руку майора. Хмыкнул. Гражданский что-то буркнул медбрата и, мгновенно потеряв интерес к происходящему, двинулся дальше вдоль перрона.

Всех выгруженных из поезда пассажиров поместили в какие-то бараки, располагавшиеся на задворках станции. Бараки были обнесены забором с двумя рядами колючей проволоки, густо намотанной на беспорядочно натканные деревянные колья. Когда они, уже на рассвете, во главе скорбной колонны подъехали к воротам, пилот соскочил на землю и, делая вид, что ему необходимо срочно поправить голову майора, быстро огляделся по сторонам. Медбрат, который всю дорогу смолил «козью ножку» и сплевывал сквозь зубы, недовольно зыркнул на него и открыл было рот, чтобы прикрикнуть, но Юрий Уже снова сел на место. Круифф поймал его взгляд – русский с кислой миной на лице отрицательно помотал головой. В следующее мгновение они въехали в ворота.

Трехъярусные нары, а также неистребимый запах портянок и прокисшего шинельного сукна ясно говорили о том, что бараки прежде были казармами одного из полков учебной дивизии и их превратили в некое подобие тюрьмы лишь недавно, на скорую руку.

Когда они с медбратам, в сопровождении двух угрюмых солдат, надрываясь, заволокли майора в мрачный и промозглый барак, из темноты выступило несколько фигур. Конвойные тут же взяли штуцера наперевес, а старший надсадно рявкнул:

– А ну назад, вашбродь! И не балуй. Робяты на пулемете сидять.

Фигуры отпрянули, но не исчезли. Медбрат остановился и, зло ругнувшись, выпустил край брезента, на котором они тащили майора.

– Все, будя. Дальше сами.

Конвойные, настороженно водя по сторонам стволами штуцеров, попятились к двери. Круифф провожал их взглядом, пока они не скрылись, и повернулся к неизвестным, которые, судя по всему, были старожилками барака.

Один из них выступил вперед, потом неожиданно молодецкато вытянулся и, щелкнув каблуками, представился:

– Господа, ротмистр Каине, к вашим услугам. Айвен понимающе кивнул, что ж, этого следовало ожидать.

– Господин Кройф, господин Юри. Милостивый государь, вы не поможете нам донести до нар нашего друга?

Ротмистр молча отвесил короткий поклон, больше похожий на кивок, и, шагнув вперед, взялся руками за угол брезента.

Полчаса спустя, когда конвойные загнали в барак первую партию несчастных пассажиров и офицеры переключили свое внимание на вновь прибывших, Круифф наклонился к Юрию и тихо спросил:

– Ну как?

Русский отрицательно качнул головой:

– С майором не пройти, бесполезно. Двойной забор и почти десять метров сплошной «путанки» внутри, между линиями ограждения.

К вечеру, когда все вновь прибывшие уже кое-как разместились, ротмистр появился снова. Увидев издали, что офицер направляется к нарам, где рядом с землянами разместилось и семейство господина Максина, Круифф подумал, уж не дочери ли банкира привлекают его сюда. Однако оказалось, что он был не прав. Ротмистр молодецкато щелкнул каблуками, с галантным видом приложился к ручке жены банкира, что, учитывая окружающий антураж, выглядело несколько нелепо, и повернулся к Круиффу и Юрию:

– Господа, вас хочет видеть генерал. Круифф и пилот обменялись быстрыми взглядами, потом Айвен встал и обратился к банкиру:

– Друг мой, прошу вас, посмотрите за нашим спутником.

Господин Максин, пребывавший в прострации, встрепенулся и закивал головой:

– Конечно-конечно.

Круифф повернулся к ротмистру:

– Мы готовы следовать за вами, господин офицер, – и шагая следом за ним, попросил:

– Вы не могли бы рассказать нам, что здесь произошло?

Пока они неспешно пробирались через кишаший растерянными людьми барак, ротмистр в общих чертах ввел их в курс дела:

– Прошу простить, господа. Но все произошедшее с вами есть результат бунта, поднятого в нашей дивизии чертовым городским Комитетом действия два дня назад... – Он задел ногой какой-то узел, который, к его Удивлению, оказался старичком, который лежал на грязном полу, свернувшись калачиком. – Прошу простить... Ну что же это вы, папаша, пойдете, пойдете, вон там есть свободное местечко. – Проводив старика, он вернулся к спутникам и возобновил свой рассказ: – Так вот. Все произошло неожиданно. За одну ночь во всех полках возникли эти сволочные Комитеты действия, и к утру все офицеры были арестованы. – Он негодуяюще вздернул подбородок, но тут же снова взял себя в руки. – Двух командиров батальонов и одного комполка тут же расстреляли. Остальных изолировали в этих бараках. Вон в тех, – он кивнул в сторону маленьких окошек с грязными стеклами, за которыми виднелись еще два барака, – полковые офицеры, некоторые унтера, всего человек четыреста, а может, и пятьсот. Нас же, штаб дивизии, разместили здесь. Конечно, там их набилось как сельдей в бочке, у нас до вашего прибытия было попросторнее, но только вот не топят, так что удивляюсь, как мы за эти два дня вообще не замерзли. – Он горько усмехнулся. – Ну ничего, теперь согреемся. Ну вот, господа, мы и пришли.

Генерал Тропин оказался крупным мужчиной зрелого возраста, украшенным воинственно торчащими усами, роскошными бакенбардами, которые даже в этой обстановке были аккуратно подстрижены и тщательно расчесаны.

– Прошу, господа, – генерал с кряхтением поднялся на ноги и жестом радушного хозяина указал на нары напротив себя, – конечно, мне хотелось бы, чтоб наша встреча произошла в несколько иной обстановке, но... – И он развел руками.

Айвен и Юрий вежливо поклонились и представились.

– Прошу простить, что оторвал вас от ваших забот, но меня крайне заинтересовало, как вам удалось добиться того, что вашего больного друга доставили сюда на санитарной двуколке. Сказать по правде, после того, что здесь творилось, я слабо представляю себе, который из их главарей оказался способен на столь милосердный поступок. – Генерал покачал головой и с горечью добавил – и это мои солдаты...

Круифф бросил быстрый взгляд на пилота и, не вдаваясь особо в детали, описал эпизод в вагоне. Когда он произнес имя Кузьяр, стоявший рядом с генералом ротмистр изумленно вскинул брови. Впрочем, как видно, это происшествие удивило и самого генерала.

– Да, господа, не ожидал, не ожидал. – Он помолчал несколько мгновений, потом снова заговорил: – Еще раз прошу меня извинить, но главная причина, почему мне захотелось увидеться с вами, заключается в следующем. – Он подкрутил усы и приосанился, словно давая понять, что собирается сказать что-то важное. – Насколько я могу судить, нам предстоит пробыть здесь не день и не два. И мы, офицеры, хотя отныне мы и составляем в бараке незначительное меньшинство, тем не менее благодаря нашей сплоченности, воинской выучке и личному мужеству остаемся единственно способными здесь не давать воли отчаянию и по возможности контролировать ситуацию. Чего, как я уже заметил, нельзя сказать об остальных обитателях барака. Не обо всех, конечно, – уточнил генерал, – однако, дабы в бараке не случилось раскола и не установились подлые порядки, нам необходима помощь всех, кто может ее оказать. – Генерал выразительно посмотрел на Круиффа и Юрия. – Вы с первого взгляда показались мне людьми, умеющими добиваться своего. И я прошу вас принять на себя обязанности, скажем так, лиц, которые помогут мне организовать достойных людей из гражданских для поддержания необходимого порядка. – Генерал

замолчал, не сводя с землян требовательного взгляда и явно ожидая ответа.

Круифф мысленно поморщился. Если они всерьез собираются заняться подготовкой своего исчезновения из этого негостеприимного места, соглашаться на это лестное предложение никак нельзя. Какое-то время они оба молчали, потом Айвен заговорил, старательно выбирая слова:

– Мы благодарны вам, господин генерал, за оказанное нам столь высокое доверие, но... С нами большой друг, он совершенно беспомощен, а предложенная вами деятельность, несомненно, потребует от нас значительного внимания с нашей стороны. К тому же мы взяли на себя ответственность еще за несколько человек, среди которых есть и дамы, так что, боюсь, к нашему великому сожалению, мы будем вынуждены отказаться от вашего предложения. – Он умолк и, увидев гримасу разочарования на лице генерала, утешительным тоном добавил: – Однако могу заверить вас, что как частные лица мы всецело поддержим ваши усилия.

Генерал вздохнул:

– Я понимаю вас, господа. Хотя и огорчен. Конечно, если бы вы действительно хотели принять мое предложение, то и охрану, и уход за вашим товарищем вполне можно было бы обеспечить, но... благодарю и не смею настаивать. Последний вопрос. Не могли бы вы посоветовать мне кого-нибудь, кто, по вашему мнению, способен заняться этим делом? Круифф задумался:

– Прошу простить, господин генерал, я совершенно не знаком с большинством наших попутчиков, а из тех, кого знаю, могу порекомендовать только господина Ракиту. – И он показал на человека плотного телосложения с аккуратной седоватой бородкой, деловито занимавшегося ревизией своих вещей.

Генерал с недоумением вскинул брови:

– Господин Ракита? Айвен кивнул:

– Да. Мне кажется, это – лучший выбор.

Генерал с сомнением покачал головой:

– Никогда о нем не слышал. Круифф вежливо улыбнулся:

– Последняя должность, которую он занимал, – товарищ министра почт и телеграфа.

Генерал изумленно вскинул голову:

– Но ведь товарищем министра был граф Бронков, внебрачный сын прежнего...

– Именно так, – согласно кивнул Круифф, – но после отречения он принял фамилию матери, и большинство пассажиров знают его под этой фамилией. – Он встал. – А теперь позвольте откланяться.

Они направились к своим нарам. Вдруг Юрий остановился и, повернувшись к Круиффу, приложил палец к губам. Там, где они располагались, кто-то громко переговаривался. Айвен осторожно выглянул за угол. Могучая фигура майора раскинулась на полу рядом с нарами, господин Максин сидел поодаль у стены, держась руками за окровавленную голову. Жена склонилась над ним, дочери испуганно жались рядом, а на нарах самодовольно развалились четверо плотных мужчин средних лет, по внешнему виду – биржевых маклеров. Круифф зло ощерился:

– Как сказано в Писании, да воздается каждому по делам его. Вот и расплата за наш отказ. – Он повернулся к Юрию. – Ну что, попросим помощи у господ офицеров?

Юрий молча тряхнул головой, скрипя зубами, и вышел из-за угла:

– Эй, господа, по-моему, вы поступили неблагородно. Эти нары уже заняты. Почему бы вам не извиниться и не пойти поискать другое место?

Ответом ему были пренебрежительные взгляды захватчиков, один из них смачно сплюнул, ловко попав слюной ему на ботинок. Юрий презрительно улыбнулся и покачал головой:

– Посмотрите, господин Кройф, на первый взгляд – вроде приличные люди, а на самом деле – шваль подзаборная.

– Что-о-о? – Все четверо в изумлении уставились на пилота.

В мгновение ока они были уже на ногах, и тот, что плюнул, с шутовской серьезностью

обратился к своим товарищам:

– А что, господа, как вы смотрите на то, чтобы примерно наказать этого нахала и заодно слегка согреться?

Юрий, не дожидаясь, что за этим последует, мягким кошачьим движением скользнул вперед. Первого он отключил жестким ударом в кадык. Второй получил короткий удар ногой в пах и два одновременных хлопка по ушам раскрытыми ладонями. Третий попытался ударить русского тростью, но вдруг обнаружил, что его собственная трость торчит у него между осколками зубов, и, видимо пораженный этим открытием, закатив глаза, рухнул на нары. Так что не прошло и пяти секунд, как мастер по плевкам и обогреву вдруг обнаружил, что остался один. Несколько мгновений он изумленно пялился на валявшихся соратников, потом поднял глаза на Юрия и, растянув губы в боязливой улыбке, рассыпался мелким смешком:

– Прошу прощения, господа, мы как-то не поняли, что эти места заняты столь достойными людьми. Мы, конечно, с радостью...

– Заткнись. – Юрий прошелся между поверженными противниками, коротким пинком привел в чувство типа с разбитыми зубами и снова повернулся к своему собеседнику. – Встать! – негромко приказал он.

Трое поверженных, постанывая, поднялись на ноги. – А теперь осторожно положите нашего друга на его место.

Все четверо, пыхтя и суетясь, поспешно выполнили распоряжение. Юрий взглянул на любителя согреться:

– Снимай пальто.

Тот покорно скинул добротное драповое пальто и замер, выжидательно глядя на Юрия. Тот выставил вперед ногу и, кивнув на ботинок, сказал с усмешкой:

– У меня случайно запачкалась обувь. Маклер молча рухнул на колени и с остервенением принялся за дело. Когда было покончено со вторым ботинком, русский кивком позволил ему подняться и, окинув всех четверых взглядом, от которого они покрылись гусиной кожей, тихо произнес:

– Я преподаю вам урок. Возможно, этого достаточно, хотя я в этом сильно сомневаюсь. Ну, да бог с вами. Но если я однажды, совершенно случайно, просто замечу вас где-нибудь поблизости, я... продолжу наши занятия.

* * *

Они жили в бараках уже две недели. Круифф не переставал удивляться тому, как люди умеют приспособиваться. Пассажиры поезда представляли сливки высшего общества и делового мира древней столицы. Аристократы, купцы, биржевые дельцы и высшие чиновники, финансисты и инженеры, землевладельцы и заводчики, они в большинстве своем владели немалым состоянием и домами, держали многочисленную прислугу, а теперь как ни в чем не бывало занимали очередь к параше, переругивались у корыта, где стирали носки и носовые платки, с деловым видом обсуждали гастрономические достоинства сегодняшней баланды по сравнению с тем, чем кормили вчера. Офицеры и добровольцы из гражданских довольно быстро подавили всякие попытки установить «право сильного», да и среди пассажиров оказалось не много желающих его установить. После стычки, случившейся в день приезда, по слухам, была предпринята еще только одна такая же попытка. Так что к исходу второй недели их быт уже совершенно устоялся. Все это время Круифф настойчиво искал возможности для побега. Однако ничего путного пока не подворачивалось.

Все кончилось внезапно серым морозным утром, когда тяжелые двери барака с противным скрипом распахнулись и на пороге появились солдаты со штуцерами наперевес во главе с тем самым солдатом с пистолетом, которого они запомнили еще по встрече в первое утро на перроне. Как рассказал Айвену ротмистр, частенько захаживавший в гости, этот тип был заместителем председателя Комитета действия и теперь его именовали

соратник Брузь. На этот раз его пистолет был упрятан в громоздкую деревянную кобуру, болтавшуюся на левом боку где-то на уровне паха.

Было еще темно, но от мощной волны чистого и холодного воздуха, ворвавшейся в раскрытые настежь двери, все тут же проснулось. Соратник Брузь, окинув взглядом зашевелившихся на своих нарах пленников и зычно приказал:

– Выходи строиться.

Стронуть с места такую массу пригревшихся за ночь, еще не до конца проснувшихся людей, к тому же не привыкших к военной дисциплине, было не так-то просто, и все же не прошло и часа, как все они, поевиваясь, уже стояли на улице. Майор тяжело висел на плечах Юрия и одного из офицеров, поскольку на этот раз их просьба о носилках вызвала на лице «соратника» лишь слабую презрительную гримасу. Так что, когда он приказал женщинам выйти из строя и вернуться в барак, Круифф и Юрий лишь молча переглянулись.

Их пригнали на станцию и, подгоняя прикладами, плотно набили в несколько пахнувших навозом теплушек, прицепленных к длинному составу. В каждом вагоне, рассчитанном человек на сорок, оказалось до ста душ. Солдаты задвинули двери вагонов, и наступила тишина.

У дальней стены вагона по команде генерала освободили небольшое пространство, на пол бросили пару шинелей и на них положили майора. Юрий и помогавшие ему офицеры облегченно выпрямились. Круифф присел и озабоченно потрогал лоб больного:

– По-моему, у него поднялась температура. Юрий таинственно улыбнулся:

– Не думаю, чтобы это была самая плохая новость в данных обстоятельствах.

Айвен поднял глаза. Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга, потом Юрий медленно покачал головой:

– Попробуй, но я его не оставлю. Круифф в ответ лишь усмехнулся:

– Знаешь, все когда-нибудь приходит к своему концу, а я прожил неплохую жизнь. И сейчас мне пришло в голову, что я вряд ли когда-нибудь встречу еще такую подходящую компанию для перехода в лучший мир.

Юрий покосился на сгрудившихся вокруг людей, которые молча слушали их диалог. Потом отвернулся и посмотрел на майора:

– Эх, парень, если бы ты знал, как ты нам сейчас нужен.

Их выгрузили в поле. Солдаты откинули дверь теплушки, и прокатившийся над эшелонном зычный голос соратника Бзыря приказал выгружаться. У соседнего вагона стоял гражданский в кожаном пальто. Он старался Держаться прямо и неприступно, но резкий, порывистый ветер развеивал полы его пальто, и потому он время от времени морщился и поевживался. Над ухом Круиффа послышался хриплый голос ротмистра:

– И этот здесь! Круифф обернулся:

– А кто он?

Ротмистр скривился:

– Соратник Тарый, председатель Коевского городского Комитета действия.

От толпы вдруг отделился какой-то человек, который, судя по всему, вознамерился подойти к «соратнику». Это был генерал Тропин. Ему тут же преградили путь стволом штуцера, но «соратник» с недовольной гримасой дернул подбородком, приказывая пропустить. Генерал, не дойдя до него шагов пять, остановился, попытался щелкнуть каблуками, что в глубоком снегу у него конечно же не получилось, по-военному отдал честь и заговорил:

– Прошу простить, господин соратник, но, насколько я могу понять, нас привезли сюда на расстрел. Тарый все с той же недовольной миной выдавил:

– Допустим. Генерал нахохлился:

– Что ж, я могу допустить, что вы считаете нас непримиримыми врагами затеянного вами хаоса и развала, и признаю – тут вы абсолютно правы. А это означает, что у вас есть все основания расстрелять меня и моих офицеров. Но почему вы позволяете себе поступать подобным образом с гражданскими лицами? – Он умолк ожидая ответа, но «соратник» смотрел сквозь него, не разжимая губ. Генерал побагровел. – Не говоря уж о том, что казнь

без следствия и суда является вопиющим нарушением всех гражданских прав, подобные меры в отношении гражданских лиц запрещены еще Корнольской конвенцией и подтверждены...

Соратник Тарый наконец счел нужным ответить:

– Генерал, не стоит отнимать у меня время. Указание о расстреле этих предателей и узурпаторов пришло из Бюро Центрального совета. А вас мы кончаем уж так, за компанию, по тем причинам, на которые вы только что указали. – Он скупой улыбнулся и лениво шевельнул ладонью.

На генерала тут же набросилось двое солдат, которые впахнули его обратно в толпу обреченных.

Тропин, переводя дыхание, с горечью произнес:

– И это мои солдаты...

Их отогнали в поле подальше от поезда. Идти по глубокому снегу было тяжело, люди, несшие майора, дважды менялись. Даже генерал на последних шагах подставил свое плечо. Наконец от вагонов прокричали остановиться. Из крайнего вагона выгрузили два пулемета и установили в нескольких шагах друг от друга. Потом вызвали расстрельную команду. Она начала строиться между вагонами и рубежом, обозначенным пулеметами. Круифф со вздохом поднял голову к небу, понимая, что Землю отсюда не разглядеть, но... И в этот момент раздался гулкий, густой голос:

– Что здесь происходит?

Круифф вздрогнул и повернулся. Майор стоял, опираясь на плечо Юрия, и смотрел на него.

– Вы... очнулись?

Майор, ни слова не говоря, кивнул и перевел взгляд на эшелон, на высыпавших из вагонов солдат, на пулеметы расстрельной команды, на тускло поблескивающий паровоз... Круифф встрепенулся. На удивление не было времени.

– Нас собираются расстрелять.

Майор резко повернул голову к Айвену, его глаза удивленно расширились. Но он был профессионалом, так что не стал задавать лишних вопросов.

– Где мы? Ответил Юрий:

– Долго объяснять. Мы провалились в прошлое Голузи, на триста лет. И сейчас здесь революция.

Майор пытливо повел глазами по сторонам. Лицо его так быстро изменило выражение, что даже генерал Тропин, все еще машинально поддерживавший его за локоть, вздрогнул и слегка отшатнулся. Майор несколько мгновений молча вглядывался в солдат, стоявших прямо перед ними, потом выпустил плечо пилота и двинулся вперед.

Всего несколько минут назад здесь пробиралась в глубоком снегу толпа обреченных, взрыхлив его и сбив в сугробы, но майору, как ни странно, это, кажется, ничуть не мешало. Возможно, он даже не заметил, что двигается в сплошном белом облаке, вылетающем из-под ног. Солдаты из расстрельной команды, выстроившись в две шеренги, внимали соратнику Тарому, который что-то горячо им втолковывал. Поэтому они не сразу заметили майора. Но тут закричали им со стороны эшелона, «соратник» прервал свою речь и обернулся, следом стали оборачиваться и солдаты расстрельной команды. К ним стремительно приближался майор. Шинель, которую накинута ему на плечи, скорее просто чтобы прикрыть наготу, чем для защиты от мороза, сползла с одного плеча и развевалась, словно рыцарский плащ. Солдаты опешили. Еще бы! Легко рассекая глубокий снег, к ним быстро приближался обнаженный гигант, лишь слегка прикрытый замызганной офицерской шинелью. Несколько мгновений все оторопело пялились на эту почти сверхъестественную картину, потом соратник Брузь, до того с горделивым видом стоявший за левым плечом соратника Тарого, выхватил свой квадратный пистолет и что-то прокричал. Но было уже поздно. Майор добрался до ближнего пулемета.

– Что он делает?

– Что? – Круифф нервно оглянулся. Генерал Тропин изумленно смотрел на

разворачивающееся перед ним действие. Ему ответил Юрий:

– Спасает наши задницы, – и тут же повернулся к Круиффу: – Как только князь начнет стрелять, положи всех в снег, – и тоже бросился вперед.

И только тут до Айвена дошло, что до самого момента, когда задал свой вопрос генерал, весь разговор шел только по-русски. Он поспешно повернулся к эшелону.

Майор, присев перед пулеметом, несколько секунд рассматривал незнакомую ему конструкцию. Солдаты расстрельной команды уже бежали к нему, торопливо передергивая затворы и что-то крича. Но тут майор распрямылся, легко держа в руках тяжелый, шестидесятикилограммовый пулемет с болтающейся снизу треногой, и развернул его толстый, укрытый кожухом водяного радиатора ствол в сторону бегущих солдат. В следующее мгновение пулемет дробно забился в его руках.

Айвен крикнул:

– Ложись! – и рухнул в снег.

Восстанавливая позже события того дня, Круифф вспомнил, что при взгляде на майора с пулеметом в руках первая его мысль была о том, что они ужасно недооценили проект «Святослав» и обо всем происходящем следует немедленно поставить в известность штаб-квартиру, и он не сразу сообразил, что эта мысль сейчас просто нелепа. Русский был... невероятен. Казалось, каждая, КАЖДАЯ пуля в непрерывной пулеметной очереди находила свою отдельную цель. Соратники Тарый и Брузь погибли среди первых. Причем Брузь поймал свою пулю на бегу, успев сделать один выстрел в сторону майора, а Тарый, которому его звериное, выработанное годами подполья чутье мгновенно подсказало, что этот странный обнаженный гигант несет смерть, рванулся обратно к эшелону, пытаясь спрятаться от смертоносного свинцового дождя за спинами бойцов расстрельной команды, но не успел сделать и трех шагов, как его настигла смерть. Русский, продолжая двигаться вперед, поднял ствол, и пулемет стал собирать свою кровавую жатву среди тех кто повыскакивал из вагонов на насыпь или толпился в широко открытых дверях, желая потешиться веселым зрелищем расстрела безоружных людей. Сейчас некоторые из них торопливо клацали затворами штуцеров, собираясь проучить этого полоумного, который захватил пулемет и натворил столько дел. Круифф каким-то шестым чувством ощутил недоумение, овладевшее солдатами, которые со сноровкой, приобретенной за три военных года, вскидывали свои штуцера. Весь их военный опыт говорил им, что один человек, даже с пулеметом, не может долго держаться под огнем целого батальона. Тем более стоя в рост на плоском, как стол, поле. Но в следующее мгновение у них не осталось ни недоумения, ни каких-либо иных чувств – майор быстро описал дугу, и все, кто поднял штуцеры, были мгновенно скошены длинной злой очередью. Пулемет замолк, в ленте кончились патроны. Майор отшвырнул его в сторону и, сделав два гигантских шага, поднял другой. За это время до некоторых солдат вдруг дошло, что мордой в снег рухнули только те, кто попытался вскинуть штуцер. И кое-кто поспешно откинул штуцер в сторону, как ядовитую змею. Однако не все. Пулемет снова зло рявкнул в руках гиганта, выплюнув несколько коротких очередей, прикончивших тех, кто в горячке еще не осознал простую истину, что самое безопасное в этой странной схватке – это быть безоружным, и замолчал. Над эшелонном повисла внезапная и потому пугающая тишина. Несколько мгновений никто не двигался, потом Юрий, который за эти несколько минут успел добраться до майора, прокричал:

– Бросить оружие! Всем!

Никто не шелохнулся, но тут пулемет майора грозно рыкнул, обдав молчаливые ряды солдат дождем щепок, выбитых из стенок вагонов. И люди стали торопливо разжимать руки. Штуцеры со звяканьем посыпались на землю. Вдруг пулемет заговорил снова. Несколько человек, спрятавшись за колесными дисками с обратной стороны вагонов, еще раз попытались остановить этого бога войны. Через какое-то мгновение их безжизненные тела покатались вниз по невидимому с этой стороны поезда склону насыпи. Но самое страшное было то, КАК майор это проделал. Он расстрелял их прямо СКВОЗЬ строй людей, стоящих по эту сторону вагонов, и при этом не задел ни одного из тех, кто послушно выполнил команду пилота. Русский выкрикнул новую команду:

– Всем из вагонов!

Солдаты горохом посыпались на землю. Круифф торопливо поднялся на ноги и повернулся лицом к людям, которые все еще продолжали лежать в снегу, оцепенев от всего того, что только что свершилось на их глазах.

– Господин генерал, господа офицеры... Военные, очнувшись, начали быстро подниматься на ноги. Айвен сделал знак головой в сторону эшелона, и они торопливо двинулись туда. Сам он остался на месте. Надо было позаботиться о гражданских, которых было здесь сотни две и которые в большинстве своем все еще лежали, уткнувшись лицом в снег, и не решались открыть глаза.

* * *

К полудню поезд, первые и последние вагоны которого теперь занимали вооруженные штуцерами и пулеметами офицеры и гражданские, имеющие кое-какой опыт обращения с оружием, медленно подошел к станции Коев. Народу на станции оказалось не очень много – только дежурный караул во главе с их старым знакомым Кузьяром да полурота солдат.

Из краткого допроса, произведенного на месте, они узнали, что после расстрела эшелон должен был, согласно приказу Центрального совета, без остановок двинуться напрямую в старую столицу. Там некоторые воинские части отказались подчиниться указаниям городского комитета действия и Центрального совета и подняли мятеж. Центральный совет срочно стягивал туда все наличные силы. Старая столица была крупным промышленным центром и железнодорожным узлом, и ее потеря тут же поставила бы новую власть на грань поражения. Соратник Тарый отобрал из состава дивизии наиболее распропагандированные роты, произнес зажигательную речь и сформировал маршевый полк. Показательный расстрел должен был еще больше воодушевить людей и заодно как бы повязать всех кровью. Для этого он и приказал прихватить и весь штаб дивизии во главе с генералом. Того в дивизии уважали, и, если бы расстрел, как предлагал соратник Брузь, был проведен на главной площади городка, в дивизии вполне могло бы начаться брожение. Впрочем, оно и так уже началось. Именно поэтому Тарый и Брузь так поспешно покинули Коев. Пока люди только начали потихоньку разбегаться, но никто не знал, что можно ожидать завтра. Во всяком случае, перед самым отъездом Тарый отдал секретное распоряжение Кузьяру. Тот должен был ближе к вечеру выкатить бочку с водкой из своевременно взятого под охрану полкового запаса и подпоить побольше солдат. Потом, когда солидная часть изрядно поднаберется, нужно было кинуть клич, что в бараках остались бесхозные господские бабы. А когда пьяная толпа кинется туда, велеть охране потихоньку открыть запоры на бараках с офицерами. По расчетам соратника, между пьяной солдатней и офицерами должна была возникнуть драка, и тут уж Кузьяр с полным основанием имел право применить для усмирения вырвавшейся на свободу офицерни и унтеровщины пулеметы. Однако этот чудовищный план стал известен немного позже.

А пока можно было представить изумление Кузьяра, когда эшелон, который он только на рассвете лично проводил в старую столицу, получив от соратника Тарого последние указания, и об отбытии которого уже дважды докладывал по телеграфу, вдруг снова нарисовался у родного перрона. Он оторопело вытаращил глаза и, махнув рукой старшему полуроты, бросился ко второму вагону, в котором, как он знал, устроил свой штаб соратник Тарый.

Когда он подбежал к двери, та с лязгом сдвинулась и к нему протянули руки какие-то люди в солдатских шинелях. Кузьяр подпрыгнул, его подхватили и одним рывком втянули внутрь.

– Доброго дня, соратник, что случи... – Он осекся, оцепенело водя глазами по сторонам – вагон был полон вооруженного офицера, а у дальней стены валялись двое в знакомой одежде: один в шинели, другой – в длинном кожаном пальто.

У передней стены, рядом с чугунной печкой, сидел на толстой деревянной колоде тот самый гигант, которого у него на глазах вытаскивали, почти что мертвого, из поезда, на

котором драпали те недобитые буржуи. Бывший мертвец молча смотрел на него. Кузьяр почувствовал, как от этого взгляда у него мгновенно взмокла спина, а по вискам потекли струйки пота. Гигант разлепил губы и спросил гулким шепотом:

– Где находятся остальные члены Комитета действия?

Кузьяр вздрогнул от этого страшного шепота и торопливо и сбивчиво заговорил.

Полуроту разоружили просто. Когда солдаты подошли к передним вагонам, двери обоих резко распахнулись и в глаза солдатам уставились толстенные пулеметные рыла, а выскочившие из вагонов офицеры, не дав опомниться, тут же отобрали штуцера.

К вечеру мятеж в Шестой учебной дивизии был подавлен. Все арестованные были освобождены, а на их место посажены зачинщики и наиболее активные участники мятежа.

Когда, уже ближе к полуночи, Круифф, который после бурного дня чувствовал себя совершенно без сил, добрался наконец до отведенной ему комнаты в двухэтажном особняке, в котором располагался штаб дивизии, то первое, что он увидел, открыв дверь, был майор – он лежал на кровати, к которой был приставлен табурет, и увлеченно читал газету. Айвен замер на пороге. Русский выглянул из-за газеты, потом отбросил ее и сел на жалобно скрипнувшей кровати:

– Ну что, мистер Круифф. Я гляжу, вы прямо нарасхват, – он усмехнулся, – а теперь прошу вас уделить мне немного времени.

Круифф мысленно застонал, но тут же взял себя в руки и, войдя в комнату, плотно прикрыл за собой дверь:

– Я к вашим услугам, майор.

– Прекрасно. Тогда я прошу вас подробно, не торопясь, рассказать мне, что же такое здесь происходит и как мы трое во все это вляпались.

Часть II

Затяжная весна

Айвен стоял у окна и смотрел на улицу. Деревья за окном злобно махали голыми, черными ветвями, мотаясь туда-сюда под порывами холодного северного ветра и умудряясь при этом почти не терять налипшего на них снега, который в те редкие минуты, когда ветер ослабевал, заставлял их уныло склоняться к земле. Между домами, то тут, то там, закручивались снежные вихри, напоминая маленькие смерчи. Круифф уныло усмехнулся и отвернулся от окна. «И это здесь считается началом весны...»

С того момента, как внезапно очнувшийся майор так круто вошел в здешнюю жизнь, минула уже почти неделя. И с каждым днем становилось все хуже и хуже. Через некоторое время после их чудесного спасения, когда все понемногу пришли в себя, перед людьми, только что заглянувшими в глаза смерти, неотвратимо встал вопрос: что делать дальше? Большая часть пассажиров поезда только укрепилась во мнении, что из этой страны необходимо немедленно бежать. Причем чем дальше от нее, тем лучше. И потому пассажиры, буквально на второй День, начали атаковать генерала настойчивыми просьбами незамедлительно организовать их отправку. Что было чрезвычайно проблематично, поскольку сразу после подавления солдатского мятежа городской Комитет действия благоразумно исчез из города, а рабочие большинства предприятий, в том числе и депо, просто разбежались по домам и близлежащим деревьям, где и сидели не высывая носа. Офицеры же, наоборот, были полны решимости поднять дивизию или то, что от нее осталось и огнем и мечом выжечь со своей земли «всю эту нечисть». Вопли пассажиров вскоре начали их чрезвычайно раздражать. А потому между этими группами начала постепенно возникать некоторая напряженность. Поскольку первые стали мало-помалу считать вторых безрассудными авантюристами, а вторые начали относиться к первым как к крысам, покидающим тонущий корабль. Единственной точкой соприкосновения для обеих групп вдруг оказались земляне. Одни считали их достаточно благоразумными, чтобы, как и они сами, тронуться в путь, а другие были уверены, что, начав со столь невероятной победы,

они не захотят на этом останавливаться. И это Айвену очень не нравилось.

Круифф вздохнул и снова посмотрел в окно. Темнело.

Он зажег керосиновую лампу, подошел к громоздкому гардеробу, стоявшему у самой двери, открыл скрипучую дверцу, на внутренней стенке которой располагалось большое, в рост, слегка мутноватое зеркало, и окинул себя критическим взглядом. Вроде как даже и ничего. Костюм, изрядно пострадавший за время заключения, очищен и старательно выглажен. Новый галстук, извлеченный из недр его дорожного саквояжа, обнаруженного, на его счастье, среди вещей, грудой сваленных в одном из станционных пакгаузов, аккуратно завязан. Прилично одетый мужчина средних лет. И не скажешь, что ему уже исполнилось семьдесят пять. Впрочем, это почтенный возраст только по местным меркам. А если высчитывать возраст пропорционально, то ему только-только перевалило за сорок. Сегодня в дивизионном офицерском собрании должна была состояться вечеринка, затеянная генералом в неуклюжей – ну что еще можно ожидать от военного? – попытке снять возникшее между двумя группами напряжение. И не было ни малейшей возможности отвертеться. Так как подразумевалось, что они трое будут там самыми почетными гостями. Круифф извлек из кармана массивные жилетные часы, откинул крышечку и скривился. Пора было идти. Он погасил лампу и вышел из комнаты.

Первые два часа все было более или менее благопристойно. Прозвучало несколько здравниц в честь господ иностранцев и лично господина князя Росена, в честь отрекшегося, но все еще пользовавшегося немалой популярностью, особенно в среде военных, суверена, в честь генерала Тропина и господ офицеров. Играл небольшой оркестр, господа офицеры галантно приглашали дам из поезда, и все это как-то отдалило ужас последних недель. А потом, слегка поднабравшись, достойные господа втянулись в ставшие уже за последний год привычными политические дискуссии. И пошло-поехало.

Ближе к полуночи стало ясно, что из затеи генерала, мечтавшего совместным ужином внести некоторое умиротворение в умы, ничего не вышло. Дело дошло уже до площадной брани, которую не останавливало даже присутствие дам.

Земляне сидели за генеральским столом, где страсти кипели не столь жаростно. Поскольку за этим столом, кроме них самих, из пассажиров присутствовали только граф Бронков с одним из своих добровольных помощников да господин Максин с семейством. Однако, когда до полуночи оставались считанные минуты, у стола появился знакомый ротмистр. Он был несколько возбужден, но держал себя в рамках:

– Прошу прощения, господин генерал. – Он щелкнул каблуками и повернулся к землянам: – Господа, у нас возник спор с некоторыми господами из ваших попутчиков, и, поскольку мы до сих пор не смогли прийти к решению, кто из нас прав, хотелось бы услышать мнение людей, уже доказавших всем присутствующим как свое благоразумие, так и личное мужество и способность к решительным действиям.

Майор покосился на пилота, потом повернулся к Круиффу. Последние несколько дней он не терял времени напрасно, жадно поглощая любую доступную ему информацию. Газеты, журналы, сборники правительственных постановлений и указов суверена за несколько последних лет, скудноватые статистические справочники. Частенько из-за двери его комнаты слышались голоса посетителей. Айвен даже удивлялся, когда же тот спит. Поднимаясь поздно вечером в свою комнату, он видел светлую полоску под дверью майора и ту же полоску видел, вставая утром. Однажды он даже услышал, как комендант штаба, выходя из комнаты майора, проворчал:

– И как можно за это время столько керосину спалить? Пьет он его, что ли?

Так что сейчас майор наверняка владел значительным объемом информации. Во всяком случае, Айвен не сомневался, что большинство присутствующих не знают и десятой доли того, что знал этот русский. Вообще-то такое поведение казалось необычным для боевика, но Айвен помнил, что, по собранным ими сведениям, все офицеры, подвергнутые геномодифицированию по проекту «Святослав», имели по два-три гражданских высших образования. Да и вообще в Российском императорском флоте господствовали несколько необычные порядки. Например, пару лет назад он с большим удивлением узнал, что граф

Орлов, один из самых талантливых и любимых им композиторов, работающих в жанре симфонической музыки, прекрасно совмещает сочинительство с командованием адмиралтейским курьерским кораблем класса «Сполох». И никто во флоте не считал это чем-то из ряда вон выходящим.

Хотя ротмистр обращался вроде бы ко всем троим сразу, все глаза обратились к майору. Немного помолчав, он спокойно сказал:

– Благодарю за честь. Прошу простить, господин ротмистр, но для того, чтобы вынести суждение о предмете спора, необходимо, как минимум, выслушать обе стороны.

Ротмистр покосился на генерала, очевидно не горя особым желанием разворачивать дискуссию перед его светлыми очами, и Круифф воспринял это как добрый знак. Если господа офицеры все еще испытывают к своему командиру неподдельное уважение – значит, для этой армии еще не все потеряно. Но желание доказать свою правоту все-таки пересилило, и ротмистр, извинившись перед генералом коротким поклоном с непременным бряканьем каблук, быстро удалился, чтобы вернуться через минуту вместе с высоким дородным господином крайне заносчивого вида, в котором Айвен узнал одного из финансовых воротил, еще в бараке изрядно попортившего кровь добровольцам графа Бронкова своим неумным самолюбием. «С этим русскому придется попотеть», – подумалось ему. Было видно, что оба распалены спором, однако в отличие от ротмистра, который пока еще владел собой, финансист был явно в раже. Он окинул сидящих за столом высокомерным взглядом и с нарочитой неучтивостью направил глаза куда-то в сторону:

– Итак, господа, о чем ваш спор?

Прежде чем ротмистр успел открыть рот, финансист заговорил, презрительно кривя губы:

– Я не очень понимаю, зачем этот господин приволок меня сюда, но если у вас возникла нужда услышать мое мнение, то извольте. Эта страна есть скопище дураков и негодяев. И то, что с ней произошло, вполне закономерно. Ни одна страна цивилизованного мира не допустила бы у себя такое... такое... – Он запнулся, не в силах выразить свои чувства обычными словами и воздерживаясь от более энергичных выражений в присутствии дам и генерала. – В общем, если быть кратким, эта страна обречена, и это совершенно ясно любому РАЗУМНОМУ, – он выделил голосом это слово, – человеку...

Тут не сдержался ротмистр:

– Она будет обречена, если все, кто может спасти ее, последуют примеру этого... этого... – Его останавливали от применения энергичных выражений схожие причины. – Какой бы она ни была и что бы здесь ни творилось, это – наша Родина, и мы просто обязаны...

– Я никому и ничем не обязан, – вспыхнул финансист.

Ротмистр побагровел. И в этот момент раздался спокойный голос майора:

– Вы не правы.

Оба спорщика мгновенно замолчали и повернулись к нему. Русский со скрипом отодвинул стул:

– Во-первых, каждый из вас рассматривает предмет спора с совершенно различных позиций. Вот вы, – он повернулся к финансисту, – считаете, что определяющим в поступках каждого человека должно быть благоразумие и стремление к лучшей доле для него самого. – Он сделал паузу, окинув настороженного финансиста спокойным взглядом. – И я должен вам признаться, что, по моему мнению, это наиболее разумная точка зрения.

Среди собравшихся в зале людей, которые на протяжении всего разговора прислушивались к звучному голосу майора, пронесся вздох удивления. Никто, даже самые ярые сторонники финансиста, не ожидали, что князь Росен может сказать такое.

– Да, это самый разумный образ мыслей, – продолжил майор, – дело только в том, что ваш эгоизм приводит вас к совершенно неправильным выводам.

Финансист вскинул голову:

– Но позвольте...

– Человеческий род изначально не обладал ни силой хищников, ни быстроногостью

травоядных, ни всеядностью и приспособляемостью насекомых. Однако именно он смог занять доминирующее положение в животном мире, развить свой разум и стать господствующим видом на планете. И помогло ему в этом не только божественное провидение, но и умение жить в стае. В СВОЕЙ стае. – Он помолчал, давая слушателям свыкнуться к этим, возможно, странным для них ходом мысли, затем заговорил снова: – И хотя современное общество уже очень далеко ушло от общества первобытных, диких людей, это умение и сегодня является определяющим для большинства индивидуумов.

На губах финансиста появилась насмешливая улыбка, лицо ротмистра свидетельствовало о том, что он несколько шокирован. Майор усмехнулся:

– Я понимаю, звучит не очень приятно. Но это так. Возьмем для примера область, которая вам достаточно знакома, – биржевое дело. Скажите, как много среди банкиров эмигрантов в первом или даже втором поколении?

Финансист на минуту задумался, потом медленно произнес:

– Я что-то таких не припомню.

– Вот видите, – русский усмехнулся, – не сомневаюсь, что вы предприняли некоторые меры, чтобы, добравшись до места назначения, не бедствовать, хотя бы первое время, но успеха, НАСТОЯЩЕГО успеха, скорее всего, вам не достичь. Вы не из ИХ стаи. Возможно, если вы будете тяжело и упорно работать, шанс на успех появится у ваших детей или внуков. Но это произойдет только в том случае, – майор, помедлив, отрывисто заключил, – если то, что здесь творится, к тому времени не дотянется до вашего нового дома.

– Ну, это невозможно. Цивилизованные страны...

– ...в свое время уже пережили нечто подобное. И там лились реки крови и горели города. А если вы считаете, что они за несколько десятков лет сумели изменить человеческую природу, то обратите свой взор к дымящимся развалинам на месте цветущих городов и прочим следам последней войны и... избавьтесь от этой иллюзии. – Майор замолк, лицо его было мрачно, – Ну а лучшим подтверждением моим словам служит то, что в самой чудовищной бойне, которую знала история планеты, принимали участие ТОЛЬКО цивилизованные страны и народы.

В наступившей тишине стало слышно, как шумит за окном разыгравшаяся вьюга. Не стоило и говорить – только что услышанное было явно внове для всех присутствующих. И, вне всякого сомнения, произвело на них ошеломляющее впечатление. Круифф несколько мгновений не шевелился, словно замороженный последними словами, пока до его сознания не дошло, что русский, ко всему прочему, усилил воздействие своих слов легким уровнем психопринуждения, проделав это так искусно, что даже и Айвен не сразу догадался. Майор между тем спокойно сказал:

– Подумайте над этим, и не стоит больше сегодня спорить.

Минут через пятнадцать, когда люди начали уже потихоньку расходиться, к ним снова подскочил ротмистр, сияя как медный пятак, и по своему обыкновению щелкнул каблуками:

– Господин Кройф, господин Юри, ваше сиятельство, прошу простить мою назойливость, но у одного из офицеров сегодня день ангела, и мы почли бы за честь...

– А не слишком ли для одного вечера? – пробурчал Круифф.

– Ну, не смею настаивать, но мы недолго и почли бы за честь, если бы вы... хотя бы на полчаса...

Майор кивнул и, с некоей неуловимой грацией прирожденного аристократа, которая, среди прочего, и заставила всех безоговорочно принять версию о его княжеском происхождении, изящным кивком попрощался с сидевшими за столом и двинулся вслед за офицером.

В просторной комнате именинника собралось человек тридцать, причем Круиффу, едва он переступил порог, сразу стало ясно, что основной причиной, побудившей большинство из них прийти сюда, были вовсе не именины. Впрочем, никто этого и не скрывал.

Спор разгорелся с первой же минуты. Здесь, в кругу своих, не стесненные присутствием дам и генерала, офицеры уже не старались сдерживаться, а потому разговор

велся довольно жестко. Некоторым не понравилось сравнение со стаей, кто-то ставил во главу угла альтруизм и пассионарность истинных героев, а ротмистр оказался приверженцем самых жестоких мер:

– Надо каленым железом выжечь всю скверну... Надо вешать и расстреливать без пощады, по малейшему подозрению...

Майор, до того момента молча слушавший спорщиков, не поддаваясь на их попытки вызвать его на откровенность, вдруг негромко, с усмешкой сказал:

– Я думаю, что, если, не дай бог, возобладаст подобный подход, вы окажетесь одним из тех, кого Комитеты действия должны будут благодарить за свою безусловную победу.

Ротмистр удивленно воззрился на него:

– Простите, князь, но я не понимаю...

– А что тут понимать? Как бы вы сами отнеслись к той из двух сторон, утверждающих, что они знают, как вернуть стране честь, благоденствие и достаток, которая доказывает свою правоту гонениями и казнями?

Ротмистр покраснел от возмущения:

– Послушайте, князь, вы иностранец и не знаете наш народ. Он понимает только плеть и кулак урядника. – Он вскочил на ноги и возбужденно зашагал по комнате. – Все началось, когда наш мягкотелый суверен даровал «своим согражданам» свой ублюдочный осенний манифест. Мы должны каленым железом...

– А разве этого раньше не было? Ротмистр запнулся, прерванный прямо посередине своих рассуждений на излюбленную тему.

– Насколько я знаю, лет восемь – десять назад уже существовали военно-полевые суды. Разве это не похоже на ваше хваленое каленое железо?

Ротмистр молчал, сверля майора злыми глазами.

Обычно, когда ему начинали возражать, он тут же переходил на личности, но кидать обвинение в мягкотелости человеку, который всего несколько дней назад спас их всех от гибели и, безоружный, в одиночку подавил сопротивление и разоружил целый полк... А русский между тем совершенно не собирался хоть как-то щадить чувства собеседника.

– Вы, ротмистр, страдаете крайней близорукостью. У вас, как правящего класса, в руках было абсолютно все – власть, деньги, армия, полиция, вековые традиции, вас поддерживала церковь. И что мы видим вокруг? Кого в этом обвинять?

– Это все эти проклятые агенты кайзерцев. – Ай, бросьте. Вы только вдумайтесь, ЧТО вы говорите? – Майор немного помедлил. – По-вашему, выходит, что горстка людей, получивших, может, и неплохие для ОДНОГО человека деньги, смогла вот так просто развалить огромную страну? Чего тогда стоит эта страна? И чего стоите вы, те, кто управлял этой, страной? – И он отвернулся, пренебрежительно скривив губы.

Все возбужденно заговорили хором. Тема кайзерских агентов была уже сильно замусолена. Ее обсуждали с самого начала войны и по сегодняшний день. Но споры в основном велись о том, кто был этим агентом, а кто нет и кто сколько получил от кайзерского Генерального штаба. И чем ближе подходил тот ужас, который сегодня стал явью, тем больше людей сходились во мнении, что это все дело рук проклятых кайзерцев, буквально наводнивших своими подручными не только высшие штабы и даже правительство, но и все вокруг. Однако соображение, высказанное князем, никому прежде не приходило в голову. Во всяком случае, никто до сих пор не решался говорить что-нибудь подобное вслух.

Обескураженный резкой отповедью из уст того, кого он считал своим безусловным единомышленником, ротмистр отошел в сторонку, но его место тут же занял штабс-капитан:

– И все же, князь, уж не хотите ли вы сказать, что никаких кайзерских агентов не существует? Майор усмехнулся:

– Ну почему же, господа. Они, несомненно, существуют. Но! Вы, достаточно разумный человек, как вы думаете, уж так ли велики суммы, которые их Генеральный штаб может позволить себе выделить не на оружие, не на продукты и снаряжение для армии, а на подкуп и содержание агентуры?

Этот вопрос слегка смутил штабс-капитана. Однако он не сдавался:

– Но многие шпионят и разлагают не за деньги! У меня самого в роте был кайзерский шпион...

– Он был кайзерцем? – быстро спросил русский.

– Нет...

– В таком случае, даже если вы правы и он **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** был шпионом, а не очередным агитатором, которого вы объявили шпионом, потому что так было проще его расстрелять, попробуйте задуматься над тем, **ПОЧЕМУ** он пошел против своей страны, своего народа, своих друзей по роте, наконец.

– Ну, среди подлого сословия всегда найдутся такие...

– Но ведь вы утверждаете, что их чудовищно много, так много, что они **ОДНИ** сумели сломать, подавить аппарат государственной власти целой страны и захватить власть, – он саркастически улыбнулся, – и, кстати, я прочитал несколько воззваний этого новоявленного правительства и не нашел никакого намека насчет того, что эти люди собираются поднести на блюдечку страну тем, кого вы считаете их нанимателями.

Штабс-капитан неуверенно усмехнулся:

– Они лгут, скрывают свои намерения.

– Но почему только по этому вопросу? Ведь свои намерения в отношении всего остального они высказывают достаточно откровенно! – Русский махнул рукой. – Знаете, господа, я не намерен больше говорить ни с кем из вас. До тех пор, пока вы **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** не захотите снасти свою страну и не начнете **ДУМАТЬ**. – Майор поднялся со стула, молча окинул взглядом присутствующих и, резко повернувшись, направился к двери.

* * *

Уже лежа в постели, Айвен вновь проиграл в голове эту сцену и довольно хмыкнул. Черт возьми, майор оказался великолепным тактиком. Он подбросил «ежа» в обе группировки, заставив одних задуматься над тем, что ждет их **ПОСЛЕ** того, как они покинут пределы Родины, а других – **ПОЧЕМУ** все случилось так, как случилось. Ведь без понимания этого все усилия патриотов окажутся лишь бесконечной цепью ошибок и неудач. Похоже, лидерство в их маленькой команде уплыло из рук Круиффа. Но его это совершенно не беспокоило. «Только бы он сам не вздумал ввязаться в это дело», – подумал Круифф.

Но не успела эта мысль мелькнуть в его голове, как он уже знал ответ. И этот ответ ему совершенно не понравился.

* * *

«...Таким образом, по моим подсчетам, приблизительная величина коэффициента Нормана-Покровского составляет не менее 0,07-0,08. А это означает, что глиссада падения Эмоши-Смита в настоящее время находится в неустойчивом равновесии. Учитывая, что величины суммарных тензорных переменных Кимпы колеблются около нуля, прослеживается некоторая вероятность роста показателей RQ и T7&W, возникающая в случае успешного воздействия на точки C2, C7, All, 072, KK4 и B38. Однако следует иметь в виду, что столь фундаментальные величины, как коэффициенты уровня распада транспортных WW и финансовых потоков FZ, уровень падения производства Ni, а также большинство переменных, в том числе и такие важные, как RH, FFT, NJS, как и многое другое, являются всего лишь крайне приблизительными умозрительными величинами. А потому полученные выводы никоим образом не могут являться основой для планирования и осуществления каких-либо практических действий».

В этот момент перо в очередной раз зацепилось за бумагу, и Круифф посадил на лист еще одну кляксу. Он раздраженно отдернул ручку, поднес перо к глазам и осторожным движением вытащил зацепившийся за перо бумажный волосок, затем снова обмакнул перо в

дрянные сажевые чернила.

Последние две недели он испытывал двойственное чувство. С одной стороны, Айвен чувствовал небывалый душевный подъем, поскольку впервые со дня их странного появления в этом мире смог наконец скинуть с себя часть забот по жизнеобеспечению и заняться тем делом, которое он любил и которое получалось у него лучше всего, – системным анализом. Но то, в каких условиях ему приходилось работать, когда почти все переменные брались практически с потолка или вычислялись чисто умозрительно, по крайне скудной выборке данных когда лучшим вычислителем, который оказался в его распоряжении, был древний разболтанный арифмометр, вызывало в душе чувство глухого раздражения. Слава богу, в библиотеках местной гимназии и земского управления оказались в наличии официальные издания, а главное – статистические сборники за несколько последних лет. Содержащиеся в них данные, чрезвычайно сырые и крайне неполные, динамику развития отражали тем не менее достаточно точно. Кроме того, среди пассажиров поезда было немало финансистов и биржевых маклеров, профессионалов, для которых максимальная осведомленность и отличная память на цифры являются неперенным условием успешной деятельности. Что же до их готовности сотрудничать, то после всего произошедшего она просто была безгранична. Так что надо было только уметь правильно задавать вопросы, а уж этим-то искусством Круифф овладел давно и в совершенстве. И то, что Айвен почерпнул из литературы и долгих бесед, оказалось достаточно неплохой основой для первичных расчетов. И вот, похоже, все шло к тому, что он сегодня закончит оформление итогового меморандума.

Круифф отложил перо, встал из-за стола и подошел к окну.

В тот вечер, после памятной вечеринки, он впервые за много дней заснул спокойным глубоким сном. Появилась слабая, но все-таки надежда на некоторые позитивные перемены. Хотя бы в их маленьком, изолированном мирке. А мысли о возможных неприятностях он загнал глубоко внутрь. Выспаться, однако, ему не удалось. Под утро, когда до рассвета оставалось еще около двух часов его разбудил майор. Вернее, он просто вошел в его комнату, но, как видно, столь мощную фигуру не могли выдержать, не жалуясь, даже массивные дубовые половицы. Во всяком случае, когда майор не старался двигаться бесшумно. В общем, Круифф проснулся от отчаянного скрипа. Он открыл глаза и несколько мгновений, не двигаясь, ощупывал комнату взглядом сквозь едва раздвинутые ресницы. Увидев восседающего на поскрипывающем стуле майора, Круифф досадливо поморщился и, зевая, сел на кровати, спустив ноги на пол:

– Ну, что вас принесло ко мне в такое время? – Впрочем, задавая вопрос, он уже заранее знал ответ.

Русский осторожно откинулся на спинку стула и развел руками:

– Поскольку, как я понял, все то время, что я был без сознания, именно вы играли первую скрипку в нашем трио, мне показалось, что, прежде чем мы примем решение о том, как действовать дальше, нам необходимо поговорить.

Круифф вздохнул и потер лоб рукой. О Господи, а он еще на что-то надеялся. У этих русских, похоже, авантюризм в крови. А может, это просто следствие того, что они за годы эволюции приобрели способность сохранять в своих жилах повышенную концентрацию этого зубодробительного национального напитка под названием «водка», который они к тому же привыкли пить совершенно неразбавленным. Или это качество есть неотъемлемая черта того загадочного русского характера, над которым так любили разводить нюни литераторы самого разного толка? Круифф потянулся к столу, зажег керосиновую лампу и открыл крышку часов:

– О мой бог. Вообще-то, как мне кажется, любой нормальный человек в это время должен спать, а не задумываться над судьбами мира.

Русский хмыкнул, а Айвен принялся натягивать брюки, ворча под нос:

– Порой мне кажется, что Господь наш, Иисус Христос, был не евреем, а русским. Ну кто еще может стремиться на крест, плаху или виселицу с таким маниакальным упорством?

Он оделся, разжег керосиновую горелку, поставил на нее небольшой, на два-три

стакана, чайничек и уселся за стол напротив русского:

– Ну что ты хочешь мне сказать? Майор усмехнулся:

– Не кипятись. Если ты собираешься продолжить путь на север, никто тебя держать не будет. Круифф скривился:

– Та-а-ак. Они здесь будут строить из себя спасителей цивилизации, героев-мучеников, а добрый дядюшка Айвен в это время будет греть пузо на пляже? Ты это так себе представляешь?

Майор наклонился вперед и придвинул лицо к Круиффу:

– Ну, ты прекрасно знал о том, что я буду делать еще до того, как я очнулся. Так чего же ты ожидал? Что я никогда не сделаю тебе подобного предложения? – Он лукаво улыбнулся. – Ну а раз, как я понял, ты собираешься, как это у вас говорится, подчиниться обстоятельствам и остаться с нами, чему я, естественно, очень рад, то мы можем перейти к более конкретному разговору. – Он сделал паузу, потом добавил уже совсем другим тоном: – Мне нужен комплексный анализ ситуации и возможные пути ее развития. Лучше по методу Инса-Токугавы.

От этих слов брови Айвена изумленно поползли вверх. Он несколько мгновений недоверчиво вглядывался в лицо майора, ища на нем признаки улыбки, но тот был серьезен. Круифф саркастически усмехнулся:

– И как ты себе это представляешь? Без базы данных, без даже самого простейшего компьютера. Без...

– И все-таки это надо сделать.

– Как?!

Майор был непреклонен:

– Я понимаю, это сложно. Но не все так безнадежно. В местных библиотеках есть кое-какой статистический материал, а среди пассажиров много людей, которые имели доступ к столь серьезной информации, что могут дать сто очков вперед любой базе данных, собранной стандартными способами.

– Ты серьезно? Русский кивнул.

– А ты представляешь уровень достоверности подобных расчетов?

Майор усмехнулся:

– Возможно, они не будут отвечать в полной мере строгим критериям Бюро федеральной информации, но ты сам удивишься, насколько уровень достоверности этих расчетов окажется выше ожиданий. Тем более если их будешь делать именно ты.

– Довольно неуклюжая лесть, – буркнул Круифф.

– А что мне остается? – развел руками русский, протянув ироническим тоном: – Мне просто необходимо убедить вас, сэр.

Бодро засвистел закипевший чайник. Круифф молча поднялся, выключил керосинку и поставил на стол маленький фарфоровый заварочный чайничек. Обдав его кипятком, Айвен насыпал в него две ложки чая и, осторожно плеснув чуть-чуть кипятка, оставил настаиваться.

– Достань стаканы. Они вон там, в тумбочке. Русский молча вытащил стаканы в массивных медных подстаканниках и поставил рядом с чайником. Круифф разместил тут же на столе хрустальную сахарницу с отбитым краем, ломоть слегка зачерствевшего хлеба и кусок сала, долил чайничек до двух третей объема и так же молча принялся резать хлеб и сало. Наверное, со стороны все это выглядело бы не очень понятно, но каждый был занят именно тем, что нужно было делать в данную минуту. Айвен напряженно думал, а русский изо всех сил старался не мешать ему в этом занятии. Он прекрасно знал, что уже выиграл, и самое разумное – подождать, пока американец сам сообщит ему об этом. Уж кто-кто, а мистер Круифф, звезда аналитической группы Бюро федеральной информации, должен знать, что даже анализ с невысоким коэффициентом достоверности все же много лучше, чем ничего. И что, если бы дело было только в наличии суперкомпьютеров и обширной базы данных, то никому в бюро не пришлось бы в голову держать на ставке целую команду аналитиков. Человеческий мозг, а главное – интуиция до сих пор значили гораздо больше,

чем самый мощный компьютер. К тому же даже в том, большом мире, откуда они явились, нашлось бы не много специалистов, способных посоперничать с Круиффом в области применения методики Инса-Токугавы.

Круифф разлил чай по стаканам, положил на кусок хлеба пластик сала и сказал:

– О'кей, я согласен. А теперь избавьте меня на некоторое время от ваших новых бредовых идей и дайте спокойно позавтракать.

Айвен вздохнул, помассировал пальцами уставшие глаза и вернулся к столу. Время поджимало.

Майор ввалился в его комнату перед самым обедом:

– Ну, как идут дела?

Круифф ворчливо пробурчал:

– Если ты перестанешь нависать над моей головой, а сядешь в уголок и тихонько посидишь, то где-то через двадцать минут я предоставлю тебе возможность немного попортить глаза, разбирая мои ужасные каракули на этой дрянной бумаге.

Русский хмыкнул, опустил на пронзительно взвизгнувшую кровать и замер неподвижно.

Примерно через полчаса настала очередь Круиффа неподвижно замереть на своем стуле. Русский читал спокойно, не торопясь, внимательно вчитываясь в текст и время от времени возвращаясь к вычерченным Круиффом от руки графикам и диаграммам. А прочитав толстый сорокастраничный меморандум, несколько минут подумал и принялся читать с начала. Еще медленнее. Когда он закончил, за окном уже стемнело. Майор отложил меморандум в сторону, вздохнул и сказал:

– Блестящая работа, спасибо. Айвен пожал плечами:

– А где Юрий? Я не видел его уже дня два. Майор усмехнулся:

– Ну, точка С2 как первый объект воздействия была абсолютно ясна и без твоего меморандума. А с моим весом меня вряд ли выдержит любая лошадь. Поэтому я воспользовался его вновь приобретенной профессией и отправил привести в порядок хоть пару авто из дивизионного гаража. Господа комитетчики перед своим поспешным отбытием успели сильно подгадить и тут.

Айвен понимающе кивнул. Они снова помолчали, думая каждый о своем, потом майор вздохнул:

– Теперь нам надо подумать, как помочь нашим сподвижникам двигаться в правильном направлении.

– Тебе, – хмыкнул Круифф. Майор повернулся к нему:

– Любому начинающему психологу известно, что люди испытывают максимальное доверие к человеку верхнего среднего возраста, мужчине...

Айвен отрицательно помотал головой:

– При прочих равных условиях. Но дело в том, что я для них и есть всего лишь мужчина верхнего среднего возраста, а ты... Давид, едва опустивший пращу, которой поразил Голиафа, Самсон, только-только омывший руки от крови льва, Моисей, объявивший народу, что с фараоном покончено и он пока не планирует больше никаких казней египетских. Сейчас они из твоих рук примут даже яд...

В этот момент раздался стук в дверь. Они переглянулись. Круифф закончил с опросом еще пять дней назад, и все это время, повинувшись настоятельной просьбе майора, его никто не беспокоил. Он крикнул:

– Открыто, заходите!

Дверь распахнулась, и на пороге вырос знакомый ротмистр:

– Прошу прощения, господа, но генерал просит вас срочно прибыть в дивизионный клуб.

Айвен бросил быстрый взгляд на русского. Судя по радостному возбуждению офицера, их ожидало что-то экстраординарное. Майор усмехнулся и, бросив: «Похоже, нас ждет зримое воплощение превышения второй 0-переменной», гибким движением поднялся на ноги и вышел из комнаты. Ротмистр последовал за ним с крайне озадаченным

выражением лица.

Майор дождался Круиффа у входа в клуб. Когда они появились в зале, тот был переполнен. Но генерал, занимавший вместе с графом Бронковым отдельный стол, покрытый зеленым сукном, заметив их, указал на столик рядом со своим, предусмотрительно сервированный для скромного ужина. Когда они уселись, генерал поднялся, постучал серебряной вилкой по стоящему перед ним графину, дождался, пока затихнет гул и все приглашенные наконец усядутся на свои места, и торжественно начал:

– Господа, позвольте мне объявить, что мы с господином графом Бронковым взяли на себя смелость пригласить вас сюда, дабы предложить вам образовать комитет, который мы предлагаем назвать Комитетом спасения Родины и веры. – Он немного помолчал, окидывая присутствующих орлиным взором. – Поскольку в стране воцарился хаос и органы государственной власти пришли в немыслимое смятение, предлагаю выпустить воззвание к гражданам, в котором мы изложим наши воззрения на пути спасения страны и объявим о принятии на себя всей полноты власти.

Генерал закончил речь. На его лице читалось ожидание оваций. И, судя по лицам присутствующих, они вот-вот должны были последовать. Круифф мысленно застонал. Более разрушительный для их дальнейших планов поступок сложно было представить. Но русский и на этот раз не выпустил ситуацию из-под контроля. Он фыркнул и громко произнес: – Чушь.

Генерал вздрогнул и удивленно воззрился на него. Майор поднялся и покачал головой:

– Полнейшая чушь. Вы только подумайте. Товарищ министра одного из второстепенных министерств и командир заштатной тыловой учебной дивизии со товарищи объявляют себя спасителями веры и отечества и самолично возлагают на себя всю полноту государственной власти?

Генерал оскорбленно вскинул подбородок:

– Во-первых, присутствующий здесь граф Бронков не просто товарищ министра... – Но тут граф Бронков накрыл своей ладонью руку генерала, и тот скомкал окончание фразы.

О происхождении графа все всем было известно, как и то, что граф, во-первых, терпеть не мог упоминания об этом, а во-вторых, изо всех сил старался оказаться достойным своего великого отца, в первую очередь в своих собственных глазах. Генерал между тем продолжал:

– История знает примеры, когда личности, на первый взгляд казавшиеся гораздо более ничтожными... Русский с усмешкой продолжил за него:

– ...оказывались впоследствии спасителями отечества. Вы абсолютно правы, господин генерал, но уж если вы обратились к истории, то позвольте вам напомнить что ни один из них не начинал с того, что громогласно ОБЪЯВЛЯЛ об этом.

Генерал Тропин смутился:

– Ну, мы с графом сочли, что это название просто позволит нам лучше объявить о своих целях... и привлечет всех честных людей, обеспокоенных положением...

Майор согласно кивнул:

– Поверьте, господин генерал, я понимаю и уважаю ваш порыв. Более того, я уверен, что вскоре мы услышим о многих других комитетах, носящих не менее высокопарные названия. Но я считаю, что основной вопрос состоит в том, что мы **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** можем и должны сделать, чтобы покончить с хаосом и разрухой, охватившими вашу страну и угрожающими остальному миру.

На некоторое время в зале установилась тишина. Все размышляли над словами русского. Потом граф Бронков неуверенно спросил:

– И что же вы можете предложить, князь?

Майор неторопливо прошелся вдоль столиков:

– Я полностью поддерживаю вашу идею о том, что нам необходимо создать какой-нибудь орган, который мог бы во всем этом хаосе принять на себя ответственность за страну.

По залу пронесся изумленный вздох. Никто не понимал, куда клонит этот непонятный

иностранец. Ведь они только что своими собственными ушами слышали, как он категорически отверг предложение генерала и графа. Круифф усмехнулся. Русский мастерски вел игру.

– Вопрос вот в чем – для того чтобы взяться за это с достаточной долей уверенности в успехе, никто из здесь присутствующих не обладает ни относительно широкой известностью, ни достаточным, в масштабах страны авторитетом. – Он окинул взглядом аудиторию, которая была несколько подавлена его словами, и сменил тактику: – в то же время я не сомневаюсь, что здесь находятся люди, способные сделать для отечества, как минимум, не меньше, чем большинство известных личностей.

Народ в зале слегка оживился. Майор продолжал говорить:

– Как же мы можем преодолеть это противоречие? – Он многозначительно помолчал, доводя до высшего предела интерес присутствующих и их желание услышать наконец ответ. – Нам надлежит пригласить возглавить наш комитет лицо, чей статус общественного доверия и способность взять на себя ответственность за всю полноту государственной власти не вызывали бы никакого сомнения.

Майор окончательно замолчал. С минуту в зале висела напряженная тишина, потом кто-то произнес, как выдохнул:

– Суверен...

И тут же все загомонили, обсуждая возникшую идею. Майор молча опустил на стул. Круифф наклонился к нему и тихо прошептал:

– Великолепно.

Русский коротко кивнул, взял стакан с чаем и сделал несколько глотков. Об их присутствии пока забыли, и они могли посвятить немного времени еде. Тем более что оба из-за меморандума так и не удосужились пообедать. Между тем бурное обсуждение мало-помалу начало затихать. Похоже, большинство, поддерживая идею, абсолютно не представляло себе, как ее осуществить, а варианты, предлагавшиеся наиболее экзальтированными личностями, были слишком нереальны, чтобы рассматривать их всерьез. Взгляды присутствующих все чаще обращались к ним. Наконец генерал Тропин, как и вначале, взял инициативу в свои руки.

– Прошу простить, ваше сиятельство, но все присутствующие уже имели случай по достоинству оценить ваш блестящий ум, а потому осмелюсь вновь побеспокоить вас вопросом, который всех нас ужасно мучает. – Он сделал паузу и вкрадчиво произнес: – Каким образом, по вашему мнению, может быть осуществлена ваша столь блестящая идея? Ведь государь...

Русский опять поднялся на ноги и церемонно поклонился:

– Если мне будет оказано подобное доверие, я готов лично взять на себя ответственную миссию проинформировать государя о предложении возглавить Комитет содействия возвращению суверена на престол.

Мгновение в зале стояла тишина, потом вспыхнули бурные аплодисменты, сопровождаемые восторженными криками. Круифф растянул губы в грустной улыбке. Эти люди радовались так, будто все плохое было уже позади. Но многие ли из них доживут до того момента, когда с полным правом можно будет это сказать?

Майор широким движением, словно оперный певец, вскинул руки – и аплодисменты мгновенно утихли.

– Однако, господа, вам предстоит еще многое сделать для того, чтобы суверен принял это предложение. А главное – для того, чтобы, приняв его, он смог бы с вашей помощью выполнить возложенную на него историческую миссию.

Майор произносил одну за другой четкие, ясные фразы, многие из которых Круифф написал собственной рукой в рекомендательной части своего меморандума. Айвен откинулся на спинку стула и покачал головой. Черт возьми, и почему он раньше так не любил работать с русскими?

– Атессия, ты опять отвлекаешься. Девушка вздрогнула и, торопливо опустив голову, склонилась над пальцами:

– Простите, сударыня.

Мать недовольно нахмурилась, ее лицо приобрело страдальческое выражение, и она резко отвернулась. Тесс почувствовала, что вот-вот заплачет. Ну за что Господь послал им такие испытания?

В день отречения отец поднялся довольно рано. Он нервничал, и это было заметно не только семье, но и казакам эскорта, и офицерам ставки, и, казалось, даже воронам в парке, каркавшим в тот день особенно громко и отвратительно. Сразу после завтрака его в который раз посетила депутация Государственного собрания, подкрепленная несколькими генералами во главе с начальником Генерального штаба. Однако отец был непреклонен. В то утро Тесе через потайную дверцу пробралась в комнату отдыха, оборудованную рядом с кабинетом отца, и, встав у чуть приоткрытой внутренней двери, услышала его слова:

– Прошу прощения, господа, но кто-то должен понести ответственность за столь скандальные и горькие поражения в этой войне. Мне не в чем винить моих генералов. Каждый из них старался в меру сил и способностей добросовестно исполнить свой долг, поэтому я решил принять на себя ответственность за состояние дел на фронтах. – Он перевел дух и продолжил: – К тому же, как вы уже знаете, у нас с женой больше не может быть детей, а я до сих пор не обзавелся наследником, что также можно расценивать как небрежение долгом перед народом и страной. А посему мое решение непреклонно.

В это мгновение ей стало нестерпимо стыдно того что она родилась девочкой, но, на ее горе, этого было не исправить.

К обеду все было окончательно подготовлено к церемонии. Во дворце царил гнетущая атмосфера. Слуги и придворные, которых оставалось и так немного, теперь как будто совершенно испарились, и Тесе показалось, будто и сам дворец надел на себя траурные одежды.

Перед самым подписанием к матери подошел взволнованный премьер-министр, князь Болов, и, в отчаянии сплетая пальцы, заговорил:

– Я умоляю вас, ваше величество, только вы можете остановить это сумасшествие. Я знаю, как он уважает ваше мнение...

Мать прервала его движением руки и, качнув головой, сказала:

– Простите, князь, но это такое решение, которое мужчина принимает сам. Я ничем не могу помочь вам.

Холодная отповедь матери, произнесенная с легким акцентом, все еще сохранившимся после стольких лет жизни в этой стране, заставила сердце Тесе болезненно сжаться. Мать лгала. Она уже несколько раз пыталась отговорить отца от этого шага, но он, прежде покорно соглашавшийся с ней и в малом, и в большом, на этот раз упрямо стоял на своем.

Отец появился одетый в парадный мундир, со всеми орденами и в короне. Окинув всех беспокойным взглядом, он быстро подошел к столу, не садясь в приготовленное кресло, взял ручку, поставил размашистую подпись на подготовленном документе, резко повернулся и, сделав шаг вперед, опустился на колени перед понтификом.

– Прошу вас, отец, – еле слышно произнес он. Понтифик Суммуил потерянно оглянулся по сторонам, будто ожидая, что кто-то неизвестный в последний момент придет ему на помощь и каким-то образом избавит от участия в столь тягостной церемонии, потом, сгорбившись, дрожащими руками снял корону с головы суверена. Мать всхлипнула и отвернулась, чтобы скрыть слезы. И напрасно. Слезы блестели на глазах у всех находившихся в зале. Тесе заметила, как у отца дернулась левая половина лица, на щеках заиграли желваки. Он, не поднимая головы, поднялся на ноги и стремительно направился к выходу из зала. Понтифик растерянно помялся, не зная, куда ему девать корону, суетливо сунул ее под мышку и осенил удаляющуюся спину отрешенного государя святым кругом. Тот день навсегда отпечатался в памяти Тесе.

– Атессия!

Девушка подняла голову и наткнулась на укоризненный взгляд матери. Та молча показала глазами на младших дочерей. Тесе кивнула. Действительно, негоже подавать сестрам дурной пример. Сегодня она что-то совсем расклеилась. И девушка решительно склонилась над пяльцами.

День прошел как обычно. После обеда отец читал и заполнял дневник, а девочки продолжали вышивать. Несколько раз в комнату бесцеремонно заглядывали эти грубые люди, но девушка уже успела привыкнуть к этому и почти не обращала внимания. Правда, когда один из них, самый наглый, в кожаной куртке, с вылупленными маслянистыми глазками, уставился на нее с наглой бесцеремонностью, мать встала с места и, подойдя к двери, сказала:

– Извольте выйти вон, молодой человек, а то я пожалуюсь вашему начальству, что вы донимаете нас слишком частыми и наглыми посещениями.

От стола отца раздался резкий, как выстрел, звук сломавшегося карандаша. Тесс вздрогнула и замерла в испуге, потом чуть-чуть скосила глаза в его сторону. Отец сидел на стуле в одеревенелой позе, устремив горячий взгляд на глухую стену прямо перед собой. Лупоглазый тоже повел глазами в ту сторону, нагло усмехнулся, но ничего не сказал, а нарочито лениво шагнул назад и прикрыл дверь.

Вечером, когда они с сестрами, уже в ночных рубашках, укладывались на ночь, по очереди забираясь на широкое ложе за занавеской, сделанное из двух сдвинутых двуспальных кроватей, этот лупоглазый опять сунулся в дверь, обдав ее похотливым взглядом и заставив спешно прикрыть руками обнаженные плечи. Мать вскинулась, но он на этот раз не стал долго пялиться, а просто ослабил и, гнусно подмигнув ей, исчез за дверью. Отец бессильно всхлипнул, а мать шагнула к нему и, обняв за шею, тихо прошептала:

– Нам нужно это выдержать, дорогой, нам нужно только это выдержать, и все будет хорошо.

Отец помотал головой, отгоняя бессильные слезы, и, уткнувшись матери в макушку, еле слышно прошептал:

– Это я во всем виноват. Упрямый осел! Ведь ты же говорила мне...

Мать стиснула его своими слабыми руками и горячо заговорила вполголоса:

– Нет, нет, родной мой, ты ни в чем не виноват, ты лучший муж и отец, которого я могла пожелать своим детям. Это Господь посылает нам испытание, и, когда оно закончится, все будет хорошо, все будет хорошо, все будет хорошо... – приговаривала она, глядя отца по голове, плечам, рукам, а он стоял, прижавшись к ней, и тихо плакал.

А Тесе отчаянно глотала слезы и судорожно зажимала младшей ее маленький ротик, чтобы она не заревела в голос. Потому что остальные сестры уже научились сдерживаться.

А ведь сначала все было не так безысходно. Через неделю, когда отец уже начал выходить к обеду и все немного свыклись с тем, что случилось, пришел ответ из Государственного собрания: просьба отца по поводу того, чтобы разрешить ему с семьей поселиться в Вивадии, удовлетворена. Эта новость заставила всех немного воспрянуть духом. Они отдыхали в Вивадийском дворце каждое лето. И воспоминание о теплом, ласковом море, чудесных садах и виноградниках, а также о самом дворце с прохладными залами и блестящими мозаичными полами внезапно накатило на Тесе волной какого-то незамутненного детского счастья. Началась лихорадочная суматоха. Несмотря на приближающуюся зиму, все старательно делали вид, что они просто всей семьей собираются на обычный летний отдых к морю.

Их поезд, состоявший из четырех вагонов и паровоза, отправился в путь всего лишь через неделю, сразу после Святого Пятидневья, когда крестьяне как раз начинают забивать свиней и ставить брагу. Никто не захотел, несмотря на настойчивые просьбы офицеров ставки, остаться до Вознесения или даже до Нового года. Поскольку никому не хотелось на эти праздники оказаться в холодном и почти пустом дворце, еще помнившем такие веселые детские праздники, которыми гремел дворец суверена во все прошлогодние Вознесения, и суматошную, но не менее веселую подготовку к традиционному новогоднему балу. За

первые два дня они тихо и незаметно добрались до старой столицы и еще двое суток простояли на ближнем полустанке в семи верстах от города, пока отец принимал депутации дворянства, купечества и мещанства древнего города. Невзирая на неоднократные и настойчивые просьбы посетить сам город, он отказался. Весть о том, что суверен с семьей едет на юг, уже разнеслась по стране. И стоило им тронуться в путь, как буквально на каждом полустанке им выходили навстречу толпы людей. Сначала отец не хотел показываться, но потом, поддавшись на уговоры матери и мажордома, на очередной станции – помнится, это была Алуга – вышел к народу.

Вернулся он со слезами на глазах. Войдя в вагон, бросился к жене и восторженно заговорил:

– И все-таки я был прав, дорогая, я был прав. Они, как прежде, любят меня. Они плакали вместе со мной. То, что я сделал, было тяжелой, но необходимой жертвой.

Мой народ снова доверяет мне...

Так повторялось почти на каждой станции. В Дебреевке они задержались на целую неделю. Местное дворянское собрание закатило бал в честь их прибытия, от него не захотело отставать купечество, потом земство, суверену и его семейству постепенно стало казаться, что ничего плохого не произошло, а тягостный конец года был всего лишь тяжелым сном, кошмаром, который, к счастью, уже закончился.

Так продолжалось до первой декады весны. Они уже ехали по приморским степям, в которых только начали зацветать первые цветы, и счастье казалось так близко... Но в Терпонесе их впервые встретила пустая платформа. Поезд подошел к вокзалу как раз к обеду. Отец, уже успевший немного устать от бурных встреч, небрежно попросил мажордома:

– Истин, ты не мог бы выйти и передать народу, что я выйду не позже чем через полчаса. Мне надо дочитать газету.

Мажордом ответил церемонным поклоном и вышел из купе. Вернулся он через минуту. Еще раз поклонившись, с тревогой сообщил:

– Прошу меня извинить, сир, но перрон пуст.

– Как?!

Отец вскочил, быстро подошел к окну и некоторое время всматривался, надеясь обнаружить хоть какие-нибудь признаки присутствия людей. Потом неуверенно спросил:

– Быть может, их не пускают городские власти. Мне помнится, я говорил градоначальнику в Тосне, что сильно устал от столь бурного выражения чувств моих подданных... э-э-э... бывших подданных.

Его никто не поддержал. Всех вдруг охватило гнетущее предчувствие.

Они простояли там два дня. Начальник конвоя шесть раз на дню ходил к начальнику станции и требовал немедленно пропустить поезд. А тот лишь испуганно мямлил что-то про размытые пути. На второй день повара, отправившегося на рынок за свежими овощами, при выходе из вокзала остановили какие-то вооруженные люди и перерыли всю корзину. А потом, узнав, что он из царского поезда, о чем повар, по неосторожности и привыкнув к прежним восторженным встречам, проговорился сам, отобрали деньги и надавали тумачков. Отцу ничего не сказали о происшествии, но, когда начальник конвоя докладывал об этом мажордому, Тесе как раз стояла у приоткрытого окна. Получив сообщение, мажордом вернулся в вагон и стал настоятельно рекомендовать его величеству немедленно покинуть эту станцию и отправиться отсюда в любом, пусть даже и обратном направлении. Однако отец отказался наотрез и заявил, что завтра самолично отправится к губернатору и потребует немедленных объяснений. Мажордом горестно вздохнул и удалился. А когда ночью на перрон ворвались вооруженные люди и под дулами пулеметов разоружили конвой, оказалось, что ни мажордома, ни начальника конвоя, ни пострадавшего повара в поезде уже нет.

Тесе до сих пор не могла без дрожи вспоминать ту страшную ночь. Их разбудили крики и топот. Где-то совсем рядом ударил гулкий выстрел из штуцера, потом раздался вскрик. Из соседнего купе, где спал личный адъютант отца, послышалась какая-то возня.

Потом Тесс услышала, как с шумом распахнулась входная дверь вагона и кто-то громко и сердито заговорил. Девушка потихоньку встала, подошла к двери купе и осторожным движением слегка отодвинула ее. В центральном салоне приглушенно переругивались, потом хлопнула дверь купе и послышался суровый голос отца:

– Что происходит, господа? И как это понимать?

Ему ответил сиплый, прокуренный голос:

– Ваш поезд задерживается по приказу Комитета действия, а вы все объявляетесь под домашним арестом. Вот мандат.

Несколько мгновений в салоне стояла тишина, потом отец недоуменно произнес:

– Что это за бумажка? Я не знаю ни о каких Комитетах действия и требую немедленно соединить меня с премьер-министром или спикером Государственного собрания. Вы все будете строжайшим образом наказаны за самоуправство и оскорбление моей персоны.

На что тот же голос развязно ответил:

– Не будет тебе никакой связи. А если высунешься из вагона – пристрелят как собаку.

Тесс вдруг почувствовала, как по всему ее телу пробежала дрожь, и торопливо закрыла дверь купе. Голоса, сразу ставшие неясными, переругивались еще какое-то время, но голоса отца она больше не слышала.

Через неделю их поезд с вагонами охраны, заполненными теперь какими-то расхристанными солдатами да мастеровыми в кожаных куртках, медленно тронулся в другую сторону. На северо-восток. Все дальше и дальше от желанного Вивадийского дворца. С того дня прошло уже несколько месяцев.

Наутро мать подняла их довольно рано. Девочки быстро умылись в тазу, поливая друг другу из высокого эмалированного кувшина, а потом Тесе, как старшая, посадила их за рисование. Красок, естественно, не было, но они заточили несколько огрызков папиных карандашей, прикрепили к книжным обложкам по чистому листу бумаги, вырванному матерью из незаконченной тетрадки отца дневника, поставили на окно кувшин, из которого только что умывались, и принялись рисовать натюрморт. А мать снова отправилась ругаться с комендантом по поводу пианино. С тех пор как они приехали в этот город, у них еще не было ни одного занятия по музыке, так что даже Анюня, младшенькая, которой во дворце никогда не нравились эти занятия и она все время старалась как-нибудь увильнуть от эстрис Трудеген, их преподавательницы по музыке, как-то подошла к матери и спросила тоненьким голоском:

– Мама, а когда мы снова будем петь? Пока девочки старательно водили по бумаге огрысками карандашей, на Тесе опять накатили воспоминания.

Путь от Терпонеса ничем не напоминал недавнее путешествие. Теперь их уже не ждали восторженные толпы на каждом полустанке, а станции поезд вообще пролетал на полном ходу, оцетинившись пулеметами охраны. Останавливались только на глухих степных полустанках. Начальник их нового конвоя, худой сутулый человек с чахоточным румянцем на впалых щеках, одетый в неизменную кожаную куртку с болтающейся почти у колен громоздкой деревянной кобурой, в сопровождении Двух солдат удалялся в комнатку телеграфиста и вел с кем-то долгие переговоры. Когда однажды мать предложила ему лекарства из домашней аптечки, он отшатнулся, окинул ее сумрачным взглядом и хмуро произнес:

– Вы это бросьте, тут вам не дворец, и вообще...

Один из конвоиров постоянно находился в центральном салоне, бдительно следя за передвижением пассажиров от своих купе к туалету и обратно. Из-за этого тягостного присутствия в центральном салоне теперь собирались только на обед.

Это гнетущее путешествие длилось почти месяц. Похоже, все эти переговоры с заброшенных полустанков долгое время не давали необходимых результатов, и частенько они, проснувшись утром, вдруг обнаруживали, что поезд движется в противоположную сторону или вообще стоит где-то посреди степи. Однако всему на свете когда-нибудь приходит конец. И вот однажды, после очередной многочасовой стоянки на крошечном полустанке, поезд двинулся вперед и больше не останавливался, пока в окнах вагона не

показалось тускло освещенное здание вокзала с обшарпанной надписью «Катендорф».

Донесшиеся с лестницы голоса отвлекли Тесе от воспоминаний, и она, быстро вскочив, подошла к девочкам. Атьяна и Веточка сосредоточенно рисовали кувшин, давно уже поняв, что любое занятие хорошо, если хочешь отвлечься от тяжелых мыслей, а Анюня совершенно забыла о задании и увлеченно рисовала бабочку и цветы. Тесе не стала ее ругать, а, наоборот, помогла нарисовать узоры на крылышках у бабочки.

С шумом открылась дверь, и бородатый конвоир в солдатской шинели втокнул внутрь раздраженную мать. Отец вскочил, но конвоир уже захлопнул дверь. Мать еще немного постояла, раздувая ноздри, потом шумно выдохнула и, принужденно улыбнувшись, повернулась к мужу:

– Прости, дорогой, но я немного разнервничалась. Этот комендант совершенно не желает оторвать задницу от стула и пошевелить хоть пальцем.

Она осеклась и бросила быстрый взгляд в сторону детей. Но старшие, низко склонившись над рисунками, сделали вид, будто ничего не слышали, а Анюня была целиком поглощена бабочками. Родители отошли к дальнему окну, и мать, понизив голос, стала что-то объяснять отцу. Тесе вернулась на свое место и снова погрузилась в воспоминания.

Следующей ночью их выгрузили из вагонов и, плотно окружив конвоем, отвели к дальнему концу платформы. Там, прямо на железнодорожных путях, ждали пять пролетов, в три из которых загрузилась охрана. Потом их долго везли сначала центральным проспектом, потом узенькими улочками, пока наконец не привезли к большому двухэтажному дому, окруженному высоким деревянным забором. Дом был темен и мрачен. Но когда они вошли внутрь, Тесе вдруг почувствовала, как она устала от этой дороги, которая оказалась такой длинной. И почувствовала что-то вроде облегчения. Хотя где-то на самых задворках сознания мелькнула мысль, что этот дом может оказаться их последним пристанищем на этом свете.

Сначала их разместили довольно сносно. На всю семью отвели четыре комнаты. В двух размещались девочки, еще одна была спальней родителей, а последнюю использовали как гостиную. Первую неделю им разрешали ненадолго выходить на улицу, но вскоре прежний худой, чахоточный начальник охраны куда-то исчез, а в томе появился новый комендант. И начались придирки. Сначала отменили прогулки, потом отцу вообще запретили выходить из комнаты. А вскоре их всех согнали в одну большую комнату, заколотив все двери, кроме одной, тяжелыми дубовыми плахами. Отец и мать пытались протестовать, но конвойные, в большинстве своем не те, что были прежде, лениво отвечали:

– Распоряжение коменданта.

Когда же среди охранников появился лупоглазый наглец, жизнь Тесе стала просто невыносимой.

Девушка вздохнула, стряхивая воспоминания, и, бросив взгляд на часы, вскочила на ноги:

– Эй, девочки. Пора заканчивать урок. Мы уже полчаса как должны заниматься чистописанием.

Две старшие безропотно поднялись со своих мест, а малышка закапризничала:

– Мама, я хочу пойти погулять.

Мать подошла к ней и погладила по голове:

– Нам нельзя, девочка моя.

– Почему?

– Нас не пускают большие дяди.

– А ты скажи им, что если они нас не пустят, то придет дядя генерал Тергей Тергеич и застрелит их из большой пушки.

У матери вновь навернулись на глаза слезы. По слухам, которые дошли до них еще во время тягостного путешествия по железной дороге, начальник Генерального штаба, тот самый дядя генерал Тергей Тергеич, через полтора месяца после их отъезда из дворца был арестован и спустя неделю после ареста по единодушному решению Комитета действия

столицы расстрелян.

– Хорошо, родная. Я обязательно им это скажу, но сейчас нам пора заниматься чистописанием.

Анюня, страдальчески скривив губки, слезла с кровати и неохотно пошла к столу, за которым уже сидели остальные дети. Там она остановилась и, повернувшись к матери, попросила:

– Ты только обязательно скажи, ладно?

Так прошел еще один день.

* * *

Поезд прибыл на Центральный вокзал вне всякого расписания. Впрочем, на это никто уже давно не обращал внимания. Паровоз с натугой дотянул состав почти до отстойника в конце пути и остановился, окутавшись белыми клубами разогретого пара. В полупустом здании вокзала сразу стало шумно, из плотно набитых вагонов посыпались на перрон пассажиры, а от входных дверей, с трудом преодолевая бурный поток приезжих и мрачно поблескивая штуцерами, двинулся к поезду «народный патруль».

Майор Иван Р. Голицын, бывший старший офицер Департамента специальных операций разведывательного управления Генерального штаба флота Российской империи, высунулся из двери вагона и замер, ощупывая вокзал внимательным взглядом слегка прищуренных глаз. Народ валом валил к выходу, и немногочисленным членам «народного патруля» приходилось играть скорее роль регулировщиков, не давая возбужденной толпе устроить у дверей дикую давку, чем исполнять свою миссию – вылавливать среди пассажиров бывших офицеров, аристократов и прочих богатеев, а также других подозрительных личностей. Воров и бандитов не трогали, в революционном угаре признав их классово близкими элементами. Такое положение дел Ивана устраивало. Поскольку в этом же поезде ехали еще семь офицеров его группы и Юрий.

Однако всегда оставалась вероятность того, что все может пойти прахом из-за какой-нибудь дурацкой случайности. Из этого следовал вывод, что эту вероятность необходимо было максимально уменьшить. Вот почему майор хмыкнул и, с удовольствием окинув себя мысленным взором, оттолкнулся от подножки вагона и с гулким звуком приземлился на платформу. Все вокруг вздрогнуло и испуганно обернулось на звук, и майор с удовлетворением отметил про себя, что почти все торчавшие над сторбленными спинами пассажиров головы патрульных тут же повернулись в его сторону. Он остановился, нарочито ленивым жестом достал из кармана портсигар и, щелчком вытащив длинную тонкую сигарету, прикурил несколько картинным жестом. Теперь на него пялился уже весь «народный патруль». На это зрелище и впрямь можно было заглядеться.

Все то время, пока майор был без сознания, ему, естественно, не требовалось особой одежды. В доме господина Максина ему на скорую руку стачали пару кальсон. И то больше из эстетических, чем из каких-то иных соображений. Но после бойни у железной дороги, когда он, так сказать, вернулся в общество, вопрос с одеждой встал самым острым образом. На его, мягко говоря, излишне крупную фигуру подобрать хоть что-то подходящее оказалось совершенно невозможно. Выход нашел генерал Тропин. Он предложил пошить их общему спасителю одежду из сохранившихся у него отрезов плотного шинельного драпа и мягчайшего генеральского мундирного сукна. Ротмистр шустро отыскал лучшего коевского портного, еще кто-то из офицеров пожертвовал несколько прекраснейших кусков хрома, еще год назад купленных в столице с прицелом на две пары щегольских сапог, а один унтер из полкового оркестра оказался отличным сапожником. Так что, благодаря совместным усилиям, сейчас на платформе стоял богатырь, одетый в новенький полувоенный френч, щегольские сапоги со скрипом и новехонькую же, необмятую шинель из великолепного драпа с красными генеральскими отворотами. Любой другой, одетый подобным образом, вряд ли сумел бы отойти от вагона дальше чем на двадцать шагов. А скорее всего, его шлепнули бы прямо здесь же, у стенки вагона. Но это любой другой...

Иван сделал еще одну затяжку и отшвырнул сигаретку, не выкуренную даже наполовину. Вообще-то он не любил табак, но сейчас подобный шикарный жест был необходим, поскольку тоже служил главной задаче. Майор сплюнул, стукнул каблуком о булыжник платформы и медленным шагом, величественно, словно линкор среди рыбацких шхун, двинулся к выходу. Патрульные невольно подались назад и сгрудились плотнее. Майор быстро посмотрел по сторонам: кордон преодолели почти все офицеры его группы. Он разглядел пятерых, которые поодиночке остановились в разных местах уже за линией патруля. А вон еще двое приближаются к этой линии. Майор взял левее, чтобы у патрульных в той стороне было на кого любоваться. Юрия нигде не было видно, но за него-то майор стал бы беспокоиться в последнюю очередь.

Первым из состава «народного патруля» ему попался на пути невысокий круглолицый паренек с носом картошкой, испуганно уставившийся на него из-под поломанного козырька помятого суконного картуза, надвинутого почти на глаза. Иван подошел к нему почти вплотную и сумрачно спросил:

– «Народный патруль»?

Тот испуганно кивнул:

– Д-да.

Майор окинул его насмешливым взглядом и растянул губы в презрительной усмешке:

– Старший где?

Паренек ткнул вспотевшей пятерней в сторону грузного мужика в солдатской шинели и хлопковой папахе:

– Вон, соратник Лошан.

Иван, не отвечая, покровительственно кивнул и двинулся к указанному лицу:

– Эй, ты старшой?

Мужик оказался покрепче паренька:

– Ну я?

– Где тут ближайший Комитет действия? Мужик настороженно посмотрел на него:

– А тебе зачем?

– А это не твоего ума дело, – спокойно ответил майор.

Мужик как-то поник от тона, каким это было сказано, но тут же взял себя в руки:

– Энтотто как раз мое дело. А вот ты кто таков? Показывай мандат.

Иван ухмыльнулся:

– Экий ты грозный старшой.

Ленивым движением он вытащил из кармана сложенный вчетверо листок. Старшой с опаской взял протянутую бумагу. Развернул. Придирчиво рассмотрел чернильный штамп и печать Комитета действия города Коева, так кстати заказанные председателем Комитета у местного ремесленника, но не полученные им по причине спешного бегства, и углубился в чтение. Сразу стало заметно, что читает он с некоторым трудом. Прошло минуты три, прежде, чем он с облегчением оторвался от бумаги, и, окинув майора повеселевшим взглядом, сложил ее, и протянул обратно:

– Однако одет ты, соратник...

Иван ухмыльнулся и ответил:

– Ну, на меня, соратник, готовое подобрать сложно, а потому пришлось пошить из генеральского барахлишка. Это была истинная правда. Старшой хохотнул и сделал рукой разрешающий жест. Иван благосклонно кивнул и двинулся к выходу.

* * *

Три недели назад трое землян и десять отобранных ими офицеров отправились на одинокую заимку, верстах в десяти от Коева. Майор и Круифф занялись там разработкой нескольких вариантов плана освобождения государя, а офицеров поручили Юрию. Он прекрасно понимал, что за оставшиеся две-три недели ничему особо серьезному научить их не удастся, и, поразмыслив, решил начать с главного.

Первое занятие оказалось для офицеров настоящим шоком. Народ в команде подобрался опытный, прекрасно владеющий не только традиционным офицерским палашом и барабанником, но и штуцером и пулеметом, да в рукопашную не раз хаживавший. Поэтому ничего особо серьезного от этого невысокого и даже щупловатого молодого мужчины они не ожидали. Когда Юрий появился перед коротким строем своих учеников, то в глазах у некоторых прочитал даже обиду. Юрий мысленно усмехнулся и, памятуя о том, что никакое обучение, а особенно за столь короткий срок, невозможно без наличия у учителя подавляющего авторитета, решил устроить господам офицерам фейерверк на полную катушку.

– Доброе утро, господа, прошу простить за столь затрапезный вид, – он и вправду был одет в поношенную суконную куртку и такие же брюки, заправленные в разбитые юфтевые сапоги, – но сегодня мне придется потрудиться больше, чем вам. – Пилот умолк и вдруг стремительно метнул неизвестно как и откуда взявшийся у него в руках барабанник стоявшему в строю усатому капитану, в последнее мгновение крикнув: – Лови!

Тот суетливо дернулся, неуклюже взмахнул руками, но, как и следовало ожидать, предотвратить контакт рукоятки барабанника с собственным лбом не сумел. От удара он не удержался на ногах и рухнул на пятую точку, инстинктивно схватившись руками за лоб. Юрий обидно рассмеялся. Кое-кто из офицеров тоже не сдержал улыбки, но все они мгновенно стерли ее с лица и повернулись к Юрию с негодованием в глазах. Капитан раздраженно вскочил на ноги и, прижимая ко лбу горсть снега, зло выкрикнул:

– Ну и что означает этот цирк?

Юрий глумливо ухмыльнулся – капитан еще не дошел до нужной кондиции – и ерническим тоном сказал:

– Эй, усатый, я же бросил тебе барабанник, или у тебя, кроме всего прочего, еще и склероз?

В глазах у капитана мелькнуло бешенство. Он наклонился и схватил барабанник. Юрий покровительственно кивнул:

– Ну наконец-то. А теперь слушай задание. Я сейчас подойду к тебе и дам «леща». Ты должен меня остановить. Как угодно и чем угодно. Можешь стрелять в меня из барабанника, бить ногами или оторвать голову. – Он сделал паузу и самым гнусным тоном, на который только был способен, гаркнул: – Эй ты, черепаха, я уже пошел!

К разочарованию пилота, в первый раз капитан не рискнул воспользоваться барабанником. Юрий со всей силы ударил его по носу и неспешно отошел на десять шагов назад.

– Ну что, будем в цапки играть или ты наконец начнешь шевелиться?

Капитана трясло от бешенства. Он вскинул барабанник. Юрий гнусно усмехнулся, покрутил рукой у носа и двинулся вперед.

Последний выстрел капитан сделал на расстоянии одного шага, но в следующее мгновение он опять валялся на снегу. Юрий подобрал барабанник и протянул капитану руку:

– Спасибо, капитан, теперь попробуем еще раз. На этот раз его тон был абсолютно спокоен. Капитан ошалело уставился на него. Юрий в три движения перезарядил барабанник, отдал его капитану и отбежал уже на двадцать шагов:

– Теперь дистанция у нас чуть больше, но и двигаться я буду побыстрее. Поэтому на особый выигрыш во времени не рассчитывайте.

На этот раз капитан успел выпустить четыре патрона.

Юрий не стал бить его по ставшему уже лиловым носу, а просто коснулся его рукой.

– Итак, господа, не хочет еще кто попробовать?

Офицеры переглянулись, вперед выступил стройный прапорщик:

– Прошу прощения, я бы хотел рискнуть. Юрий передал ему барабанник:

– Только одно условие. Не бойтесь в меня попасть, все равно вам это не удастся.

На третьей попытке прапорщику удалось прострелить пилоту рукав, но это был лучший результат за все время.

– Итак, господа, ваши выводы? Офицеры стояли с пришибленным видом. Юрий усмехнулся:

– Ну что ж, давайте попробуем подвести итог вместе. – Он повернулся к усатому капитану: – Вам понятно, почему я с вами так обращался?

Тот пожал плечами.

– Плохо, – наставительно продолжал Юрий, – вы почему-то отнеслись ко всему, что здесь происходит, как к цирку. А это учеба. И если вы окажетесь к ней неспособны, то вас очень быстро заменят другие. – Он окинул тут же подтянувшийся строй суровым взглядом. – Итак, первый вывод таков: любым человеком можно управлять. И чем лучше вы овладеете этим умением, тем быстрее добьетесь нужного результата.

Офицеры переглянулись. Каждый из них имел под своим началом десятки и сотни солдат, было не очень-то понятно, почему их странный наставник преподносит это как какую-то высшую истину. Однако предупреждение Юрия возымело действие, и все молча ждали объяснений. Они тут же и последовали. Юрий вдруг ткнул пальцем в стоящего перед ним офицера и изумленно выкрикнул:

– Ротмистр, вы стоите на мышинной норе!

Тот отскочил на шаг назад. Но под его ногами был только снег. Пилот неожиданно повернулся к прапорщику:

– Сверху!

Прапорщик отпрыгнул в сторону и уставился наверх. Над головой были только низкие серые облака. Недоумение офицеров росло. Юрий усмехнулся:

– Заметьте, я не отдал ни одной команды, но один из вас начал стрелять в меня из барабанника, второй сделал шаг назад, а третий отпрыгнул в сторону. – Он замолчал, оглядывая строй, и, заметив проблески понимания на лицах некоторых своих учеников, заговорил еще более уверенным тоном: – Когда я говорил, что человеком можно управлять, я совсем не имел в виду, что вы можете отдать команду кому-то, кто находится у вас в подчинении, и тот выполнит ваше распоряжение в меру своих сил и возможностей. Я подразумевал именно то, что сказал. ЛЮБЫМ человеком можно управлять. Вне зависимости от пола, возраста, занимаемой должности и характера. И способов этого управления чрезвычайно много. Главное, что вам надо уяснить сразу, следующее – наиболее эффективные способы управления людьми, те, когда они даже не догадываются, что вы заставляете их действовать по какому-то своему плану. – Не останавливаясь ни на секунду, он вдруг закричал офицеру, стоявшему ближе всех: – Ну что же это такое, как вам не стыдно, немедленно прекратите!

Офицер отшатнулся, в полной растерянности оглядывая себя, а Юрий уже переключился на следующего:

– Ну что вы стоите, хотя бы заслоните его! Тот неуверенно шагнул вперед и встал перед своим товарищем. Юрий накинудся на остальных:

– А вы что рты разинули?

Ничего не понимая, все сгрудились вокруг все еще пребывавшего в полной растерянности первого. Юрий рывкнул еще на двоих, потом резко выкрикнул:

– Замереть!

Все застыли на месте. Юрий усмехнулся и, вытянув указательный палец, произнес:

– Бух. Теперь я уложил всех десятерых одним-единственным выстрелом.

Офицеры переглянулись. Пилот дал им несколько минут, чтобы прийти в себя, и продолжил поучения:

– Возможно, вы еще не поняли, что, пока вашими противниками будут люди, умение управлять людьми является ключом к ЛЮБОМУ воинскому искусству... Скажите мне, может ли батальон численностью почти пятьсот человек, при десяти пулеметах, сдать неорганизованной толпе и сложить оружие, потеряв при попытке защититься всего двадцать семь человек личного состава?

Большинство поняло, куда он клонит, но капитан все еще пребывал в расстроенных чувствах и потому попал в расставленную ловушку:

– Да чепуха, мы на Тернавских высотах, в шестнадцатом, триста сорок человек положили, а вражескую позицию взяли.

– А между тем все это произошло пару недель назад на ваших глазах.

Тут дошло и до капитана, а Юрий продолжил:

– Князь застрелил всего двадцать семь человек. Как вы говорите – чепуха. Но он точно рассчитал, КАК и КОГО надо убить, чтобы все остальные лишились воли к сопротивлению. – Он мгновение помолчал. – Запомните, эти танцы, что я заставлял вас сейчас выделывать на снегу, и то, что сотворил князь, – явления одного порядка. Все приказы, распоряжения, поручения отдаются людям. А человека можно заставить сделать шаг назад, повернуть голову в нужную сторону, отдать вам свой штуцер или барабанник, пропустить вас туда, куда он ни в коем случае не должен никого пропускать, поднять руки и сдаться или даже пустить себе пулю в лоб, – Юрий повернулся к капитану: – Вы ведь неплохо владеете барабанником, но ни разу в меня не попали... знаете почему? Потому что вы стреляли именно туда, куда я вас ЗАСТАВЛЯЛ. А вы, прапорщик, – он многозначительно выставил простреленный рукав, – думаю, не станете отрицать, что ваш единственный относительный успех – случайность. Вы просто отчаялись в меня попасть и выстрелили наобум, совершенно не заботясь о том, попадете или нет а просто чтобы успеть сделать еще один выстрел.

Прапорщик смущенно кивнул. Юрий улыбнулся:

– Не смущайтесь. Это был абсолютно верный поступок. В данном случае я должен был предусмотреть, что вы менее устойчивы психологически, чем капитан. – Юрий прошелся перед строем, переводя внимательный взгляд с одного офицера на другого. – Если вы этому научитесь, то, пусть даже ничего не прибавится к вашему, прямо скажем, уже немалому воинскому умению, на этом свете не будет НИКОГО, кто смог бы вам противостоять Ни человека, ни Комитета, ни армии.

Теперь, похоже, дошло до всех. Юрий мягко улыбнулся и, сделав шаг вперед, тихо произнес:

– Ну что ж, тогда начнем занятия.

* * *

Выйдя из здания вокзала, майор подождал, пока вся группа подтянется поближе, и неторопливо двинулся в указанном начальником патруля направлении. Группа пару минут двигалась за ним в нескольких шагах позади, а потом, когда пилот убедился, что все в порядке, тихо растворилась в привокзальной толпе. Они должны были встретиться у особняка барона.

В старой столице они собирались пробыть совсем недолго. Не больше, чем потребуется на то, чтобы отыскать барона Конгельма, уточнить у него местонахождение поезда бывшего суверена и закончить подготовку к его освобождению. Однако, как выяснилось, это было не так-то просто. За те полтора месяца, что прошли со дня их отъезда из города, обстановка здесь изменилась радикальным образом.

Иван не стал задерживаться в Комитете действия Торгового конца. В общем-то, можно было бы и вообще сюда не заезжать, но майору хотелось почувствовать обстановку. Да к тому же существовала вероятность, что начальник патруля, вернувшись с дежурства, поинтересуется явился ли встреченный им «соратник» по тому адресу, о котором справлялся. И это могло в будущем создать некоторые проблемы. Так что Иван решил, что стоит потратить немного времени. Разговор его с дежурным остался у того в памяти только фактом появления необычно одетого посетителя да тем, что он выписал ему мандат, что, впрочем, ему приходилось делать по десять раз на дню. В городе вовсю развернулись конфискации, реквизиции и прочие веселые дела, так что местных кадров не хватало и в помощь постоянно прибывали проверенные «соратники» из других городов, иногда даже целыми отрядами. И хотя большинство конфискованных ценностей они обычно увозили с собой, на нужды собственных Комитетов действия, однако и того, что оставалось, вполне

хватало. К тому же началось массовое переселение угнетенных масс с бедных окраин в обширные господские дома, а среди «соратников» было довольно много таких, что сами устраивали свое переселение, присматривали себе подходящее жилье и потом приходили за мандатом. Все это было в порядке вещей. Через полчаса майор вышел из дверей Комитета, поймал извозчика и назвал ему адрес в Ташниковом переулке. Как раз на углу Ташникова и Букового бульвара и располагался особняк барона.

Еще не выбравшись из скрипучей пролетки, Иван почувствовал, что что-то не так. Все офицеры его группы сгрудились у ограды, довольно натурально попыхивая самокрутками и сплевывая горечь от плохонькой северной махорки, а Юрий на кого-то рычал сквозь приоткрытую входную дверь. Увидев майора, он повернулся к нему с преувеличенно возмущенным видом и произнес:

– Вот полюбуйтесь, соратник, каков фрукт. Иван взбежал по ступенькам, Юрий отодвинулся открыв его взгляду странного типа с небритой рожой и наглыми, навывкате, глазами, взиравшими с некоторым испугом. Юрий славно постарался, готовя этого типа к его прибытию.

– Кто таков?

Тип вздрогнул:

– Мы, это, народное товарищество, вселились по мандату. – Тип, повернувшись назад, рявкнул: – Кудиар, где мандат? Ташши яго сюды.

Но майор не стал ждать развития событий, а просто двинул дверь плечом и вошел внутрь. Тип испуганно шарахнулся в сторону. Иван мысленно усмехнулся: пилот идеально подготовил ситуацию – какое бы решение ни принял майор, остаться здесь вместе с новыми хозяевами, выгнать их или спокойно уйти, никаких особых усилий оно бы не потребовало. Все было готово. Майор окинул хмурым взглядом изгаженную лестницу, длинный коридор с расписным потолком, вдоль которого уже были натянуты веревки с мокрым бельем, покосился на массивную резную дверь, обезображенную грубо врезанным замком, и понимающе ухмыльнулся:

– А старого-то хозяина куда подевали?

Тип угодливо захихикал:

– Известно куда, в Ташевские бараки, туда ноне всех их свозють. Ну которые бывшие-то. – Дрожащей рукой он протянул измятую бумаженцию. – Вот гляньте, соратник, все чин по чину, – и торопливо добавил: – Но ежели Комитет потребует, так мы завсегда...

Майор равнодушно отвернулся от бумаги, процедил сквозь зубы:

– Ладно, живите пока. Там видно будет, – и, повернувшись, вышел на крыльцо.

Их миссия столкнулась с первыми трудностями.

Ташевские бараки были построены лет сорок назад как государевы продуктовые склады. На носу была Южная война, и надобно было срочно создавать запасы. Но, видно, такова была их судьба, что за все время своего существования они так никогда и не были использованы по прямому назначению. И теперь, спустя сорок лет, только самый большой оптимист посмел бы утверждать, что над Ташевскими бараками не тяготеет какое-то странное и страшное проклятье. К началу войны не успели. Первый подрядчик, возведший стены из рыжего речного кирпича, не успел закончить работы и помер, отравившись, по слухам, солеными грибочками. Второй только-только успел покрыть крышу и настелить полы, как в старой столице разразился ветряной мор. Больные вскорости заполнили не только все болезные дома, но и все приюты, богадельни и инвалидные дома. А потому тогдашний градоначальник, ничтоже сумняшеся, повелел свозить больных в новехонькие Ташевские склады. Мор свирепствовал в столице два месяца и поутих только к Вознесению, но с первыми оттепелями разошелся вновь. Спустя год новый градоначальник, назначенный взамен старого, умершего во время мора, наотрез отказался платить едва выжившему подрядчику за произведенные работы, мотивируя это тем, что построенные помещения после пребывания здесь больных никак нельзя использовать под продуктовые склады. А после вообще повелел все пожечь, дабы пресечь распространение заразы. Что и было незамедлительно выполнено. Невзирая на вопли подрядчика, лабазы полили керосином и

подожгли. После чего второй подрядчик пошел по миру и, по слухам спился и тихо помер в одном из босяцких кабаков. Лет десять склады стояли разоренные, мало-помалу становясь прибежищем босяков и бродячих ромэлских таборов. Позже градоначальник, уже другой, порешил снести сгоревшие строения и на этом месте разбить городской парк. Подобные начинания повсеместно входили в моду и были высочайше одобряемы. Однако один за другим умерли два подрядчика, которым поручили было это дело. Поговаривали, что к этому приложили руку ромэлы, которым не понравилось покушение на такое удобное место, прямо у Западного тракта, ну да в чем только не винят понапрасну этот кочевой народ. Затем сменился и градоначальник, а новый нашел другое место под парк. Спустя еще двадцать лет вновь срочно потребовались склады. На этот раз порохом потянуло с запада, и очередной градоначальник недолго думая решил, дабы не тратить лишних денег, восстановить старые Ташцевские склады, чьи стены, выложенные из добротного речного кирпича, выглядели еще вполне прилично. Тем более что и местоположение его теперь, спустя столько времени, стало еще привлекательнее. Рядом прошла железная дорога. Однако опять что-то не заладилось, и к началу войны не успели. Затем через город валом повалили войска с востока страны, и Ташцевские склады отдали под войсковой маршевый лагерь, а через некоторое время часть лабазов оборудовали под перевалочный госпиталь. В каком виде они и пребывали до того дня, когда власть в городе перешла к Комитету действия.

В этот утренний час улицы были пустыньны. Автомобиль, на подножке которого болтался караульный в длиннополой шинели, со штуцером за спиной, резво проскочил по Мясницкой, свернул на Сыромятную и, рыкнув разболтанным мотором, резво подкатил к воротам Ташцевских барачков. Часовой, топтавшийся у ворот, встрепенулся, но штуцера с плеча не скинул. Ну кто, кроме своих, мог разъезжать по городу на авто? Машина скрипнула тормозами и остановилась. Конвойный спрыгнул с подножки и отворил переднюю дверцу. Часовой слегка охнул. На переднем сиденье сидел прямо-таки огромный мужчина, одетый в новую генеральскую шинель без погон. Он выбрался из машины, которая тут же заметно поднялась над дорогой, и в два шага оказался рядом с немного струхнувшим часовым. «Такой двинет и, не ровен час, пришибет будто муху». Но пока что страшноватый пришелец не проявлял агрессивных намерений:

– Эй, соратник, где старший караула? Часовой испуганно закрутил головой:

– А эвон, в том домике. Гигант кивнул и, коротко бросив своему караульному:

«За мной», направился к домику. Тут часовой вспомнил, что не спросил мандата, но было уже поздно, да и вновь прибывшие вели себя уж больно уверенно, так что часовой просто махнул рукой.

Майор пинком распахнул дверь домика и вошел. Человек, сидевший на табурете у стола, сколоченного из струганых досок, и сладко спавший, положив голову на руки, ошалело вскочил и уставился на вошедших. Майор шагнул вперед, пнул ногой табурет с валявшимся на нем штуцером и раздраженно бухнул басом:

– Черт знает что...

Проснувшийся втянул слюни, судорожно сглотнул и оторопело заморгал. Двое других, дрыхнувшие в углу на шинелях в обнимку со штуцерами и подскочившие от грохота, замерли, испуганно глядя то на вошедших, то на своего начальника. Иван грозно посмотрел на них и, протянув руку к штуцеру одного из них, свирепо рыкнул:

– А ну дай сюда.

Тот было дернулся, но, бросив на своего начальника быстрый взгляд, отдал штуцер.

Майор ловким движением выбил затвор, поднес его к носу, скривился и снова рывкнул:

– Нет, ну черт знает что! Ты старший этого свинарника?

Сидевший у стола испуганно кивнул головой и плаксиво затараторил:

– Дак ведь караул уже две недели не меняли. Обещалися на неделю, а вот уже как две недели... Майор взревел:

– Чего ты тут лопочешь?! Тот мгновенно умолк. Какое-то время в домике было тихо.

Майор вздохнул:

– Ладно, со сменой я разберусь... – Быстро вытащив из внутреннего кармана лист бумаги, он развернул его и ткнул под нос начальнику караула, продолжая сверлить его недовольным взглядом: – Этот у тебя сидит? Барон Конгельм? Давай его сюда, и быстро.

Не успел начальник, скосив глаза, заметить наличие штампа и печати на каком-то тексте, как здоровенная, будто лопата, ладонь исчезла из-под его носа, а ее обладатель снова поморщился и угрожающе произнес:

– Будь у меня время дождаться соратника коменданта...

Начальник караула быстро смекнул, что ему совсем не резон задерживать строгого гостя до приезда коменданта, и тут же развил бурную деятельность. Двое сменных, неподвижно сидевшие в углу, были мгновенно отобилированы на поиски требуемого лица, а сам начальник, под предлогом срочного дела, тихо выскользнул и рысцой подлетел к постовому:

– Это кто такие?

Тот, мгновенно оценив взъерошенный вид своего начальника и то, с какой скоростью сменные понеслись выполнять поручение, цокнул языком, заведя глаза вверх:

– Те самые.

Начальник охнул:

– Особый комитет. Ну дела... – Он со всхлипом вздохнул. – И надо ж случиться такому, один разок придремал – и на тебе.

Часовой, который каждую ночь в свою смену дрых вместе с начальником, сочувственно покачал головой:

– Можя, обойдется?

– Иде там, – уныло махнул рукой начальник и, заметив, что сменные уже возвращаются от барачков, волоча за собой какого-то помятого типа, для резвости подгоняя его прикладами, рысцой порскнул в сторону домика.

Спустя десять минут, когда барон Конгельм, ошалевший от скорости, с которой все произошло, и не меньше от чистого утреннего воздуха, уже тряся на заднем сиденье фыркающего «ролка», боясь рассердить своих грозных конвоиров даже неосторожно брошенным взглядом и гадая, чем грозит ему этот неожиданный поворот судьбы, майор повернулся к нему и с усмешкой спросил:

– Неужели не узнаете, барон? Я ведь не так давно гостил в вашем доме. Правда, в то время я мог передвигаться исключительно в горизонтальном положении.

Барон, икнув от неожиданности, прохрипел:

– О мой бог, князь, – и осел на подушки сиденья. Однако, как оказалось, на этом радостные сюрпризы не кончились. Когда через полчаса барона, у которого от переживаний отнялись ноги, втащили через черный ход в небольшой особнячок, расположенный на зажиточной купеческой окраине, навстречу ему, взволнованно раскинув руки и трясясь слегка уменьшившимся, но еще достаточно заметным брюшком, метнулся профессор Пантюше:

– Бог мой, барон, что они с вами сделали?!

В полдень, чисто вымытый, побритый и плотно отобедавший барон сидел, покойно развалившись, на диване в гостиной купца первой гильдии Плашни. Профессор осмотрев барона, дав ему успокоительное и пообещав непременно навестить его вечером, уехал по своим медицинским делам. А рядом с бароном примостился у камина купец, занимавшийся тем, что радостно вываливал на голову барона последние новости. Он не уставал благодарить бога с того самого часа, как выяснилось, что десять вооруженных людей, появившиеся однажды вечером на пороге его добротного двухэтажного дома, оказались не бандой мародеров – из тех, что шныряют по улицам, шаря вокруг недобрым взглядом, а потом заявляются в частные дома с командой вооруженных «народных патрульных» и конфискуют дома и все добро, нажитое несколькими поколениями, выгоняя хозяев на улицу, а добрыми знакомыми и даже товарищами господина Кройфа. А уж когда заявился и сам господин барон, в свое время познакомивший его с этим самым господином Кройфом,

восторгам купца не было предела. Слава богу, у него еще с прежних времен было припасено кое-что в погребе, так что дорогих гостей можно было встретить по-старинному, как принято. А уж после этого можно и у камина посидеть, поболтать о прежних добрых временах.

Спустя полчаса, когда барон уже несколько притомился, слушая болтовню господина Плашни, в гостиную вошел князь:

– Ну-с, господа, прошу простить, что прерываю вашу славную беседу, однако, как мне кажется, вы, барон, уже успели догадаться, по какой причине мы извлекли вас из Ташевских барачков.

Барон Конгельм согласно склонил голову:

– Да-с, ваше сиятельство. Не сомневаюсь, вас волнует судьба нашего бывшего суверена. При последней встрече с вашим сотоварищем, уважаемым господином Кройфом, мы приняли на себя некие обязательства, но, увы к сожалению, обстоятельства оказались сильнее нас. Мне нечем вас порадовать. Мы так и не установили, где находится поезд государя. Да и, честно говоря, я сильно сомневаюсь, что нам как-то удастся это разузнать в настоящее время. Князь кивнул:

– И все же, расскажите, что вам известно.

– Мы установили, что к исходу зимы суверен успел добраться до Терпонеса, а там был задержан по решению местного Комитета действия. Далее его следы теряются. Нам удалось найти намеки как на то, что его отправили куда-то на юг, так и на то, что его поезд проследовал куда-то в сторону Рудного хребта, а далее... неизвестность.

Князь хмуро кивнул головой:

– Ну что ж, негусто, и все же я должен поблагодарить вас. Об остальном мы позаботимся сами. – Он на несколько мгновений задумался, потом повернулся к купцу: – Господин Плашня, вы не могли бы мне помочь вот с каким делом...

Купец с готовностью подался вперед:

– Всенепременнейше, ваше сиятельство.

– Во-первых, мне срочно нужен вывесочник, а во-вторых, прошу разрешения немного переоборудовать пару комнат в вашем доме, и вот для чего...

Закончив объяснение и получив жаркое согласие купца, князь попрощался и, поднявшись, направился к двери. В этот момент барон, будто очнувшись, вскочил на ноги и взволнованно заговорил:

– Ваше сиятельство, как я понял, у вас каким-то образом появились связи в этих комитетах. Иначе я не могу себе представить, как вы смогли получить мандат на мое освобождение. – Он запнулся, в голосе зазвучали просительные нотки: – Вы не могли бы посодействовать в вызволении из Ташевских барачков моего родственника? Господа Кройф и Юри с ним тоже хорошо знакомы. И он принял большое участие в вашей судьбе. Это полковник Эксгольм.

Князь, уже достигнувший двери, задержался на пороге и повернулся. Несколько мгновений он молча смотрел на барона, потом покачал головой:

– К моему великому сожалению, господин барон, буду вынужден отказать вам в этой просьбе. У меня нет никаких особых связей в комитетах, а что касается мандата... – Он сунул руку в карман и, вытащив оттуда сложенный лист, протянул его барону. – Вас выдали мне по этому документу.

Барон недоуменно уставился на бумагу, гласившую, что «...податель сего мандата имеет право на получение дополнительного продовольственного пайка», потом поднял на князя изумленный взгляд. Тот спокойно спрятал бумагу:

– Но главное не в этом. Просто сейчас я ни на что не могу отвлекаться. Во всяком случае, до тех пор, пока не сделаю главного. – Он мгновение помолчал и добавил:

– Дело в том, что сейчас наличествуют все признаки того, что я могу опоздать.

В этот вечер телеграфист внутреннего узла связи городского Комитета действия, молодой парень по имени Козя, не остался в комитетских казармах, где телеграфистам были выделены койки. С утра выдали месячный усиленный паек – фунт сахару, полтора фунта гречи, кусок настоящего сливочного масла, колбасу и кусок баранины фунта на два. В городе с продуктами уже было туговато, но особо ценные работники, такие, как телеграфисты, пока еще обеспечивались неплохо. И поэтому он, впервые за две недели, решил воспользоваться несколькими часами перерыва между сменами и сбежать домой, чтобы отнести продуктов приболевшей матери и младшим сестренкам. Их недавно переселили из подвала в комнату одного господского дома. Правда, там оказалось еще с десяток соседей, со многими из которых Козя при других обстоятельствах не поселился бы под одной крышей ни за какие коврижки, но деваться было некуда. Мандат на переселение выдавали всем вместе, а в подвале зимой было уж очень холодно. Даже вода, частенько капавшая с потолка, к утру застывала причудливым ледяным столбиком.

Козя вздохнул, припомнив прошлую зиму, поудобнее перехватил мешок с продуктами, подумал, что у матери скоро день ангела и она очень обрадуется гостинцам, и, настороженно оглядываясь по сторонам, припустил домой.

К его удивлению, в комнате матери было жарко натоплено. Веселые сестры, одетые в одинаковые новые теплые шерстяные платья, оживленно сновали вокруг почти накрытого стола, на котором горделиво возвышалась здоровенная кастрюля, источавшая запах мясного борща, и пускала душистый пар к потолку горка столь любимого Козей печеного картофеля, обложенная солидной толщины отбивными. Рядышком стояло еще несколько плошек с соленьями, а в центре торчала запотевшая четвертьведерная бутылка «Смирнянской».

Увидев Козю, который застыл в дверях, остолбенев от невиданного изобилия, сестренки восторженно завопили и бросились к нему на шею:

– Козенька, милый, как хорошо, что ты пришел! Козя, у которого от искренней радости сестренок стало тепло на сердце, весело отмахнулся:

– Да ладно вам, стрекозы, – и, подойдя к столу, Удивленно спросил: – А это откуда? Сестры застрекотали наперебой:

– А это мама...

– На работу устроилась...

– У нее такой начальник...

– Он нас на авто катает...

Хлопнула дверь, и на пороге появилась раскрасневшаяся мать с плетенкой нарезанного хлеба в руках. Увидев сына, она охнула и всплеснула руками:

– Господи, Козенька, радость-то какая! А у нас гости сегодня. Сам Карай Тергеич пожаловал. Со товарищи.

В коридоре послышались тяжелые шаги и приглушенные голоса, потом осторожно постучали в дверь. Мать ахнула, заполошно взмахнула руками и подскочила к двери.

Гостей было пятеро. Спокойные, улыбчивые мужчины, от которых веяло какой-то непоколебимой уверенностью людей, способных справиться с любой ситуацией. Ничего подобного Козя до сих пор в людях не замечал. Даже сам соратник Марак, которого Козя иногда мельком видел в длинных коридорах Комитета, а однажды даже лицезрел на расстоянии вытянутой руки, когда тот зашел в телеграфную комнату по какому-то неотложному делу, и то в сравнении с этими людьми выглядел не очень-то внушительно. Мать радостно засуетилась, раскланиваясь с гостями, помогая раздеться и складывая шинели на накрытую стареньким покрывалом большую кровать, потом принялась поливать из кувшина на руки гостям. Глядя на эту веселую суматоху, Козя почувствовал, как его губы тоже расплываются в глупой улыбке. Да, давно уже в их доме, впавшем в нужду после смерти отца, не было гостей.

Ужин прошел весело, даже в каком-то восторге. Начальник матери оказался блестящим собеседником, и его вопросы порой ставили Козю в тупик. А ведь среди соратников по ячейке Козя считался самым подкованным. Когда пришла очередь десерта, Карай Тергеич открыл свой объемистый портфель и под восторженные восклицания

сестренки водрузил на стол холодный чугунок, сильно смахивающий на те, в каких на Пресном рынке продавали сладкое мороженое.

После мороженого сестренки надели на Карая Тергеича с просьбами покатасть их на машине. Тот нахмурил брови, делая вид, будто сердится. Сестренки оробело притихли, но он вдруг прыснул со смеху и сделал знак шоферу. Тот поспешно вскочил, натянул кожаный картуз и с преувеличенной услужливостью поклонился своим юным пассажиркам:

– Куда прикажете подать машину, юные госпожи? Все весело рассмеялись.

После отъезда девочек посидели еще с полчаса, потом мать вскочила, собрала со стола посуду и со словами:

«Ну, вы, мужчины, посидите, поговорите, а я пока все помою и приготовлю чай», – убежала на кухню.

После нескольких ничего не значащих фраз Карай Тергеич вдруг повернулся к Козе и, пристально глядя на него неожиданно серьезными глазами, сказал:

– А знаешь, Козя, ведь главное, ради чего мы приняли приглашение твоей матери, – это поговорить с тобой.

– Со мной, почему это? Начальник мягко улыбнулся:

– Ничего особенного, дорогой Козя, просто мне нужна кое-какая конфиденциальная информация, и я очень надеюсь, что ты поможешь мне ее получить.

Козя, весь похолодев, обвел глазами гостей. Ни один больше не улыбался. Вот так влип! Да это ж враги. У них же на роже все написано, и как он сразу не догадался? Телеграфист съезжился на стуле:

– Ничего вам не скажу, офицерье проклятое. Хоть стреляйте, хоть пытайте меня.

Трое, что сидели напротив, сердито нахмурились. А здоровяк, что с ним заговорил, как ни в чем не бывало улыбнулся. От этой ласковой улыбки Козе стало еще хуже.

– Мы? Тебя? Да ты что? Козя вскочил:

– Только мать не трогайте! И сестренки, они при чем!

Офицеры угрожающе качнулись вперед, но глава остановил их легким движением руки:

– Никто здесь не собирается никого ни убивать, ни пытать. Ни тебя, ни твою мать, ни твоих сестренки. Если ты хочешь, то можешь уйти, прямо сейчас, – он на мгновение замолчал, – но ты совершишь большую ошибку. Какую – я тебе объясню.

Козя покосился на дверь, но остался сидеть.

– Ну и какую же ошибку? Главварь не торопясь поддел вилкой соленый грибочек и с аппетитом прожевал.

– Что ж, давай поразмышляем. Допустим, ты сейчас уйдешь с гордо поднятой головой, как это у вас говорится, «не предав дело революции». Что ж, это твое право, и я на него не покушаюсь. Но из-за этого твоего поступка пострадают люди, которые очень мне дороги. И дело не в том, что они действительно в чем-то виноваты, просто так решил кто-то из столь уважаемых тобой вышестоящих соратников. – Главварь замолчал, не отводя взгляда от Кози. – А теперь представь себе, что произойдет, если сразу после тебя мы все встанем и... тоже выйдем. В коридоре, как полагается, попрощаемся с твоей матерью – почтительно поцелуем ручку, раскланяемся, как же иначе... – Главварь усмехнулся. – Знаешь, а мне чем-то даже нравятся твои соседи, так просто просчитать их реакцию... – Он прищурился. – И как ты считаешь, много ли времени понадобится, чтобы все это дошло до Особого комитета?

Козя обмер. А главварь продолжал ровным тоном:

– Потом выяснится, что учреждения, в котором якобы работала мать, никогда не существовало в природе, а такой зарплаты, какую она получала, никто не платит. Как ты думаешь, чем это кончится? – И он замолчал.

Над столом повисла мертвая тишина. Тихим, бесстрастным голосом главварь заговорил снова:

– При проклятом старом режиме никому и в голову не пришло бы хватать и расстреливать детей. Да и то, виновен ты или нет, решал суд. Правый он был или неправый – можно спорить, но у человека всегда был шанс... – Он повернулся к Козе. – Как видишь, я

НИЧЕГО не сделаю твоим близким, но вот сможешь ли ты защитить их от СВОИХ? Если да, то иди.

Козя судорожно сглотнул, в голове метались обрывки мыслей. Сообщить старшему телеграфисту? Доложить начальнику охраны? Самому явиться в Особый комитет? Так ведь не поверят. Вон на прошлой неделе загребли братка из курьерской службы. Козя за него головой бы поручился, что парень свой в доску, а оказалось... А может, он и вправду свой, просто какая-нибудь гнида настучала, а те в Особом церемониться не любят. Враг, не враг – в морге разберутся. Он зажмурился, представив себе все это, и еле слышно спросил:

– Что вам от меня надо?

* * *

– Тронулись. Ну, с богом.

Майор оглянулся. Толстая бабища, несмотря на довольно теплый день одетая в потертую душегрейку мехом наружу и перевязанная крест-накрест по необъятной груди шалью, сказав это, размашисто осенила себя святым кругом и, стянув с головы платок, вытерла взмокшее лицо. Ротмистр, которого трудно было узнать в добротных коричневых бриджах, кургузом пиждачке и щегольском картузе с лаковым козырьком, развязным движением перегнулся к ней и ущипнул за широкий зад:

– А то как же, тетка-молодка. Баба взвизгнула, но вовсе не сердито, а игриво, и рассыпалась мелким смехом:

– Канешно, соколик.

Майор состроил мрачную мину и сипло буркнул:

– Осади, Фрак.

Ротмистр отпрянул и демонстративно, с деланным испугом спрятал руки за спину, не отводя от бабы нахальных глаз. Иван картинно сплюнул и посмотрел в дальний конец вагона, где в двух соседних отсеках сидели остальные члены их команды. Затем, натянув на лицо угрожающе-угрюмое выражение, двинулся вразвалочку по проходу. Только что изображенная сценка венчала целую серию подобных представлений, разыгранных членами команды во время посадки в вагон, и имела только одно назначение – пассажиры должны были четко уяснить, что в том конце вагона едут крутые «деловые». Конечно, если бы в вагоне ехали настоящие «деловые», они раскусили бы их быстро. Но таковых не было, и потому «представление» принесло желанный результат. В чем он немедленно и убедился. Добравшись до своего отсека, Иван остановился и, резко обернувшись, с лениво-равнодушным видом посмотрел назад. Почти все пассажиры в тот же миг опустили глаза долу, что и требовалось доказать. Иван сел на заскрипевшую скамью рядом с профессором Пантюше, который, прижав к груди саквояж, туго набитый всяким медицинским скарбом, задумчиво смотрел на мелькавшие за окном дома пригородов. От скрипа профессор вздрогнул и испуганный повернулся. Увидев, что это князь, он облегченно вздохнул. Было видно по всему, что профессор чувствует себя не в своей тарелке. Несколько минут они сидели молча. В соседнем купе пятеро офицеров во главе с Юрием лихо резались в «бухлу», блатную разновидность вполне уважаемой карточной игры «дридж», которой владел в совершенстве всякий офицер, имевший опыт довоенной гарнизонной жизни. Кроме самих офицеров, только Иван знал, что за карточным столом идет комплексный урок по психологии, методике просчета моторно-двигательных реакций, ситуационному анализу и даже практическому применению некоторых частных аспектов теории игр.

Профессор вздохнул и повернулся к майору:

– Ну, слава богу, тронулись.

Иван молча кивнул. Профессор еще немного помолчал, прислушиваясь к гоготу за дощатой перегородкой, недоуменно покачал головой и, понизив голос, сказал:

– Знаете, князь, я не совсем понимаю... Мне казалось, секретный характер нашей миссии предполагает максимальную скрытность, но то, как ведут себя ваши люди...

Майор хмыкнул:

– А что вы понимаете под скрытностью? Профессор нерешительно пожал плечами:

– Ну, не знаю, мне кажется, что нам не следовало бы привлекать к себе так много внимания... Иван коротко усмехнулся:

– А вы только представьте, профессор, в поезд садятся несколько крепких мужчин и все то время, что занимает дорога, а это не менее двух-трех недель, стараются НЕ ПРИВЛЕКАТЬ к себе внимания. И это в нынешних-то условиях.

Профессор посидел неподвижно, глядя перед собой, потом согласно кивнул головой:

– Да, пожалуй, вы правы.

Майор между тем продолжал:

– Любой человек судит об окружающих его людях, руководствуясь сложившимся у него стереотипом. Если кого-то можно легко и просто включить в привычную категорию, мы о нем просто забываем. Он понятен, а потому неинтересен. Вон тот – крестьянин, этот – «деловой», тот – мешочник, а вот эти – явно подозрительные типы, поскольку не укладываются ни в один привычный стереотип. – Майор усмехнулся. – Так что мы сейчас уже не представляем ни для кого интереса. В том числе и для возможных «соратников» или тех, кто, по гнусности своего характера, склонен доносить о подозрительных личностях «народным патрулям», которые, несомненно, еще встретятся нам, и не раз. Вот это и есть скрытность.

Два дня прошли без особых происшествий. Первые сутки поезд останавливался почти на каждом полустанке, где на штурм переполненных вагонов бросались толпы народа. На крупных станциях по вагонам, бдительно косясь по сторонам, шастали «народные патрули». Потом остановки стали реже, а состав пассажиров заметно изменился. Крестьян почти не осталось, а мешочников заметно прибавилось. Сильно поубавилось рабочих да мастеровых, которые по двое, по трое потянулись из вагонов начиная уже с третьего полустанка. В городе начинался голод, за топор или пару ношеных, но еще вполне крепких сапог давали не больше чем полфунта зерна, поэтому мастеровые и рабочие простаивавших заводов толпами устремлялись в деревни, надеясь, что в глубинке им удастся выменять свои вещички повыгоднее.

Юрий энергично продолжал обучение офицеров: то требовал сообщить, сколько окон было на фасаде здания вокзала, который они проехали нынешним утром, то, дав не более двух секунд, просил определить примерное соотношение числа мужчин и женщин в вагоне, то придумывал еще какие-нибудь заморочки, к которым, однако, все офицеры относились с максимальной серьезностью. И конечно, вовсю шла игра в карты. Во-первых, потому, что это было абсолютно естественное занятие для блатных, а во-вторых, хотя «бухла», в которую они играли, и походила внешне на обычную игру, да и термины были почти те же, на самом деле сходство на этом и кончалось, занятие это было на порядок сложнее.

Профессор по большей части молча сидел в углу и смотрел в окно. Или спал на полке третьего яруса. Он все еще никак не мог отойти от той стремительности, с которой был вовлечен в это опасное предприятие.

Однажды вечером, когда профессор в очередной раз явился в особняк купца, чтобы навестить своего друга и пациента и, чего греха таить, постоловаться у тароватого купца, имевшего некоторый запасец сытных разносолов, закончив осмотр барона, получил приглашение от князя пройти в отведенный ему кабинет.

– Прошу прощения, дорогой профессор, но мне необходимо узнать ваше мнение. Как вы оцениваете состояние барона?

Профессор растянул губы в профессиональной улыбке:

– Гораздо лучше прежнего, ваше сиятельство, гораздо лучше. Конечно, после перенесенного столь серьезного стресса было бы неплохо показать его специалистам, но... – Он развел руками, показывая, что понимает текущую ситуацию.

Князь был согласен с этим, что и подтвердил кивком головы:

– А скажите, он сможет перенести небольшое путешествие?

Профессор удивленно вскинул брови:

– Путешествие? Барон мне ничего не говорил о том, что собирается куда-то отправиться.

Князь усмехнулся и произнес полушутливым тоном.

– Прошу прощения, профессор, но в настоящее время я определяю, кто и куда отправится. Профессор понимающе хмыкнул:

– Что ж, в таком случае могу сказать, что, если уж положение НАСТОЛЬКО безвыходное, думаю, небольшое путешествие барон вполне выдержит. Но не очень долгое. День, два, не более. Он все еще довольно слаб.

Князь снова кивнул, как будто ожидал именно такого ответа, и после небольшой паузы неожиданно спросил:

– А вы, профессор?

Тот удивленно вскинул брови:

– То есть? У вас есть где-то больной?

Князь пожал плечами:

– Вероятно, есть, хотя ваша миссия будет заключаться не только в возможном оказании медицинской помощи. Вы мне нужны и по другим соображениям.

Он умолк.

Профессор, с холодно вежливым выражением лица, означавшим скорее возражение, нежели согласие, молча ждал продолжения. Князь заговорил снова:

– Вы мне нужны как человек, который мог бы послужить для суверена гарантом того, что мне можно доверять, – и, будто не замечая округлившихся глаз Пантюше, спокойно добавил: – У вас есть двадцать минут до прихода авто, чтобы поужинать и выпить чаю. Профессор оторопело уставился на него:

– Но... я не готов... У меня завтра лекция... Мне надо сделать распоряжения... собрать вещи наконец, – и замолчал, внезапно поняв, что все уже бесполезно и недавнее заявление князя в полной мере относится и к нему тоже.

Через полчаса он уже трясся на заднем сиденье авто, мчавшегося сквозь сумрак в направлении Восточного вокзала.

* * *

Они неторопливо и монотонно катили на восток, уже начав слегка тяготиться скукой. Пока однажды ночью когда все пассажиры, как обычно, дрыхли без задних ног поезд не остановился на какой-то крупной станции. Как правило, станции и полустанки встречали состав неумолчным гулом, который все больше нарастал по мере приближения поезда, поскольку толпы истомившихся пассажиров бросались на штурм вагонов, не дожидаясь, пока он окончательно остановится. Однако на этот раз вокзал встретил их непривычной тишиной. Капитан, в этот полночный час выполнявший обязанности караульного и потому лишь притворявшийся спящим, высунул голову из-под пальто и настороженно прислушался. Как только поезд, лязгая буферами, остановился, в тот же миг снаружи послышался приглушенный топот и звяканье. Капитан откинул пальто, приподнялся и осторожно выглянул в окно. Из здания вокзала, колонной по двое, торопливо выбегали вооруженные штуцерами люди и быстро растягивались цепью вдоль вагонов. Капитан бесшумно вскочил на ноги и тронул за плечо господина Юри. Тот мгновенно проснулся. Капитан молча показал на окно. Юри, бросив взгляд на перрон, сделал знак капитану поднимать остальных и проскользнул в соседний отсек будить князя.

Вскоре все они уже были готовы к тому, чтобы покинуть вагон, однако поезд к этому времени был уже оцеплен. Профессор, который, в отличие от остальных, еще не совсем отошел от столь бесцеремонно прерванного сна, осоловелыми глазами посмотрел в окно и повернулся к майору:

– Что случилось, князь? Тот пожал плечами:

– Не знаю. Возможно... В день нашего отъезда пришло сообщение от нашего информатора, что в Закаменье генерал Исток и атаман Друзь подняли восстание и даже

захватили пару городов. Вполне правомерно предположить, что за то время, которое мы провели в пути они продвинулись еще немного на запад.

На лице профессора при этом сообщении появилось радостное выражение.

– Ну, слава богу, нашлись-таки люди, просыпается народ-богоносец...

Князь вздохнул:

– Возможно, вы правы, но лично для нас никакой радости в этом нет.

– Почему? Князь усмехнулся:

– Во-первых, потому, что мы уже остановились, и, возможно, надолго. По всей видимости, на этой станции выгружаются войска, перебрасываемые центром на подавление мятежа. Однако, если б дело заключалось только в этом, вряд ли стали бы оцеплять поезд. Это значит, что события могут принять еще более неприятный для нас оборот. Я имею в виду, и это представляется мне наиболее вероятным, насильственную мобилизацию пассажиров этого поезда. В лучшем случае куда-то на строительство оборонительных сооружений или прокладку железнодорожной ветки, а в худшем – прямо под ружье. Из этого вытекает, что у нас совершенно нет времени. Поскольку из-за близости фронта цель нашего путешествия могут в любой момент куда-то перевезти или... – Он мгновение помедлил. – Если этого уже не случилось.

Профессор, бледнея, испуганно пробормотал:

– Вы считаете, что они посмеют... Их разговор был прерван дружным залпом из штуцеров, судя по гулкому звуку, направленных в воздух, и в следующее мгновение в вагон ворвались вооруженные люди, которые, крича и ругаясь, принялись выпихивать наружу полусонных пассажиров.

Через полчаса солдаты, отогнав толпу пассажиров, дрожавших от страха и холода, от опустевших вагонов, начали теснить ее к привокзальной площади. Профессор, ежась и вздрагивая, медленно двигался вдоль стены вокзального здания, стиснутый со всех сторон дюжими телами офицеров. Шедший впереди князь вдруг остановился и, с силой пробивая путь, двинулся куда-то в другом направлении. Профессор лихорадочно вцепился ему в рукав:

– Что случилось?

Князь повернул к нему спокойное лицо:

– Ничего особенного. Принимаю меры на случай, если станет жарко. – Он кивнул в сторону площади.

Профессор вытянул шею. Вдоль домов, жирно блестя штыками, стояли в два ряда плотные шеренги солдат. Все выходы с площади были перекрыты броневиками, а поодаль цокал подковами полуэскадрон. Господин Пантюше судорожно сглотнул, осенил себя святым кругом и бросился вослед князю.

Минут двадцать ничего особенного не происходило. Над толпой стоял сплошной гул, люди встревоженно переговаривались, визгливо ругались и причитали, но, когда со стороны путей донесся гудок и паровоз, окутавшись клубами пара, медленно потянул ставшие уже родными вагоны куда-то вдаль, все звуки слились в один протяжный тоскливый вой.

– Молчать!

Вой оборвался так же резко, как и начался. В сухом, надтреснутом голосе была такая внутренняя сила, что одного слова хватило, чтобы заставить несколько сотен человек мгновенно умолкнуть. И вдруг послышались непонятные бречащие звуки. Будто кто-то мерно бил молотком по железу. Люди в испуге завертели головами, но звуки отражались от стен домов, окружающих площадь, и, казалось, шли отовсюду. Ночь, молчаливая, скованная страхом толпа, шеренги солдат со штуцерами на изготовку вокруг нее, броневики, настороженно поводящие туда-сюда стволами пулеметов, и апокалиптический грохот шагов... Во всем этом было что-то мистическое. Профессор, вздрагивая всем телом и то и дело облизывая пересохшие губы, инстинктивно придвинулся поближе к могучей фигуре князя, словно пытаясь заслониться его мощью от неумолимо приближавшегося Великого Темного. Внезапно шаги смолкли, и в то же мгновение вспыхнули фары броневигов. Люди, застигнутые врасплох, с криками попятились назад – и снова раздался тот же голос:

– Я сказал – молчать!

На башне броневика стоял высокий худой мужчина в длиннополом кожаном пальто, с остроконечной бородкой и поблескивавшим в свете фар стальным пенсне на носу. Он сделал шаг вперед, ища, как видно, устойчивое положение, медленно обвел взглядом притихшую площадь и, кривя губы в некоем подобии улыбки, надрывным тоном заговорил:

– Сограждане, революция в опасности! Недобитые силы реакции подняли кровавый мятеж. Доблестные революционные солдаты, истекая кровью, сдерживают наступление злобных прихвостней бесноватого генерала. Я обращаюсь ко всем – к тем, кто может носить оружие, и к тем, кто по каким-то причинам уже этого не может, – нам нужны добровольцы. Комитет действия проводит мобилизацию на фронт и на строительство оборонительных сооружений. Если вам дорого дело революции – вступайте в ряды Гвардии вооруженной защиты свободы!

Он замолчал. Башня броневика под его ногами медленно качнула пулеметным стволом, как бы намекая, что будет с теми, кому дело революции окажется недостаточно дорого.

Несколько мгновений над площадью висела мертвая тишина, потом где-то в середине наметилось шевеление. Какие-то люди проталкивались к броневикам. Профессор прошептал на ухо майору:

– Неужели найдутся такие сумасшедшие? Тот ответил шепотом:

– И немало. Ведь лучше быть пока еще живым добровольцем, чем мертвым «предателем дела революции».

Откуда-то сбоку, возбужденно блестя глазами, вывернулся ротмистр:

– Будем прорываться, ваша светлость? Профессор оторопел. О чем говорит этот сумасшедший? Прорываться сквозь ряды солдат? На пулеметы броневиков? И вдруг ему бросилось в глаза, что и все остальные члены команды князя смотрят на своего командира такими же глазами. Вернее, почти все. Исключение составлял молодой человек, которого профессор помнил как спутника князя еще по поместью господина Максина. Хотя и в его повадке чувствовалось напряжение. Создавалось впечатление, что эти люди знали о князе что-то такое, что позволяло им рассчитывать на побег. Князь медленно покачал головой:

– Нет.

В это мгновение шевеление наконец достигло края толпы, та расступилась и извергла из своих недр четырех человек в одежде мастеровых.

– Эй, соратник, записывай нас в гвардейцы. Не прошло и нескольких минут, как к одному из броневиков, на подножке которого присел какой-то толстый тип в короткой кожаной тужурке, уполномоченный записывать добровольцев, уже выстроилась длинная очередь. Площадь тихо гудела. Князь, все это время молча стоявший на месте и напряженно о чем-то размышлявший, вдруг вскинул голову, многозначительно переглянулся с господином Юри и бросил через плечо:

– Пошли.

По-видимому, офицеры уже привыкли к подобным командам и молча двинулись вслед за князем, но профессор не удержался:

– Куда?

Однако его неуместный вопрос остался без ответа. Они прошли прямо к голове очереди, и никто не посмел им перечить. Когда единственный стоявший перед ними «доброволец», превратившись в «гвардейца», с кислой гримасой отошел в сторону и князь, сделав шаг вперед, возвысился перед уполномоченным во весь свой могучий рост, очередь вдруг испуганно шевельнулась, а за спиной уполномоченного послышался знакомый голос:

– Погоди.

Уполномоченный вздрогнул и, торопливо вскочив на ноги, вытянулся перед подошедшим:

– Слушаюсь, соратник Птоцкий.

Тот выступил вперед, и профессор получил наконец возможность рассмотреть его получше. Вблизи его худоба выглядела устрашающей. «Соратник» казался совершенно

лишенным плоти скелетом, обтянутым рыхлой, землистой, синюшного цвета кожей. Тонкие губы, несмотря на все усилия, не могли закрыть крупные, выпирающие вперед зубы. Но первое, что сразу же притягивало взгляд любого, были глаза. Крупные, навывкате, они горели таким яростным огнем, что всякий, на ком они останавливались хотя бы на миг, тут же покрывался холодным потом, лихорадочно пытаясь вспомнить, где и в чем он мог провиниться. Взгляд «соратника» мимоходом задержался на профессоре, тот обмер и торопливо опустил глаза, чувствуя, что вот-вот потеряет сознание.

Однако «соратник», медленно переводя взгляд с одного на другого, остановил наконец немигающий взор на князе:

– Кто вы такой?

Князь несколько мгновений молча выдерживал его взгляд, потом неторопливо отвел глаза – так, чтобы всем было понятно, что делает он это не потому, что его вынудили, а просто не считает нужным продолжать эту игру в гляделки.

– Прапорщик Косик... бывший, конечно. «Соратник» оскалился, профессор не сразу понял, что это, очевидно, означает улыбку или что-то вроде.

– Странно... – «Соратник» помолчал, как будто ожидая реакции собеседника, однако на лице князя не двинулся ни один мускул. – Странно, что вы так спокойно признаетесь в своем офицерском прошлом. Князь беспечно дернул плечами.

– А чего мне бояться? Я погоны своим горбом заработал. От рядовых.

«Соратник» понимающе кивнул:

– Где служили?

– Второй восточный бронедивизион.

Вокруг послышался удивленный гул. Это было одно из двух подразделений, которые, незадолго до того, как фронт окончательно рухнул, получили на вооружение диковинные заморские сухопутные линкоры – чудовища размером с дом, на гусеничном ходу, вооруженные несколькими орудиями и множеством пулеметов.

– Должность?

– Старший помощник капитана. Шум усилился. «Соратник» повернулся к уполномоченному:

– Прапорщика – ко мне. Князь наклонился вперед:

– У меня тут команда.

«Соратник» резко развернулся, скользнул взглядом по «команде» и снова уставился на князя:

– Сколько человек?

– Со мной одиннадцать.

– Кто такие?

Князь спокойно выдержал взгляд и отвел глаза в сторону, лишь когда профессор уже решил было, что первым не выдержит «соратник».

– Мои люди, кое-кто из экипажа, доктор один и так... со мной.

– Хорошо, – «соратник» опять повернулся к уполномоченному, – всех ко мне. – Он снова дернул подбородком в сторону князя: – Пилоты есть?

Князь отрицательно мотнул головой:

– По земле ходим.

«Соратник» снова молча кивнул и исчез в темноте. Уполномоченный, во все время разговора изображавший собою окаменевший соляной столп, шумно выдохнул и без сил опустился на подножку. Когда он взялся за перо, пальцы его слегка дрожали.

– Давайте по очереди. Имя, фамилия... Вот так, неожиданно для себя, они оказались в составе личного автобронеотряда Председателя Верховного комитета защиты революции.

* * *

– Если мне позволено быть откровенным, то я чрезвычайно рад тому, что вы приняли мое предложение и согласились отужинать со мной. – С этими словами виконт Темплтон

изысканным жестом поднес ко рту изящную рюмку с наркетским ликером и отпил малюсенький глоточек.

Круифф благодарно склонил голову и отложил в сторону двузубую – «рыбную» – вилку. Похоже, светский обед подошел к концу и начинается то, ради чего он и принял приглашение хозяина. Который являлся не просто единоличным владельцем крупнейшего частного банка Бриттской империи, но и дуайеном Полторского клуба, влиятельнейшего международного объединения крупнейших финансистов. Причем кэр Темплтон был избран на этот пост уже третий раз подряд.

Айвен, как и большинство пассажиров поезда, прибыл в Камелон на пароходе две недели назад. На этот раз путешествие до Северогорска прошло быстро и без приключений. Из Коева они выехали одновременно с майором, хотя и в разные стороны. Спустя сутки состав уже оказался в зоне оккупации, о которой Круифф знал еще до отъезда из старой столицы, а к полудню того же дня прибыл в Северогорск. Пароход до Камелона был нанят уже к вечеру. Ни к чему было дожидаться, пока по городу разнесется весть о прибытии большой группы обеспеченных людей, собирающихся отправиться за границу, и капитаны и судовладельцы взвинтят цены. Так что уже через два дня судно вышло из порта и взяло курс на северо-восток.

– За последние полторы недели я успел услышать о вас так много... необычного, что не сдержал любопытства и принялся старательно наводить справки о вас и ваших загадочных сотоварищах.

Виконт замолчал. Вышколенные лакеи, бесшумно возникшие за спинами собеседников, с умопомрачительной скоростью сервировали стол для десерта и так же бесшумно удалились. Круифф мельком подумал, что папаше виконта вряд ли пришло бы в голову прерывать разговор в присутствии каких-то там лакеев, а сын виконта, вероятно, не ограничился этим. Он наверняка позаботился и о том, чтобы в его личном кабинете не было не только лишних людей, но и подслушивающих устройств. Что ж, таковы последствия развития цивилизации.

– Так вот, господин Кройф. Клянусь, я был чрезвычайно старателен. Но... – кэр Темплтон огорченно развел руками, – должен вам признаться, что эти полторы недели нанесли самый болезненный удар по моему самолюбию. – Он прервался, ожидая какой-нибудь реакции со стороны собеседника, но Круифф застыл с непроницаемым видом.

Виконт тонко усмехнулся, будто говоря, что иного и не ожидал. Потом, еле заметно пошевелив пальцами – мол, хотя он не питает ни малейших сомнений насчет понятливости собеседника, но все же деловой этикет не терпит недомолвок и ему надлежит довести до конца то, о чем он начал говорить, – продолжил негромким, прекрасно модулированным голосом:

– Мне сообщили множество сведений о вашем круге знакомств, интересах, вашей деятельности, но все эти сведения ограничены лишь последними шестью месяцами. – Он снова умолк, однако, бросив быстрый взгляд на собеседника, понял, что затягивать паузу бессмысленно, и легкой улыбкой давая понять, что по достоинству оценил его умение себя держать, выложил карты на стол: – Уверяю вас, я обратился к людям, которые могли бы отыскать даже иголку на нескошенном лугу, но...

Наступило молчание. Айвен не двигался. Напряжение нарастало. Кэр Темплтон, нахмутив брови, ждал. И напрасно, потому что Круифф ничего не собирался пока ему говорить. Наконец виконт не выдержал. На этот раз в его тоне явственно слышалось раздражение.

– Как вы можете это объяснить, кэр Кройф? – Виконт осекся, досадуя на себя за несдержанность. Проговорившись, он свел на нет психологическое преимущество, которое давало ему обладание подобной информацией.

Айвен широко улыбнулся и приподнял бокал. Виконт несколько виновато улыбнулся в ответ. Легкий звон бокалов обозначил окончание первого тайма, который Круифф выиграл вчистую.

Следующие полчаса они просто болтали, время от времени обмениваясь быстрыми

острыми взглядами, но Круифф чувствовал, что виконт не простил ему собственного прокола и готовит новый удар. А потому решил слегка форсировать события:

– Простите мне мою настырность, кэр Темплтон, но я полагаю, что, стараясь установить наши личности, вы вряд ли удовольствовались лишь сбором сведений о деятельности нашей троицы за последние шесть месяцев.

Виконт с иронической улыбкой на губах склонил голову:

– Да-да, вы правы. – И это было все. Очевидно, виконт решил, что теперь его очередь поиграть в молчанку.

Однако Круифф вовсе не собирался позволять ему это:

– Тогда, с вашего позволения, я попробую угадать, что же еще вам удалось выяснить.

Виконт изящным движением поставил на столик фужер с остатками вина и элегантно откинулся на спинку кресла, как бы давая понять, что он весь внимание. Круифф склонил голову, показывая, что он это оценил по достоинству.

– Итак, если опустить все то, о чем вам доложили ваши информаторы по поводу наших намерений и всей совокупности наших действий за последние шесть месяцев, – Круифф на мгновение замолчал, глядя в глаза виконту с некоторой насмешкой, если не сказать больше, – то остается следующее. Ни в одном более или менее известном научном обществе ничего не знают об ученом по имени Кройф, и ни одна геральдическая палата слыхом не слыхивала о князьях Росен. Я прав?

Виконт вскинул руки и несколько раз приложил ладонь к ладони, имитируя аплодисменты. Однако в его глазах мелькнуло раздражение. Еще никто и никогда не позволял себе говорить с ним таким образом.

– И что же из этого следует? Круифф усмехнулся:

– Выводов может быть всего два. Темплтон иронически вскинул бровь.

– Первый, который, несомненно, пришел вам в голову, это что мы самозванцы. – Круифф подметил огонек интереса, вспыхнувший при этих словах в глазах виконта. «Что ж, продолжим». – Второй вывод, я думаю, таков: мы действительно представляем неких людей, имеющих некие, весьма неясные вам интересы в вашей разваливающейся империи. И наши имена – всего лишь псевдонимы.

Растерянность, промелькнувшая в широко открытых глазах виконта, показала Круиффу, что его слова попали в цель.

– Первый вариант с точки зрения обычной логики наиболее вероятен, – продолжил он свою речь. – В смутные времена, подобные нынешним, появляется масса любителей половить рыбку в мутной воде. Причем некоторые из них, появившись практически из ниоткуда, в конце концов достигали прямо-таки головокружительных высот. В истории масса тому примеров. Однако ставшие вам известными весьма интересные факты мешают вам полностью принять эту версию в качестве единственно верной. – Круифф поймал взгляд собеседника и еле заметно подмигнул ему.

Темплтон посмотрел на него с недоумением. Айвен тихонько хохотнул. Как просто работать здесь, где еще не слыхали о мимокоррекции, а единственный намек на психопринуждение можно было найти лишь в популярных комиксах о колдунах экваториальных джунглей. Если бы даже виконту Темплтону кто-то сказал, что его собеседник на протяжении всего разговора воздействует на него не только доводами, облеченными в слова, он вряд ли бы этому поверил. Впрочем, если и дальше все пойдет по плану, то к тому моменту, когда Айвен выложит на стол все свои карты, кэр Темплтон будет готов поверить и в гораздо более невероятные вещи. Круифф наклонился вперед и приблизил губы к уху собеседника:

– Я не буду углубляться в эти факты, поскольку смею надеяться, что, несмотря на потраченные усилия, вам удалось о нас разузнать отнюдь не все, а у меня профессиональная аллергия на разбазаривание информации. Скажу только одно – ваши предположения, для уточнения которых вы и организовали нашу встречу, ни в коей мере не лишены оснований. – Круифф отодвинулся, продолжая внимательно следить за собеседником.

Тот, как и прежде, сидел неподвижно, но покрасневшее лицо и блеск в глазах

выдавали крайнюю степень заинтересованности. Наконец виконт не выдержал:

– И кто же эти люди, которых вы представляете?

Круифф мысленно себе поаплодировал. В той, прошлой, жизни он каждый год покупал двухнедельный тур на Килмару, планету, считавшуюся землей обетованной для рыболовов. В тамошних реках водилась изумительная опаловая форель, знаменитая тем, что испытать ее удивительный вкус можно было только там и только в первые полчаса после того, как ее подцепишь на крючок. Стоило промедлить, и из-за каких-то странных особенностей метаболизма эта могучая и прекрасная рыбина превращалась во что-то непотребное – чистый навоз и по вкусу, и по консистенции. Впрочем, навоз чрезвычайно питательный и очень даже полезный для организма. Да только кому же приятно есть навоз? Вот почему, как ни велик был азарт, ни один рыбак не мог себе позволить выловить больше одной рыбины. Да и сам процесс ужения старались закончить как можно быстрее, поскольку каждая потерянная минута грозила превратить улов в дерьмо еще на сковородке. Теперешний разговор напомнил ему ту рыбалку. Поклевка! Айвен любезно улыбнулся и, подсадив на отсутствие пилота и стараясь говорить по-басовитее, произнес:

– Я представляю группу, существование которой в цивилизованном обществе публично отрицается, хотя слухи о ней неизменно циркулируют. Особенно в такие непростые времена, как сейчас.

Кэр Темплтон несколько мгновений размышлял над его словами, потом спросил напряженным тоном:

– Вы не могли бы объяснить поподробнее, что вы имеете в виду?

Круифф с иронической улыбкой принялся излагать свою версию. Расчет был безошибочен. Большинство цивилизованных государств Голузи в своем развитии уже прошли этапы существования в них тайных сообществ, ставивших своей задачей социальное совершенствование общества, вроде карбонариев, розенкрейцеров или масонов на старушке Земле. В подавляющем большинстве члены этих сообществ были людьми весьма образованными и одаренными, много было и людей обеспеченных. Некоторые сообщества в период своего расцвета становились весьма разветвленными международными структурами. Более того, в широких кругах время от времени ходили слухи о существовании некоей организации, претендующей на абсолютное мировое господство. Так что Круифф не придумал ничего нового. Да к тому же что еще, кроме изложенной им версии, могло бы лучше объяснить их внезапное появление в этом мире и столь бурную активность? Так же как и некоторые необычные способности и иной уровень знаний, то есть то, что рано или поздно будет обязательно замечено или вычислено. Однако следовало учитывать, что люди уровня Темплтона слабо верят в подобные сказки, так что его задача была достаточно сложной.

Когда Круифф закончил, виконт еще некоторое время молча сидел, задумчиво уставя взгляд куда-то в пространство. Потом с учтивой улыбкой сказал:

– Извините, господин Кройф, но неужели вы считаете, что я могу поверить в ЭТО? Айвен безмолвно развел руками:

– Ладно, так чего же вы хотите от меня? Круифф ответил на этот вопрос лишь усмешкой. Усмехнулся и кэр Темплтон:

– Вы правы, смешной вопрос... – Он нервно постучал пальцами по столу. – Однако, даже если предположить, что вы каким-то образом в чем-то меня убедили, не станете же вы ожидать, что я отдам вам деньги ПРОСТО ТАК?

Круифф молча кивнул, а Темплтон тем временем закончил свою мысль:

– Следовательно, вы собираетесь предложить мне нечто такое, что должно было бы заставить меня окончательно поверить вам и пойти на сотрудничество?

Айвен согласно наклонил голову.

– И что же это? – В голосе виконта явственно слышалась насмешка.

Круифф усмехнулся:

– Увы, не очень много. Наши возможности довольно ограничены, иначе у нас не возникло бы необходимости обращаться к вам. Но... – Круифф замаялся, словно раздумывая,

говорить или нет. – Как вы смотрите на то, чтобы с нашей помощью взять под контроль от семи до двенадцати процентов суммарного рынка инвестиционного капитала десяти наиболее промышленно развитых стран мира?

Лицо виконта приняло недоверчивое выражение:

– То есть?

Круифф невинно улыбнулся:

– Разве я неясно выразился? Темплтон нахмурился:

– Вы выразились достаточно ясно. Мне непонятно только, за кого вы меня принимаете. Круифф вскинул руки:

– О, конечно, конечно. Я абсолютно уверен, вы давно уже не верите ни в восточных джиннов, ни в сокровища морских королей, – он усмехнулся, – но ведь я вам этого и не предлагаю... Когда я размышлял о нашем предстоящем разговоре, то вопрос о том, чем вас заинтересовать, был для меня... – он запнулся, словно подыскивая слова, – самым простым.

Кэр Темплтон поднял брови, на его губах промелькнула ироническая улыбка. Круифф тоже улыбнулся в ответ, показывая, что ирония собеседника не ускользнула от его взгляда, и продолжил речь:

– Я прекрасно понимаю, что вас интересуют НЕ ПРОСТО деньги как таковые. Вернее, те деньги, которые вас действительно могли бы заинтересовать, чрезвычайно сложно легализовать, ведь деньги не могут внезапно просто появиться из ниоткуда. – Круифф взглянул в глаза собеседника, словно ища в них подтверждения своим словам. – В современном обществе не составит особого труда проследить путь каждого банкнота или золотого слитка. К тому же, если быть откровенным, у нас ТАКИХ денег нет. Но... – он помедлил, не отрывая глаз от виконта, – мы достаточно хорошо изучили существующую систему кредитно-денежных отношений и закономерности движения финансовых потоков, чтобы то, что я предложил вам, могло быть претворено в жизнь. Причем только за счет новых финансовых технологий, без привлечения каких бы то ни было дополнительных средств... ну, скажем, почти, – уточнил он с улыбкой.

Темплтон какое-то время сидел молча, сверля собеседника недоверчивым взглядом, наконец отвел глаза и полным сомнения голосом проговорил:

– Мне бы хотелось вам верить, но... Круифф облегченно вздохнул. Подсечка!

– Ну конечно. – Круифф небрежно вытащил из кармана бумажный конверт. – Вот, ознакомьтесь, и будем считать это первым взносом, – сказал он, протягивая виконту извлеченные из конверта листы бумаги, на которых вчера вечером изложил разработанный им изящный план захвата двух успешно действующих банков. Он точно знал, что на эти банки, не самые крупные, но процветающие, виконт уже давно точит зубы.

Кэр Темплтон быстро пробежал текст глазами и посмотрел на Круиффа. В его взгляде явственно читалось удивление, смешанное с уважением. Айвен скромно улыбнулся:

– Кроме всего прочего, это существенно умножит наш ОБЩИЙ совокупный капитал. – Он сделал многозначительную паузу. – Впрочем, если вы, подумав, решите отказаться от сотрудничества с нами, то будем считать это чем-то вроде ПРОЩАЛЬНОГО подарка.

С этими словами он поднялся и с легким кивком быстро покинул комнату.

* * *

Виконт Темплтон появился в его номере через четыре дня. Он приехал один, на наемном автокебе, одетый в скромный запашной плащ, больше подходивший скорее мелкому клерку. Круифф был несколько озадачен, поскольку, по его расчетам, тот должен был явиться не раньше конца недели. Вряд ли виконт, получив в руки такой прекрасный инструмент для округления своего капитала, станет заниматься в первую очередь какими-то глупыми мифами. Однако, как оказалось, виконт успел управиться намного быстрее, чем Айвен предполагал.

Он вошел молча, несколько картинным жестом снял шляпу и, не снимая плаща, присел у стола. Круифф все это время с интересом следил за ним. Несколько мгновений оба

молчали, потом виконт глухо сказал:

– Я купил эти банки.

Айвен, не открывая рта, изобразил легкий поклон, как бы отдавая должное оперативности Темплтона. Тот еще некоторое время посидел молча, то ли ожидая, не скажет ли чего Круифф, то ли собираясь с духом, и наконец глухо заговорил:

– Возможно, все, что вы мне наговорили, всего лишь глупая шутка, но вы меня убедили. Я заявляю, что заранее согласен на все ваши условия, но вы, со своей стороны, должны принять мое. – Темплтон умолк, устремив на Круиффа испытующий взгляд, но лицо американца было непроницаемо. Губы виконта скривились в нервной улыбке: – Я хочу стать одним из вас.

Круифф немного подождал, не будет ли продолжения, потом медленно покачал головой:

– Прошу прощения, кэр Темплтон, но это невозможно.

Виконт открыл было рот, собираясь, очевидно, возразить, но Круифф не дал ему говорить.

– Да это вам и не нужно, – сказал он, снисходительно улыбаясь, – вы не совсем представляете функции и задачи моей организации. Вернее, моей БЫВШЕЙ организации, – уточнил он.

Виконт удивленно воззрился на него:

– То есть как бывшей? Круифф развел руками:

– Вот так. С того самого момента, как я начал АКТИВНО вмешиваться в текущие события, я уже не принадлежу к членам этой организации. У меня есть задача, есть знание некоторых технологий, неизвестных, скажем так широким слоям, есть товарищи, которые работают вместе со мной. И как только я выполню свою задачу – я буду волен жить дальше так, как мне будет угодно. Я могу стать заводчиком, банкиром, нефтяным магнатом; могу активно заняться политикой или, наоборот, заработав небольшой капитал, купить домик в деревне и доживать свои дни на лоне природы в тишине и покое. Единственное, что навсегда останется для меня недоступным, – это мое прежнее членство в моей бывшей организации.

– Но почему? Круифф усмехнулся:

– Потому что таковы наши законы. Мы не стремимся к власти, просто потому, что она неэффективна. Как ни привлекательно на первый взгляд выглядит идея о мировом господстве, да еще осуществляемом людьми, которые вроде бы действительно знают, ЧТО и КАК следует делать, весь наш опыт свидетельствует о том, что на практике все получается гнусно и убого. Уж можете мне поверить, за долгую историю существования нашей организации среди нас бывали и такие, кому удалось достигнуть достаточно большой власти, чтобы иметь возможность попытаться воздействовать напрямую. – Он хитро улыбнулся, заметив на лице виконта отблески изумленного понимания. – Не будем уточнять, КТО из известных всему миру людей был нашим представителем, а кто нет, но вы можете вспомнить хоть одну попытку, которую можно было бы назвать удачной? – Он замолчал.

Темплтон некоторое время напряженно о чем-то размышлял, потом поднял глаза на Айвена.

– И в чем же заключается цель вашей организации? Круифф развел руками, словно извиняясь: Всего лишь минимизация потерь.

– То есть?

Круифф снова усмехнулся:

– Понимаете, мы не можем вести человечество прямой дорогой к светлому будущему. Просто потому, что не знаем, каким оно должно быть. Но, можете мне поверить, развитие цивилизации подчиняется не менее стройным законам, чем, скажем, физические. Так что, как только в истории человечества намечается очередной глобальный перелом, мы прилагаем все усилия, чтобы минимизировать потери. Всякие – финансовые, экономические, человеческие. – Он снова замолчал.

На лице виконта появилось разочарованное выражение. Он представлял себе функции тайных владык мира несколько иначе. И Круифф решил немного поправить впечатление, дабы разочарование виконта не особо помешало их дальнейшей деятельности:

– Поверьте, кэр Темплтон, только подобное вмешательство может быть хоть сколько-нибудь эффективным в глобальном масштабе.

Виконт задумчиво покачал головой:

– А вы не рассматривали такой вариант – я сочту, что вы недостаточно откровенны, и захочу побеседовать с вами более... подробно?

Круифф рассмеялся:

– Знаете, я не могу полностью предположить реакцию и нашей организации, но из того, что мне известно из нашей истории... У нас были случаи, когда целые группы погибали, не успев справиться со своей задачей. Могу вам доложить, что все это кончалось для человечества более чем печально. Но все же не настолько печально, как для виновников их гибели. Дело даже не в том, что они были уничтожены. Было уничтожено все, что имело к ним хоть какое-то отношение. Государства, поместья, фабрики, дети, внуки, другие родственники, даже однофамильцы, если возникало предположение, что они имеют к ним хоть какое-то отношение. – Он сделал паузу и закончил невинным тоном: – Впрочем, я не исключаю, что это всего лишь выдумки, которые должны были продемонстрировать молодым членам организации, что их возможная гибель будет, как минимум, отомщена. – он тряхнул головой, – нам называли некоторые вполне исторически достоверные имена.

Виконт, помолчав несколько мгновений, устало потер лицо ладонью и спросил:

– Ваше прежнее предложение остается в силе? Круифф утвердительно склонил голову.

– В таком случае, завтра я жду вас у себя для более конкретного обсуждения наших действий. – Виконт поднялся, взял шляпу и вышел из номера.

* * *

– Позвольте-ка мне, профессор.

Пантюше оторвал взгляд от неестественно вывернутой руки ротмистра и поверх пенсне, съехавшего на самый кончик носа, удивленно воззрился на князя. Тот спокойно выдержал его взгляд. Профессор поднялся с корточек и поправил пенсне.

– Вы хотите сказать, что недурственно разбираетесь еще и в медицине, ваше сиятельство? Князь усмехнулся:

– Не во всякой, дорогой профессор. Но данный случай как раз по части военно-полевой медицины, а в этой области я кое-что понимаю, можете мне поверить. Пантюше попятился и сделал приглашающий жест:

– Нуте-с, пожалуйста.

Князь кивнул и склонился над ротмистром, у которого от боли все лицо было покрыто мелкими бисеринками пота. Пантюше изо всех сил старался сохранить невозмутимый вид, но чувствовалось по всему, что он настроен воинственно. Князь молча ощупал вывернутую руку, заставив ротмистра несколько раз болезненно сморщиться, а один раз даже глухо ругнуться, потом удовлетворенно кивнул и резко надавил на какую-то точку в основании плеча. Ромистр взвыл, но тут же осекся тряхнул головой и, шумно выдохнув, произнес:

– Не болит...

Князь хмыкнул и, захватив плечо обеими руками, резко дернул и повернул. Раздался противный хруст. Все вздрогнули, но ротмистр не издал ни звука, только недоуменно уставился на свое плечо. Князь ощупал локоть и снова как-то по-особенному дернул руку раз и потом другой. Снова хрустнуло, но ротмистр по-прежнему молчал, как будто эти на посторонний взгляд просто изуверские действия не причиняли ему никакой боли. Князь быстро пробежался ловкими пальцами по всей длине руки, принявшей уже более или менее нормальный вид, и, еще раз удовлетворенно кивнув, поднялся на ноги, и обратился к профессору:

– Теперь надо туго забинтовать. – Он повернулся к ротмистру: – Минут через десять

заболит, и сильно. Но тут уж ничего не попишешь, придется терпеть.

Они покинули личный эшелон Председателя вчера поздним вечером. Срок их пребывания в составе этого во всех отношениях элитного объединения составил всего четыре дня. За это время они успели получить по комплекту кожаной одежды, состоявшей из блестящей черной куртки лакового хрома, таких же галифе и фуражки-картуза с длинным козырьком. Только на князя не нашлось нужного размера, и он остался в своей генеральской шинели.

В первое же утро в вагон, где они разместились, ввалился дюжий марьят. Соратник Птоцкий питал слабость к иноземцам, и большая часть его автобронеотряда была укомплектована представителями марьятского, кайчеоского и иного зарубежного пролетариата. Впрочем, ходили упорные слухи, что довольно существенная часть его бойцов к пролетариату не имеет ни малейшего отношения. Марьят окинул их высокомерным взглядом, скривился и рявкнул:

– А ну подъем, швайкулешти!

В первый момент никто не пошевелился. Хотя все проснулись, еще когда марьят с грохотом карабкался по узким вагонным ступенькам. Потом князь сел на кровати, всунул ноги в сапоги, поднялся на ноги, пару раз топнул и неторопливо подошел к марьяту, который с удивлением осознал, что, оказывается, он не настолько велик и могуч, как привык считать. Князь окинул его мрачным взглядом и лениво спросил:

– Ну чего тебе, убогий?

Марьят, в замешательстве смотревший на князя, вздрогнул и заговорил уже совсем другим тоном:

– Соратник Птоцкий приказал переодеть и представить ему к десяти часам. Князь кивнул:

– А ты кто, каптер, что ли?

Марьят сердито нахмурился, но сдержался и ответил почти спокойно:

– Я – комендант эшелона, соратник Мродь. Князь кивнул:

– Хорошо, комендант. А как насчет завтрака? Комендант Мродь дернул веком. На его лице явственно проступили обуревающие его чувства, и эти чувства не сулили неопитам ничего хорошего. Но князь выглядел ОЧЕНЬ внушительно, потому комендант взял себя в руки и ответил почти нормальным тоном:

– Вы еще не состоите на довольствии... но я пришлю хлеба и кипятка. – И, не желая продолжать этот неприятный разговор, он резко повернулся и покинул вагон.

Возвратился он минут через десять. Сопровождавший его боец волок пятилитровый медный чайник и несколько буханок сероватого хлеба в объемистой крестьянской корзине. Князь кивнул капитану, чтобы тот освободил бойца от его ноши, и повернулся к коменданту:

– Подожди снаружи. Нам поутречать надо. Комендант побагровел. Несколько мгновений он сверлил князя яростным взглядом, потом повернулся к сопровождавшему его бойцу. Тот съезжился под взглядом коменданта. Но соратник Мродь только скрипнул зубами и пулей вылетел из вагона.

Когда с завтраком было покончено и все неторопливо допивали остывший чай, профессор наклонился к князю:

– Прошу простить меня, ваше сиятельство, но не кажется ли вам, что с комендантом следовало бы быть более... осторожным? Мне думается, вы нажили нам серьезного недоброжелателя.

Князь хмыкнул:

– Надеюсь.

Пантюше удивленно воззрился на него:

– То есть?

Но князь только молча улыбнулся и отставил в сторону опустевшую кружку:

– Пойдемте, господа, в отличие от нашего коменданта, соратнику Птоцкому еще рано приходить в раздражение от нашего присутствия.

День прошел, как и ожидалось. После представления соратнику Птоцкому, во время которого он произнес краткую зажигательную речь, выслушанную господами офицерами с демонстративным вниманием (сказались уроки господина Юри), их распределили по взводам, расчетам и экипажам. Профессора, которого, к его собственному негодованию, князь представил как фельдшера, отправили в лазарет, где он до самого вечера провалял дурака. Штатный фельдшер с утра слегка принял и потому был в чрезвычайно благодушном настроении, а личный врач соратника Птоцкого должен был весь день неотлучно находиться при своем высокопоставленном клиенте. Так что чтобы не помереть со скуки, Пантюше еще раз прокипятил все шприцы, разобрал вату и корпию, навел порядок в шкафу с лекарствами и вытер везде пыль.

Вечером, когда все вновь собрались в своем вагоне, князь заставил каждого рассказать об увиденном и о выводах, которые они сделали, после чего подвел краткий итог:

– Плохо, господа. Мы с вами находимся в расположении самой боеспособной части противника, а вы заняты черт-те чем. – Он сделал паузу. – Завтра последний день, так что извольте потратить его с пользой.

Офицеры недоуменно переглянулись. Потом ротмистр робко спросил:

– Но нам же не ставилось никаких задач? Князь покачал головой и повернулся к господину Юри, скромно сидевшему в уголке:

– Похоже, вы их плохо учили. Раз они до сих пор не поняли, что такое гражданская война.

Следующим вечером профессор несколько задержался в лазарете. На врача его вчерашние усилия произвели благоприятное впечатление, и он пораньше отпросился у своего хозяина, чтобы поближе познакомиться с неожиданным пополнением. С профессора сошло семь потов. Врач оказался чрезвычайно высокомерным типом, а Пантюше в сугубо медицинских вопросах никогда не отличался сдержанностью характера. Так что профессору пришлось приложить невероятные усилия для того, чтобы соответствовать образу уважаемого фельдшера, на который его, по каким-то одному ему известным причинам, обрек князь. А потому, когда он наконец появился в вагоне, вечернее совещание уже закончилось. По-видимому, на этот раз оно прошло более успешно, так как у офицеров возбужденно блестели глаза, а этот загадочный господин Юри, которого профессор уже давно перестал воспринимать как простого механика, чистил барабанник, загадочно посмеиваясь.

Следующее утро началось несколько необычно. Первыми поднялись князь и господин Юри. Они молча оделись и, не обращая внимания на поднявшуюся суету, куда-то ушли. Появились они минут через сорок. Остальные встретили их улыбками. Которые, впрочем, не остались безответными. Пантюше все утро старался окольными путями выяснить, что же такое происходит, но все лишь отшучивались или просто пожимали плечами.

После завтрака в вагон неожиданно ввалился комендант в сопровождении трех суровых марьятов, обвешанных гранатами и перетянутых пулеметными лентами. Его маленькие свиные глазки злорадно посверкивали. Князь с невозмутимым видом лениво повернул голову в сторону незваных гостей и скривил губы в презрительной улыбке:

– Чем обязаны? Комендант зло оскалился:

– А ну сдать оружие. Князь посмотрел на него долгим взглядом и негромко приказал:

– Ну-ка, выбросите их из вагона.

Марьяты схватились за барабанники, но офицеры в одно мгновение скрутили их, сорвали с них гранаты и пулеметные ленты и вытолкали из вагона. Пока офицеры, высунувшись из окон, провожали улепетывающих марьятов хохотом и улюлюканьем и размахивали им вслед пулеметными лентами, Пантюше наклонился к князю и неодобрительно сказал:

– Совершенно непонятно, зачем вам понадобилось все так усложнять.

Князь молча улыбнулся.

До обеда все было тихо. К полудню подогнули состав с платформами. Врач, которому соратник Птоцкий сегодня с утра приказал не путаться у него под ногами, к обеду успел

поднагрузиться и потому пребывал в благодушно-слезливом настроении:

– Нет, ну ты вот мне скажи, какого дьявола я здесь делаю? Ведь звали меня, еще до войны, в Камелон. Должность предлагали. – Он пьяно выпятил губу и важно произнес: – Был бы сейчас приват-доцент Камелонского королевского университета, а я, дурак... Патриотизм выиграл. Как же, война на носу. И теперь мне в награду, – он сложил пальцы кукишем и сунул профессору под нос, – во!

Пантюше безгласно отшатнулся, а доктор, заметив его движение, пьяно расхохотался. Профессор счел за лучшее превести разговор на другое:

– Послушайте, а вы не знаете, зачем подали платформы?

– Где? – Врач высунулся в окно. – А... значит, уже.

– Что?

– Да к фронту едем.

Профессор некоторое время рассматривал орудия, которые бойцы с гиканьем вкатывали на платформы, фыркающие моторами броневика, разворачивающиеся для заезда на погрузочную эстакаду, покачал головой и глухо произнес:

– Да-а-а, сила. Вряд ли генерал Исток и атаман долго продержатся против этого.

За спиной раздался хриплый смех:

– Еще чего. Соратник Птоцкий не настолько глуп, чтобы выводить на передовую свой личный отряд. Мы будем в заградотрядах. – Врач икнул, уронив голову на руки, и сонно пробормотал: – А для генерала и так пушечного мяса хватает.

Князь появился на перроне, когда погрузка была уже почти закончена. У погрузочной эстакады, рыча чихающим от скверного газа мотором, неуклюже разворачивался предпоследний броневик, а последний ждал своей очереди неподалеку. Дверца была открыта, внутри виднелся господин Юри, небрежно облокотившийся на баранку. Князь остановился у самой эстакады и привалился плечом к низкому борту платформы. Наконец броневик, взревев мотором и выбросив из выхлопной трубы облачко газов, пополз по эстакаде вверх. Добравшись до края платформы, он грузно перевалился передними колесами через откинутый борт и, еще раз рыкнув, вкатился на платформу. Вдруг до Пантюше донеслись отчаянные крики:

– Санитар! Скорее! Санитара сюда.

Он торопливо окинул взглядом платформу. К тому месту, где стоял князь, набежала небольшая толпа, а самого князя нигде не было видно. Профессор похолодел и, дрожащими руками подхватив санитарную сумку, бросился вон из лазарета.

Князь лежал на животе, неестественно подогнув под себя руку и тихо постанывая. Глаза его были закрыты, а лицо страдальчески сморщилось. Пантюше упал перед ним на колени и принялся торопливо переворачивать его на спину. Но князь был слишком тяжел, профессор вскинул глаза и срывающимся голосом прохрипел:

– Да помогите же кто-нибудь.

– А ну-ка...

Рядом с Пантюше опустились на колени капитан и ротмистр, почему-то одетые не в щегольские кожаные куртки, выданные накануне, а в обыкновенные солдатские шинели. Князь приоткрыл на мгновение один глаз и, заметив их, тут же закрыл снова. Они втроем подняли князя. Пантюше судорожно пытался обхватить пальцами огромное запястье, чтобы нащупать пульс:

– Его надо немедленно в лазарет. Немедленно! Ротмистр ухмыльнулся..

– Сей секунд, профессор, только броневик пропустим.

Последний броневик, отчаянно чадя суррогатным газом, сдал назад и начал потихоньку двигаться к мосткам. В этот момент из здания вокзала вывалился комендант и, отчаянно вопя, бросился к перрону. Броневик взревел и закатил передние колеса на мостки. Комендант подпрыгнул и, выхватив барабанник, несколько раз выстрелил в проем открытой передней дверцы броневика. Броневик остановился. Двигатель сбавил обороты, и стали слышны кое-какие слова из тех, что выкрикивал комендант:

– Держи... Убегают... Стреляй...

Бойцы, стоящие вокруг, стали недоуменно оглядываться, пытаясь понять, кого же надо держать и в кого стрелять. В этот момент броневик вдруг снова взревел мотором и, резко сдав назад, внезапно тормознул прямо перед профессором. Правая большая дверь броневика резко распахнулась, могучая длань князя схватила Пантюше за шкирку и швырнула вперед:

– Быстрее, профессор.

Не успел тот опомниться, как оказался внутри, дверь захлопнулась, и броневик, взревев, заложил крутой вираж и рванулся вперед. Над головой, где-то у вершины башни, мелькнули здоровенные подошвы Князевых сапог, и в то же мгновение зло застучал пулемет. По броне редко защелкали ответные пули, князь ответил длинной очередью, снаружи грохнул взрыв, потом броневик накренился, видно сворачивая на полном ходу в какой-то проулок, и выстрелы затихли. Броневик сделал поворот, потом другой, и вдруг по ушам ударил еще один взрыв.

– Водокачка, – пробормотал ротмистр.

Тут рвануло еще два раза. Ротмистр заулыбался:

– А это второй эшелон. Сейчас еще третий и четвертый пакгаузы рванут... – Взрыв заглушил его последние слова, за спиной профессора капитан с удовлетворением подвел итог:

– Все. На бронепоездах у них только половинный боезапас остался. О, черт! – Броневик заложил очередной вираж, и капитан чувствительно стукнулся головой о выступ двери.

Минут через десять отчаянной гонки на сумасшедшей, тридцативерстной скорости броневик вылетел на окраину городка. Впереди лежала дорога на Катендорф.

– Ладно, броневик придется бросить. Пантюше вздрогнул, голос князя оторвал его от воспоминаний. А князь спускался к броневику, уже по днище погрузившемуся в трясину. Он остановился на поваленном стволе, как раз и послужившем причиной того, что их выбросило с дороги, если не считать, конечно, безумную манеру вождения господина Юри, и, примерившись, прыгнул в распахнутую дверь. Потом выскочил обратно с пулеметом и тремя лентами, перекинутыми через плечо. Он бросил ленты на траву и усмехнулся:

– Спасибо коменданту – патронов у нас в достатке. Офицеры рассмеялись. Пантюше задумчиво покачал головой. Князь жестом прекратил смех и приказал:

– Все, двинулись. Если пойдем ходко, то к закату доберемся до окраины Катендорфа.

Солнце близилось к закату, когда они вышли на опушку леса. В полуверсте виднелась насыпь железной дороги, мост, а за мостом начинались домики окраины. Князь, которого этот переход, казалось, совершенно не утомил, как, впрочем, и господина Юри, скинул с плеча пулемет и объявил:

– Привал. В город двинемся, как стемнеет.

Пантюше, медицинскую сумку которого уже давно нес на себе ротмистр, со стоном рухнул на землю. Ротмистр бросил на землю сумку, перевел дух и весело спросил:

– Медицинская помощь не требуется, профессор? – и со смехом отошел в сторону.

Немного отдохнув, офицеры развели в ложбинке небольшой костер и поставили кипятить воду. А господин Юри и князь, вопреки собственному приказу, ушли куда-то по направлению к городу. Пантюше, придя в себя, спустился в ложбинку и сел у костра. Некоторое время он молча сидел, глядя на огонь, потом повернулся к ротмистру:

– Скажите, офицер, вы не замечаете за князем некоторых странностей? Ротмистр засмеялся:

– А где вы сейчас нормальных-то найдете? Вся страна с ума посходила. А в чем проблемы-то?

Профессор счел за лучшее переменить тему:

– Да так... – Он немного помолчал. – А это не опасно, что они в город пошли? Соратник Птоцкий мог сообщить наши приметы по телеграфу или отправить дрезину вдогонку.

– Ништо, – хохотнул ротмистр, – мы ж, перед тем как двинуться, подорвали гранатами телеграфные аппараты и на почте, и в здании вокзала. А ребята, пока ждали нас на окраине,

еще десяток телеграфных столбов завалили. Да и не до этого им теперь. Там такая заваруха... да и князь паровоз из пулемета расстрелял. Теперь они, прежде чем его с места сдвинут, не меньше суток провозятся.

Профессор лишь молча кивнул.

* * *

Князь появился на закате. Они с господином Юри внезапно вывернулись откуда-то из-за кустов, совсем не с той стороны, куда ушли, и присели, протягивая к огню руки. Капитан, стоявший на часах, ошалело уставился на них, не понимая, как это он прозевал их приближение потом смущенно отвернулся. Князь молча взял протянутую ему кружку с чаем, небрежно кивнул и подошел к Пантюше:

– Вот что, профессор. Где держат суверена, я разузнал. И он вроде бы еще жив...

– Слава тебе, Господи! – прошептал профессор и истово осенил себя святым кругом.

– Вас я в город не возьму, – продолжал между тем князь. – Вероятность того, что придется ввязаться в серьезный бой, хоть и мала, но существует. А вы нужны мне для встречи с сувереном. Поэтому останетесь здесь. Будьте готовы оказать медицинскую помощь. Через пару часов вам доставят сюда все необходимое.

Пантюше кивнул. Князь, помолчав, спросил:

– Вижу, вас что-то мучает, профессор? Я могу вам чем-нибудь помочь?

Пантюше повернулся и посмотрел на князя. Тот встретил его взгляд спокойно и благожелательно:

– Ну же, вы ведь хотите о чем-то спросить.

– Послушайте, князь, я не уверен, что сейчас самое подходящее время для подобных вопросов... – Профессор замялся.

Князь молча ждал. И Пантюше решился:

– Я прошу прощения, но меня уже давно мучают странные мысли... Откуда вы? – Не дождавшись ответа, он заговорил снова: – Я не сомневаюсь, что вы аристократ, породу сразу видно, да и господин Кройф... но... – Профессор запнулся, тряхнул головой и решительно продолжил: – Понимаете, каждый человек, путем образования и вращения в определенной его происхождением и воспитанием среде, приобретает определенный набор знаний и умений. У кого-то он чрезвычайно узок, у кого-то широк. Некоторые, особо одаренные, просто поражают своим кругозором. Можете мне поверить, я достаточно общался и с первыми, и со вторыми, и с третьими, но вы... – он пожал плечами, – вы просто ставите меня в тупик.

Князь молча смотрел на него.

– Понимаете, я ничего не имею против вас. Более того, я просто счастлив, что во всем этом кровавом безумии вы оказались на нашей стороне, но... иногда мне в голову приходят совершенно бредовые мысли.

– Например? – улыбнулся князь.

На лице профессора мелькнуло виноватое выражение.

– Ну, например, что вы пришельцы с Луны или еще откуда.

Улыбка князя стала еще шире. Ответ его был как гром среди ясного неба:

– Вы правы.

– Что? – оторопело пискнул профессор. Князь хмыкнул и покачал головой, потом спокойно сказал:

– Сейчас действительно не время и не место для подобных разговоров, но, – князь наклонился к нему, – обещаю, что в НЕОБХОДИМОЕ время мы продолжим этот разговор.

* * *

Соратник Нирам, председатель Губкома, приехал уже после полуночи. Онкович, бывший студент технического училища, из зажиточных разночинцев, записанный в

специальный конвойный отряд за то, что еще во время зимних боев пригнал для нужд Комитета действия маменькину бричку на мягких рессорах, на которой соратник Нирам и разъезжал, пока не пересел на конфискованное авто заводчика Буренго, только что заступил на внутренний пост. Конвойные уже спали. Лишь двое – бывший «деловой» Лубенек, шустрый малый с лисьими чертами лица, и увалень по кличке Поноска, которой его наградили за неистребимый запах навоза, от которого бывший гуртовщик никак не мог избавиться, втихаря от коменданта, соратника Григула, резались в карты в чуланчике по соседству с кухней.

Нирам возник из темноты в сопровождении разводного:

– Соратник Григул у себя?

– Да... То есть так точно!

Председатель Губкома молча кивнул и проследовал в глубь коридора к знакомой двери, обитой темно-синим сукном. Из чулана высунулась мордочка Лубенька.

– Кто приехал? – сипло спросил он.

– Соратник Нирам.

– Угу, – кивнул Лубенек и выскочил из чулана. – Эй, студент, глянь на свои, сколько натикало?

Онкович неловко перехватил штуцер и вытащил из кармана предмет давних вожделений Лубенька. Настоящие бриттские часы на цепочке, внутреннюю крышку которых украшало дагеротипное изображение кудрявой барышни. Маменька подарила их Онковичу на окончание первого курса.

– Половина первого.

– Угу, – снова кивнул Лубенек и, повернувшись, заглянул в чулан: – Эй, Поноска, на сегодня шабаш.

– Эта почему?

– По папе и по маме, – огрызнулся Лубенек. – Не базарь, а лучше сгоняй и принеси мой «кожан».

Когда минут через пятнадцать дверь кабинета коменданта с глухим стуком распахнулась и по коридору проследовал соратник Нирам в сопровождении коменданта Григула, Лубенек, который, уже затянутый в кожаную куртку и перепоясанный португеей с кобурой, сидел на нижней ступеньке лестницы, резво вскочил на ноги и молодецкато вытянулся, поедая глазами Председателя Губкома. Но тот прошел мимо, ни единым намеком не показав, что заметил этот столь вопиющий образец чинопочитания. Лубенек с кривой разочарованной усмешечкой проводил взглядом сутулую спину соратника Нирама. Когда же массивная дверь на улицу захлопнулась и соратник Григул, сооротив на возбужденном лице гримасу крайней серьезности, проследовал по коридору к своему кабинету, Лубенек сплюнул на пол и утерся рукавом:

– Все, сегодня мы ИХ кончим.

– Как это? – удивился Онкович. На улице заурчал мотор автомобиля, увозившего соратника Нирама.

– Однозначно, – авторитетно кивнул Лубенек, – я мокрые дела носом чую. Хотя зря они так.

– Но почему? – оторопело спросил Онкович, ужаснувшись самой мысли о том, что сегодня ночью закончит, может быть, свое земное существование бывший государь великой империи, более того – может быть, даже от его руки.

– А потому, – огрызнулся Лубенек и разочарованно добавил: – И что ему приспичило кончать их как раз сейчас? Могли бы еще пожить, да и нам пожировать дали бы, а то еще на фронт ушлют, – тут он ослабился, – и вообще, с принцессками можно было бы и не торопиться. – Лубенек подмигнул юноше: – Мы бы их еще пару дней поразвлекали, а уж потом и...

– А че, – вмешался Поноска, – дык давай...

– Заткнись, – презрительно бросил Лубенек, – ежели соратник Нирам узнает – он тебя... Поноска побледнел:

– Дык я че, я ж ниче, я ж только...

– То-то. – Лубенек покровительственно кивнул и, выхватив барабанник, лихим движением провел им вдоль рукава, заставив барабан выдать звонкую трель. – Ну да ладно, пойдем поднимать людей.

– Ну и зачем это? – удивленно буркнул Поноска. – Команды ж не было.

– Дубина, – снисходительно хмыкнул Лубенек, – вот так всю жизнь и проходишь в шестерках. Если хочешь вылезти наверх – учись исполнять команды ДО того, как они поступят.

Минут через пятнадцать весь наличный состав караула, позевывая и почесываясь, уже топтался в длинном коридоре, ведущем от дверей кабинета коменданта до лестницы на второй этаж. Большинство даже не догадывалось, зачем это их подняли посреди ночи, но все уже привыкли к регулярным выкрутасам соратника Нирама, так что его кратковременный ночной приезд снимал все вопросы. Поэтому всего двое уныло поинтересовались у Онковича, не знает ли он причины этой ночной суматохи, но тот лишь промывал что-то нечленораздельное и отрицательно мотнул головой.

Вскоре из-за двери кабинета выскочил ходивший с докладом Лубенек. Народ повернулся в его сторону. Лубенек на мгновение замер, наслаждаясь всеобщим вниманием, и, обведя повернувшиеся к нему лица горячным взглядом лихорадочно блестящих глаз, набрал в грудь воздуха и, раздувая ноздри, свистящим шепотом выдохнул:

– А ну стройсь!

Все задвигались, затопали ногами и начали строиться в ряд. Дверь кабинета открылась, и на пороге появился сам соратник Григул. Лубенек тут же выскочил вперед и, подобострастно заглядывая в глаза коменданту, молодцевато отрапортовал:

– Охранная команда к ликвидации узурпатора и его семьи готова, соратник.

Тот, поджав губы, важно кивнул. В строю кто-то охнул, комендант вскинул подбородок и уставился на стоящих перед ним людей свирепым взглядом прозрачных, водянистых глаз. Строй тут же замер, будто оцепенел. Соратник Григул с минуту поочередно буравил взглядом лица людей, потом привычным жестом вздернул подбородок и заговорил:

– Соратники! Настал час, когда народ... восставший против... тысячелетнего угнетения, неравенства и... всякого другого насилия... совершит законное возмездие... – Он запнулся, быстро соображая, что говорить дальше, и походя досадуя на соратника Нирама, который так и не остался, как обещался, на ликвидацию, и вот теперь ему, Григулу, приходится одному отдуваться со своими двумя классами образования. Но тут ему пришло в голову, что если бы Нирам был здесь, то непременно сам возглавил бы акцию, лишив Григула славы, которая светит ему в будущем, а так все складывается как нельзя лучше. От этой мысли Григул посветлел лицом, плюнул на свое косноязычие и закончил уже более понятно: – А потому мы сейчас пойдем и всех к ногтю... чтоб всем остальным неповадно было давить трудовой народ.

Строй нервно зашевелился, но Григул, воодушевленный только что произнесенной «исторической» речью, а более всего тем, что ему предстояло сейчас совершить, двинулся вперед, на ходу расстегивая кобуру барабанника дергающимися от возбуждения пальцами. Лубенек двинулся за ним, чуть не подпрыгивая от нетерпения. Проходя мимо Онковича, он замедлил шаг и, ехидно ухмыляясь, сказал ему в бледное лицо:

– Да ты никак сейчас в обморок ...бнешься, будто барышня. Ладно, слабак, дуй на двор, заменишь караульного у калитки. Там как раз мой кореш стоит. Он на такие дела тоже любитель. – Лубенек весело сверкнул зубами. – Только в штаны не наложи, пока мы этих красуль кончать будем. – И он бросился вверх по лестнице.

Онкович, проводив его печальным взглядом, пошел к выходу во двор.

Григул и Лубенек, а за ними вся конвойная команда, громко топоча, поднялись по лестнице и остановились на широкой верхней площадке. Комендант на мгновение замер, охваченный каким-то странным чувством, но выскочивший вперед Лубенек пинком распахнул дверь в комнату арестованных, и Григул так и не успел разобраться в своих

ощущениях. «Соратник» шагнул вперед, правой рукой вскинул барабанник, уставя его ствол куда-то в темноту, и, пошарив левой рукой по стене, включил электрический светильник. Лампочка загорелась еле-еле. Видно, на электрической станции опять было плохо с дровами.

– Что это значит, господа? – Холодный голос бывшего государя, лежавшего в постели, на мгновение поверг соратника Григула в трепет, но Лубенек, возбужденно ворочая блестящими, словно у кокаиниста, глазами, подскочил к кровати и двинул отставному суверену в зубы стволом барабанника:

– Заткнись, курва. – Он повернулся к Григулу и хрипло спросил: – Ну что, здесь кончать будем?

Григул заметил, как бывший государь вздрогнул, и от этого его робость как рукой сняло. «Боится, сволочь, значит – такой же, как все». Григул скривился и покачал головой:

– Нет, давай в подвал. А то шуму много будет. Коней, побледнев, спросил с дрожью в голосе:

– Вы собираетесь меня убить?

– А ты что думал, – зло ответил Григул, будто мстя преувеличенной грубостью за пережитое недавно мгновение слабости, – в зад тебя целовать будут?

Бывший суверен судорожно сглотнул, но тут же взял себя в руки:

– Значит, мне следует понимать это так, что вы не собираетесь проводить никакого суда, о котором мне говорил господин... э-э... соратник Нирам?

– Еще чего, – хохотнул Лубенек, однако, наткнувшись на неодобрительный взгляд Григула, прикусил язык.

«Гражданин» Коней на мгновение прикрыл глаза, но тут же вскинул голову и поднялся с кровати. Голос его был сух и спокоен.

– Господа, я прошу вас на несколько минут покинуть комнату. Я должен одеться и попрощаться с семьей. Тут Лубенек снова не выдержал и заржал:

– Ты смотри, марку держит! – Выпучив глаза, он ткнул барабанником куда-то в потолок и проорал: – На хрен прощаться, скоро все там встретитесь.

Это известие оказалось для Коней настоящим потрясением. Какое-то мгновение он неверящими глазами смотрел на Григула, отчего тот снова почувствовал, как у него по спине побежали мурашки, потерянно оглянулся на занавеску, за которой стояли кровати принцесс, и севшим голосом пробормотал:

– Но они же... дети!

– Они – члены семьи самого главного узурпатора и угнетателя, – рявкнул Григул, раздосадованный новым приступом слабости, – а значит, и сами такие же. Хотите одеться – пять минут, но у нас на глазах!

Коней суетливо взял бриджи, переброшенные через спинку стула и, уже всунув ноги в брючины, вдруг замер и тихо, умоляюще прошептал:

– Пожалейте хотя бы младших...

Григул демонстративно отвернулся, а Лубенек наклонился над супругой бывшего государя, испуганно смотревшей на него из-под натянутого по шею одеяла, и весело рявкнул:

– А тебе что, мамзеля, особое приглашение надо? Или тебя в исподнем кончать?

Та вздрогнула и, поводя глазами по сторонам, молча вылезла из постели.

Вскоре все семейство уже стояло в ряд поперек комнаты. Три старшие принцессы зябко кутались в шали, младшую Коней держал на руках. Девочка свернулась клубком, пряча лицо на груди отца. Лицо отрешенного суверена было белым, левая щека подергивалась в тике, и это слегка тешило самолюбие Григула. Но Элис Цассенская показала, что недаром в ней течет кровь десятка поколений царственных предков. Она гордо вскинула голову и, повернувшись к старшим дочерям, громко сказала:

– Что за прически, девочки, и где ваши драгоценности? – Она бросила презрительный взгляд на толпившихся в коридоре конвойных. – Надеть все. Пусть на этих бандитов и убийц падет проклятие цассенского рода, когда они будут отмывать их от нашей крови!

Конвойные невольно качнулись назад. Григул растерялся. Но Лубенек шагнул вперед и со злостью ударил Элис рукояткой барабанника по скуле:

– А ну заткнись, стерва старая. – Он в радостном возбуждении взглянул на Григула: – Эр-р-шите отправлять?

Григул молча кивнул. На мгновение установилась тишина, внезапно и странно нарушенная громким скрипом, донесшимся с лестницы. Кто-то тяжелый неторопливо, по-хозяйски поднимался на второй этаж. Было чему удивиться. Все конвойные, за исключением смены, охранявшей внешнее ограждение, толпились на лестничной площадке и в комнате у дверей. К тому же тот, кто поднимался по ступеням, был уж очень... здоров, а таких среди конвойных не было вообще. Григул озадаченно повернулся к двери, а Лубенек зло выругался сквозь зубы и крикнул:

– Кого черт несет?

Верхняя ступенька лестницы жалобно хрустнула. Конвойные суетливо расступились, и в комнату, пригнувшись, шагнул гигант в длинной кавалерийской шинели с багряными генеральскими отворотами. Кто-то вновь охнул, тихо, как тогда внизу, в коридоре. А гигант обвел всех тяжелым взглядом своих глубоко посаженных глаз неразличимого цвета и произнес глухим рокочущим басом с легким непонятным акцентом:

– Я от соратника Нирама. Где я могу видеть соратника Григула?

Григул почувствовал, как отпускает его мучительное напряжение, в котором он находился. Впрочем, ЭТОТ произвел впечатление на всех, даже Лубенек как-то притих. Комендант шагнул вперед:

– Я Григул. Ваш мандат?

Гигант, будто и не слышал вопроса, молча обошел кругом сгрудившееся в центре комнаты семейство суверена и, повернувшись на каблуках, так что тяжело заскрипели дубовые половицы, уткнул в Григула тяжелый взгляд:

– Еще живы? Почему? Соратник Нирам сказал мне, что постановление о ликвидации он доставил вам лично еще час назад.

Григул слегка оробел:

– Ну, понимаете...

Но гигант не дал ему договорить:

– Где собираетесь провести акцию?

– В подвале.

Гигант скривил губы в улыбке:

– Отлично. – Он недовольно посмотрел на Григула. – Ну, командуйте, соратник, что вы на меня уставились. Всех вниз, в подвал, и так затянули. – И он демонстративно извлек из кармана массивные часы в золоченом корпусе.

Григул, раздосадованный манерами того, кто представлялся ему уполномоченным из центральных органов раздраженно закричал на конвойных, все пришло в движение, и лестница снова заскрипела под десятками ног.

Через несколько минут семейство бывшего государя уже стояло тесной группой в углу большой подвальной комнаты с каменными стенами и песчаным полом, а весь конвойный отряд, за исключением караульных, во главе с самим Григулом бестолково топтался рядом с подвальной лестницей. Григул нервно переводил взгляд с семейства суверена на переминающихся конвойных. Пока спускались в подвал, соратник из центра куда-то подевался, а начинать акцию без него Григул не осмеливался. Наконец тяжело заскрипела лестница и на верхней ступеньке показались обутые в добротные сапоги колоннообразные ноги уполномоченного. Григул недовольно покосился по сторонам. Именно сейчас, когда ему так нужна была поддержка, Лубенек тоже куда-то исчез. Хотя, как подумалось вдруг коменданту, это, пожалуй, и к лучшему. Этот скользкий и шустрый «деловой» в последнее время что-то начал проявлять излишнюю активность. Не хватало еще, чтобы он раскомандовался и здесь, на глазах у этого сердитого уполномоченного, как делал это наверху весь последний час. Между тем гигант уже спустился вниз и первым делом недовольно надул губы:

– Что за бардак? Вы куда смотрите, соратник? Почему ценности еще не оприходованы?

Григул недоуменно посмотрел в направлении его взгляда и увидел, что в общей суматохе женщины успели вдеть в уши серьги, а супруга Конея даже умудрилась нацепить себе на руки два браслета. Да и у самого бывшего суверена болтался на шее орден Божоявленного Ариста Перворожденного. Григул побагровел:

– Ах ты...

Гигант раздраженно прервал его жестом руки:

– Ладно, успокойтесь, соратник, – Он повернулся к жертвам: – Господа, я предлагаю вам пройти вон в тот чуланчик, – он кивнул в сторону небольшой двери в дальнем углу подвала, – снять ценности и, – голос его вдруг исполнился непонятной мощи, – НЕ СОЗДАВАТЬ МНЕ ЛИШНИХ ПРОБЛЕМ.

Григул удивленно уставился на гиганта. Тот явно выделил последнюю фразу. Что бы это могло означать? Черт, и куда это запропастился этот Лубенек? Григул уже имел немало случаев убедиться, что у того чутье на всякие неприятности. А с момента появления этого уполномоченного неприятности, похоже, пошли косяком. Если бы он знал, КАК он был прав...

Элис, чье упрямство стало причиной некоторого непонимания среди «соратников», вздернула подбородок, по всей видимости, собираясь стоять на своем до конца, но вдруг ее глаза округлились, рот перекосился в судорожной гримасе, и она, словно сомнамбула, двинулась к двери, указанной уполномоченным, не отрывая от него застывшего взгляда. Старшая из дочерей, красавица Тесе, качнулась было следом, но не двинулась с места, лишь негромко, испуганным голосом окликнула:

– Мама...

Элис вздрогнула, будто очнувшись ото сна, резко остановилась и, опустив глаза, глухо, напряженным голосом сказала:

– Девочки, дорогой, идемте скорее. Коней растерянно смотрел на жену:

– Но...

– ДОРОГОЙ! – Что-то в голосе Элис заставило бывшего государя поспешно броситься за ней.

Они молча протиснулись в чуланчик, и дверь за ними закрылась. У Григула отчего-то заныло под ложечкой. Он шагнул вперед и, взяв уполномоченного за плечо открыл рот:

– Соратник, я...

И тут же осел от приглушенного выстрела. Гигант же мгновенно развернулся в сторону оторопевших конвойных и, просунув обе руки с зажатыми в них барабанниками под мышками обмякшего тела соратника Григула и прикрываясь им, как щитом, открыл беглый огонь из обоих стволов.

Он стрелял с убийственной точностью, всаживая пули в одну и ту же точку, чуть выше переносья, будто открывая в людских черепах столь любимый всяческими мистиками третий глаз, но конвойных было более двух десятков и зарядов на всех явно не хватило бы. Однако гигант не стал дожидаться, пока это придет кому-нибудь в голову. С умопомрачительной скоростью он расстрелял оба своих барабанника, ловко поддав коленом руку висевшего на нем трупа соратника Григула, схватил его барабанник, зажатый в стиснутых пальцах, и хладнокровно продолжил стрельбу, первыми же выстрелами сбив двоих самых шустрых, которые воспользовались короткой передышкой и уже успели подняться на несколько ступенек вверх по лестнице. Когда снова кончились патроны, среди конвойных в живых оставалось трое. Они съежились у дальней стены, стараясь спрятаться за трупами «соратников».

Несколько мгновений в комнате стояла гробовая тишина. Но вот послышался мерный скрип сапог. Шаги затихли. Поноска, которого судьба по странной прихоти оставила в живых, с замиранием сердца приоткрыл глаза и наткнулся на ледяной взгляд нависшего над ним гиганта. Поноска судорожно хрюкнул и, зажмурившись, вжался в песок.

– Встать.

Голос был спокойный, равнодушный и оттого звучал еще более жутко.

– Будете изображать мертвецов – быстренько станете ими. Я прекрасно помню, сколько и КОГО застрелил.

Трое оставшихся в живых поднялись и застыли на дрожащих ногах. Гигант кивнул на земляной пол:

– Оружие.

Поноска, ни на кого не глядя, лихорадочно расстегнул ремень с кобурой, из которой так и не удосужился вытащить свой барабанник, и отбросил в сторону, будто ядовитую змею, потом, на всякий случай, опростал карманы, для убедительности вывернув их наружу.

– Трупы в ледник.

«Соратники», стараясь не встречаться глазами друг с другом, торопливо принялись за дело.

Когда почти все трупы были уже аккуратно сложены штабелем в узком ледничке, устроенном в глубине обширного подвала, гигант поймал Поноску за плечо и все тем же спокойным голосом, в котором, однако, можно было уловить насмешливые и презрительные нотки, приказал:

– Возьми лопату и присыпь кровь.

Через несколько минут все было кончено. Гигант прошелся по комнате, не обращая никакого внимания на конвойных, застывших в оцепенении у стены, окинул придирчивым взглядом плоды их труда и, все так же не глядя на них, показал головой в сторону ледника:

– Туда.

Поноска, еле передвигая онемевшие ноги и цепляясь окровавленными пальцами, вскарабкался на кучу тел и скорчился в углу. Его соратники по несчастью полезли следом, один из них больно наступил сапогом ему на ногу. Поноска вскрикнул, на него шикнули:

– Тихо ты, убьет!

В это мгновение послышался глухой стук – это дверь снаружи подперли бревном – и все стихло.

Они просидели в леднике целый час, а может, и больше. Продрогший до костей Поноска совсем уже было решил, что лучше подохнуть от пули, чем насмерть замерзнуть здесь, как вдруг снаружи послышался какой-то шорох, потом скрип и стук. Все трое в страхе замерли, но тут в приоткрывшуюся дверь просунулась знакомая лисья мордочка Лубенька.

– Эй, есть кто живой? – спросил он свистящим шепотом.

Поноска дернулся, засучил ногами и хотел было ответить, но из застуженной глотки вырвалось лишь сипение. Лубенек отпрянул назад, но, разглядев Поноску, ослабил:

– Здорово, кореш. Вылезай. Поноска вывалился наружу и, справившись с непослушными губами, прошептал:

– А ты... как?

– Тут в каком-то чулане схоронился. – Лубенек за шиворот выволок за дверь двух других и пояснил: – Я ж тебе говорил, что мокрые дела носом чую, вот и здесь сразу понял, что дело нечисто. И когда все, как бараны, в подвал ломанулись, я втихаря и утек. Поноска вскинулся:

– Так че ж ты...

– А вы? – резонно ответил вопросом на вопрос Лубенек. – Вас, чай, трое было.

Поноска заткнулся. Лубенек ухмыльнулся:

– То-то. – Он немного помолчал, потом добавил раздумчиво: – Я эту породу знаю. У нас таких «архангелами» кличут. Горбун, мой первый пахан, говорил: у них договор с Темным, тот их от любой напасти бережет, а они ему за это невинные души... – И Лубенек зябко повел плечами.

Когда пленники ледника немного отогрелись и пришли в себя, Лубенек поднялся и окинул их насмешливым взглядом:

– Ну что, божьи твари, какие планы? Они переглянулись, и один из уцелевших, высокий рыжеватый парень, неуверенно предположил:

– Надо, того, доложить в Губкомод. Лубенек захихикал:

– Давай-давай, беги. Им хоть будет кого к стенке поставить за то, что суверена с семейством упустили, – и, почувствовав, что его слова придали мыслям «соратников» совершенно другое направление, с жаром заговорил: – Нам сейчас, ребятки, никуда дороги нет, кроме как в банду. Одни нас к стенке захотят за то, что их любимого государя чуть жизни не решили, а другие за то, что тот все ж таки сбег.

Мысли у Поноски путались, но в словах Лубенька был резон. И остальные, по-видимому, посчитали так же. Так что не прошло и часа, как четыре фигуры, нагруженные плотно увязанными узлами с тем, что Лубенек посчитал необходимым для начала их новой жизни, осторожно подошли к полуприкрытой калитке. Поноска на мгновение остановился и бросил взгляд на темную громаду покинутого особняка. А Лубенек вдруг ступил в сторону и склонился над чем-то темным.

– Трупак, – констатировал он, разогнувшись, – я ему всегда говорил, что он слабак. – Лубенек покачал головой. – Ну да хрен с ним. Тем более мне всегда нравились его часики. – И он с кривой улыбкой щелкнул перед носом Поноски знакомой крышечкой с портретом кудрявой барышни на внутренней стороне.

Часть III Переменчивое лето

Генерал Тропин стоял у окна и смотрел на плац, где роты отрабатывали приемы штыкового боя. Дюжие бородатые мужики слегка вразвалку, с этакой спокойной уверенностью, пробежали два десятка шагов, потом резко ускорились и с надсадным хыканьем ловко всаживали плоский штык в мешок из брезента, туго набитый соломой. За последние месяцы личный состав дивизии значительно обновился. Причем новички в основном были лучше обучены, чем старый состав. В этом не было ничего удивительного, потому что большинство среди так называемых новобранцев составляли демобилизованные солдаты-ветераны. Генерал вздохнул и отошел от окна. Недаром в народе говорят: ждать да догонять – хуже некуда. Прошло уже больше двух месяцев с того дня, как группа офицеров во главе с князем Росеном отправилась в свой отчаянный поход. И с каждой неделей надежды на успех у генерала оставалось все меньше и меньше. И все больше и больше разгоралось желание послать к черту все планы, еще так недавно казавшиеся ему вполне разумными. Конечно, нельзя отрицать, что скоординированные военные выступления были бы намного эффективнее, чем разрозненные, что суверен, став во главе их священной борьбы, смог бы послужить мощным мобилизующим началом, что, как говорил Великий Буонерон, «для войны совершенно необходимы три вещи – деньги, деньги и деньги», да только ожидание становилось день ото дня все невыносимее. Тем более что вокруг творится ТАКОЕ, а в твоём распоряжении имеется хорошо обученная и отмобилизованная дивизия полного состава. Генерал прошелся по кабинету, приблизился к столу, снял с крючка слуховой рожок телефона и крутанул рукоятку. Сквозь шум и треск прорвался голос дежурного телефониста:

– Дежурный слушает, вашбродь!

– Соедините меня с телеграфом.

– Сей секунд... Соединяю.

Треск в слуховом рожке усилился, голос стал уже совсем почти неразличим.

– Старший телеграфист ...кой, слуш... – Пауза, и снова: – Слушаю?

Генерал заговорил, напрягая голосовые связки;

– Это Тропин. Есть ли что-нибудь для меня? Слуховой рожок мгновение помолчал, потом неуверенно переспросил:

– ...ал Тропин?

– Да, черт возьми!

Рожок обрадованно затрещал:

– Получена телеграмма на ...аше имя. ...правитель генерал Штауфферг. Как вы

распор... ..ослал к вам с нароч...

Это была не совсем та новость, которую Тропин ждал с таким нетерпением, но все же это было лучше, чем ничего. Генерал кивнул, будто его собеседник на том конце медного провода мог его увидеть, и повесил рожок на крюк, напоследок одарив телефон сердитым взглядом. Еще одно свидетельство падения государства. Аппараты работают все хуже и хуже, а заменить их нечем. Нет даже запасных частей для ремонта. А еще генерала Тропина немного расстроило сообщение о том, что Штауфферг стал каким-то правителем. Это его не удивило вовсе нет. Штауфферг уже в кадетском корпусе проявлял недюжинную предприимчивость во всем, что касалось карьерного роста. Помнится, чин поручика он получил за блестящую подготовку ипподрома к Первым весенним скачкам на приз генерал-губернатора. Несмотря на столь скромный статус, эти скачки были первым после долгой зимы официальным выходом высшего света на воздух, и потому многие представители света считали своим долгом почтить их своим присутствием. Так что рвение молодого подпоручика просто не могло остаться незамеченным. А уж теперь, когда правители, будто тараканы, полезли из всех щелей, Штауфферг вряд ли упустил бы свой шанс. В последнее время правителями разного ранга объявила себя добрая дюжина генералов, казачьих атаманов, главарей банд, а также председатели местных Комитетов действия, да и просто авантюристы из бывших купцов, крестьян и мастеровых. Все, кто имел много наглости и немного удачи. А вот сам Тропин...

В дверь постучали. Генерал раздраженно буркнул:

– Да!

Дверь открылась, на пороге вырос дежурный офицер.

Он четко отдал честь, щегольски брякнув каблуками об пол, и выбросил вперед руку с конвертом из синей оберточной бумаги:

– Господин генерал, вам телеграмма. Только что доставили с нарочным.

Генерал торопливо взял конверт и, кивком поблагодарив дежурного офицера, достал из него сложенную в несколько раз телеграфную ленту. Быстро пробежав глазами послание, он раздраженно нахмурился. Во-первых, его старый знакомый Штауфферг, как оказалось, был вовсе не правителем, а **ОТПРАВИТЕЛЕМ** телеграммы, что, в общем-то, принесло некоторое облегчение, а во-вторых, что было более неприятным, телеграмма была послана Сходом наказных атаманов Южного казачьего войска. И в ней сообщалось, что Сход получил и обсудил «Манифест о возвращении». О чем вежливо уведомляет генерала. Сход полностью поддерживает идею призвания на престол бывшего суверена и заявляет, что в случае, если суверен обратится к патриотам своей земли с просьбой о помощи, казаки Южного войска готовы все как один выступить на защиту Святого Круга, Родины и суверена. Однако Сход, хотя и в довольно обтекаемых выражениях, выразил сомнение в том, что некое лицо, пусть и несомненно достойное, но занимающее всего лишь должность начальника заштатной учебной дивизии, может выступать в качестве лидера сопротивления господам соратникам и уж тем более представлять пред очами суверена страждущий народ. В конце послания генералу уже открыто предлагалось прибыть лично или прислать своих представителей для обеспечения координации действий сил, находящихся под командованием генерала, и вооруженных сил юга страны под эгидой сформированного на Сходе Комитета национального спасения.

Генерал еще раз поднес к глазам конец бумажной полосы и перечитал список членов Комитета национального спасения. Губы его изогнулись в саркастической улыбке. Эти люди попали в ту ловушку, которой сторонники князя Росена благодаря его в высшей степени убедительным аргументам пока что сумели избежать. Среди трех десятков фамилий он встретил лишь шесть или семь, о которых слышал хоть что-то, остальные, как видно, были местными. У подобного Комитета, несмотря на высокомерный тон послания, перспектив на лидерство было вроде бы и не меньше, чем у него, хотя... Южное казачье войско – это двадцать пять тысяч сабель как минимум. А по мобилизации можно набрать и все пятьдесят. Сила немалая, но и у него... Генерал повернул голову к окну. Нет, все-таки князь Росен – человек большого ума. Генерал до сих пор удивлялся, как это ему, несмотря

на отсутствие государственных структур комплектования и материально-технического снабжения, с учетом потерь от самовольного оставления части и пропаганды мятежников, к настоящему моменту удалось довести численность личного состава до девяти тысяч штыков и полутора тысяч сабель. Как же претили его офицерам эти странные переговоры с крестьянскими старостами и заводскими мастерами! Штаб-майора Ненгольца пришлось даже посадить под домашний арест, поскольку обращение «Уважаемый господин староста» уж слишком резало его гордые уши потомственного дворянина в шестом поколении. Да и самому генералу, когда он принимал депутации от местного крестьянства или делегации работников, приходилось делать над собой немалое усилие, чтобы держать себя с посетителями как с равными. Однако результат налицо. Дивизия доведена почти до полного состава. Склады хоть и не ломаются, но смогут обеспечить обмундировку и вооружение еще пятнадцати – двадцати тысяч человек, хотя, конечно, в основном за счет старых запасов. А вот продуктами они запаслись основательно, и по большей части только за прошедший месяц. Да и кто бы мог подумать, что простое опубликование манифеста подвигнет местных крестьян и работников на то, чтобы вновь начать принимать к оплате старые ассигнации. Ему удалось даже отремонтировать двигатели у шести броневиков, которые ржавели в углу плаца, дай бог памяти, уже третий год. Удивительно, но такие, в общем-то, не очень обременительные вещи, как патрулирование местности, помощь в возобновлении работы старых и организация нескольких новых сельских школ, а также разрешение местным рекрутам на выходные уезжать в свои деревни, принесли столь разительные результаты. Впрочем, не стоит забывать и о работе Гражданского комитета графа Бронкова. Хотя генерал был не слишком осведомлен о том, чем занимается этот комитет и, как всякий военный, был о гражданских не очень-то высокого мнения, однако, по слухам, которые доходили до него еще в прежней, более или менее упорядоченной жизни, граф Бронков слыл человеком немалых способностей, да и князь отзывался о нем очень высоко. А значит, можно было предположить, что они там в этом Комитете занимаются не просто сотрясанием воздуха.

Стук в дверь оторвал генерала от размышлений. Он нервно дернул головой и раздраженно произнес:

– Да?!

Дверь открылась, и на пороге появился граф Бронков собственной персоной. Генерал удивленно встал:

– Убей бог, ваша светлость, вот только что вас вспоминал, – он хмыкнул, – жить вам долго, по народному поверью, – и осекся, увидев, что граф не один.

Его спутник сильно похудел с того времени, как генерал имел честь видеть его в последний раз, на лице явно прибавилось морщин. Но не узнать его было невозможно. Генерал, пораженный, всплеснул руками:

– Бог мой, барон Конгельм!

Тот остановился перед генералом, резко опустил голову в своем знаменитом элегантном то ли кивке, то ли поклоне и произнес голосом, к которому примешивалась горечь, может быть, даже неосознанная:

– Вы правы, генерал, это действительно я, собственной персоной.

Генерал покачал головой:

– Но нам сообщили, что вы арестованы... То есть, прошу прощения, – спохватившись, замахал руками генерал, – прошу садиться. – Он повернулся к двери и крикнул: – Эй, там, чаю или... – Он обернулся к гостям: – Может быть, чего-нибудь посушестьней?

Граф Бронков энергично кивнул:

– Да, генерал, барон сошел с поезда всего час назад и мы успели переброситься лишь двумя словами. Так что, думаю, нам нужно позаботиться об обеде. Мы слышаны, как плохо сейчас с продуктами в старой столице, – обратился он к барону. Барон усмехнулся:

– Не стоит беспокоиться, господа. Я уже привык обходиться малым. Ташевские бараки – неплохое место для подобного обучения.

– И все же, все же, – настаивал генерал, – окажите честь.

Барон кивнул:

– Хорошо, но только если во время обеда мы сможем поговорить без помех.

– Ну, это несложно, – заметил Тропин, – нам накроют в соседней комнате.

Однако первая половина обеда прошла почти без разговоров. Несмотря на всю деликатность барона, было видно, что он изрядно оголодал. И генерал сдержал свое нетерпение. Что оказалось совсем нетрудно, стоило ему исподволь взглянуть на барона, с жадностью поглощавшего обыкновенное сало и картошку. Наконец барон насытился и, смущенно улыбнувшись, повернулся к генералу:

– Прошу простить, господа.

Граф Бронков мелко замотал головой:

– Ну что вы, что вы, мы понимаем. Барон вытер салфеткой рот и отодвинул от себя пустую тарелку. Несколько мгновений все молчали, наконец генерал решительным тоном проговорил:

– Итак, барон, мы с нетерпением ждем вашего рассказа.

Барон Конгельм согласно кивнул:

– Ну, во-первых, должен вам сообщить, господа, что князю удалось установить точное местонахождение его величества, – Он сделал многозначительную паузу и закончил: – Семейство суверена в настоящее время находится под охраной в Катендорфе. Генерал взволнованно вскинулся:

– Бог ты мой! Никогда бы не подумал. Но ведь это почти тысяча верст от...

– ...от Вивадии. Гораздо дальше, – задумчиво произнес граф и повернулся к барону: – Я, конечно, понимаю, что вопрос не совсем уместен, но поймите и наше беспокойство... Насколько этим сведениям можно доверять?

Барон пожал плечами:

– Сейчас сложно доверять кому бы то ни было. Но князь посчитал эту информацию заслуживающей доверия. И, как мне представляется, в настоящий момент у него есть гораздо больше возможностей, чем у нас, чтобы убедиться в ее достоверности.

Генерал подался вперед:

– Князь уехал?

Барон Конгельм кивнул:

– Около трех недель назад. – Он умолк и, помявшись, стыдливо спросил: – Не найдется ли папироски, господа? Последняя неделя была для меня не очень удачной. – Он улыбнулся с горькой иронией. – Никогда бы не подумал, что дорога до Коева будет такой долгой и утомительной.

Генерал протянул свой портсигар. Барон затаился и откинулся на спинку стула:

– Знаете, господа, в последнюю неделю у меня было много свободного или, вернее, бесполезного времени. И потому в голову все время лезли разные мысли обо всем, что происходит со страной и со всеми нами... – Он помолчал, выпуская дым. – По-моему, если посмотреть на это с точки зрения здравого смысла, то все происходящее настолько невероятно, что напрашивается мысль о вмешательстве каких-то потусторонних сил. Ну посудите сами. Разве может огромное, формировавшееся в течение тысячелетия государство в одночасье рухнуть? А это безумие, охватившее нас, да и весь цивилизованный мир четыре года назад? А то, что творится сейчас? О чем говорят эти так называемые соратники? Они, видите ли решили перерестроить мир так, чтобы раздать всем сестрам по серьгам! Ведь именно этого требует теория господина...

– Не произносите при мне этого имени, – раздраженно вмешался генерал. – Все глубокомысленные рассуждения, изложенные в его толстом труде под названием «Богатство», совершенно не тянут на полновесную экономическую теорию. В самом лучшем случае они могут служить лишь почвой для восторженных рассуждений экзальтированных курсисток или прыщеватых студентиков, – он саркастически улыбнулся, – ибо уже триста лет назад лучшие умы человечества пришли к выводу, что нельзя доводить идею равенства до полного абсурда. Собрать все, что произвел каждый, в одном месте и поделить поровну на количество ртов – лучше не придумаешь, чтобы окончательно уничтожить всякое

желание совершенствоваться или хотя бы просто честно трудиться.

Тут в разговор, с сомнением покачав головой, вступил граф:

– Вы не совсем правы, генерал. Экономическая теория, которой собираются руководствоваться «соратники», вовсе не предполагает простого распределения по числу ртов. Это просто глупости, розовая водица для нищих и убогих. Да и, по большому счету, большей части тех, кто сейчас взобрался на вершину, глубоко наплевать на ЛЮБЫЕ экономические теории. Они просто воспользовались шансом и сейчас всеми силами стараются удержать то, чего добились. Но они не понимают одного, а именно того, что аристократия твердо усвоила за долгое время своего правления. – Граф подался вперед и произнес зловещим тоном: – Власть, захваченная кровавым путем, может порождать только еще большую кровь. И даже если они сейчас удержатся, то потом, когда новый клан укрепится, начнется то же, что было у бриттцев во времена Края или войны Двух династий. – Он фыркнул. – Да что там далеко ходить, вспомните наши княжеские междоусобицы или что творилось рядом с престолом еще лет двести назад. Барон со вздохом кивнул:

– Вы правы. Этих господ ждет кровавое будущее. И единственное, что меня волнует, так это то, что вместе с этой сворой кровавая волна прокатится и по всей нашей многострадальной родине. – При этих словах глаза барона вдруг предательски блеснули, и он резко отвернулся.

– Ну-ну, батенька, – замахал руками генерал, – что уж вы так сразу-то. Рано еще нас всех хоронить. Ведь ОНИ еще не победили, а мы не проиграли.

Барон снова вздохнул и помотал головой:

– Прошу простить, господа, нервы совсем ни к черту...

– Полноте, барон, успокойтесь, – заговорил граф, смущенно отводя глаза, чтобы не видеть слез, – Вот ведь вы сказали, что князь обнаружил место заключения суверена. Так что все еще может измениться.

Барон нервно погасил папиросу:

– Князь... Знаете, господа, я ведь не закончил свою мысль. Так вот, все происходящее кажется мне каким-то чудовищным заговором неких могущественных сил, которые играют в какие-то странные, мерзкие игры. Смешно, но сейчас ферзями на этой гигантской доске вдруг стали типичные пешки, отличающиеся единственно звериной способностью к выживанию и полной беспринципностью. А все те, что были ферзями или считались таковыми, – все они либо исчезли, либо абсолютно беспомощны. Вы не находите это странным?

Граф и генерал переглянулись. Сказать по правде, до сего момента они как-то особо не задумывались над этим, но сейчас склонны были признать, что рассуждения барона не лишены некоторого смысла. Хотя, с другой стороны, мало ли подобных мыслей рождается сегодня в воспаленном мозгу людей, вырванных из привычного достойного существования? Чего только не довелось им слышать в последнее время – от столь популярной в широких кругах версии о кознях кайзерцев и до жутких слухов о заговоре олимов, пытающихся возвысить своего бога над остальными. А потому граф лишь уклончиво сказал:

– Все может быть.

Барон взволнованно потрянул головой:

– Я понимаю ваш скептицизм, господа. Но кое-что, что подтверждает мое предположение.

Генерал и граф Бронков почувствовали некоторую неловкость. Конечно, Ташевские бараки явно не способствуют психическому здоровью. Но до сего момента барон выглядел, в общем, достаточно... нормально. А Конгельм между тем продолжал:

– Я имею в виду свои предположения по поводу того, что все мы суть некие пешки, совершенно не понимающие происходящего, но вынужденные выступать и делать ходы на доске. – Он помолчал, словно подыскивая слова. – Однако, как мне кажется, на доске есть и фигуры, которые осведомлены о происходящем гораздо лучше, чем мы.

Граф и генерал снова переглянулись и недоуменно уставились на барона:

– Что вы имеете в виду?

Барон растянул губы в холодной улыбке:

– О, всего лишь то, что некоторые из наших теперь уже общих знакомых разительно выделяются из унылого ряда растерявшихся серых посредственностей, к которым господа, я вынужден отнести и себя. Эти люди знают и умеют намного больше, чем свойственно даже самому пытливному и трудолюбивому выходцу из весьма обеспеченной семьи, к которым они, без всякого сомнения, принадлежат. И эти знания и умения, к моему немалому удивлению, по большей части как раз и относятся к того рода деятельности, которая становится столь необходимой в смутные времена, подобные нынешнему.

Барон вопросительно взглянул на одного, затем на другого собеседника:

– Ну, господа, неужели вы до сих пор не догадались, о ком я говорю?

Над столом повисла напряженная тишина. Граф, стараясь не встречаться глазами с бароном, медленно отодвинул от себя тарелку и натужно спросил:

– Ну и в чем же вы их обвиняете?

– Бог ты мой, – усмехнулся барон, – совершенно ни в чем. Более того, я считаю, что в настоящий момент князь со товарищи – это наша единственная надежда. Как мне представляется, сейчас за доской сидят два... вернее, две группы игроков и наш князь есть посланец той группы, которая играет как раз за нашу сторону. – Он немного помедлил. – Вопрос только в том, насколько он свободен в своих поступках и как скоро игроки введут в дело иные фигуры, в том числе и на противоположной стороне.

* * *

– Все. Капитан, свернуть лагерь. Начало движения через полчаса.

Капитан вскочил на ноги и принялся быстро, но без излишней торопливости тушить костер. Остальные члены команды так же начали подниматься на ноги и привычно расходиться по сторонам, старательно делая вид, что не усматривают в происходящем ничего особенного. Это было не очень сложно, поскольку за прошедшую неделю каждый достаточно хорошо изучил, что ему делать при этой команде, и эти действия уже не требовали сознательных усилий. Князь поднимался от реки, одетый только в свои широкие, генеральского сукна, галифе и свежевывмытые сапоги, на ходу яростно растирая обнаженный торс холщовым полотенцем. Чуть дальше, метрах в десяти, из-за кустарника, слышался смех и звонкие девичьи голоса. Принцессы мыли посуду. Элис окинула князя строгим взглядом и демонстративно отвернулась, сурово поджав губы. Профессор тихо вздохнул и еле заметно покачал головой. В отличие от мадам Элис, он прекрасно знал, что князю просто не пришлось в голову, что мыть свои телеса в десяти шагах от трех молодых незамужних девушек не совсем прилично. Тем более что они принадлежали к самому высокому аристократическому роду империи. Господин Юри тоже отличался большим... прагматизмом в повседневной жизни, но, поскольку он предпочитал держаться в тени, каковое умение и воплощал в жизнь довольно искусно, его несколько... неоднозначные манеры не так бросались в глаза. Впрочем, если бы в составе их небольшого отряда не появились женщины, то и в поведении князя тоже никто бы не усмотрел ничего особо странного. Просто он никак не отреагировал ни на присутствие женщин, ни на пребывание рядом с ним царственных особ. Он продолжал вести себя точно так же, как до того в чисто мужской компании, в которой к тому же он был самым главным. Впрочем, последнее даже сейчас не вызывало больших сомнений, но хоть какие-то рамки приличий все же должны соблюдаться!

Князь небрежным движением кисти отбросил полотенце, и оно повисло на ближайшей ветке так, как будто его специально там развесили. Пантюше вздохнул.

После памятного разговора на опушке леса неподалеку от Катендорфа сколько раз ему довелось уже видеть такое, что лишь усиливало его подозрение насчет трех существ, обнаруженных в лесу дворовым господина Максина несколько месяцев назад, а именно – что они явились откуда-то из-за пределов известного мира. Впрочем, время от времени он поддавался характерному для него скептицизму, и тогда ему начинало казаться, что все его

подозрения – не что иное, как экзальтированный бред стареющего ученого.

В этот момент над ухом Пантюше раздался веселый голос:

– Профессор, вам пора позаботиться о своих вещичках, а то до команды его сиятельства осталось всего десять минут.

Пантюше очнулся от мыслей и, благодарно кивнув ротмистру, принялся торопливо укладывать в ситор умывальные принадлежности. Возможно, господа офицеры тоже заметили некоторые странности в поведении своего предводителя, но, судя по всему, они отнюдь не намерены были забивать себе голову размышлениями по этому поводу. Пантюше снова вздохнул. Как жаль, что он не способен на такое.

Они тронулись в путь через пятнадцать минут. Задержка произошла из-за принцесс, которым мать сердитым голосом приказала заново переплести косы. Хотя всем было понятно, что дело не в косах, а в том, что Элис Цассенская привыкла, чтобы последнее слово всегда оставалось за ней. Но вот уже целую неделю она находилась в таком положении, когда ее мнением никто не интересовался. Разве что профессор Пантюше.

Где-то наверху, над кронами деревьев, уже вовсю припекало солнце, но внизу было еще холодно. Снег почти весь уже стаял, но в низинах и под раскидистыми елями еще оставались бурые пятна покрывшегося ледяной коркой из-за ежедневных оттепелей снега. А из-под черно-желтого ковра прошлогодней травы и палых листьев уже кое-где пробивалась свежая изумрудно-зеленая трава. Шли ходко, поскольку за десять дней пути все успели втянуться в ритм долгих переходов. Небольшую цепочку их отряда сегодня возглавлял князь. Обычно они, попеременно или вместе с господином Юри, ротмистром и еще одним из офицеров, уходили далеко вперед, чтобы поохотиться и отыскать чего-нибудь съедобного. В заплечных мешках был солидный запас муки, крупы и вяленой рыбы, но путь был слишком долог, чтобы полностью на него полагаться. Однако два дня назад князь подстрелил из барабанника оленя (причем никому и в голову не пришло удивиться такому невероятному охотничьему подвигу), и они потратили целые сутки на то, чтобы запастись копченой олениной. Так что вот уже второй день они быстро двигались вперед. Князь обладал прямо-таки сверхъестественной способностью отыскивать дорогу среди бесконечных лесных завалов и буераков, так что, когда он шел впереди, отряд успевал за день преодолеть добрых тридцать верст, хотя обычно за день проходили не более пятнадцати.

Втянувшись в монотонный ритм движения, профессор вновь вернулся к своим мыслям. Блестящий успех этой экспедиции, которую по зрелом размышлении нельзя было назвать иначе, кроме как авантюрой, и особенно то, как было произведено само освобождение суверена, заставляли задуматься над тем, чему же все-таки обучался в детские и юношеские годы князь Росен? А также чем он занимался в зрелые годы? Когда в предрассветных сумерках перед изумленным профессором, проведшим бессонную ночь у костра, предстало семейство суверена, а чуть погодя на поляне стали появляться и остальные члены группы, задуматься времени не было. Они быстро свернули лагерь и еще до восхода солнца двинулись в путь. За первый день их отряд не прошел и десяти верст. Женщины были измучены переживаниями прошедшей ночи, да и одежда спасенных совершенно не подходила для пешей прогулки по густому лесу. Сразу после короткого обеда всухомятку к князю, настолько естественно расположившемуся на поваленном дереве, что это даже казалось удобным, подошел суверен. За время перехода профессор успел сообщить бывшему государю некоторые подробности происходящего, и Коней уже немного представлял себе, кто возглавляет их странно выглядящую команду. Его супруга тут же переместилась поближе. Князь поднялся на ноги и коротко поклонился. Коней кивнул:

– Прежде всего, князь, позвольте мне выразить вам мою самую горячую благодарность.

Князь снова поклонился. Коней запнулся. На месте князя любой в ответ на благодарность суверена рассыпался бы в выражениях верноподданнических чувств, пусть даже чисто формально, но этот гигант с неестественно спокойным выражением глаз просто молча ожидал продолжения. Коней почувствовал неуверенность, нахмурился, однако

переборол себя и продолжил:

– Я просто восхищен вашей смелостью и мастерством, с которым вы достигли успеха в столь дерзком предприятии, и ничуть не сомневаюсь в вашем уме и предусмотрительности, но... – Он помедлил в ожидании хоть какого-нибудь отклика со стороны князя, однако, убедившись, что тот ничего не собирается говорить, закончил свою речь: – Вы не могли бы ввести меня в курс того... что вы собираетесь предпринять? – Суверен растерянно умолк.

Князь еле заметно усмехнулся:

– Насколько я понял, профессор Пантюше уже проинформировал вас об этом. Но даже если он что-то упустил, то, по-моему, это очевидно, ваше величество. Я собираюсь доставить вас и вашу семью в такое место где вам не будет угрожать непосредственная опасность и вы сможете с максимальной пользой послужить своему народу. – С этими словами князь кивнул капитану, и тот, четко отдав честь, упал на одно колено и протянул суверену несколько измявшийся за время дороги листок с текстом «Манифеста о возвращении».

Спустя пять минут, когда Коней, с несколько ошеломленным видом, передал супруге манифест, князь со свойственной ему ловкостью движений поднялся на ноги, коротко приказал:

– Подъем, двинулись, – и, ни на кого не глядя, развернулся и широким, размеренным шагом двинулся вперед, предоставив остальным суматошно собираться и догонять своего жоака.

К вечеру они вышли на крутой бережок небольшой речушки, скорее даже ручья. Князь остановился над крутым склоном, окинул взглядом окрестности и бросил:

– Переночуем здесь.

Тут уж Элис не выдержала:

– Что? Да что вы такое говорите, князь? Вы собираетесь предложить нам провести ночь в этой лесной глуши, на голой земле? Да вы понимаете, КОМУ вы это предлагаете? – Она повернулась к супругу и дрожащими от возмущения губами проговорила: – Дорогой, я думаю, вам следует объяснить князю Росену, что мы не потерпим подобного обращения.

Тот смущенно кивнул, но остался стоять молча. Поскольку прекрасно понимал, что в настоящий момент, что бы он ни сделал, это будет выглядеть в лучшем случае глупо а в худшем – просто смешно и нелепо. Профессор поспешил прийти ему на помощь:

– Послушайте, князь, но неужели поблизости нет никакого жилья? Я думал, что вы предусмотрели это. Ведь нельзя же серьезно полагать, что...

Но князь не дал ему закончить:

– Ближайшее жилье, господин Пантюше, находится верстах в десяти. Это Катендорф. – Он повернулся к супруге императора и, отвесив ей короткий поклон, в котором ясно сквозила насмешка, добавил: – И если кто-либо из семьи суверена желает вернуться, чтобы провести ночь в тех условиях, которые могут быть предложены им там, то я предлагаю сделать это немедленно. – Мгновение помолчав, он пояснил: – Через два часа стемнеет, а так хоть часть пути вы пройдете не в кромешной тьме.

Элис задохнулась от возмущения, а Коней растерянно пролепетал:

– Я бы вас попросил, князь...

На лице князя не двинулся ни один мускул в ответ на этот робкий всплеск возмущения. Спокойно повернувшись, он коротко распорядился:

– Капитан, возьмите троих и нарубите лапника. Ротмистр, за вами костер и ужин, – и снова повернулся к суверену: – Был бы благодарен, ваше величество, если бы ваши женщины помогли ротмистру.

Элис вспыхнула, но не успела произнести ни слова. Князь резко развернулся и исчез, будто растворился в воздухе. Пантюше поспешно оглянулся. Как он и предполагал, господина Юри тоже нигде не было видно.

Следующие три часа были заполнены заботами по приготовлению пищи, обустройством на ночь и ворчанием супруги государя, которая своими придириками довела до белого каления и самого профессора, и всех офицеров. Так что к тому моменту, когда лагерь наконец затих, кое-кто из офицеров был готов последовать примеру своего командира и скрыться от несносной женщины куда-нибудь поглубже в лесную чащу. Коней был вынужден даже напомнить жене, что эти люди как-никак спасли их от смерти.

Князь появился под утро. Светало. Разбуженные предутренним холодом, люди не спали. И тут на противоположном берегу послышался слабый шум – кто-то торопливо шел, почти бежал по лесу. Будь это чуть позже, вряд ли кто услышал бы что-нибудь, но в тумане звуки разносятся далеко, а лес в этот час был так тих и безмолвен, что шаги слышали все. Дежурный офицер шевельнулся и осторожно взвел курок барабанника, но тут легкий ветерок отнес в сторону клочок тумана, и взглядам присутствующих предстали две фигуры. Князь бежал впереди, нагруженный тремя хитро связанными узлами, так что они висели у него на плечах, абсолютно не мешая двигаться. Увидев своего командира, офицеры начали торопливо выбираться из-под шинелей и курток, которыми укрылись на ночь. У каждого в заплечном мешке было одеяло, но, по молчаливому уговору, все отдали их семье суверена. Князь прервал свой бег лишь у самого костра и одним движением сбросил узлы на землю:

– Господа, у нас мало времени. Мы должны выступить не позднее, чем через час. – Он опустился на колени и принялся развязывать узлы, продолжая говорить. – Вчера ночью господин Птоцкий выгрузил свой отряд на полустанке в десяти верстах от Катендорфа и начал наступление на Шумлу. К вечеру позиции генерала Истока были прорваны и город взят. Остатки его армии стремительно отступают на восток. Корпус атамана Друзя рассыпался на мелкие отряды и тоже отходит. Войска Комитета действия и отряды Гвардии вооруженной защиты свободы преследуют их по всем направлениям. Восточного фронта больше нет. – Князь между тем разложил на земле одежду и обувь, извлеченную из узлов. – Государь, сударыни, я хочу, чтобы вы немедленно переоделись в эту одежду. Я планировал добраться до позиций генерала Истока, рассчитывая на его помощь, но теперь это невозможно. Дорога на запад тоже перекрыта. – Он сделал паузу. – Председатель Верховного комитета защиты революции соратник Птоцкий прибыл в город всего через полчаса после нашего... отбытия и за ночь успел организовать наши широкомасштабные поиски.

Усмешки, появившиеся на лицах офицеров при упоминании о Птоцком, тут же сменились тревогой. Государь и его супруга стояли как оглушенные. В воцарившемся молчании раздался растерянный голос бывшего суверена:

– Но... что же нам делать? Князь повернулся к нему:

– Выход один. Мы должны идти на север. Дня через четыре обжитые места кончатся и мы уже вряд ли нарвемся на их поисковые отряды. А верст через двести – двести пятьдесят выйдем к верховьям Панченги. Там сделаем плоты и спустимся вниз по течению. А что будет дальше – там посмотрим.

Элис вскинулась:

– Господи, князь! Я не могу себе представить, что вы говорите это всерьез! Неужели нельзя было предусмотреть...

Но князь не дал ей закончить. Он вскинул руку, обрывая ее излияния, и жестко произнес:

– Прошу вас заметить, сударыня, что любое планирование требует наличия достаточного объема информации, а это, как, впрочем, и само планирование, требует времени, – он саркастически улыбнулся, – или вы предпочли бы, чтобы мы постарались предусмотреть максимум неприятных неожиданностей, но появились в доме, где вас держали, скажем, на недельку попозже?

Элис побледнела и отвернулась.

– Итак, – продолжал князь, – я собираюсь доставить вас живыми и, по возможности, здоровыми в относительно безопасное место и обещаю вам, что так и будет. И на этом давайте закончим все рассуждения на данную тему.

Несколько мгновений все молчали, потом вдруг Тесс старшая из дочерей суверена, поднялась на ноги и, подойдя к заплечному мешку ротмистра, в который они вчера сложили остатки ужина, принялась невозмутимо доставать продукты. И это послужило сигналом для остальных. Все зашевелились и принялись торопливо готовиться к завтраку и отходу.

Одежда пришлась впору. К удивлению профессора, даже Элис безропотно натянула под юбку прочные крестьянские штаны и, с помощью супруга, добротные кожаные сапоги. Профессору тоже достались сапоги и теплая овечья душегрейка. По какому-то незримому молчаливому соглашению никто не поинтересовался, где их предводители побывали этой ночью и откуда у них взялась эта столь нужная им, но явно не новая и, судя по всему, недавно с кого-то снятая одежда. После короткого завтрака они двинулись в путь. Князь снова шел в голове, а вот господин Юри взял троих офицеров и исчез среди деревьев где-то слева от основного отряда.

День прошел в монотонной ходьбе. Господин Юри и ушедшие с ним офицеры появились только к вечеру. У офицеров возбужденно блестели глаза, а господин Юри со своей обычной усмешечкой подсел к князю, и они заговорили приглушенными голосами. Пантюше, уже устроивший себе ложе из лапника рядом с семьей суверена, повинувшись требовательному взгляду супруги государя, встал и подошел к офицерам. В середине плотного кружка ротмистр что-то возбужденно рассказывал остальным:

- ...нет, господа, это было невероятно. Полный амбец!
- И что же, ротмистр? Что вы с ними сделали?
- Да, а что Молчун? Что он? Ротмистр победно усмехнулся:
- Ни-че-го.

Все застыли в изумлении, уставившись на ротмистра, который, насладившись произведенным впечатлением, наставительно произнес, явно повторяя чужие слова:

– Ну же, господа офицеры, пора перестать мыслить подобно примитивной пехтуре. Что могут подумать господа соратники, если один из их конных патрулей не вернется именно с ЭТОГО направления?

Офицеры смущенно переглянулись:

– Но как же вы...

– Вот в этом-то все и дело, – довольно засмеялся ротмистр, – я сам ошалел не меньше вашего, когда услышал, что они нас так просто отпускают. Еще и посоветовали быть поосторожнее, мол, отступающие казачки в здешних местах зело лютуют.

Все некоторое время молчали, размышляя над тем, что только что услышали, потом молодой поручик, чаще других заглядывавшийся на красавицу Тесс, со вздохом сказал:

– А все-таки жаль, господа. Целых восемь человек этих «соратничков» будут еще какое-то время коптить небо.

Капитан с кривой усмешкой похлопал его по плечу:

– Может, вы и правы, поручик, но наша задача намного важнее, чем просто свести в могилу побольше этих «соратничков». – Тут он заметил профессора: – Чем могу служить, профессор?

Пантюше засмутился, словно гимназист, подглядывавший за тем, как его старшая сестра целуется с кавалером, и, пойманный на месте преступления, пробормотал:

– Да ничего, собственно. Я... мне просто хотелось узнать, что делали господин Юри и остальные. Из-за спины капитана высунулся ротмистр:

– Не берите в голову, профессор, просто господин Юри попытался направить возможную погоню в другую сторону. И похоже, ему удалось это сделать.

* * *

Следующие несколько дней были совершенно однообразны. Ранний подъем, завтрак и монотонная ходьба до обеда, потом обед и снова ходьба. Первое время Пантюше к исходу дня чувствовал себя абсолютно вымотанным, а сама мысль о том, что на следующий день придется снова подниматься и трогаться в путь, причиняла почти физические страдания. Но

потом, мало-помалу, он втянулся. А принцессы, к которым постепенно перешли все обязанности по приготовлению пищи, мытье посуды и иные заботы, считавшиеся чисто женскими, ожили настолько, что даже начали по вечерам устраивать небольшие спевки. Пантюше вечерами вел с сувереном долгие беседы, иногда ловя себя на мысли, что его оценки происходящего слишком субъективны и он все еще ищет оправдания лидеру своей партии князю Эйгену, оказавшемуся неспособным удержать ситуацию, что и привело к такому чудовищному провалу.

Князь Росен между тем упорно вел вперед их маленький отряд, и постепенно у всех появилась надежда, что они смогут сделать то, что еще несколько дней назад казалось совершенно невозможным. Однажды во время очередного дневного перехода Пантюше нагнал господина Юри:

– Послушайте, откуда князь так хорошо знает эти места? Мне всегда казалось, что вы иностранцы и... – Он запнулся и замолчал.

Юри улыбнулся, представив, как бы реагировал профессор, и так уже относящийся к ним настороженно, если б он сказал ему правду, и сделал недоуменное лицо:

– Честно сказать, не знаю, – он сделал несколько шагов молча, – наверное, где-то достал хорошую карту, и как мне кажется, у него большой опыт в подобных походах. Где-нибудь в других краях.

Профессор вежливо кивнул и отстал. Оба знали, что один солгал, а второй ему не поверил. А князь на миг остановился, бросил взгляд на склон небольшого холма и двинулся вправо. Лес, конечно, был мало похож на тот, который будет здесь через триста лет, но рельеф и геологическая структура практически те же. Так что через этот район он прошел бы и с завязанными глазами. Ведь спустя триста лет именно в этих местах будут проложены гигантские разгонные кольца СВП-генератора, из-за которого он и был переведен в состав персонала посольства. Запомнить подробный рельеф, какая чепуха! Особенно если учесть, что он так и не успел выполнить то, ради чего появился на Голуэе.

* * *

Вахмистр открыл глаза и резко выдохнул. Между расслабленных губ на подбородок брызнула слюна. Вахмистр поморщился – «опять черт-те чего приснилось», – вытер слюну и оторвал голову от подушки. Сквозь узкое оконце избы пробивались яркие солнечные лучи. Вахмистр сглотнул слюну, недовольно поморщился и, сев на кровати, почесал пятку. Святой Круг! И как его угораздило застрять со своей сотней в этой богом забытой деревеньке. А как хорошо все начиналось...

В их станицу, расположенную у самых отрогов Алунских гор, вести всегда доходили с большим запозданием. Однако осенью этого года новости добрались до станицы очень быстро. Практически одновременно со всей остальной страной. Потому что доставлены они были к родным пенатам самими казаками. На западном фронте из Приморского казачьего войска было всего четыре бригады. Юго-восточная граница империи всегда была беспокойной. По ту сторону пограничной реки Буланой жили полудикие племена унганов, среди которых до сих пор бытовал обряд посвящения юношей в мужчины, предусматривавший лихой налет юных унганов на стада соседей. А самым славным деянием считался разбойный налет на деревню. Еще лет двадцать назад до четверти всех своих жен унганы заполучали на этой стороне реки. Но с тех пор казаки сумели отучить их от такого лихачества. Из сотни желающих стать настоящими мужчинами, переправившихся на этот берег, на свой стали возвращаться едва ли один-два. Так что последние перед войной пять лет деревни на реке и побережье прожили более или менее спокойно. С унганами наладилась кое-какая торговля, а у некоторых казаков в унганских деревнях даже появились побратимы. Однако с началом войны унганы принялись за старое. Наказной атаман говорил, что их подстрекают кайзерские агенты, хотя как они могли так нагло действовать в государстве, которое уже век как считалось вотчиной бриттцев, нынешних союзников империи, было непонятно. Впрочем, на фронте считали, что бриттцы всегда были себе на

уме и от них всего можно ожидать. Так что это предположение ни тогда, ни сейчас не казалось вахмистру несуразным.

Когда фронт окончательно развалился и серая пехотная скотинка толпами ринулась к родным пажитям, казаки их эскадрона собрали сход и постановили тоже отправляться домой. Ехали медленно, но весело. В стране разрасталась смута, но эшелон, полный вооруженных казаков, трогать никто не решался. А вот сами казачки успели слегка прибарахлиться. Грешно было упускать случай. Самому вахмистру удалось раздобыть патефон, вагеровскую швейную машинку и жене роскошную лисью шубу. А однажды, когда они в очередной раз стояли на запасных путях, он сбил команду лихих ребят и совершил дерзкий налет на ближайшее господское поместье. Там они славно погуляли, испробовав на вкус высокомерных господских барышень, а вахмистр, кроме того, прихватил предмет зависти всего эскадрона – механическую маслобойку. Так что с войны в родную станицу он вернулся с немалой прибылью и некоторым сожалением, поскольку в стране разворачивались такие дела, что перед оборотистым человеком открывались большие возможности.

Зиму, однако, пережили спокойно. Пару раз, по просьбе соседей, из станицы высылали воинские команды на перехват унганских шаек, да ближе к весне сами сбили отряд, дабы наказать унган за угон нескольких коров. Из того рейда вернулись с прибылью. Всем потерпевшим возвратили скот из угнанного стада, а сам вахмистр привел на свой скотный двор еще четырех стельных телок. К весне у жены в который уже раз округлился живот и вроде как отправляться куда-то на сторону стало совсем не с руки. Но вахмистру до сих пор иногда снились ладные тела и нежная кожа господских дочек, так что, когда в станицу прискакал есаул атамана Друзя и стал выкликать добровольцев, вахмистр, не обращая внимания на вопли жены и уговоры матери, быстро оседлал коня и двинул на северо-запад, под знамена генерала Истока.

Поначалу все шло хорошо. Вешали и расстреливали мало, больше пороли. Боев почти не было. Еще бы, как могли эти босяки, привыкшие махать штуцерами и ба-рабанниками перед носом перепуганных адвокатов, купчишек и зубных врачей, противостоят корпусу генерала Истока, в котором насчитывалось почти десять тысяч штыков и шесть тысяч сабель. Вахмистр даже успел с оказией отправить домой целую подводу добра. Однако, чем дальше они продвигались на запад, тем чаще на пути стали попадаться вооруженные отряды мастеровых или команды солдат-ветеранов из крестьян. Слава о лихом грабеже и порках летела впереди «освободительной армии», и народ решил, что хрен редьки не слаще. Тем более что здесь, за Рудным хребтом, во всех крупных городах за время войны были созданы тыловые армейские склады, на которые местные Комитеты действия успели наложить руку, а потому особого голода пока не чувствовалось. Да и в самих Комитетах действия больше были озабочены дележкой власти, чем установкой революционного порядка, так что с каждым днем сопротивление «освободительной армии» нарастало. После первых же серьезных столкновений добрая половина казаков повернула коней и двинула назад. Да и сам вахмистр тоже уже чувствовал, что готов рвануть до хаты. Его останавливало только то, что во второй подводе, за которой приглядывал знакомый обозник, до сих пор оставалось еще довольно свободного места.

Вахмистр вздохнул и почесал волосатую грудь. Вот и дождался. Мало того что ничего больше не нагрузил, так и всего накопленного лишился. Беда пришла откуда ни возьмись. Первый штурм Катендорфа, который генерал Исток собирался объявить столицей всего Зарудного края и Восточного Приморья, закончился неудачно. Комитетчики создали оборонительный рубеж по реке, верстах в десяти восточное города, и легко отбили несколько наспех организованных атак. Войска отошли и закрепились у Шумлы. Следующие две недели были заполнены бесплодной говорильней в штабе и активной деятельностью вахмистра. Подвода почти наполнилась, и он уже совсем было решил отправляться восвояси, но Катендорф манил, как сияющая огнями новогодняя елка. И он решил еще немного подождать. И вот, дождался – однажды утром его разбудил грохот, в огородах с противным визгом начали рваться бризантные снаряды крупнокалиберных

орудий двух бронепоездов комитетчиков ночью подошедших почти вплотную к городу. А через несколько минут на окраину Шумлы, при поддержке броневиков, ворвались марьяты соратника Птоцкого. Практически одновременно с фронта ударили отряды катендорфских мастеровых, и корпус генерала мгновенно превратился в обезумевшую толпу перепуганных людей. Вахмистр успел только прихватить под мышку галифе, мундир и сапоги, застегнуть прямо поверх исподнего португеею с шашкой да свистнуть коня. На его счастье, основным удар «соратники» нанесли немного левее. Сотник с частью людей, выметав шашки наголо, сломя голову бросился в сторону прорыва. То ли еще не выветрилась из его головы всякая муть о Святом Круге, суверене и Отечестве, то ли просто тронулся бедолага. Но вахмистр-то еще кое-что соображал. Он собрал остатки сотни и рванул из города прямо через огороды в лес и дальше куда глаза глядят. А когда опомнились, оказалось, что глядели они немного в сторону от родного дома. Дня через два, когда остатки сотни пришли в себя и оказалось, что среди спасшихся вахмистр – самый старший, казаки, как и тогда на фронте, собрали сход. На нем и порешили, что, пока все не успокоится, следует забраться подальше вглубь и пересидеть какое-то время. Так что, когда спустя четыре дня после схода высланные вперед разведчики наткнулись на довольно большое село, вахмистр решил, что это и есть тот шанс, который поможет ему не только переждать, но хотя бы частично восполнить потери. Перед рассветом сотня окружила село, а к восходу солнца староста, почтарь, пристав и все местные богатей были взяты тепленькими в своих постельках, так что, когда, за два часа до полудня, крестьян согнали на центральной площади, все было уже решено. И вот уже почти две недели они торчали в этой деревеньке.

В дверь постучали. Вахмистр резко вскинул голову, правая рука метнулась под подушку, но в следующий момент он недовольно поморщился. С этими последними событиями нервы стали совсем ни к черту. Те, кого следовало бы опасаться, вряд ли стали бы стучать. Вахмистр вытер вспотевший лоб и хрипло выкрикнул:

– Заходи.

Дверь в горницу распахнулась, и на пороге вырос Серко, молодой казачонок, племянник его двоюродного брата, который был при вахмистре чем-то вроде адъютанта. Вахмистр еще в станице пообещал брательнику, что приглядит за мальцом, и во весь столь неудачно окончившийся «освободительный» поход держал его при себе, частенько отправляя стеречь свою подводку в обозе. Паренек, конечно, обижался, но перечить не смел. А уж сейчас, когда дядька внезапно стал таким значительным лицом в сотне, даже слегка заважничал.

– Разрешите побеспокоить, дядько Тороп. Вахмистр снова поморщился. Вот ведь бестолковый, сколько он уже втолковывал мальцу, что величать его теперь следует «господин вахмистр» или даже «господин сотник», а тот опять за свое.

– Ну, чего тебе?

– Богун докладает, что еще три семьи в лес утекли.

– Тьфу, напасть. – Вахмистр рассердился. Вот незадача. За время войны он привык относиться к крестьянам как к неременному приложению к дому и полю. Там, за Рудным хребтом, так и было. Казаков частенько отводили в прифронтовые деревеньки на переформировку и отдых. А они были постояльцами не особенно спокойными, иногда и девок прижимали, да и по амбарам пошастать не считали особо зазорным. Хотя и не сильно. Все-таки хозяева как бы свои был хотя и с другого конца огромной империи. Тем более что по указу суверена за каждого воинского постояльца казна снимала с семьи изрядный кусок подушного налога, да и сами крестьянки, истосковавшись по мужской ласке, по большей части не сильно противились. Да и кому плохо, ежели какой казачок утешит соломенную вдовушку. Там крестьян нельзя было согнать с родного пепелища даже многодневной артиллерийской подготовкой. В деревнях, попавших в зону боевых действий, семьи прятались в подпол и сидели там, дрожа и осеняя себя святым кругом. А иногда даже погибая под обломками родного жилища. Но здесь все было не так. В первый же день, когда казаки предусмотрительно прошерстили сеновалы и амбары, из-под крыш, из дальних углов хлевов и из подполов были извлечены добрых шесть десятков длинных пехотных штуцеров

и ведер пять патронов. Но это было понятно. Среди здешних крестьян немало было тех, кто, так же как и они, лишь недавно вернулись с западного фронта. А вот как он мог упустить, что местные крестьяне испокон веку промышленляют охотой на пушного зверя, — уму непостижимо. Каждые две-три семьи сродственников, как правило, держали где-то в глуши зимнюю избушку, куда сразу после уборки уходили мужики и охотничали там аж до самого Вознесения. Чтобы успеть до весеннего равноденствия, когда в деревнях как раз и появлялись скупщики пушнины, выделывать шкурки. Так что на следующее утро, после того как казаки закончили обыск, заодно и слегка пошерстив местных мужичков, крестьяне побогаче, вместе с семьями и кое-каким скарбом, под покровом ночи потянулись из деревни. В тот вечер сотня, хорошо погуляв на дармовых закуске и самогоне, дрыхла без задних ног. Так что никто ничего не услышал.

Когда на следующее утро вахмистр узнал о том, что добрый десяток самых крепких хозяев исчез неведомо куда, он просто вышел из себя. Посланная вдогон команда вернулась ни с чем. Беглецы до рассвета успели добраться до гольцов, а там зачастую теряли след даже охотничьи собаки. После той ночи вахмистр приказал выставить секреты, но крестьяне были хитры, а казаки несли службу не особо ревностно, частенько под утро утекая в село, под бок к какой-нибудь вдовушке поскольку не видели особой надобности в ловле бегущих. «Пушай гуляют где хотят, все одно скоро домой трогаться». И в общем-то, были правы. Но вахмистру, который уже совсем почувствовал себя таким маленьким царьком, все это сильно портило кровь. И вот опять. Вахмистр повернулся к казачку. Тот уже с утра был при полном параде — сапоги вычищены, на боку шашка, за спиной короткий кавалерийский штуцер. Прямо казак Смекун с плаката времен прошлой войны, только пики не хватает.

— Иде Богун?

— А у тына с хозяйской дочкой любезничает.

— Зови.

Казачок подошел к окну, распахнул створки и, высунув голову, заорал:

— Дядько Богун, дядько Тороп... то есть господин сотник к себе требуют.

За время, потребовавшееся Богуну, чтобы преодолеть десяток сажен, вахмистр успел натянуть галифе и даже пофыркать под рукомошкой. И это еще больше усугубило раздражение вахмистра. Поскольку служило еще одним подтверждением того, что его власть во многом призрачна. А ведь она так пришлась ему по вкусу. Он окинул сумрачным взглядом фигуру казака, который, в отличие от стоявшего навтыжку Серка, расслабленно привалился к косяку, лениво похлопывая по голенищу сложенной вдвое плеткой, и сердито спросил:

— Кто седни в секрете стоял? Богун пожал плечами:

— Да вроде как и никто.

— Как это? — удивился вахмистр.

— Атак, — пояснил Богун. — Вчерась Стельку да Омута назначали, да ни один не пошел. — Он умолк, насмешливо наблюдая, как багровеет лицо самозваного командира. — Омут вроде как себе тут вдовушку нашел. И жениться собрался. Так что он сразу сказал, что ему с будущими односельчанами ругаться вроде как совсем ни к чему, а Стелька сказал, что один не пойдет. Вот никого и не было.

— Ах они... — Тут вахмистр выдал такой оборот, что стоящий рядом Серко от неожиданности выкатил глаза и разинул рот. А Богун одобрительно хмыкнул. Во дает!

А вахмистра душила ярость. Он подскочил к лавке, зачерпнул ковш студеной воды, глотнул, облив подол рубахи, и, отбросив ковш, забежал из угла в угол горницы, шлепая по некрашеному полу жесткими босыми ступнями. Богун молча ждал.

— Вот что, казак, поднимай свой десяток. Нужно поймать этих убегших.

Богун изобразил на своем лице удивление:

— А на что они нам, старшой?

— А я говорю, нужны! — рявкнул вахмистр, но, почувствовав, что криком ничего не добьется, а сделает только хуже, сбавил тон; — Пойми, казаче, они из нас дураков делают. Казачий секрет даже унганы обойти не могли, а тут крестьяне... — Он окончательно

успокоился и добавил отеческим тоном: – Нам здесь уже недолго осталось. А как вернемся в станицу, я сам напишу цидулю наказному атаману, шоб произвел тебя в вахмистры, а то и сразу в подьесаулы.

Глаза Богуна радостно сверкнули. Выбиться в унтера, а то и в подофицеры – это было его голубой мечтой. На фронт он не попал по малолетству, но на границе показал себя с самой лучшей стороны. Однако атаман со штабом, как и штабы других казачьих войск, на все время войны числился прикомандированным к ставке суверена, а потому все унтер-офицерские звания, присвоенные за время войны, требовали утверждения. Но после возвращения штаба атаману Друзю и высшим офицерам сначала было не до того и утверждение званий отложили до весеннего Совета атаманов, а потом появилось воззвание генерала Истока и с утверждением вообще дело заглохло. Если уж на то пошло, Богун и в эту «освободительную» авантюру ввязался только потому, что хотел наконец получить то, что считал давно заработанным. И потому он лихо отдал честь и, радостно выкрикнув: «Слухаю, дядько!» – выбежал из горницы.

Вскоре главная улица деревни огласилась дробным стуком копыт идущих рысью лошадей. Богун помчался зарабатывать себе чин.

Первая половина дня прошла довольно спокойно. Казаки, вчера, как обычно, слегка перебравшие первача, к полудню повыползали на солнышко и, усевшись на завалинки, тянули здоровенные «козьи ножки» и шурились, поглядывая на яркое весеннее солнышко. Время от времени они перебрасывались двумя-тремя фразами да задевали проходивших мимо угрюмых мужиков. Те досадливо отбрехивались. В общем-то казачья оккупация была не особо обременительна, ну погуляют казачки, ну девок потискают, ну вдовушку какую утешат. Дак ведь дело житейское. Да и последнее никто ведь не отбирает. А ежели какого справного хозяина на окорок или штоф облежат, так что ж, дело военное. Но это пока. А ведь скоро пахать надо.

К обеду вахмистр собрал всех командиров десятков. Те пришли без шашек и портупей, ясно показывая, что рассматривают это не как вызов к командиру, а как приглашение на товарищеский обед. Впрочем, вахмистр и не рассчитывал на особое почтение к своей особе. Он стал во главе сотни больше потому, что большинство ветеранов рвануло вслед за есаулом в ту самоубийственную атаку, а среди немногих оставшихся оказался старшим по званию. А так-то он всю жизнь старался особо не высываться, хотя и трусом его никто назвать не решился бы. И ведь, поди ж ты, оказалось, что быть сотником не так уж и плохо, особенно подале от фронта.

Он приказал хозяйке накрыть на стол «погущце» и выставить четверть крутого, неразбавленного первача. Когда все расселись вокруг стола, накрытого простенькой, но нарядной самотканой скатеркой с вышитыми по краям петухами и подсолнухами, он самолично разлил первач по стаканам и, подняв свой, заговорил:

– Братья казаки, давайте выпьем за тех, с кем мы ушли из станицы, но кто уже никогда не вернется домой, он подпустил в голос слезу, – за тех, кто не посрамил звания казака и сложил свою буйну головушку в лихой последней атаке, – и, не дожидаясь остальных, опрокинул стакан.

Первач обжег глотку, шибанул в нос и ухнул в желудок, будто заглоченный целиком тяжелый шмат сала. Вахмистр сморгнул слезу, занюхал горбушкой и отправил ее в рот. Крепкое пойло моментально ударило в голову. Десятники раскраснелись, загомонили, вспоминая войну и неудачный «освободительный» поход. Вахмистр подлил еще пару раз, поддакнул одному, другому, простецки хлопнул по плечу соседа и, решив наконец, что компания дошла до нужной кондиции, громко всхлипнул и жажнул кулаком по столу:

– И как же мы дошли до жизни такой, братья казаки?

Все замолчали, недоуменно переглядываясь.

– Какие-то мастеровые да марьяты, которых мы в войну таскали из окопов, будто морковку из грядки, дали нам пинком под зад. И где? На нашей же земле! Какую наши деды и отцы кровью своей умыли, да и нашей кровушки она попробовала.

Казаки помрачнели. О позоре Шумлы было уже говорено и переговорено, но от этого

легче на сердце не становилось. Вахмистр запрокинул стакан и вылил содержимое в глотку. Все тут же последовали его примеру. Вот только большинство делало это в четвертый раз, а вахмистр – во второй.

– И это еще не все, – вновь возвысил голос вахмистр, – здесь уже крестьяне, мужичье забитое, на нас КАЗАКОВ, плюют.

Казачи пьяно переглянулись. По большому счету, всем было наплевать на крестьян, но если взглянуть с этой стороны... Дюжий десятник с серьгой в ухе стиснул кулак и тоже хрястнул им по столу:

– А пороть их!

– Верно! Правильно! – оживились за столом.

– Вот и я к тому веду, – поддакнул вахмистр, – сегодня ночью три семьи опять утекли в тайгу. Так я за ними Богуна послал.

– Вот их и пороть, как батько Друзь делал, – с пьяным упрямством стоял на своем десятник с серьгой. Вахмистр улыбнулся. Все вышло так, как он и хотел.

– Ну что ж, братья казаки, на том и порешим, – примирительно сказал он и вновь наполнил стаканы. Обед затянулся почти до темноты, и к концу вахмистр почувствовал, что и сам изрядно набрался.

Утром он проснулся оттого, что Серко тряс его за плечо. Он оторвал голову от подушки и, сморщившись, схватился за виски:

– О черт, прости Господи. Ну что там у тебя?

– Богун вернулся, дядько! – возбужденно произнес Серко.

– Всех спымал?

– Да, дядько Тороп. Но не тех, что энтой ночью утекли, а тех, что позапрошлой, и еще других с ними. Вахмистр потер гудящую голову и опять сморщился:

– Ну и черт с ним. Все одно утекли. А еще кого там спымали?

– Еще других, человек десять, вроде как из господ. И бабы с ними. Жуть какие симпатишные.

– Да-а-а. – Вахмистр зажмурился. Неужто дождался? Перед глазами снова встали те ладные барышни, которыми он попользовался во время налета на поместье. Он повернулся к казаку: – Вот что, парень. Пуцай всех отведут в пустой амбар у церкви, а баб... баб веди-ка сюда.

* * *

Они шли уже третью неделю. По расчетам князя, до верховьев Панченги осталось верст тридцать – сорок. Один-два дневных перехода. За все время князь устроил две дневки, когда все отдыхали и стирались. Оба раза это происходило тогда, когда охотничья команда заваливала крупного зверя и, чтобы не бросать мясо, под руководством князя устраивали примитивную коптильню. Так что мяса было в достатке. Пантюше, кроме всего прочего принявший на себя обязанности личного врача суверена, с радостью констатировал, что при таком калорийном питании, в которое для разнообразия добавляли сушеный чеснок и лук, а также пахучую смесь доброй сотни таежных трав, даже серьезные физические нагрузки не только не ухудшили здоровья суверена, но и придали ему сил.

По-видимому, князь заранее был уверен в этом, потому что, когда профессор, вскоре после их памятного разговора в самом начале пути, отозвал князя в сторону и самым категорическим тоном заявил ему, что суверен может не выдержать подобного перехода, тот лишь усмехнулся и добродушно похлопал его по плечу:

– Не беспокойтесь, профессор, это пойдет ему только на пользу.

Но что поразило профессора больше всего, так это то, что запас лука, чеснока и таежный сбор были конфискованы как раз в день налета одним из офицеров в продовольственной лавке Катендорфа по прямому указанию князя, который счел необходимым ради этого уменьшить свои небольшие силы на целую боевую единицу.

Так что все как будто складывалось удачно. Похоже князь действительно был из тех,

кто способен творить чудеса. Профессор поднял голову и поймал взглядом объект своих размышлений. В этот момент князь, шедший впереди, вдруг резко остановился и присел на корточки. Казалось невероятным, что столь внушительная фигура может укрыться за кустиком красники, но Пантюше мог поклясться, что для наблюдателя, который посмотрел бы на этот куст с противоположной стороны, князь был бы совершенно незаметен. Остальные торопливо расползлись по ближайшим случайным укрытиям.

– Ротмистр! – приглушено позвал князь. Офицер быстро направился к князю, довольно ловко передвигаясь на четвереньках, и замер слева от него, как породистая гончая, ожидающая приказа хозяина.

– Возьми троих и осмотри вон те кусты. Зайдите через овраг.

Ротмистр кивнул, знаками подозвал трех офицеров, и они, взяв барабанники на изготовку, скатились в овраг, сопровождаемые громким шуршанием прошлогодних листьев. Князь проводил их взглядом и повернулся к господину Юри. Тот улыбнулся одними уголками губ и молча скользнул вслед за ними. Казалось, его крепкие яловые сапоги не касаются земли. Профессор покачал головой. Хотя господин Юри, а иногда даже и сам князь каждый вечер, перед ужином, уводил офицеров подальше, на какую-нибудь поляну, и битых два часа гонял их, как молодых жеребцов, по сравнению с обоими иностранцами они выглядели еще очень бледно.

Вскоре из кустов послышались приглушенные крики, потом быстро, очередью, отбил три выстрела барабанник и все стихло. Князь спокойно поднялся и, кивком головы показав остальным, чтобы шли за ним, неторопливо двинулся вперед.

Пройдя шагов сорок и продравшись через густые заросли бузины, они оказались на укромной полянке, посреди которой горел небольшой, умело разложенный, почти бездымный костер. У самого костра в причудливой позе – на коленях, с широко раздвинутыми в стороны ногами и ухватившись за пятки заведенными назад руками – лежало трое растрепанных дюжих мужиков. А на краю поляны испуганно жались друг к другу с десятков женщин и детей. По напряженным, покрасневшим лицам мужиков было видно, что им было тяжело и больно, однако все трое молчали и лишь испуганно таранились на господина Юри. Хотя тот спокойно стоял в сторонке, засунув руки в карманы, а мужиков держали на мушке офицеры. Глаза офицеров недобро посверкивали, а слегка всклокоченный вид прямо указывал на то, что незаметно подобраться к противнику им не удалось. Князь остановился, окинул пленников спокойным, почти доброжелательным взглядом, потом кивнул крайнему:

– Ты! Можешь сесть как удобней.

Мужик настороженно покосился на господина Юри, тот чуть заметно кивнул, и мужик, облегченно вздохнув, распрямился и опустил на ягодицы.

– Кто такой? Мужик поежился:

– Токов... Остин. Крестьяне мы.

Князь бросил насмешливый взгляд на валявшиеся у костра пехотные штуцера. Крестьянин уныло уставился в землю. Князь продолжал:

– А почему в лесу?

Мужик бросил затравленный взгляд на товарищей по несчастью, сглотнул и заговорил плаксивым голосом:

– Демобилизованные мы... Аккурат два месяца домой добрались. А тут обратно война. Казачки атаман Друзя налетели. Вот мы в лес и уткли...

Князь медленно кивнул и на мгновение задумался. Потом повернулся к офицерам:

– Уберите барабанники. – Затем к крестьянам: – Все можете сесть.

Те сели, с трудом распрямя члены, на бородатых лицах выражение обреченности сменилось настороженным ожиданием. Князь присел на корточки и поворошил костер. Потом снова повернулся к крестьянам:

– Значит, казачки, говоришь?

Первый крестьянин торопливо закивал: – Ага. Оно вроде и ничего, да токо старшой их дюже страшный. Да и озаруют. У Итапа, вон, – он кивнул в сторону самого худого, – бычка

свели. Вроде как реквизиция. Мы о таком только под комитетами слышали, а таперича эвон как и у нас началось.

Один из офицеров не выдержал и, наклонившись вперед, раздраженно заговорил:

– Так ведь они ж тебя от этих комитетов и защищают, дурья башка!

Однако крестьянин уже понял, кто здесь главный, и почувствовал, что он относится к ним по-доброму, а потому ответил даже задиристо:

– А нам-то один черт. Коли и те и другие грабят, так чем же одни других-то лучше?

Офицер вскипел:

– Да ты...

– Он прав.

Голос князя подействовал на офицера как холодный душ. Он запнулся и недоуменно уставился на князя. Но тот не стал ничего объяснять. Он поднялся на ноги и повернулся к офицерам:

– Отдайте им штуцера, – потом, мгновение подумав, приказал: – Трое со мной, трое с господином Юри, – и повернувшись к императору, добавил: – Оставайтесь здесь. Мы сходим посмотрим, что там за казачки. Если части генерала не окончательно разгромлены и это регулярный отряд, то, возможно, наши лесные странствия на этом закончатся.

Крестьяне обрадованно вскочили на ноги, потом Остин, скептически оглядев их маленькую команду, с сомнением покачал головой:

– Однако, ваш бродь, у нас в селе их почти полная сотня при двух пулеметных двуколках. Князь усмехнулся:

– Ну, драться мы с ними не собираемся. Когда разведчики ушли, крестьяне понемногу оттаяли. Через полчаса крестьянки уже поили супругу суверена и принцесс таежным чаем с вкуснейшим красничным вареньем. Мужики обустроились основательно. Видно было, что они в лесу не новички. Впрочем, ожидать иного было бы наивно. По эту сторону хребта было не так много городов, куда деревенские жители могли уходить зимой на отхожий промысел, как это делали крестьяне по ту сторону гор, с первыми снегами сбиваясь в столярные, каменотесные и плотницкие артели или пробавляясь иным промыслом, спрос на который в городах был традиционно велик. Здешние же крестьяне испокон веку зимой промышляли охотой и добычей пушного зверя. Остин рассказал профессору, что чуть дальше на север, два дня пути, у них есть зимовье, но они решили далеко от деревни не отходить, потому что казаки вроде как уже собираются покидать деревню. Расстроенному профессору вдруг припомнился разговор, при котором он присутствовал несколько дней назад.

В тот день, он, как обычно, шел рядом с сувереном. Сразу после обеденного привала князь, как и в предыдущий день, шедший впереди, слегка приотстал и поравнялся с ними:

– Прошу простить меня, ваше величество, за то что я так долго не испрашивал дозволения обратиться к вам, но...

Коней устало махнул рукой:

– Оставьте, князь, во-первых, я уже не суверен, а во-вторых, и вы, и я прекрасно понимаем, кто из нас сейчас... играет первую скрипку. Так что это я должен благодарить вас за то, что наконец нашли время поговорить со мной.

Ирония в его голосе ощущалась так ясно, что, по мнению профессора, ее уловил бы даже глухой, а Коней между тем продолжал:

– До сих пор я довольствовался тем, что исполнял ваши приказы. – Он вздохнул и добавил более мягким тоном: – Только прошу вас не расценивать мои слова как упрек. Вы спасли жизнь мне и моей семье и продолжаете этим заниматься. Просто мне хотелось бы чуть больше знать о ваших или, я смею надеяться, НАШИХ дальнейших планах.

Князь спокойно кивнул:

– Что ж, ваше величество, должен заявить, я чрезвычайно рад, что вы так думаете. – Он немного помолчал. – Я не сомневаюсь, что господин профессор держит вас в курсе всего происходящего, да и господа офицеры тоже, так что вы представляете себе общую ситуацию. А потому не считаю вопрос, который хочу вам задать, преждевременным. Итак,

что ВЫ собираетесь делать дальше?

Коней на несколько мгновений задумался, потом мягко возразил:

– Мне кажется, я говорил о НАШИХ планах. Князь покачал головой:

– Нет, ваше величество, я, конечно, не отрицаю, что вправе дать вам совет, которым вы можете или воспользоваться, или НЕ воспользоваться. Но, согласитесь, любой совет – вторичен. К тому же в условиях, в которых мы находимся, я сознательно ограничиваю сферу своего влияния на вас только вопросами физического выживания. Что делать дальше, должны решить именно вы.

Несколько минут они шли молча, Коней обдумывал слова князя.

– Я много думал о вашей идее насчет моего возвращения на престол. Если быть откровенным, то эта идея не кажется мне... особо привлекательной. Ведь я, несомненно, несу ответственность за все, что случилось, и, как мне представляется, народ не одобрит возвращения на престол того, кто, некоторым образом, и является виновником поражения в войне и нынешней смуты. Князь покачал головой:

– Скажите, государь, вы обсуждали это с господином Пантюше?

В ответе Коней сквозила неуверенность.

– Ну, в общих чертах. Князь усмехнулся:

– Простите меня, ваше величество, но вы основываетесь на абсолютно неверных предположениях.

– То есть?

– Понимаете, большей части вашего народа абсолютно наплевать на то, до какой степени вы считаете себя виноватым за происходящее. Что же до вас, то в настоящее время во главу угла ставится, только одно. – Князь на миг замолк и с нажимом произнес: – При суверене жилось лучше. – Он пристально посмотрел на бывшего суверена, ища в его лице каких-нибудь изменений, но тот был невозмутим. Князь заговорил снова: – В настоящее время вы оказались символом всего хорошего, что для многих и многих живо лишь в воспоминаниях. Мужики забыли о кулаке околоточного, а если и вспоминают, то почти с умилением, мастера забыли о штрафах, купцы и приказчики со слезами на глазах разглядывают фотографии, сделанные в День тезоименитства, офицеры грезят о дружеских попойках в полковом офицерском собрании и променаде под звон шпор по Сенатскому проспекту, – он усмехнулся, – и все, все с тоской смотрят на темный квадрат на стене, где раньше висел ваш портрет.

Коней горько улыбнулся:

– Мне не верится, чтобы это было правдой.

– Не сомневайтесь, – серьезно ответил князь, – то, что я о вас знаю, помогает мне понять ваш порыв. Вы чувствовали, что страна нуждается в переменах, и решили собственным примером подвигнуть людей на поиск лучшего. Но... на востоке есть проклятие, причем одно из самых сильных. Знаете, как оно звучит? – Князь поднял глаза вверх и жестко сказал: – Чтоб тебе жить во времена перемен!

Коней опустил голову и задумался. Князь прибавил шаг. Он ничего не придумывал. Только тот восток, на котором бытовало это проклятие, находился несколько дальше, чем мог себе представить бывший государь.

Минут через сорок бывший суверен догнал его:

– Вы знаете, я подумал над вашими словами. Если я правильно понял, вы полагаете, что я должен вновь возложить на себя бремя власти. Но это же невозможно. История не знает примеров того, чтобы государь, отрекшийся от власти, вновь возвратил себе престол. Страны, которой я правил, больше не существует.

Князь пожал плечами:

– В чем-то вы правы, а в чем-то нет. Вы никогда не сможете возродить ПРЕЖНЮЮ страну. Перемены неизбежны. Но нельзя совсем выбивать у людей почву из-под ног. А сейчас получилось, что они лишились всего – страны, власти, денег, устоявшегося жизненного порядка и даже своего суверена. Вам никогда не приходило в голову, что не всякие перемены благотворны? Коней задумчиво смотрел на собеседника:

– И какой же из этого, по-вашему, следует вывод? Князь усмехнулся:

– Вы опять ждете от меня совета. Извините, ваше величество, этого не будет. Во всяком случае, до того момента, пока вы сами, а не стечение обстоятельств, изберете меня своим советчиком.

Коней удивленно вскинул глаза на князя. Тот коротко поклонился и ускорил шаг.

* * *

Вечер и ночь компания провела с несколько большими удобствами, чем раньше, поскольку крестьяне, уходя в лес, прихватили с собой все необходимое, чтобы пожить здесь некоторое время. Поднялись, как всегда, рано, но разведчики еще не вернулись. Двигаться дальше без князя никому не пришло в голову, а потому женщины затеяли стирку. Как оказалось, до верховьев Панченги они все-таки добрались. Небольшая речушка, что протекала в сотне шагов от их стоянки, была, как сказали крестьяне, одним из истоков великой реки. Сами же они отправились проверять силки. Денек был (солнечный и почти по-летнему теплый, и профессор, хвативший с мужиками деревенского самогону (ну еще бы, ведь до него снизошел и сам суверен, улучив момент, когда Элис вместе с дочерьми и крестьянками отправилась на постирушку), задремал. Поэтому когда из кустов, окружавших поляну, раздались выстрелы и вслед за этим на открытое место повыскакивали с перекошенными лицами казаки, Пантюше подумалось сначала, что ему приснился кошмарный сон.

Их пригнали в деревню на рассвете. Паштюше, недоумевая, почему молчат четверо оставшихся с ними офицеров, несколько раз пытался объясниться с десятником, но лишь заработал несколько пребольных ударов плетью. После очередного удара, четвертого или пятого по счету к нему склонился поручик:

– Не тратьте впустую силы, господин Пантюше, – шепнул он. – Подождем встречи с их офицером. Вот тогда ЭТИ заплатят за все.

– А если и он не станет нас слушать? Поручик скрипнул зубами и с некоторой неуверенностью сказал:

– Князь где-то поблизости. Он нас выручит. Пантюше язвительно усмехнулся:

– Не забывайте, их нет уже больше суток. Боюсь, уж не постигла ли князя и других наша судьба, если не хуже.

Поручик громко, со злостью возразил:

– А вот это вряд ли, профессор.

За что получил удар плеткой, причем огрели его не просто для порядка, как профессора, а от души. Дальше он шел молча.

Приведя в село, их заперли в каком-то амбаре. Причем госпожу Элис и принцесс куда-то увели. Поручик и суверен потребовали встречи с сотником, но получили лишь несколько ударов плетью. Часа через два-три их вывели на площадь, заполненную гомонящими крестьянами, и приказали раздеться до исподнего. Крестьяне угрюмо начали раздеваться, а офицеров, которые попытались оказать сопротивление, быстро утихомирили плетками и пинками. Суверен бросился было к какому-то казацкому унтеру, который расхаживал по площади с начальническим видом, но и на этот раз получил плеткой поперек спины. Пантюше просто не верилось, что все это происходит на самом деле. Наконец шум и суматоха поутихли и пленников оттеснили к центру площади. Какой-то казачок вскочил на поставленную на попа рядом с ними бочку и начал нараспев что-то зачитывать. Пока он читал, казачий унтер, который, судя по его важному виду и отсутствию других командиров, и был здесь самым главным, все время посматривал в сторону добротного бревенчатого дома, выходящего окнами на площадь, и с возбужденным видом подкручивал ус, нетерпеливо поглядывая на глашатая. Наконец казачок закончил чтение и легко спрыгнул с бочки. Унтер прищурился, окинул толпу молодецким взглядом и рывкнул:

– Ну, все понятно?

И тут ему попался на глаза непонятно откуда взявшийся высоченный громила в

офицерском френче тончайшего генеральского сукна. Он стоял в первом ряду и смотрел на него насмешливым взглядом. Вахмистр нахмурился. Никого похожего он в деревне не помнил.

– Эй, а ты кто таков?

Гигант усмехнулся:

– Развлекаешься, вахмистр? Тот вскинулся:

– Чего-о-о?

Гигант покачал головой:

– А что? До фронта как до луны пешком, а здесь сытно, бабы, первача залейся, да и, – он кивнул на приговоренных к порке, – весело. Чем не жизнь для спасителя отечества?

– Да кто ты есть?.. – взвился вахмистр.

Но гигант не дал ему договорить:

– А сейчас тебе и вовсе недосуг. Тебе, как я слышал новых баб привели, господских. Ты их пока в бане запер, но вижу – у тебя уже между ног зудит.

Этого уже вахмистр вынести никак не мог:

– Ах ты!.. – Он привычным движением выхватил шашку.

Сталь со змеиным свистом рассекла воздух. Гигант стоял неподвижно до самого последнего момента. Окружающим показалось, что лезвие даже успело примять растрепавшуюся прядь волос у него на лбу. А потом... Вахмистр, красный от напряжения, ошалело замер в нелепой позе. Конец его сабли остановил свое движение зажатый между двумя голыми ладонями в трех пальца от носа гиганта. Толпа ахнула. Гигант презрительно по морщился, резко выдернул шашку из рук вахмистра и каким-то странным, но грациозным жестом перехватил ее за рукоять. Первым опомнился казачок, зачитывавший приговор. Он вздрогнул, что-то тоненько вскрикнул и тоже выхватил из ножен шашку. Реакция гиганта была молниеносной. Движение его руки напоминало бросок кобры. Никто не понял, что он такое сделал, но только шашка казачка, звонко дзинькнув, с силой воткнулась в бочку, а сам он, с недоуменным хеканьем, вдруг рухнул на колени от сильного удара под дых. Какой-то миг на площади стояла мертвая тишина. Потом взвился к небу рев вахмистра, прижимавшего к груди обрубок правой руки. Кисть руки с зажатым в ней барабанником валялась на песке, шагах в трех от него.

Площадь взорвалась криками, стонами, визгом. Гигант вскинул над головой шашку, с которой полетели в разные стороны кровавые капли, и рявкнул, да так, что у стоящих рядом заложило уши:

– А ну молчать!

В наступивши тишине он вдруг резко повернулся и, не обращая внимания на казаков, вскинувших штуцера, одним движением сбросил шинель, накинул ее на плечи одному из пленников, благоговейно опустил перед ним на колени и прокричал:

– Слава суверену!

Какое-то мгновение все ошеломленно молчали, потом кто-то охнул, какой-то казак, стоявший неподалеку, испуганно икнул и стащил с головы фуражку, кто-то произнес громким шепотом:

– Бог ты мой, точно – ОН!

Гигант приподнялся, грозно посмотрел на казаков и громовым голосом приказал:

– На колени перед государем!

И вся толпа рухнула наземь – казаки, крестьяне, офицеры, которых Пантюше только сейчас заметил в толпе, остальные пленники, да и он сам тоже. А суверен, в одном исподнем, в накинутой на плечи длинной, не по росту шинели, полы которой купались в пыли, вдруг как будто вознесся над всеми. Он растерянно посмотрел по сторонам, и всюду были устремленные на него глаза. И в этих глазах была такая мольба, что он внезапно понял – князь был прав и все его логические умопостроения не стоили и ломаного гроша. Суверен судорожно сглотнул, сделал шаг вперед и сказал внезапно осипшим голосом:

– Народ мой...

Так в глухом таежном селе впервые было оглашено то, что потом растиражируют

тысячи газетных и подметных листков, что разнесут по всему миру частные радиостанции и военные передатчики боевых кораблей, то, что скоро станет известно всем как «Слово суверена к народу».

* * *

Вахмистр хлестнул коня. Тот дернулся и, недовольно прядая ушами, прибавил ходу, вновь переходя с шага на усталую рысь. Полторы недели пути с таким нервным всадником на спине оказались для него тяжелым испытанием, и он сердито всхрапнул. Однако хозяин, погруженный в свои горькие мысли, совершенно не заметил этого. Удар плеткой по крупу коня был для него не столько средством ускорить движение, сколько попыткой хоть немного умерить собственное бешенство. Что, впрочем, ему совершенно не удалось. Конь рысью спустился с пологого, поросшего низким кустарником холма, опять всхрапнул, будто предупреждая всадника, на мгновение замедлил ход и прыгнул, перескакивая через поваленное дерево. Вахмистр покачался в седле, поспешно отпустил плетку и судорожно схватился за поводья левой рукой. Он еще не научился как следует действовать культей правой руки, так что, если бы не его казачья выучка, ему вообще нечего было бы и думать о конном переходе. Но и при всем его опыте управляться с лошадью во время этого таежного перехода все равно было трудно. Ко всему прочему, его слегка знобило, культя горела огнем, а стоило хоть немного забыть, как левая рука сама тянулась почесать уже несуществующую правую ладонь. А еще его душила ярость.

Все рухнуло в тот самый миг, когда он, казалось, вот-вот взмоет вверх от восторга. Все, все, чего он ожидал от этого похода, судьба преподнесла ему на блюдечке. Господские бабы, которых привел Богун, оказались выше всяких самых смелых мечтаний. Старшая, видно мамаша, сразу заметила его сальный взгляд и так и полыхнула глазищами. Она была примерно в возрасте его Кропы, но ухоженная и еще в самом соку, так что вахмистр, заметив ее взгляд, только со значением усмехнулся. Две были совсем еще малолетки, третья только-только входила в пору, но вот последняя... Он даже и думать не думал, что на свете бывают такие красавицы. Как только она, по его приказу, сняла платок и на ее плечи рухнули тяжелые, ярко-золотистые косы, вахмистру показалось, будто в горнице взошло солнце, а уж когда она посмотрела на него своими громадными глазами... Вахмистр всхлипнул, закрипел зубами и еще раз наотмашь хлестнул коня. Тот обиженно заржал, но снова прибавил шагу. Сладкие воспоминания доставляли вахмистру чисто физическую боль, но он, будто мазохист, снова и снова вызывал их в своей памяти, и каждый раз это заканчивалось новой вспышкой ярости.

Он полчаса кряду задавал им какие-то дурацкие вопросы, совершенно не слушая ответов и продолжая пялиться на красавицу со странным именем Тесс. Впрочем, чего еще можно ждать от господ? А потом почувствовал, что еще десять минут – и он не выдержит, набросится на нее прямо здесь, в горнице, на глазах у всех. Сейчас мысль о том, что он **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО МОГ** это сделать, увеличивала до невозможности его страдания, но тогда он решил, что не стоит торопиться. Она ведь и так у него в руках. Да еще на пороге горницы появился Серко и испуганным голосом доложил, что казаки согнали народ на площадь. Только потом, уже сидя в той самой бане, в которой он держал женщин, вахмистр сообразил, что та, самая старшая из них, все время пыталась втолковать ему, КТО они такие, но он ничего не слышал, замороженный юной красавицей.

Конь вынес его на невысокий голый холм, торчавший среди бескрайнего таежного моря, будто лысая макушка старика. Вахмистр натянул поводья, и усталый конь послушно остановился. Вечерело. Багровеющее солнце осторожно умащивалось в клочковатых облаках, окрашивая их в нежно-розовый цвет. Вахмистр прищурился, всматриваясь в закат. Похоже, завтрашний день будет солнечным и теплым, а вот предстоящая ночь, скорее всего, холодной. Он зло ощерился. В его состоянии это означало только лишние неудобства. Не так-то просто нарубить лапника и наколоть дров левой рукой, его культя была слишком слабой помощницей в разведении костра и обустройстве теплой стоянки. Однако делать

было нечего, и вахмистр, окинув взглядом расстилающийся перед ним зеленый ковер, быстро отыскал подходящую для ночлега прогалину и тронул коня.

Все произошедшее на площади помнилось ему довольно смутно. Его мысли в тот момент были заняты той, что была заперта, вместе с остальными женщинами, в баньке на задворках усадьбы. Так что весь этот придуманный им самим ритуал с зачиткой приговора и показательной поркой теперь казался пустой тратой времени. Но что теперь поделаешь... Раздраженный, он мерял шагами полупустую площадь, нетерпеливо покусывая ус. И тут появился этот чертов князь...

Вахмистр в бешенстве дернул головой и хлестнул плеткой по голенищу сапога. Ременный кончик задел коня, тот рванулся вперед, вновь заставив всадника торопливо перехватить поводья здоровой рукой. От этого движения вахмистр чуть не вылетел из седла, что заставило его немного успокоиться.

Когда народ на площади вновь присягнул своему государю и до него наконец дошло, КОГО он собирался пороть и с чьей дочерью вознамерился было потешиться, вахмистр, решив, что коли так, то свою страсть он скроет, затаит так, чтобы никто и не догадывался, во всяком случае пока, начал пробираться к суверену сквозь облепившую его восторженную толпу. Но когда он, с помощью Серко наскоро перетянув культю чистой тряпицей, расталкивая людей ножами шашки, ввинтился в задние ряды, кто-то грубо и бесцеремонно схватил его за шиворот. Вахмистр дернулся, ругнулся, попытался повернуться и посмотреть, кто это там такой храбрый, но этот храбрый вдруг дернул его назад, да так, что, если бы державшая его за шиворот рука вдруг разжалась, он кубарем покатился бы на землю. И тут знакомый голос произнес:

– Этого – под арест.

Через несколько минут он шмякнулся задом на земляной пол бани, ошеломленный тем, как быстро все переменялось.

На его счастье, караульный, с вечера выставленный у двери бани, ближе к полуночи куда-то пропал. Может, решил, что раненый и так никуда не сбежит, а может, всем было просто наплевать на арестованного. И вахмистр решил не испытывать судьбу. Часа через три после полуночи он выбил оконце предбанника и, ободрав в кровь левый бок и скулу, выбрался наружу. Конь был на месте, в конюшне, и вахмистр, справедливо рассудив, что охлябь в таком состоянии ему далеко не уехать, рискнул тихонько отворить дверь и пошукать в сенях сбрую. На его удачу сбруя оказалась на месте, а рядышком, на лавке, кто-то бросил как попало его шашку. Спустя полчаса он, с трудом, одной рукой внудав коня и неловко затянув подпругу, тихим шагом выехал со двора.

Конь всхрапнул и остановился. Вахмистр поднял голову. Конь стоял у двух поваленных сосен, которые, рухнув, подмяли еще несколько деревьев, поменьше. Получилась прогалина, которую он еще с холма облюбовал себе для ночлега. Вахмистр бросил поводья, ухватился здоровой рукой за луку седла и соскользнул на землю. Пора было устраиваться на ночь.

Часа через два он уже лежал на куче лапника под своей старой, но еще доброй буркой и смотрел на желтые языки пламени костра, которые напоминали ему ее волосы. А в голове, будто колоколец фельдгегера, звенело ее имя: Тесс, Тесс, Тесс, Тесс...

* * *

Тесс натянула поводья и, резко повернув голову в одну, потом в другую сторону, откинула на спину выбившиеся из-под платка косы. Волосы изрядно растрепались, высвободившиеся из кос волоски придавали им неряшливый вид. Девушка нахмурилась: опять мать весь вечер будет ворчать, что, мол, ее старшая дочь своей неаккуратностью подает плохой пример остальным. А что она может сделать, если у нее такая грива волос, что просто расчесать их и то нелегко, а уж прическа, какая бы то ни было, совершенно не желает оставаться в при личном состоянии хоть сколько-нибудь долгое время. С этим еще можно было как-то справляться, когда они жили во дворце и дни их были заполнены

занятиями с гувернерами, болтовней с подружками и чинными прогулками по дорожкам парка, но сейчас... Девушка оглянулась по сторонам, и ее губы сами собой сложились в легкую улыбку. Когда-то давно, в той жизни, которая все чаще казалась Тесс жизнью какой-то совсем другой – девушки, конные прогулки по ровным аллеям и пологим склонам Дворцового парка были для той девушки одним из самых любимых развлечений. Возможно, потому что на дальних аллеях юная принцесса иногда невзначай встречала рослых, красивых кавалергардов, выезжающих своих собственных лошадей в промежутках между дворцовыми караулами и буйными дружескими попойками в «Тавоие» или у «Максен и Нанон». И взгляды, которые бросали на юную принцессу эти усатые красавцы, приятно горячили кровь и заставляли щеки покрываться стыдливым румянцем. Но что-то большее Тесс могла себе позволить только в мечтах, поскольку во время этих прогулок ее постоянно сопровождало не менее трех фрейлин из маменькиной свиты. Девушка покачала головой и, дав своей смиренной лошадке легких шенкелей, чуть прибавила ходу. Кто бы мог подумать, что пройдет всего несколько лет, и она будет проводить в седле дни напролет, причем бок о бок рядом с ней будет ехать добрая сотня мужчин.

Тесс поймала на себе взгляд юного казака, но сделала вид, что не заметила его. Этот парень старался держаться где-нибудь поблизости и пялился на нее при каждом удобном случае, однако стоило Тесс хотя бы просто повернуть голову в его сторону, как он густо краснел и отъезжал подальше, делая вид, что оказался рядом с Тесс совершенно случайно. Девушка стрельнула глазами в поручика, который с момента их освобождения истово исполнял обязанности ее опекуна и личного рыцаря, но тот меланхолично смотрел куда-то в бок, покусывая ус. Тесс чуть не рассмеялась: «Ну до чего смешные эти мужчины!» Ни одному из них она не давала ни малейшего намека на то, что у него есть шанс получить чуть большую толику ее внимания, чем все остальные, и все же они неистово ревновали ее друг к другу. Девушка не выдержала и тихонько прыснула и тут же, заметив сердитый взгляд матери, придала лицу невинное, даже кроткое выражение. Хотя если бы кто-то мог приблизиться и заглянуть в ее глаза, то увидел бы, что в них по-прежнему таились веселые бесенята.

Впереди послышался дробный топот копыт, и из-за поворота лесной дороги вылетел десятник Богун. Лихо осадив коня у передней подводы, на которой, свесив ноги на сторону, сидел князь, он вскинул руку к козырьку и отрапортовал:

– Вас сиясь, впереди село. Большое. Дворов на триста. «Соратников» не обнаружено. Сmekун остался со старостой потолковать, а я на доклад.

Князь легко спрыгнул с телеги и остановился, дожидаясь, пока ехавшие в середине сотни суверен и профессор Пантюше поравняются с ним. Тесс, весь сегодняшний день старавшаяся даже не смотреть в сторону той подводы, не удержалась и впилась глазами в его могучую фигуру. Вчера она поймала себя на том, что этот человек, стоит только дать себе волю, тут же заполняет все ее мысли. Это было волнующе и страшновато, а кроме того, во всем этом было что-то еще. Что-то постыдное, но... очень притягательное. Такое, что даже при мимолетной мысли об этом ее бросало в жар, а щеки начинали пылать. Тесс пока что удавалось не давать воли таким мыслям, но и избавиться от них совсем она уже не могла или... не хотела. Между тем князь уже говорил о чем-то с отцом. Тесс тихонько вздохнула и направила лошадь по другую сторону подводы.

В село они въехали по живому коридору. Люди толкались, привставали на цыпочках и вытягивали шеи, желая получше рассмотреть суверена. Матери поднимали детей на вытянутых руках, а ребяташки постарше бежали рядом с казачьим эскортом, бесстрашно ухватившись за стремени и возбужденно крича. Отец медленно ехал, окруженный вытуженными и начищенными казаками конвоя, величественно кивая и покровительственно помахивая рукой. Тесс оглянулась: подвода князя ехала в самом конце колонны, но, как и всегда в таких случаях, князя на ней уже не было. Девушка повертела головой и нахмурилась. Еще когда они въезжали в предыдущую деревню, она дала себе слово, что уловит момент, когда князь, по своему обыкновению, исчезнет с телеги. И вот опять проглядела. Несмотря на свои размеры, князь обладал прямо-таки сверхъестественной

способностью становиться незаметным. Тут над селом грянул колокольный звон, Тесс невольно вскинула голову и посмотрела на колокольню. Народ восторженно закричал, в воздух полетели шапки. Сзади грянул нестройный залп. Все было как всегда.

Вечером, после обильного ужина, накрытого крестьянами прямо на центральной площади, Тесс, воспользовавшись тем, что мать была занята хлопотами по устройству ночлега, незаметно выскользнула на крылечко добротного священнического дома, торопливо оглянувшись, неслышными шагами пробежала вдоль стены и осторожно, так, чтобы не скрипнуть, вошла в сад через полуоткрытую калитку. Там, у конюшен, разместились офицеры из команды князя. Тесс, пригибаясь, скользнула между деревьями и замерла, прижавшись к стволу яблони в нескольких шагах от костра, вокруг которого сидели и стояли офицеры.

Над костром висел полуведерный медный чайник, позаимствованный в одной из деревень по пути. Тесс замерла, прислушиваясь к разговору.

– И все-таки, господа, они определенно из какого-то иного мира. Ну, не может обычный человек делать то, что делают его сиятельство и Молчун.

– Ах, бросьте, ротмистр, по-моему, эти сеансы спиритизма у мадам Эшель, к которой вы так часто заходили, оказали на вас слишком большое влияние.

– Но факты, Сегж, факты!

– Какие факты? Вы вспомните себя еще три-четыре месяца назад. И что сказал бы незабвенный капитан Нобук, который, помнится, отодрал вас как Сидорову козу семь лет тому назад, в День тезоименитства после бала во дворце генерал-губернатора? – Невидимый для девушки Сегж хохотнул. – Думаю, что, повстречай вы его сейчас, он был бы очень неприятно удивлен. А ведь вы, насколько я знаю, явились в этот мир на Питейной улице города Никеева. Или я не прав?

– И что вы хотите этим сказать? По-моему, это только подтверждает мои слова. Обычный человек просто не может знать все то, чему они с Молчуном нас обучили.

– Ой ли? Во-первых, никто и не говорит, что они ОБЫЧНЫЕ люди. Но я, еще в мирное время, бывал на лекциях профессора Кренинга о древних культах и восточной магии. Интереснейшие, скажу я вам, были лекции. Так вот, профессор утверждал, что существуют восточные бойцы, воспитанные в секретных мистических орденах, которые обладают просто невероятными возможностями.

У костра хмыкнули, в разговор вмешался новый голос:

– Ну, я бы не сказал, что его светлость или Молчун хоть чем-то похожи на восточных бойцов.

– Оставьте-с, господа. Я же совершенно другое имею в виду. Если найти хорошие методики, то научить можно даже медведя или хотя бы вас, поручик.

У костра грохнул смех. А юный голос смущенно произнес:

– Да ну вас, право, капитан. И снова взрыв смеха.

Когда смех поутих, все тот же голос уверенно заговорил снова:

– Так что я считаю – объяснение, которое нам дал князь, вполне имеет право на существование. И вообще, господа, если уж быть до конца откровенным, то мы должны не рефлексировать, будто барышни-курсистки, а радоваться тому, что князь и Молчун на НАШЕЙ стороне. Каждый из них стоит, пожалуй, целой дивизии.

У костра помолчали, потом кто-то задумчиво произнес:

– И все-таки, господа, ротмистр в чем-то прав. Я имею в виду то, как князь относится к женщинам.

– То есть?!

– Что вы этим хотите сказать?..

– Ой, господа, оставьте свое возмущение. Я имел в виду прямо противоположное.

– Объяснитесь!

– А вам не кажется, что он их просто не замечает? Вернее, не совсем так. Ему как будто совершенно все равно, что они – женщины.

Кто-то ехидно заметил:

– Ну, я бы не сказал, что кто-либо из нас позволяет себе оказывать им сколь-нибудь заметные знаки внимания, – он фыркнул, – кроме поручика, разумеется.

Все рассмеялись, послышался протестующий голос поручика:

– Господа, я бы попросил... Но его снова перебили.

– Да нет, господа, вы снова меня не так поняли. Я имею в виду даже не... скажем так, бросающуюся в глаза свободу манер. Этим отличается и Молчун. Вопрос в другом. Все мы, в том числе, кстати, и Молчун, и даже профессор, все равно реагируем на то, что рядом с нами находятся женщины. Своей речью, поведением, в конце концов, тем, что в присутствии дам мы воздерживаемся от употребления некоторых выражений, обсуждения тех или иных тем. Это же естественно. Такова наша мужская природа. А вот князь... – И он замолчал.

Некоторое время у костра царила тишина, чувствовалось, что каждый заново переосмысливает кое-какие штрихи в поведении князя, на которые раньше не обращал особого внимания. Потом кто-то удивленно сказал:

– А ведь верно, господа... Похоже, он просто вычеркнул женщин из своей жизни.

У Тесс от этих слов упало сердце. Может быть, поэтому она не заметила, как у ее плеча выросла могучая фигура...

– Что вы здесь делаете, ваше высочество? – тихо спросил низкий голос.

Тесс вздрогнула и почувствовала, как у нее подкашиваются ноги, но широкая мужская ладонь, на которую она, наверное, смогла бы усесться, будто на табурет, мгновенно подхватила ее под локоть, и тот же голос произнес:

– Прошу прощения, но вам лучше вернуться в дом. Рука, державшая Тесс под локоть, развернула ее, и она обнаружила, что идет по садовой тропинке к дому священника. Сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди, глаза ничего не видели, но Тесс каким-то чудом дошла до крыльца и даже ухитрилась, ни разу не споткнувшись, подняться по крутым ступенькам. У самой двери девушка на мгновение замерла и, чуть повернув голову, бросила быстрый взгляд через плечо. Он стоял внизу и спокойно смотрел на нее. При свете звезд невозможно было различить выражение его лица, но она готова была поклясться, что он улыбается. И эта улыбка зажгла в ее душе огонек надежды. То, о чем говорили офицеры у костра, просто не могло быть правдой.

Когда она забралась под одеяло, Атьяна, которую мать положила рядом с ней, потому что кроватей в доме на всех не хватало, зашевелилась, придвинулась к ней и зашептала на ухо:

– Где ты была? Маменька ужасно сердилась. Тесс обмерла. Ей вдруг вспомнилось, что, когда она пробиралась через комнату, не думая ни о чем, кроме своего приключения, мать даже не окликнула ее. Девушка приблизила губы к уху сестры:

– И что?

Та хихикнула:

– Ничего, она высунулась в окно, фыркнула, а потом наказала нам немедленно спать.

* * *

Выехав из леса, вахмистр остановил коня. Впереди виднелись окраины Катендорфа. Он несколько мгновений рассматривал из-под ладони освещенный закатным солнцем город, сплюнул, покосился на свои плечи, где темнели следы от недавно споротых погон, поднял к глазам культю, которая уже немного зажила, но выглядела страшновато из-за белой кости, торчащей наружу. Вахмистр еще несколько минут оставался на месте, размышляя над тем, что он задумал, и перед мысленным взором снова возникли золотистые косы. Он тронул коня.

У въезда в город его остановил «народный патруль» – дюжий мастеровой в кожаной куртке и с кобурой барабанника на широком поясе да еще пара каких-то типов со штуцерами:

– Стой, кто таков?

Вахмистр отвел глаза в сторону и тихо выдавил:

– Мне в Губкомод.

Мастеровой окинул его сумрачным взглядом, посмотрел на следы от погон, лампы и фуражку без кокарды, демонстративно плюнул на землю и, презрительно скривив губы, с ехидством осведомился:

– Уж не в освободительном ли походе поранился, казачок?

Вахмистр угрюмо молчал. Мастеровой, не дождавшись ответа, продолжил:

– Ты чего, думаешь, что тебе там ручку подлечут? Казак дернулся, но мастеровой предупредительно положил руку на застегнутую кобуру, а двое других торопливо скинули штуцера с плеч. Вахмистр понял, что одной рукой ему с ними не управиться. Он тоскливо оглядел караульных и глухо повторил:

– Мне надо в Губкомод, соратники. Тут вылез еще один, со штуцером:

– Какой я тебе соратник, казачья харя? Но старший перебил:

– Погоди, Драп... Значит, в Губкомод, говоришь? Ну что ж, это мы тебе устроим. Даже проводим, только вот с лошаденки-то слазь. Пешочком пойдешь, с нами.

От панибратского «лошаденки» по отношению к боевому коню вахмистра передернуло, но он покорно перекинул ногу через луку седла и соскользнул на землю. Мастеровой довольно хмыкнул, подхватил поводья и потянул коня за собой.

Не успели они войти в фойе бывшей гимназии, в которой располагался Губкомод, как к парадному крыльцу здания под охраной двух броневиков подкатил открытый автомобиль. Мастеровой засуетился, отталкивая вахмистра к стене и угрожающе бормоча:

– Стой тихо, сам соратник Птоцкий пожаловали.

Но вахмистра как будто какая-то сила потянула вперед. Он оттолкнул мастерового, который от неожиданности врезался спиной в стену, и рухнул на колени:

– Ваш скродь, дозвольте слово молвить!

Застигнутый врасплох «соратник» застыл на месте уставившись на блестящее от пота лицо казака:

– Ну, говори.

– Ваш скродь, я знаю, где сбегший суверен. Глаза «соратника» расширились.

– Точно? Откуда?

Вахмистр на мгновение стушевался:

– Я... это...

Но «соратник» не дал ему закончить. Он резко выбросил руку вперед и, указывая на культу, громко спросил:

– Это сделал человек высокого роста, одетый в генеральскую шинель?

Вахмистр судорожно глотнул и, кивнув, севшим голосом ответил:

– Да.

Птоцкий приблизил к нему свое лицо с лихорадочно блеснувшими глазами и хрипло спросил:

– Имя? Ты знаешь его имя?

Вахмистр попытался ответить, но почувствовал, что от этого взгляда у него в глотке пересохло и он не может произнести ни слова. А потому только судорожно кивнул. Соратник Птоцкий выпрямился, повернулся к кому-то, находившемуся у него за спиной, и, подбородком указав на вахмистра, все еще стоящего на коленях, приказал:

– Этого – ко мне в кабинет.

– Это все ты видел собственными глазами?

– Все, все, как есть все! – И крестьянин, в подтверждение своих слов, начал истово осенять себя святым кругом.

* * *

Князь встал, обошел вокруг стола и, наклонившись, несколько картинно обнял крестьянина и прижал к груди:

– Спасибо тебе, добрый человек. Господь и суверен тебя не забудут.

Лицо крестьянина расплылось в улыбке, по-детски простодушной, совершенно очаровательно смотревшейся на его морщинистом лице, заросшем по самые глаза редкой кустистой бородой. Прижимая к груди шапку, он с низкими поклонами попятился к двери. Суверен провожал его ласковым взглядом. Большинство же из находившихся в комнате, не обращая никакого внимания на крестьянина, напряженно следили глазами за князем.

Слухи о появлении суверена начали расползаться по городам и весям еще с месяц назад. Вернее, кое-какие слухи появились даже несколько раньше, но около месяца назад, когда Комитет действия во всех крупных городах по обе стороны Рудного хребта и дальше, почти до самого Приморья, объявили вознаграждение за помощь в поимке «...опасного насильника и бандита прапорщика Косика, выдающего себя за князя Росена», слухи набрали небывалую силу. Одни говорили, что суверена освободила команда отчаянных гвардейских офицеров-кавалергардов, половина из которых погибла при штурме, другие утверждали, что все это чепуха и во всем повинны крестьяне окрестных деревень, с косами и дубинами пошедшие на пулеметы, но были и другие версии, как вполне правдоподобные, так и совсем уж бредовые. Эти слухи заставляли одних нервно вздрагивать, других – лихорадочно метаться в стремлении выяснить, где же действительно находится суверен и как можно к нему присоединиться, а третьих – и таких было большинство – просто возбужденно обсуждать, кто что говорит, прикидывая, к добру ли это или к худу. А неделю назад прошел новый слух – что суверен не просто жив, но и что он, чуть ли не с триумфом, сопровождаемый несмертными толпами народа всех сословий, движется на запад. И, в отличие от остальных, этот слух все больше рос и крепчал\$7

Когда за спиной крестьянина закрылась дверь, князь повернулся к суверену и с коротким полупоклоном сказал:

– Прошу простить, ваше величество, но мне необходимо покинуть вас на несколько минут.

Коней нахмурился, бросил на князя слегка растерянный взгляд, тут же снова натянул на лицо величественное выражение и скупно кивнул. На лицах остальных присутствующих, напротив, отразилось величайшее облегчение. Этот неизвестно откуда взявшийся князь, по неизвестным причинам сидящий в этой комнате, приобрел огромное влияние на суверена. И хотя за последние несколько дней свита суверена приросла множеством достойных людей, столпов купечества, титанов лесозаготовок, солезаводчиков, опор земства, а также таких великих людей, как известные своими заслугами в борьбе против «соратников» генерал Исток и атаман Друзь, влияние князя оставалось абсолютно непоколебимым. И это не нравилось никому. Поэтому, когда князь с неожиданной для столь крупного тела грацией стремительно вышел за дверь, атаман Друзь, отличавшийся наименьшим терпением и наибольшими амбициями среди всех собравшихся в комнате, довольно осклабился и повернулся к суверену:

– Ваше величество, мы этих всяких там политесов не знаем, поэтому дозвоьте по-простому...

* * *

Пилот расположился в небольшой комнатке под лестницей, в которой раньше размещалась привратничья, и в настоящий момент был занят тем, что пил чай с лимоном.

Напротив него, скрючившись и втянув животы, чтобы уместиться за столом, слишком большим для такого тесного помещения, тем же занималось еще трое офицеров. Четвертый спал на нарах, устроенных в углу комнатки, накрывшись с головой шинелью. Снаружи охрану особняка несли совместные посты казаков и сводного крестьянского батальона, сформированного из крестьян – бывших солдат. Эти люди присоединялись к ним практически в каждой деревне. Так что когда экспедиция наконец достигла этого небольшого городка, прежде малочисленный отряд разросся чуть ли не до тысячи человек. В самом особняке охрану несли по-прежнему офицеры из состава их изрядно поредевшей

команды. Несколько дней назад майор с пилотом пришли к выводу, что настоятельно необходимо каким-то образом организовать эту пылающую патриотическим огнем, но плохо управляемую массу. Поэтому людей разбили на взводы и роты, а ротных и комбата пришлось назначить из офицеров команды, что сильно уменьшило число людей, которых можно было использовать непосредственно для несения охраны. Впрочем, все получилось как нельзя лучше. Рядовой состав и унтера в батальоне были почти сплошь ветеранами, а офицеры, кроме фронтовой закалки, за последние месяцы прошли хорошую школу. Так что буквально через пару дней после переформирования батальон начал превращаться в серьезную военную силу. А назначенные офицеры получили задачу присмотреться к своим людям на предмет выявления достойных для обучения у Молчуна. Пилот уже имел беседу с десятком кандидатов и одобрил семерых. Однако непосредственно охрану им еще не поручали. Так что нагрузка на оставшихся серьезно возросла.

Отчаянно скрипящая дверь привратничкой вдруг как бы сама собой исчезла, распахнувшись быстро и совершенно бесшумно, и на пороге возник князь, но присутствующих его появление не застало врасплох. Потому что за мгновение до этого Молчун вдруг напрягся и быстрым движением поставил стакан, освобождая руки. Князь окинул привратничку быстрым взглядом, на миг задержав его на господине Юри, и словно растворился в воздухе, просто исчезнув из проема оставшейся открытой двери. Молчун отодвинул стакан, бросил поручику:

– Остаешься за меня, – и каким-то немыслимым движением, которое заняло у него всего долю секунды, вывернулся из-за стола.

Майор ждал его в плетеной беседке, которую рачительный хозяин особнячка приказал садовнику устроить между двух раскидистых яблонь.

– Ну что?

– На горизонте появился соратник Птоцкий. Они помолчали. Пилот поднял глаза на майора:

– И это все?

Тот усмехнулся:

– Не совсем. Похоже, правой рукой у него в предприятии по поимке суверена является... Пилот не дал ему договорить:

– Вахмистр?!

Решение не приставлять охрану к вахмистру на ночь принимал майор, но пилот тоже счел его совершенно логичным. Они не могли себе позволить оставить вахмистра совершенно безнаказанным, но принимать радикальные меры, имея на руках сотню хотя и растерянных, но еще не до конца определившихся казаков. К счастью, как им тогда показалось, вахмистр понял намек и поспешно ретировался сам. Но вот теперь, судя по всему, наличие живого и относительно здорового вахмистра начинает обострять их проблемы.

– Как ты думаешь, почему?

Пилот пожал плечами:

– Ну, аналитик-то у нас Круифф, но... – Он замолчал и посмотрел туда, где светились окна комнат, отведенных семье суверена.

Майор проследил за его взглядом и нехотя кивнул:

– Вполне возможно. Хотя условия возрастания коэффициента лямбда-эс из-за разницы в статусах слишком сложны, но во время гражданской войны что только не случается... И кого же ты считаешь его идефикс?

Пилот хмыкнул:

– Если ты в качестве ЕЩЕ одного возможного варианта намекаешь на ее величество Элис...

– Ты прав, глупый вопрос, – согласился князь.

– И что? – спросил пилот. Майор задумался:

– Путь на запад отсюда только один – по левобережью, а уж его-то Птоцкий перекроет намертво. Прорываться с боем опасно. Шальная пуля, и... Значит, варианта два – либо

нелегальный переход, либо отступить и попытаться добраться до места кружным путем, с востока. – Он замолчал.

Пилот понимающе кивнул. Второй вариант был гораздо хуже. По многим причинам. Во-первых, психологическая: после триумфального шествия по Приречному тракту – суетливое бегство. Во-вторых, они оба сильно сомневались в способности Комитета содействия возвращению суверена на престол еще достаточно долго сохранять единство и придерживаться уже утвержденных решений. Кроме этого, было много «в-третьих», «в-четвертых», «в-пятых»... Короче, второй вариант мог быть принят к исполнению только в самом безвыходном случае.

– Вообще-то у меня есть одна мысль, – задумчиво протянул пилот.

Майор живо повернулся к нему. Пилот усмехнулся:

– Видел на площади шапито?

– Здесь это называется балаганом, – медленно сказал майор, в его глазах вспыхнула искра понимания.

Они отвернулись друг от друга, каждый мысленно разбирая этот вариант, потом пилот поднялся и, бросив через плечо: «Пойду познакомлюсь с хозяином цирка, то есть балагана», направился к калитке. Майор еще немного посидел, снова и снова прокручивая преимущества и сложности варианта, потом, хмыкнув, встал и пошел к дому.

* * *

Господин Готлиб происходил из цирковой семьи. В юности он был неплохим акробатом и ему пророчили блестящую цирковую карьеру. Но когда ему исполнилось двадцать два года, он, молодой красавец, закрутил интрижку с одной из своих смазливых поклонниц, на его беду оказавшейся дочерью самого крайнц-президента провинции. Экзальтированная курсистка, придумавшая себе безумную любовь, бежала из родного дома, чтобы таскаться по стране за предметом своей, как ей тогда казалось, возвышенной страсти. Отец господина Готлиба, тоже акробат да, кроме того, удачливый антрепренер, сколотивший на родине неплохую труппу, особо не препятствовал сыну. За циркачами всегда тянулся шлейф романтических страстей. Но когда зарядили осенние дожди и до курсистки дошло, что зиму ей придется провести либо в промозглой палатке из грубой парусины с крохотной чугунной печкой, либо вообще трясясь по разбитым дорогам в неотапливаемом фургоне, юная влюбленная отбросила свои романтические представления о праздничном цирковом житье-бытье и потребовала, чтобы ее доставили под крылышко к папочке. Вот тут-то и выяснилось, кто у нее папочка. Старый акробат верно рассудил, чем может кончиться романтическое приключение взбалмошной девицы для их семейного предприятия, и, посадив виновницу всех проблем на ближайшую почтовую карету, прямым ходом рванул к восточной границе. Прав ли он был, предпринимая такие радикальные меры предосторожности, – этого так никто и не узнал. Во всяком случае, ни один из артистов даже не попытался оспорить его решение. Тем более что на новом месте публика, зрелищами не очень избалованная, на представления валила валом. Антреприза Готлиба постепенно пошла в гору, глава предприятия прикупил зверинец, карликов, обзавелся новомодными механическими игрушками под названием велосипед, но тут в одночасье скончался от удара. Дело по наследству перешло к Готлибу-младшему. Тот сразу повел дела умело, еще больше расширил программу и совсем уже вплотную подобрался к голубой мечте отца – открыть постоянную антрепризу в собственном здании в столице, как вдруг грянула вся эта напасть. Сначала у людей исчезли деньги, затем по столице прокатилась волна национализации, потом начались аресты среди обеспеченных людей, и господин Готлиб решил не искушать судьбу. Однажды утром артисты с остатками зверинца погрузились на поезд и отбыли в восточном направлении.

Зима оказалась трудной. У внезапно обедневших людей денег на цирк не осталось. Те из артистов, кто мог работать самостоятельно, разбежались по базарным балаганчикам с одним-двумя номерами или подались в мелкие бродячие труппы. Остались лишь

дрессировщики, воздушные гимнасты, а из остальных – только совсем уж старики. Временами господина Готлиба даже охватывало отчаяние. Денег, выручаемых за представление, хватало только на оплату переезда к новому месту да на солому для животных. Зрители расплачивались за билеты продуктами, поношенными вещами, керосином, воском и еще черт-те чем. Антрепренер вынужден был крутиться как белка в колесе, меняя валенки на сено, свечи на мыло, а полотно на конину. Единственное, на чем сходились и владелец и артисты, так это то, что в столице было бы неизмеримо хуже. Но к весне они добрались почти до хребта. Здесь народ был позажиточней, да и репрессии еще не развернулись в полную силу. Так что стало полегче. Они уже могли себе позволить задерживаться в городах на неделю-полторы, в то время как зимой выбирали всю публику за два-три сеанса. А может дело было в том, что тяжелая зима осталась позади и людям просто захотелось праздника. Проверять, так ли это или нет, господин Готлиб не собирался. Раз чем дальше на восток, тем лучше у них шли дела, значит, и продолжать следовало в том же духе. Во всяком случае, следующим крупным пунктом назначения у антрепренера значился Катендорф.

Все утро господин Готлиб провел вместе с кассиром, который по совместительству был и казначеем, и билетером, иногда еще и униформистом. Что, впрочем, никого в антрепризе абсолютно не удивляло. Поскольку практически все артисты работали кто за носильщиков, кто за такелажников, а отработав свой номер, каждый быстренько скидывал трико или парадный костюм и облачался в уже изрядно потертую униформу. За последнюю неделю цирк заработал очень даже ничего, но только по меркам прошедшей зимы. И вот они с кассиром все утро, отчаянно споря, раскидывали выручку по неотложным тратам. К обеде оба изрядно утомились, так и не придя к единому решению. Несмотря на возросшую выработку, финансовые дела обстояли хуже некуда. За зиму все пообветшало, костюмы окончательно износились, последние скудные финансовые резервы были исчерпаны за прошедшую неделю, когда пришлось два раза приглашать ветеринара к заболевшей зебре.

Господин Готлиб еще раз пробежал глазами исписанные листки, на которых пытался и так и эдак прикинуть, как распределить имеющиеся деньги, потом вздохнул, отшвырнул бумаги и пододвинул к себе стакан с жидким морковным чаем. Кассир все сидел, уставившись на свои записи сквозь висящее на самом кончике носа старенькое пенсне и морща лоб. В дверь постучали. Антрепренер удивленно вскинул брови и пробурчал под нос:

– Кого это там принесло?

Стук в дверь не обещал ничего хорошего. Небось приперся кто-нибудь из артистов, начнет орать и стучать кулаком по столу или, наоборот, пустит слезу или хлопнется в обморок – подай им продуктов, новый костюм или еще что-нибудь столь же неотложное. Денег у антрепренера давно уже не просили. Бесполезно. Так что господин Готлиб поморщился и хрипло выкрикнул:

– Ну кто там?

Дверь отворилась, и, к удивлению антрепренера, посетитель был ему совершенно незнаком. Это был высокий, худощавый молодой человек, одетый в укороченную кожаную куртку, поношенные, но еще очень приличные галифе и чистые сапоги, старательно смазанные салом. Посетитель сдернул с головы картуз, улыбнулся, словно извиняясь за вторжение, и смущенно произнес:

– Прошу простить, господин Готлиб, я, наверное, не вовремя, но... – Пилот запнулся, покраснел, мельком припомнив этюды, которые давали ему преподаватели в академии, и похвалил себя за старательность, а потом, словно бы стесняясь, сказал: – Я хотел спросить, нельзя ли мне записаться к вам в артисты...

* * *

Когда майор вернулся в дом, страсти там были в самом разгаре. Атаман Друзь, с красным от возбуждения лицом, стоял перед худым желтолицым полковником и, поводя у него перед носом своим толстым, заскорузлым пальцем, поросшим густыми курчавыми

волосками, кричал, брызгая слюной:

– А плевать я хотел на всю вашу стратегию! Вы со своей стратегией войну проиграли, а мы кайзерцев и без вашей стратегии били...

Генерал Исток, бледный, стоял рядом со своим бывшим соратником и бормотал:

– Но позвольте... Я бы попросил... – Однако атаман его совершенно не слушал.

Уже одной этой сценки было достаточно, чтобы понять, почему Освободительный поход, так красиво начинавшийся, постепенно выродился в обыкновенную карательную экспедицию и закончился полным крахом. Судя по всему, к концу похода атаман полностью подмял под себя генерала.

Майор тихо прикрыл дверь и привалился к притолоке, решив немного понаблюдать за развитием событий. Суверен сидел за столом с каменным лицом, но где-то в глубине его глаз таилась растерянность. Остальные старательно делали вид, что их внимание занято чем-то совершенно другим. Майор усмехнулся. Похоже, их с пилотом план – ЕДИНСТВЕННО возможный. Если им придется уходить на восток, атаман станет СЛИШКОМ большой проблемой. Но тут в дело решительно вмешался незнакомый князь полковник. Он резко поднялся на ноги, отчего атаман осекся и отшатнулся, и произнес холодным, саркастическим тоном:

– Без НАШЕЙ стратегии, атаман, вы проиграли и войну, и Освободительный поход. Впрочем, дело даже не в стратегии, а в элементарном отсутствии дисциплины. Насколько мне помнится, именно ваши казачки должны были выслать дозоры из Шумлы в сторону Катендорфа. Если бы это было сделано, то вы обнаружили бы «соратников» еще за час до того, как они появились на окраине Шумлы. А как мы знаем, вы сами сбежали из Шумлы в одних подштанниках.

– Что?! – взревел атаман, хватаясь за шашку.

Князь понял, что пора вмешаться:

– Прошу простить, господа, что нарушаю вашу столь увлекательную беседу, но нам необходимо решить несколько вопросов. – Он замолчал, оглядывая присутствующих, и, убедившись, что все, облегченно вздыхая, смотрят на него, продолжил: – Я должен сообщить вам, что суверен будет вынужден через некоторое время покинуть ваш гостеприимный город и отправиться дальше. Мы собирались провести здесь несколько больше времени, но обстоятельства, о которых вы сегодня услышали, вынуждают нас поторопиться.

Однако атамана Друзя было уже не остановить. Он презрительно оскалился и с издевочкой спросил:

– Да кто ты такой, чтоб за суверена все решать? – С этими словами он обернулся к остальным, взглядом приглашая их присоединиться к нему.

Князь словно не слышал атамана, спокойно продолжая свою речь:

– Однако, поскольку суверен убедился, что здесь есть люди и силы, способные оказать сопротивление «соратникам», то, если мне будет позволено вслух высказать очевидное для вашего величества, – князь вопросительно взглянул на суверена, тот благосклонно кивнул, – совершенно необходимо перед нашим отъездом назначить командующего восточным направлением, – он мгновение помедлил, – разумеется, с присвоением ему высочайшим указом соответствующего звания. – Он повернулся к генералу Истоку: – Думаю, вы, генерал, как несомненно лучший кандидат на должность начальника штаба командующего, сможете все это правильно оформить.

Атаман, уже открывший было рот, чтобы что-то крикнуть, клацнул зубами. Облегчение, ясно выразившееся на лице генерала, показало, что князь судил о нем абсолютно правильно. Однако на лицах всех остальных читалась обреченность. Князь выжидательно взглянул на суверена. Тот несколько мгновений задумчиво смотрел на князя. Потом губы Коня тронула легкая усмешка:

– Скажите, князь, как по вашему мнению – можно ли считать данную ситуацию такой, при которой я сам по своей воле, а не в силу стечения обстоятельств, избираю себе советников?

Князь склонил голову в утвердительном поклоне.

Суверен усмехнулся:

– В таком случае я начну с другого назначения. – Коней спокойно оглядел присутствующих: – Господа, сим назначаю его светлость князя Росена своим личным военным советником с присвоением ему звания полного генерала.

Кто-то за столом охнул, атаман побагровел, а генерал Исток недовольно поднял бровь. И только полковник остался абсолютно спокойным. Князю даже показалось, что в его взгляде, устремленном на суверена, появился оттенок одобрения. А Коней между тем продолжал:

– Итак, князь, мне нужен ваш совет. Кого вы предлагаете назначить командующим?

По комнате разлилось напряжение. Князь мельком взглянул на атамана и повернулся к полковнику:

– Как ваше имя, полковник?

Еще несколько мгновений в комнате стояла тишина, а потом атаман взревел:

– Что?!! Меня, героя войны, да под этого штабного шаркуна... Да я...

И тут послышался несколько напряженный, но твердый голос суверена:

– Я утверждаю ваше решение, господин советник. Атаман прорычал что-то нечленораздельное, обвёл всех бешеным взглядом:

– А плевать я хотел...

– Вы отказываетесь подчиняться приказу своего суверена?

Друзь зло оскалился и выставил кукиш:

– А вот вам суверен. Отрекся он. Нетути его.

– В таком случае я вынужден объявить вас изменником. – Лицо князя выражало невозмутимость и даже скуку.

– Ха! – с дикой радостью взревел атаман и выхватил шашку. – Ну давай, подходи, вась сиясь, живо на голову укорочу.

Князь какое-то мгновение молча смотрел на атамана и вдруг молниеносным движением, по какой-то таинственной причине показавшимся всем словно бы замедленным, выхватил барабанник и нажал на спусковой крючок. Бабахнул выстрел. Между глаз атамана возникла аккуратная, будто нарисованная дырочка, он уронил шашку и рухнул на пол. Несколько мгновений в комнате стояла мертвая тишина. Князь убрал барабанник и, повернувшись к полковнику, спокойно приказал:

– Позаботьтесь о теле, командующий, и назначьте нового атамана. – И после паузы добавил: – Надеюсь, что это будет ПОСЛЕДНЯЯ измена.

* * *

– Ваше высочество, ради всего святого, отойдите от окна.

Тесс оглянулась. Антрепренер смотрел на нее с белым от страха лицом. Тесс вспыхнула от злости и уже совсем было собралась сказать что-то резкое, но тут раздался тихий, спокойный голос господина Юри:

– Не надо так нервничать, господин Готлиб. Она стоит в двух шагах от окна. К тому же солнце светит с противоположной стороны вагона. Так что ее не видно.

Почему он не сказал, что и до станции еще почти десять верст, Тесс не поняла, но она уже успела убедиться в том, что господин Юри ВСЕГДА знает, что и сколько сказать. Антрепренер страдальчески поморщился и горестно всплеснул руками:

– Клянусь Господом, если бы я с самого начала знал, во что вы меня втягиваете...

Господин Юри усмехнулся и, ловко действуя пальцами, быстро собрал барабанник, который чистил, сидя на грязном, обшарпанном табурете. Тесс невольно засмотрелась на его руки. В них обоих, в НЕМ и Молчуне, было что-то такое, что заставляло ее чувствовать себя в их присутствии маленькой девочкой. Впрочем, так было не только с ней. Другие чувствовали себя с ними точно также. Это сквозило в стремительности, с которой офицеры бросались исполнять отданные ими приказания, в пристальном внимании, с каким отец

ловил каждое слово, стоило только кому-то из них открыть рот. А сегодня ей вдруг пришло в голову, что даже ее мать, ЕЕ МАТЬ, которая без лишних церемоний командовала генералами, министрами и банкирами, ни разу за последний месяц не сделала даже попытки оспорить распоряжения, отданные спокойным голосом князя. Да и сейчас, когда место руководителя их группы вместо аристократа князя занял этот спокойный, на протяжении всего пути как-то умудрявшийся оставаться почти незаметным человек, взаимоотношения в их сильно уменьшившемся коллективе почти не изменились. Девушка повернулась и бросила взгляд в дальний конец вагона. Отец, одетый в широченные шаровары, просторную рубаху с мятым жабо и огромными ярко-желтыми пуговицами, сверкающую заплатами и сальными пятнами, сидел на таком же табурете, как и господин Юри, а мать, одетая не менее причудливо, старательно накладывала ему на лицо клоунский грим. Тесс не выдержала и хихикнула, мельком подумав, что, слава богу, эту сценку не видят младшие девочки. Они ехали в соседнем вагоне, вместе с детьми артистов балагана. Тесс еще раз оглянулась на отца с матерью. Отец стоически переносил необычную процедуру, хотя на лице у него застыло страдальческое выражение. Девушке вспомнился вчерашний вечер.

Тесс уложила девочек, дождалась, пока они заснут, потом тихонько поднялась, накинула шаль и спустилась на один пролет по внутренней лестнице. Князь, господин Юри и отец с матерью разговаривали о чем-то в гостиной. Дверь была приоткрыта, была видна часть ярко освещенной комнаты и хорошо слышны громкие голоса.

– Да вы с ума сошли! – Суверен был возмущен до крайности. – Вы только подумайте, ЧТО вы мне предлагаете?!

Князь и господин Юри молча переглянулись, потом князь спокойно, наставительным тоном, будто он говорил с ребенком, а не с сорокалетним мужчиной, да к тому же бывшим государем огромной державы, сказал:

– Я могу понять ваше возмущение, ваше величество, но оно абсолютно ничего не меняет. Вполне возможно, что вы лично предпочли бы смерть, чем пойти на то, что мы предлагаем, но... – Он на миг остановился, и в голосе появились металлические нотки: – Речь идет не только о вашей жизни и даже не столько о ней, невзирая на все мое к вам уважение. Речь идет о тысячах, миллионах и даже миллиардах жизней... Я вполне допускаю, что вам еще не до конца ясны наши побудительные мотивы. А потому постараюсь вам объяснить... – Князь поднялся на ноги и прошелся по половицам, со скрипом прогибавшимся под его ногами. – Во-первых, я по-прежнему считаю себя ответственным за вашу жизнь, так что если будет поставлен вопрос исключительно о вашем спасении и безопасности членов вашей семьи, то мы готовы хоть завтра посадить вас в вагон и отправить на восток. Через две недели вы будете на побережье, а через месяц за океаном. – Князь умолк, выжидательно глядя на отца словно был уверен, что он незамедлительно примет его предложение, но отец сердито молчал. Губы князя изогнулись в каком-то подобии улыбки: – Я так и думал. Далее. Не знаю, поверите ли вы нам, но смею заметить, что нас с господином Юри не особо волнуют вещи, которые для многих из вашего окружения представлялись бы пределом мечтаний. Мы просто рассматриваем все происходящее с этой страной как свою ЛИЧНУЮ проблему. – Он опять немного помолчал, словно давая время собеседнику осознать то, что он только что сказал. – Все, что вы делали до сих пор, ваш манифест, ваши призывы заставляют меня думать, что вы тоже искренне хотите покончить со всем тем ужасом и хаосом, что творится сейчас здесь, и готовы положить на алтарь своей борьбы очень многое. Это так?

Отец еще немного посидел, раздраженно шевеля губами, потом с усилием кивнул:

– Да.

– Так вот, – продолжил князь, – в настоящее время эта задача требует, чтобы вы КАК МОЖНО БЫСТРЕЕ оказались во главе верных вам войск, способных не только защитить ваше величество от нападения мелких разбойных отрядов, но и ОДЕРЖАТЬ ПОБЕДУ в разгорающейся гражданской войне. – Он заговорил с нажимом. – То, что мы предлагаем, как раз и служит решению этой задачи. – Голос князя смягчился. – А теперь подумайте, стоит ли ваше уязвленное самолюбие или даже серьезные нравственные страдания нашего

общего ПОРАЖЕНИЯ?

Минуту в комнате стояла тишина, потом отец тяжело вздохнул и глухо сказал:

– Хорошо, я согласен.

Князь примирительно произнес:

– Конечно, вы можете не брать с собой семью. Им будет гораздо безопаснее за океаном...

Но тут вмешалась мать. Ее тон был аристократически холоден, но Тесс не почувствовала в нем отчуждения, которое мать умела выразить мастерски.

– Благодарю, князь, но мы едем вместе. Я думаю, суверену не к лицу отправлять свою семью за тридевять земель, если он собирается навести порядок у себя дома.

* * *

Поезд лязгнул буферами и начал замедлять ход. Господин Готлиб, сидевший опершись спиной о стенку вагона, побледнел еще больше, что всего минуту назад представлялось Тесс абсолютно невозможным, и судорожно сглотнул. Он боялся так сильно, что его страх передался Тесс, и она нервно принялась оправлять руками трико с большими пуфами, в которое была одета. Смиль, циркачка, с которой ей предстояло делить старенький матрас в женской половине вагона, тут же подскочила к ней и протянула платок. Тесс поспешно накинула его на голову, укрыв волосы, и, отойдя в угол, присела на матрас. Станция, к которой они приближались, просто кишела «соратниками». Здесь разгружались войска, которые соратник Шайдар, глава Объединенного бюро Комитетов действия Рудных гор, стянул для атаки на городок, покинутый ими не далее как сегодня утром.

Поезд все больше замедлял ход. Тесс подобрала ноги и, чтобы избавиться от дрожи в руках, обхватила ими плечи. Еще несколько минут – и поезд наконец остановился. Снаружи слышались шум, голоса, ржание коней, крики и лязганье металла. Молчун постоял немного, прислушиваясь, потом скользнул вперед и как-то неожиданно для Тесс, хотя она не отрывала от него глаз, оказался у маленького оконца, расположенного по другую сторону двери. Минут пять он смотрел наружу, крутя головой, потом усмехнулся какой-то своей мысли, подхватил почти пустую полуведерную бутылку из-под самогона, стоящую под дверью, в которой, однако, все еще оставалось с полкружки мутной зеленоватой жидкости запрокинул голову, набрал в рот самогона, тщательно прополоскал рот, сглотнул и... решительным движением распахнул тяжелую вагонную дверь.

Господин Готлиб вздрогнул и пробормотал:

– Клянусь Господом, он сошел с ума. От того, что произошло потом, легко можно было впасть в оторопь. Господин Юри, еще минуту назад трезвый как стеклышко, вдруг оказался в стельку пьян. Он повис на двери вагона, чуть не вываливаясь наружу, окинул осоловелым взглядом перрон и заорал на всю платформу:

– Эй, вы, а ну иди сюда! У мене тут суверен со всем его семейством.

Тесс похолодела. Господин Готлиб тихо ойкнул и сполз по стене. В двери вагона всунулось несколько бородатых рож в картузах с лентой народного патруля.

– Ма-а-а-аладцы, – пьяно протянул господин Юри и полез к ближайшему с поцелуями.

Тот сурово отстранился и строгим тоном спросил:

– Ты орал?

– Я, – гордо заявил господин Юри.

– И где твой суверен?

– А вон. – И Молчун ткнул пальцем в господина Готлиба. «Соратники» переглянулись, трое торопливо влезли в вагон и подошли к лежащему без сознания антрепренеру. Несколько мгновений они внимательно разглядывали его, потом один, видимо старший, повернулся к повалившемуся у двери господину Юри:

– Это суверен?

Господин Юри гордо кивнул:

– Точно. Суший суверен. Совсем житья от него нету. Говорят, вы их всех стреляете,

стрельните и этого, святым кругом вас прошу. Своих полосатых тварей, – он кивнул на зебру, которая, как еще не оправившаяся от болезни, ехала в вагоне вместе с людьми, – кормит ну прям на убой, а работному человеку, – тут он вполне естественно всхлипнул, – и закусить ничего нетути. – И Молчун дрожащими руками горького пьяницы приставил к губам горлышко бутылки.

– Тьфу, черт! Пьянь проклятая, – выругался старший.

– Эй, старшой, нашли кого? – спросили снаружи. Старший не ответил, только зло мотнул головой остальным и, подойдя к двери, спрыгнул на перрон, прежде наподдав господину Юри по крестцу. Тот взвыл и начал ругаться.

Два часа подряд, пока поезд стоял на станции, господин Юри сидел в проеме двери в обнимку с бутылкой и приставал ко всем сновавшим вдоль поезда солдатам, прося их «стрельнуть» его хозяина, который «ну прямо суший суверен». Но от него только отмахивались. Между тем весь остальной поезд перетряхивали не просто основательно, а прямо-таки с небывалым рвением. Однако все имеет свой конец. Через пятнадцать минут после того, как большие вокзальные часы пробили полдень, к поезду наконец подогнали паровоз и они тронулись в путь.

Как только станция скрылась из виду, господин Готлиб вскочил на ноги и с визгом накинулся на господина Юри:

– Ви понимает, что ви делать?! Они же могли всех нас расстреляйт! Ви просто сумасшедший! Я отказываюсь дальше помогать вам! Я требую...

– Замолчите.

В тоне, каким это было сказано, было что-то такое, от чего антрепренер мгновенно умолк. Лицо господина Юри смягчилось.

– Вам бы следовало заметить, что наш вагон – ЕДИНСТВЕННЫЙ из всего состава, который практически вообще не подвергся досмотру. – Он пристально посмотрел на антрепренера, словно проверяя, дошло ли это до него, и жестким тоном добавил: – Если вы можете предложить другой вариант, который ГАРАНТИРОВАННО позволит достигнуть подобных результатов, то в следующий раз я сначала испрошу вашего совета, а потом буду действовать... Ну же, я жду!

Господин Готлиб, дергая кадыком, пытался вытереть вспотевший лоб трясущимися руками, но у него ничего не получалось. И платок, и рубашка были насквозь мокрые от пота. Он всхлипнул и, махнув рукой, убрался к себе в угол. Молчун проводил его спокойным взглядом и отвернулся.

День прошел спокойно. Поезд останавливался еще на нескольких полустанках, но в общем шел довольно ходко. На каждом полустанке господин Юри усаживался в проеме двери с неизменной бутылкой и что-то орал, изображая из себя пьяного, однако трюка с сувереном больше не повторял. Правда, и поезд больше нигде не подвергался такому тщательному досмотру.

Ночью Тесс лежала на матрасе и смотрела в потолок. Сквозь маленькое окошко вагона струился бледный свет, лунная дорожка пробегала по вагону, повторяя повороты поезда и освещая то круп зебры, то ящики с цирковым имуществом, то спящих людей, похожих в этом призрачном свете на какие-то потусторонние существа или просто кучи тряпья, а Тесс думала о том, как разительно изменилась ее жизнь всего лишь за один год. В голове роились воспоминания прежней весны. Генерал-губернаторские скачки, коими, по традиции, открывалась череда светских раутов... Бал в Летнем саду... Выпуск в институте и благосклонная улыбка матушки, когда она рассматривала ее похвальные листы... Юный красавец кавалергард князь Усупов... Тесс зажмурила глаза, чтобы сдержать слезы. А потом ее мысли обратились к не столь далеким дням, и она понемногу успокоилась. В конце концов, если для встречи с НИМ необходимо было пройти через такие испытания, что ж, она абсолютно не жалеет об этом. С этой мыслью девушка уснула.

Несколько дней прошли без особых волнений. Мать с отцом подолгу беседовали с господином Юри. Тесс иногда садилась рядом и слушала, надеясь, что Молчун расскажет что-нибудь о князе, но тот очень неохотно отвечал на вопросы о себе и своих товарищах, причем говорил так уклончиво, что, несмотря на деликатность, с которой он это делал, всем становилось ясно, что спрашивать об этом не стоит. Все равно ясного ответа не будет. Зато он часто беседовал с отцом о положении в стране и о том, что следует делать. Вернее, по большей части говорил отец. Господин Юри слушал, попутно вычищая свой барабанник или аккуратно вырезая из дерева и затачивая какие-то деревянные палочки. Время от времени он задавал на первый взгляд малозначительные вопросы, после которых отец частенько бросал на него изумленный взгляд и надолго замолкал, погружаясь в раздумья. Тесс запомнилась одна из его парадоксальных фраз:

– Победить – не проблема. Проблема в том, что потом делать с этой победой.

От нечего делать она попросила Смиль, которая часами тренировалась в жонглировании, хватая и подбрасывая все, что ни попадет под руку: пустые бутылки, кружки, ножи, орехи, – показать ей, как это делается. Бойкая циркачка к вечеру второго дня уже привыкла к мысли, что едет в одном вагоне с царствующими особами. Впрочем, особы эти были как бы и не совсем царствующие, да и весь антураж никак не способствовал пиетету. Грязный товарный вагон с надписью «сорок человек, восемь лошадей», заваленный ящиками и тюками с цирковым имуществом, благоухающая Зуймина, зебра, пахучие катышки которой Смиль приходилось выносить на каждой станции, и принцесса... в поношенном цирковом трико, которая каждую ночь тихо сопит рядышком на своей половине драного матраса. Так что Смиль тут же сбегала в другой конец вагона и принесла несколько пожухлых картофелин.

– Начинать лучше с них, ваше высочество, – Тут она ойкнула, бросив быстрый взгляд на господина Юри, который категорически запретил произносить вслух любые титулы, но Тесс поняла, что это скорее была не оговорка, а осознанное прощупывание именно ее реакции.

Поэтому Тесс заговорщицки улыбнулась и сказала:

– Брось, давай совсем без этих титулов. Не из-за него, – она кивнула в сторону Молчуна, – а просто так. – Она протянула руку: – Меня зовут Тесс.

Смиль быстро стрельнула глазами из-под ресниц и довольно кивнула. Потом подняла картофелину и подбросила ее вверх:

– Смотри. Это просто. Бросаешь. Ловишь. Опять бросаешь. Ну как?

Следующую неделю Тесс провела, непрерывно подкидывая и ловя разные предметы. Сначала картофелины, потом миски, потом ложки, потом ножи. На второй день мать подозвала ее к себе и раздраженно заявила:

– Атессия, я хочу, чтобы ты прекратила ЭТО. Это не занятие для молодой леди.

Тесс сначала потупила глаза, а потом дерзко вскинула голову:

– Прошу простить, маменька, но это тоже НЕ МЕСТО для молодой леди. Однако мы здесь.

Мать удивленно воззрилась на нее. Тесс прежде НИКОГДА не перечила матери. А девушка не дала ей опомниться:

– Я просто подумала, что мы станем делать, если кто-то вдруг поинтересуется, а что умеет делать циркачка, которую изображаю именно я?

Тут вмешался отец. Он усмехнулся и, ласково взглянув на дочь, сказал:

– Оставь, Элис, времена сильно изменились, и, я думаю, так же сильно изменятся наши представления о том что пристало делать молодой леди, а что нет.

Мать хотела было что-то сказать, но передумала и, недовольно поджав губы, молча кивнула головой, разрешая дочери идти. Тесс вдруг почудилось, что в глазах матери горят одобрительные огоньки.

Однажды утром Тесс проснулась оттого, что поезд стоял, дверь вагона была открыта и кто-то громко ругался. Она выбралась из-под тряпок, служивших ей одеялом, и села, щурясь от яркого солнца.

– Ого, – произнес от двери радостный голос, – смотри, какая деваха.

Тесс вздрогнула. Мимо вагонной двери сновали какие-то мужики в поддевках и с перекинутыми на спину штуцерами. Чуть подалее виднелось несколько подвод. У двери стоял, нагло уставившись на нее, мясистый, толстогубый парень:

– А ну, краля, дуй сюда. Тесс опустила глаза.

– Эй, ты, я те говорю, глухая, что ль? Девушка повернула голову и остановила взгляд на господине Юри, который стоял у стены рядом с дверью, и, в отличие от прошлых остановок, совершенно не собирался изображать пьяного. Заметив, что Тесс смотрит на него, Молчун едва заметно повел глазами. У девушки сжалось сердце, но она поднялась и, опустив голову, направилась к двери. И тут вмешалась мать. Вскочив на ноги, она бросилась к Тесс, обхватила ее за плечи и, обращаясь к пялившемуся на Тесс парню, ледяным тоном произнесла:

– Слушайте, вы... хам, я не советую вам вести себя подобным образом. Иначе вы можете сильно пожалеть об этом.

Парень слегка опешил:

– Чего?

За его спиной кто-то с ехидством уточнил:

– А того, Сап, что этой девахи тебе не видать своих ушей.

– Чего? – взъярился Сап, скидывая с плеча штуцер с отпиленным стволом. – А ну отойди, тетка!

– Те-е-етка?! – вскипела мать.

Прогремел выстрел. Мать отшатнулась, из-за занавески с белым лицом выскочил отец, но тут господин Юри рухнул на колени под ноги матери, походя сбив ногой ствол обреза, направленный на подбегающего суверена, и с вполне натуральным испугом заорал:

– Не губи, хозяйка, энти всех порешать! Тесс почувствовала, как державшая ее материнская рука вдруг разжалась и чья-то ладонь сильно толкнула ее в поясницу, отчего она чуть ли не мешком вывалилась из вагона прямо на руки парню со штуцером. Тот радостно осклабился, тиснул ее за крепкую попку и, ухватив за волосы, поволок к подводам.

Через считанные минуты она уже сидела на подводе, безуспешно пытаясь унять дрожь и старательно отворачивая лицо от вагона, где были ясно видны фигуры матери и отца. И тут где-то совсем рядом послышался голос Молчуна:

– Так я ведь токмо шаль-то евойную.

– Ну так приволок – и проваливай, – весело рявкнул кто-то, и в тот же миг Тесс рывком сдернули на землю, а над ее головой застучали частые выстрелы.

Она сжалась в комок и зажмурила глаза. Очень скоро все кончилось. Кто-то взял ее за плечи и поднял на ноги, а голос господина Юри удовлетворенно произнес:

– Удачно банда подвернулась. Чтобы не ехать через старую столицу, мы должны были сойти на следующей станции и искать подводы, а тут вот они, с доставкой. – Он повернулся к Тесс: – Молодец, девочка, все отлично. Мне надо было как-то подать сигнал нашим ребятам в соседних вагонах, и лучше, чем твое пленение, способа не было.

Через полчаса они уже ехали лесной дорогой, забирающей все дальше к северу. По прикидкам Молчуна, до Коева оставалось не больше ста пятидесяти верст.

* * *

– И вы думаете, что мы сумеем удержать город? – Капитан с сомнением покачал головой. – Насколько мне помнится, «соратники» собираются бросить против нас более шести тысяч штыков при поддержке двух бронепоездов, пятнадцати орудий и десяти броневиков. Да еще аэропланы...

Князь легонько пнул носком сапога плотно утрамбованный бруствер свежеврытого окопа и повернулся к капитану:

– А перед нами и не стоит такой задачи, господин капитан.

– То есть? – не понял тот. Князь усмехнулся:

– Дело в том, что суверена больше нет в городе. Тот слегка опешил.

– Но... кого же мы тогда защищаем? – Он запнулся и потряс головой. – С неполной тысячей при шести пулеметах и двух раздолбанных пушчонках против... Это абсурд!

– Отнюдь, – князь повернулся в сторону недалекой железнодорожной насыпи, – защищаем мы как раз суверена. Пока ЭТИ, – он мотнул головой в сторону, откуда они ожидали появления противника, – считают, что наш государь в городе или, на худой конец, где-то неподалеку, они не будут искать его в других местах. – Он неторопливо двинулся вдоль линии окопов.

Капитан молча шел рядом. Дойдя до поворота траншеи, князь обратил лицо к капитану:

– Не вешайте нос, капитан, первый штурм мы точно отобьем, обещаю. Вот дальше будет сложнее. И людей, и патронов у нас все-таки маловато. Но ведь держать город до последнего человека нам совершенно незачем. Достаточно продержаться неделю-полторы. Капитан недоверчиво покачал головой:

– Если бы что-либо подобное мне пообещал кто-то другой, я бы посчитал его либо сумашедшим, либо лжецом... – Он оборвал себя и резко переменял тему: – Разрешите отбыть к своему батальону?

Князь кивнул:

– Идите, капитан, и заодно посмотрите, как там дела у артиллеристов.

Капитан козырнул и удалился быстрым шагом, придерживая шашку. Князь окинул взглядом почти готовую линию обороны. Вчера суверен со свитой при большом стечении народа обходил позиции. Государь был величав, а его жена полна апломба. Казалось, они просто олицетворяли собой величие и незыблемость власти, и вряд ли кто мог догадаться, что вскоре после этого, в три часа утра, государь со всем своим семейством отбудет на запад в грязном товарном вагоне, загруженном имуществом балагана, заgrimировавшись под клоуна. Князь усмехнулся, припомнив прецеденты из истории СВОЕГО отечества, и, легко перепрыгнув через траншею, быстрым шагом направился в сторону городка. Пожалуй, надо лично посмотреть, как дела у артиллеристов. Если ему удастся хотя бы наполовину воплотить в жизнь свои планы, капитан будет удивлен еще больше.

– Шабаш, братцы. – Дюжий бородатый унтер вытер красное, распаренное лицо смятой в кулаке фуражкой и опустил на станину.

Рядом устало расселись остальные батарейцы. Стоявший у самого щита парнишка-казачонок с большими часами-луковицей в руке неодобрительно покачал головой:

– Никак не успеваете. Кто-то не выдержал:

– Да пошло оно все! Нельзя так быстро из нее стрельнуть – и все тут.

– Правда?

Все обернулись. Шагах в двадцати от орудий, у отведенных в сторонку лошадиных упряжек, стоял князь. Унтер на миг застыл в растерянности, потом вскочил и прокричал:

– Смирна-а-а! – Он дернулся, собираясь приложить руку к козырьку, но тут же вспомнив, что в кулаке зажата фуражка, бросил руки по швам и, надсаживая горло, начал докладывать: – Вась сиясь, расчеты отдельной батареи...

Князь махнул рукой:

– Отставить. – Он подошел поближе, быстро оглядел учебную позицию. – А ну-ка!

Повинуясь его жесту, один из расчетов быстро занял свои места. Князь повернулся к наводчику:

– Я не буду ждать, пока ты прицелишься, успевай. – Он отстранил заряжающего и кивнул казачку с часами.

Тот весь подобрался и, когда длинная стрелка, отсчитывающая секунды, перешла верхнюю цифру, выкрикнул:

– Давай!

Первый снаряд вошел в лоток со звонким лязгом, глухо клацнул цилиндрический затвор, и тут же с тонким звоном сорвался с упора ударник. Следующий снаряд оказался в

лотке, когда, как показалось окружающим этот звон еще не успел утихнуть. Дзинь, клац, бзон. Дзинь, клац, бзон. Подносчики, задыхаясь, метались между зарядными ящиками и князем, исполнявшим обязанности заряжающего. Расчет работал с каким-то остервенелым азартом. Остальные артиллеристы взирали на все происходящее с разинутыми ртами, а унтер весь подался вперед и, шевеля губами, считал выстрелы. Наконец казачок дрожащим от возбуждения голосом выкрикнул:

– Все!

Князь дернул за рычаг затвора, выбросив последний учебный снаряд, и повернулся к унтеру. Тот удивленно покачал головой:

– Ну, вась сиясь... девятнадцать выстрелов! Князь еле заметно усмехнулся:

– Продолжайте тренировку.

В обед над городком появилось два аэроплана. Они прилетели со стороны приближающихся вражеских войск, и, даже если бы на их крыльях не был коряво намалеван трудовой кулак – символ «соратников», который большинство втихомолку называло «кукишем», сомневаться в их принадлежности не приходилось. Князь как раз обедал в компании капитана и полковника Худого (мало найдется на свете людей, которым так подходила бы их собственная фамилия), который всего два дня назад по его представлению был утвержден сувереном в должности командующего восточным направлением. Один из аэропланов снизился и пролетел над самыми крышами, оглашая городок противным визгливым стрекотом мотора. На небольшом базарчике, шумевшем на площади прямо под окнами дома, поднялся переполох. Куры, всполошившись, выпрыгивали из корзин, отчаянно блеяли козы, испуганные торговки метались по базару, громко причитая и гоняясь за разбежавшейся живностью. Офицеры оторвались от обеда, переглянулись, дружно отложили вилки и вышли на крыльцо. Аэропланы продолжали нарезать круги над городом, а потом один из них, развернувшись, устремился к земле. Стало видно, что летчик, сидящий в передней кабине, высунул руку и держит на весу что-то черное. Полковник выругался:

– Что же он делает, гад? Он же бомбу на бульвар бросить собирается.

Капитан презрительно скривил губы:

– Наши-то люди давно уже в траншеи попрятались, вот он и решил бросить здесь, чтоб уж наверняка.

Крупная черная капля отделилась от аэроплана, полетела вниз и скрылась за крышами домов, окружавших площадь. Послышались взрыв и, чуть погодя, крики людей. Аэроплан, торжествующе взвизгнув мотором, пронесся над крышами и, развернувшись где-то над траншеями, пошел на новый заход. Князь насупился:

– Пожалуй, хватит ему безобразничать. – Он повернулся к казакам, которые по-прежнему несли охрану штаба, создавая видимость того, что суверен находится здесь, и коротко приказал:

– Штуцер сюда, быстро.

Казак живо скинул штуцер с плеча и бросился к князю, на ходу передергивая затвор. Полковник поморщился:

– Оставьте, князь, бесполезно. Мы на фронте пробовали стрелять по аэропланам, но безуспешно. Эти штуки слишком быстро двигаются. Если только залповым огнем и не меньше чем взводом.

– Быстро, – согласился князь, вскидывая штуцер к плечу, – у этого скорость на пикировании где-то порядка двухсот сорока – двухсот пятидесяти верст. А это значит, что при угле сближения приблизительно в двести тысячных и начальной скорости пули в восемьсот саженой, упреждение на триста саженой составляет от одной до полутора ладоней. – Он выровнял дыхание и, пробормотав: – Вот мы это сейчас и проверим, – плавно надавил на спусковой крючок.

Штуцер бухнул. Пилот, высунувшийся из кабины с новой бомбой, вдруг дернулся и наполовину перевалился через борт. Аэроплан тряхнуло, штуцер бухнул еще раз, и второй пилот, управлявший аэропланом, сполз куда-то внутрь кабины. Мотор чихнул, задрезжал и заглох, где-то глухо грохнула бомба, выпавшая из руки первого, и воздушная этажерка,

медленно снижаясь, исчезла за крышами домов. Полковник уважительно покачал головой:

– Мастерские выстрелы, ваше сиятельство. Второй аэроплан заложил разворот «блинчиком» и, плавно снижаясь, последовал за первым. Князь снова вскинул штуцер. Грохнул выстрел, второй аэроплан качнуло, но не так, как первый, а будто пилот от испуга неуклюже дернул ручку, и машина, шустро развернувшись, потянулась в сторону своих, набирая высоту. Полковник нервно рассмеялся:

– Я уж думал, что вы и этого снимете. Князь скромно улыбнулся и развел руками:

– Не повезло. Но это и к лучшему. Я думаю, пилот увидел достаточно, чтобы убедить свое начальство в том, что суверен в городе и мы собираемся его упорно защищать.

– Да, вы правы, – согласился полковник, а капитан лишь молча усмехнулся. Он-то был уверен, что ни о каком невезении здесь и речи быть не могло.

К полудню следующего дня «секреты», расположившиеся в двадцати верстах от города, доложили о приближении противника, и батальон занял траншеи.

Вечером, возвращаясь домой после обхода позиции и по своей привычке бесшумно проскользнув в калитку, князь услышал приглушенные голоса, доносившиеся из садовой беседки. Князь остановился, прислушиваясь.

– ...абсолютно не понимаю, как он собирается отбить атаку такими силами.

Голос полковника звучал несколько раздраженно, но князь не смог уловить в нем ни паники, ни страха. И это радовало.

– Я тоже этого не понимаю, полковник, – спокойным голосом отозвался капитан, – но, можете мне поверить, он это сделает.

Полковник хмыкнул:

– У вас прямо-таки религиозная вера в военные способности князя, но если он так хорош, – на миг установилась тишина, наверное, полковник затянулся сигаретой, потому что в беседке засветился крохотный красноватый огонек, – то почему о нем до сих пор ничего не было слышно? Он уже не юнец, и если в нем так велика склонность к авантюрам на чужой стороне, то хоть какие-нибудь сведения о нем должны были бы уже появиться.

Капитан ответил не сразу:

– Я не знаю, полковник. Одно время меня самого мучили подобные вопросы, но затем я решил оставить их на потом. Одно могу сказать точно – я готов молиться каким угодно богам, что он ВМЕСТЕ с нами, а не ПРОТИВ нас. И... пойдете спать, завтра будет тяжелый день.

Князь увидел, как капитан вышел из беседки и, пройдя по тропинке, скрылся в доме. Полковник сделал еще несколько затяжек и, пробормотав:

– Хотел бы я быть уверен в том, что мы его переживем, – тоже поднялся на ноги и последовал за капитаном.

* * *

Денек выдался солнечный. Князь проснулся на рассвете и до завтрака успел съездить на двуколке к упавшему вчера аэроплану. Он довольно удачно спланировал, приземлившись на дальние городские огороды и при этом всего лишь подломив одну стойку шасси и оборвав тяги правого руля высоты. Князь распорядился оттащить аэроплан в железнодорожные мастерские и попытаться произвести ремонт. Слава богу, в этом мире пока еще была абсолютно непопулярна идея ночных атак, да к тому же, имея такой перевес в силах, «соратники» чувствовали себя слишком уверенно, чтобы заниматься сомнительными экспериментами. Так что они с капитаном и полковником успели спокойно позавтракать и с удобством добраться к траншеям на пролетке.

Противник только начал выдвижение. В бинокль хорошо были видны густые цепи, разворачивающиеся на опушке леса в полутора верстах от города, а от моста, еле слышно из-за расстояния, рокоча, выдвигались броневики. Полковник опустил бинокль и повернулся к князю:

– Я думаю, что они атакуют еще до полудня. Князь кивнул.

– Начинайте отвод людей с первой линии, – приказал он капитану.

План обороны, который разработал князь, был уже неоднократно обсужден, раскритикован, но при всем этом не только принят к исполнению, но и хорошо отработан. Каждый орудийный или пулеметный расчет и каждое отделение не только знали, что и как делать по той или иной команде, но и отработали все эти действия несколько десятков раз. Поэтому, как только капитан подал условный знак, солдаты, пригнувшись и наклонив штуцера, неуклюжей утиной рысью потрусили по траншеям к длинным ломаным ходам сообщения, ведущим к блиндажам и перекрытым щелям, оборудованным на обратных скатах высоты. Ходы сообщения были почти на сажень глубже, чем обычно, а солдаты, благодаря долгим тренировкам, уже научились проходить изгибы ходов, сильно пригибаясь. Так что даже если кто-то из наблюдателей противника и заметил что-то необычное, то вряд ли эта странность смогла бы хоть немного насторожить командование «соратников». Двадцатью минутами позже окопы первой линии были пусты, а весь личный состав укрыт в блиндажах и глубоких перекрытых щелях. В окопах всей почти полукилометровой линии обороны осталось едва ли три десятка наблюдателей, основной задачей которых было «имитировать» присутствие людей. Для них тоже были оборудованы перекрытые щели, хотя вероятность их поражения шальным тяжелым снарядом была намного выше.

Из-за леса показался прозрачный дымок, который быстро окреп, превратившись в густой черно-бурый столб. Это приближался бронепоезд. Полковник отнял бинокль от глаз и злорадно улыбнулся:

– Гнусным углем топят. Тасовским. После него каждую неделю топку заново чистить надо.

Князь и только что присоединившийся к нему капитан молча смотрели на выползающую с моста серую бронированную змею, грозно ощетинившуюся длинными дулами морских орудий. Какой-то солдатик из наблюдателей, высунувшийся было из траншеи сажень в десяти от них, охнул и с благоговейным страхом сказал:

– Ну, сейчас начнет садить...

Словно в ответ на его слова, бронепоезд рывкнул головным орудием носового вагона. Снаряд взметнул землю шагов за сто до первой линии траншей. Давешний солдатик снова охнул, но с другого конца траншеи послышались выкрики:

– Мазанул! Мазила!

Однако это была только пристрелка. Бронепаровоз вытянул с моста последние броневагоны и остановился, на несколько мгновений окутавшись паром. Стволы орудий главного калибра зашевелились, выходя на нужный угол возвышения, потом замерли и... с оглушительным грохотом, одновременно выбросили громадные языки пламени. И почти сразу же перед оставленной защитниками линией траншей взмыла вверх стена земли, а тугая волна воздуха ударила в грудь высунувшихся из траншеи офицеров, не отрывавших от глаз бинокли. Полковник пошатнулся и, чтобы удержаться на ногах, сделал шаг назад, капитан заранее развернулся боком, а князь будто вообще не заметил взрывной волны, лишь хлестнули по ногам полы его шинели. Полковник Худой выплюнул принесенную взрывом пыль и, скривившись, сказал:

– Я – в щель, господа, восьмиграндовый калибр – это серьезно.

Князь молча кивнул и спрыгнул вслед за полковником. Капитан несколько замешкался, и его буквально опрокинуло в траншею сильной ударной волной. Следующий залп лег гораздо ближе.

Обстрел продолжался почти полчаса. Когда стало ясно, что он вот-вот кончится, князь встрепенулся и, повернувшись к капитану, тихо приказал:

– Дайте команду: «Приготовиться к выдвигению». Тот молча развернулся и, выхватив шашку, несколько раз крутанул ею над головой. Тут же отовсюду послышались протяжные команды взводных и унтеров. Солдаты, прятаясь от долетающих с противоположных скатов высоты осколков и земляных комьев в блиндажах и на дне щелей, зашевелились и, так же пригибаясь, как они делали, покидая передовые траншеи, двинулись в обратный путь. Наконец земля колыхнулась последний раз, и внезапно наступила тишина. Бронепоезд

пыхнул паром и, дав два протяжных гудка, уполз обратно за мост, на другой берег реки, еще больше усилив сходство со змеей, заползающей в свою нору.

Батальон успел занять позиции, когда быстро приближающаяся передовая цепь была уже лишь шагах в трехстах. Капитан, рысью пробежав вдоль всей линии траншей, свалился в окоп, в котором находились князь и полковник, и перевел дух:

– Все на месте, потерь нет, на левом фланге сажен сорок траншей сильно осыпались, но оставшейся глубины хватит для стрельбы с колена.

Князь кивнул:

– Ладно, капитан, все говорено-переговорено, теперь вам и карты в руки, командуйте.

Капитан козырнул и быстро скрылся в ходе сообщения. Полковник скептически улыбнулся и покачал головой:

– И все-таки я считаю, что без пулеметов мы не обойдемся и при первой атаке. Залповая стрельба исчерпала себя еще в прошлом веке, как не соответствующая реальной скорострельности современного оружия.

Князь молча пожал плечами, как бы говоря: поживем – увидим.

Между тем передовая цепь противника приблизилась уже на сто пятьдесят шагов. Капитан приподнялся над траншеей и протяжно закричал:

– Батальо-о-он, заряжай!

Над передним краем звонко заклацали затворы.

– Залпо-о-ом ...ОНЬ!

Вся линия траншей окуталась языками пламени, одновременно вырвавшимся из дул почти восьми сотен штуцеров. Наступающая цепь вздрогнула, словно странное живое существо, и начала разваливаться.

Почти треть бойцов срезанными снопами рухнула на землю.

– ...жай! ОГОНЬ!

Новый залп уполовинил оставшихся. Остатки первой цепи заметались, кто-то упорно продолжал двигаться вперед, некоторые залегли, остальные, пригибаясь и отвечая редкими суматошными выстрелами, покатались назад.

– ...заряжай! Залпо-о-ом огонь!

Слитный грохот нескольких сотен штуцеров вновь ударил по ушам. И уже вторая цепь вздрогнула от сотен маленьких свинцовых жал, вонзившихся в ее серое, слегка изогнутое тело. Цепь остановилась, заколебалась, кто-то из бойцов припал на колено, но следующий залп все расставил по своим местам. «Соратники» покатались назад.

– Вразнойой огонь!

Штуцера тут же часто затрещали. Полковник, пораженный, отвел бинокль от глаз и, повернувшись князю, покачал головой:

– Восхищен, беру свои слова обратно и преклоняюсь. Никак не ожидал подобного результата.

Князь слегка изогнул губы в улыбке:

– Психология, сударь. Одно дело – когда в горячке боя мимо просвистит пуля-другая и кто-то где-то там вдруг шмякнется на землю, а другое – когда вокруг десятки пуль жужжат, как рассерженный пчелиный рой, и рядом с тобой одновременно оседают мешком на землю ДЕСЯТКИ убитых. А ты, только что грозно двигавшийся вперед в шеренге боевых товарищей, вдруг оказываешься чуть ли не один в чистом поле, да еще под дулами десятков и сотен штуцеров противника.

Полковник согласно кивнул головой:

– Что ж, впечатляюще... для одного раза. Посмотрим, как сработают остальные ваши задумки.

Новая атака началась через два часа. На этот раз после короткой артподготовки бронепоезд не стал оттягиваться обратно за мост, а наоборот, одновременно с началом движения пехотных цепей бронепаровоз выпустил густую струю дыма, и бронированная змея медленно поползла вперед. От морских орудий на такой дистанции толку было маловато, но каждый из пяти орудийных вагонов бронепоезда нес еще и по восемь

станковых пулеметов. На флангах, рыча моторами и переваливаясь на колдобинах, ползли броневики. Князь усмехнулся:

– Пока все идет, как мы и предполагали. Полковник скривился:

– Прimitивно донельзя – бросают в бой все, что есть, в надежде на то, что патроны у нас кончатся раньше, чем у них солдаты.

На этот раз события развивались по несколько иному сценарию. Стоило атакующим цепям преодолеть половину расстояния до передней траншеи, как из-за правого ската холма на полном ходу вылетели две орудийные упряжки. Полевые уставы отводили на развертывание и изготовление к стрельбе трехграндовой полевой пушки образца восьмого года четыре с половиной минуты, но у расчетов все было отработано добрую сотню раз. Возницы зашли на разворот под строго определенным углом. Лафетные уткнули упоры в образовавшиеся на этом месте от десятков тренировочных выездов ямки, и даже штурвалы механизмов наведения были заранее установлены в не единожды выверенных положениях. Так что, когда спустя всего полминуты в приемные лотки были с лязгом брошены первые снаряды, наводчики легкими, еле заметными касаниями штурвальчиков уже навели прицельные марки на нужные точки. Пушчонки грохнули, и над полем боя раздался гулкой звон, спустя мгновение заглушенный резким, противным свистом. Бронепоезд остановился, а из развороченных бортов бронепаровоза наружу повалил густой белый пар. О пулеметах бронепоезда на время можно было забыть. А орудия между тем уже развернули свои стволы в сторону броневых автомобилей. От наступающих цепей донеслись громкие, отрывистые команды, но полковнику слышались в голосах командиров панические нотки. Цепь бегом бросилась вперед, пытаясь побыстрее преодолеть оставшееся до траншей расстояние. В этот момент батальон снова открыл огонь, но на сей раз не залпами. Бойцы били прицельно, тщательно выбирая цели и стараясь в первую очередь поразить командиров и прикомандированных к боевым частям политических уполномоченных.

Полковник опустил бинокль и вытер лоб рукавом. Наступал переломный момент боя. Князь невольно опустил глаза и нашел взглядом капитана, который что-то возбужденно кричал одному из офицеров. Князь чуть усилил восприятие и успел различить слово: «...пулеметы». Он усмехнулся. Что ж, пока его план выполняется прямо-таки с убийственной точностью.

Слегка прореженные штуцерным огнем цепи успели приблизиться к передовым траншеям на восемьдесят шагов, когда в еще уцелевших амбразурах или просто на специально устроенных площадках-бермах бруствера вдруг как бы ниоткуда возникли шесть пулеметов на тяжелых лафетных станках. Наводчики быстро, со сноровкой, приобретенной долгими тренировками, уточнили угол вертикального превышения и, удобно усевшись на маленькое железное седло, закрепленное на станине громоздкого лафета каждого из пулеметов, нажали на гашетки. На Земле это когда-то называлось кинжальным огнем. Такой огонь, когда он ведется в упор по плотным, накатывающим одна за другой цепям, когда пуля, не найдя цели в первой цепи, непременно находит ее во второй или третьей, а некоторые успевают даже спеть свою смертоносную песню не одному, а двум или трем атакующим, когда наводчикам практически нет нужды прицеливаться, поскольку пуля на всем протяжении зоны сплошного поражения успевает изменить превышение всего на пять – десять сантиметров, практически не оставляет шансов уцелеть. Так все и произошло. Первая вторая цепи были выкошены почти полностью, а от третьей и четвертой, которые ухитрились залечь, осталось не больше половины. Наконец визгливый грохот пулеметов умолк, и в этот же момент на бруствере выросла фигура капитана с шашкой наголо. Князь поморщился. Это было уже слишком. ЕГО план не предусматривал никакой контратаки. Но окопы тут же будто взорвались остервенелым ревом, и бойцы густо полезли наружу, на ходу примыкая к штуцерам узкие, будто пчелиное жало, трехгранные штыки. Князь выругался и повернулся к соседу по окопу:

– Черт, полковник, сейчас все может полететь кувырком, давайте быстро к казакам, пусть атакуют всей сотней правый фланг. Там наши пушкари все броневики повыбили. А я к пушкарям. Не дай бог сейчас вступят в дело пулеметы бронепоезда – «соратнички» из нас

мясо перфье сделают (таково было местное название мясного фарша).

Полковник кивнул, но уже пустоте. О бывшем здесь князе напоминали лишь осыпающиеся с бруствера комья земли. Полковник нервно хмыкнул и, быстро выбравшись из окопа, помчался к ложине, где казаки в нетерпении гарцевали на взвинченных грохотом выстрелов и другими звуками боя конях. А у подножия высоты разворачивалась отчаянная рукопашная схватка.

Князь возник на батарее будто черт из табакерки. Унтер вдруг почувствовал, как чья-то явно не маленькая рука стиснула его за плечо, и тут же у него в ухе раздался голос князя:

– Сколько снарядов осталось?

Унтер секунду помедлил, в горячке боя не сразу поняв вопрос, потом оскалился, обнажив зубы, ярко белевшие на закопченном пороховой гарью лице, и весело ответил:

– Да штук по пять на орудие.

– Кончайте садить. Бить прицельно. Цель – бронепоезд. Задача – не дать ему ввести в дело пулеметы. Ясно?

Унтер кивнул и тут же проорал команду. А князь сделал шаг вперед и, окинув сузившимися глазами бронепоезд, уже достаточно хорошо видневшийся среди клубов почти рассеявшегося пара, опустил на колено и приник к кольцу прицела первого орудия. Все замерли. Князь легкими, нежными движениями чуть тронул штурвальчик и кивнул головой. Заряжающий ощерился и дернул рычаг спуска. Пушка рывкнула. На батарее все застыли в ожидании. А спустя мгновение кто-то восхищенно охнул:

– И-и-иэх ты! В командирскую рубку засадил, в самую амбразуру.

Князь оторвался от прицела:

– Добавьте по одному снаряду в два первых вагона и подождите. Если начнут дергаться, добавьте еще... Но я думаю, не начнут. Пожалуй, уже поздно.

Снизу послышались рев, свист и визг атакующих казаков, и это стало последней каплей. Остатки «соратников» начали торопливо бросать штуцера и задирали руки вверх. Бой за городок закончился.

* * *

Круифф стоял на верхней палубе и смотрел на море. Они шли недалеко от берега, поэтому над кораблем, ссорясь и галдя, постоянно кружили чайки. Капитан еще в Лимуте рассказывал, что летом в этих широтах все берега буквально облеплены птицами, но Айвен не обратил тогда на его слова особого внимания. И оказалось, зря. При таком скоплении пернатых даже в этих, таких богатых рыбой, местах и то оставалось голодными достаточно количество ртов или, вернее, клювов, чтобы чти ненасытные летающие желудки буквально атаквали судно в поисках пищи. Круифф поежился и привычно потерся щекой о плечо. Кой черт занес его на эти галеры?

Айвен вздохнул и, бросив взгляд еще раз на угрюмое серое море и черные скалы с клубящимися над ними тучами птиц, спустился в каюту. До Северогорского порта оставалось еще два дня ходу.

Не очень большой двухтрубный пароход водоизмещением в две с четвертью тысячи тонн был тяжело загружен консервированными продуктами, пригодными для комплектования сухих пайков, оружием и боеприпасами. Влияния барона Темплтона оказалось достаточно для того, чтобы получить конфиденциальное разрешение на закупку партии самого современного вооружения. Во всяком случае, ручные пулеметы Экгона и гранаты Сименсона в достаточном количестве не имела на вооружении даже британская армия. Но на душе Круиффа все еще было беспокойно. Вести с востока приходили крайне противоречивые, и он до сих пор не знал, как там остальные. С одной стороны, за все время пребывания в Камелоне он не ощущал практически никакого влияния пресловутого фактора Х (еще пару месяцев назад он взял себе за правило регулярно устраивать небольшие тесты на внимательность и скорость реакции, и эти тесты пока не показали никакого ухудшения

его физического состояния), но это могло быть связано как с тем, что он находится далеко от эпицентра возмущения, так и с тем, что он лично, благодаря каким-то индивидуальным особенностям, оказался наименее восприимчив к этому фактору. А предположение пилота, безоговорочно поддержанное майором, что их деятельность может в свою очередь оказать обратное влияние на фактор X, сейчас, по зрелом размышлении, казалось ему еще более фантастическим, чем прежде. Так что вероятность того, что оба русских сейчас находятся в крайне тяжелом состоянии и нуждаются в немедленной эвакуации (о более неприятном варианте развития событий Круифф старался не думать), была совершенно реальна. Поэтому Айвен принял все меры для того, чтобы в случае, если его опасения вдруг оправдаются, обеспечить им всем надежные тылы. На одном из островов Нокнейского архипелага, в двух десятках миль от южного побережья Бритта, на подставное имя, неизвестное даже барону Темплтону, было куплено небольшое поместье. Были наняты несколько слуг с надежными рекомендациями, куплена небольшая, тонн на сто пятьдесят, мореходная яхта, оснащенная мощным (по меркам этого мира) дизелем, а в самом поместье была оборудована отличная частная радиостанция. И радист, и капитан яхты, да, впрочем, и все остальные слуги, были тщательно, с использованием самых эффективных из доступных Круиффу методов, проверены. И их... лояльность несколько усилена. Так что, по идее, он мог бы организовать эвакуацию из любой точки побережья. Но пока все это были только предположения. До Серогорского порта оставалось еще два дня ходу...

В дверь каюты постучали. Круифф повернул голову к двери:

– Войдите.

Это был Сэймин, молодой аристократ, начинающий, но уже довольно опытный финансист, к тому же племянник и доверенное лицо барона. Он остановился в дверях, окинул скучающим взглядом скудное убранство каюты, затем перевел взгляд на Айвена, тут же придав своему лицу уважительное выражение:

– Прошу простить, господин Кройф, если помешал но здесь довольно-таки скучновато. Так что, если я вам еще не надоел, не позволите ли мне составить вам компанию?

Айвен улыбнулся:

– Конечно, молодой человек, очень рад вас видеть. – Он гостеприимным жестом указал на узкую откидную койку, потому что, кроме миниатюрного стульчика, на котором сидел он сам, никакого иного места для сидения в его крошечной каюте не имелось. Как, впрочем, и в каюте самого Сэймина.

Этот пароход был обычным грузовым судном, и особых удобств для пассажиров на нем не предусматривалось. Зато он имел несколько достоинств, которые перевешивали все остальное. Во-первых, он имел достаточную вместимость, во-вторых, был прочен, и, в-третьих, его владельцем, хотя и через третьи руки, являлся сам кэр Темплтон. Но, конечно, молодому аристократу их обиталище не казалось особенно уютным. Насколько Айвен успел выяснить, весь опыт мореплавания у Сэймина ограничивался путешествием из колонии в метрополию, которое он совершил в юном возрасте вместе с родителями, когда его отец был отозван с должности генерал-губернатора и переведен в морское министерство. Сейчас он уже был лордом адмиралтейства. Ну, конечно, можно было вспомнить еще о нескольких морских прогулках на роскошных яхтах, принадлежавших дяде или родителям его приятелей и приятельниц. Естественно, он привык к несколько иному уровню комфорта и обслуживания, однако держался, в общем, молодцом, не жалуясь и лишь время от времени позволяя собственному неудовольствию прорываться наружу мимолетными гримасами или раздраженным тоном.

Некоторое время Круифф с благосклонной улыбкой слушал болтовню юноши о том о сем, которая была просто способом убить время, думая при этом о своем. Их сотрудничество с кэром Темплтоном развивалось успешно, хотя барон упорствовал в своих попытках убедить Круиффа прекратить глупое разбазаривание средств на безнадежную войну в рухнувшей империи. Было очевидно, что он так и не поверил в фантастическую историю, рассказанную Айвеном, что делало честь его уму, но за неимением иного объяснения столь странных знаний и способностей своего нового партнера решил пока

принять то, что ему было предложено. Однако попыток хоть как-то прояснить ситуацию не оставил. В Камелоне Круифф чувствовал это на каждом шагу. Да и после отплытия тоже. Видимо, барон хорошо проинструктировал племянника – на протяжении всего пути от Лимута тот ненавязчиво, но с юношеским упорством и непосредственностью пытался выведать у Круиффа хоть что-нибудь о его подлинных партнерах и хозяевах. Айвен принял правила игры и постарался, наоборот, в некотором смысле перетянуть молодого Сэймина на свою сторону. И похоже, это ему в какой-то мере удалось. Конечно, ни о каком тайном договоре или чем-то подобном не могло быть и речи. Но в сознании молодого человека его авторитет по меньшей мере сравнился с авторитетом его достойного дядюшки, возможно даже и несколько превысил его. А перспектива участия в столь захватывающем приключении, как спасение царственных особ, просто не могла не захватить воображение молодого аристократа. Так что теперь, как надеялся Круифф, молодой человек, принимая решения, будет руководствоваться не только и даже не столько инструкциями дяди, сколько этими двумя факторами. Как это ни покажется кому-то забавным, но именно такое изменение психологических установок и составляло основную задачу агентурной работы любой разведки двадцать третьего земного века в отношении представителей высшего слоя общества зарубежного государства. При работе с представителями интеллектуальной, финансовой и властной элиты ни одна разведка больше не опускалась до банальной вербовки агентов. Наиболее эффективным, дешевым и безопасным методом была именно коррекция мировоззрения. Человек незаметно для самого себя превращался в «агента влияния», активного союзника и проводника необходимой политической линии, причем абсолютно бесплатно не испытывая нравственных мук, поскольку поступал в строгом соответствии с собственными убеждениями и при этом будучи застрахованным от любого обвинения в измене, поскольку ни о каких связях с резидентами речи не шло, так же как и о постановке и выполнении прямых задач или получении какой-либо финансовой, технической или другой помощи и поддержки. Однако государства и корпорации двадцать третьего века имели – и достаточно совершенные технологии защиты от подобных действий противников и конкурентов, в отличие от того, что имело место здесь и сейчас.

Постепенно разговор, что стало уже, по сути, своего рода традицией, перешел на спутников господина Кройфа. Причем, как подсказывали Айвену его ощущения; этот интерес был вызван не столько даже инструкциями дяди, сколько искренним интересом юного аристократа. Однако через какое-то время, по характеру вопросов и иным скрытым признакам, Айвен вдруг понял, что Сэймин мучается какими-то сомнениями. Поэтому он несколькими искусными фразами привел к логическому концу очередную тему их сумбурного разговора и, доброжелательно глядя в глаза собеседнику, без всяких околичностей спросил:

– Итак, виконт, я вижу, вас что-то мучает? Сэймин виновато пожал плечами:

– Не совсем так. – Он нахмурил лоб, стараясь поточнее сформулировать свою мысль: – Понимаете, я в некоторой растерянности. С одной стороны, дядя дал мне прямые и четкие указания... С другой – обстоятельства, с которыми мы можем столкнуться в... той стране, могут ведь привести к тому, что инструкции дядюшки войдут в противоречие с моими нравственными установками, с моей совестью, наконец. – Сэймин смущенно замолчал.

Круифф смотрел на юношу не говоря ни слова. В его время подобная дилемма была бы чем-то из ряда вон выходящим, но здесь, похоже, она частенько становилась серьезной проблемой для отпрысков благородных семейств, окруженных с малых лет няньками и гувернерами и воспитанных в пуританской атмосфере чопорно-ухоженных родовых гнезд. Как когда-то и на Земле. Некоторое время в каюте стояло полное напряжения молчание. Наконец молодой британец не выдержал – он заерзал, готовясь что-то сказать, объяснить, но не успел. Айвен опередил его.

– Простите, Сэймин, – сказал он с улыбкой, – но если вы ждете от меня совета, то напрасно. Все мы, и я в том числе, каждый день решаем подобные задачи. И рецепта на все случаи жизни не существует. Для меня, как правило, главное – это именно мои нравственные принципы, но иногда... иногда, – повторил он, – всем нам приходится ими

поступаться, порой даже и изменять какие-то из них. Что же касается вас, то могу позволить себе предположение, что совершенно не обязательно это произойдет – если произойдет – из-за дядюшкиных инструкций. Жизнь полна парадоксов, мой юный друг.

Сэймин некоторое время молча сидел, размышляя над словами своего старшего товарища, потом тряхнул головой:

– Извините, господин Кройфф, мне надо подумать над тем, что вы сказали.

Он поднялся с койки и несколько чопорно поклонился. Круиффф понимающе кивнул, в свою очередь чуть привстал со стула, демонстрируя намек на поклон, и с облегчением опустился обратно. Разговор с молодым аристократом подтвердил его догадки об успешности своего собственного воздействия, но сейчас ему совершенно не хотелось углубляться в дебри технологии многослойной психологической коррекции. На душе было тревожно. До Северогорска оставалось два дня ходу.

* * *

К немалому облегчению Айвена, в Северогорске все осталось по-прежнему. Даже капитан порта и комендант города от оккупационных войск пребывали на своих местах. Так что разгрузка корабля заняла всего три дня. Прочитав рекомендательные письма и побеседовав с Сэймином, комендант охотно согласился выставить у складов с выгруженным с парохода оружием и продовольствием караулы из состава оккупационных войск, а также выделил двадцать человек для охраны формируемого Круифффом эшелона. Очень обрадовали Айвена и последние новости, о которых комендант сообщил ему за ужином, устроенным в честь высоких гостей. Бывший суверен объявился на востоке, у самого хребта. Причем не просто объявился, а прямо-таки прошел торжественным маршем по селам и небольшим городкам правобережья Панченги, где к его небольшой свите сбегались толпы вооруженных крестьян. И самым удивительным было то, что вот с этим-то, набранным там и сям, войском государь не только отважился бросить вызов брошенным против него отборным войскам «соратников», но и сумел нанести им сокрушительное поражение. Когда комендант сообщил ему об этом, Круиффф невольно расплылся в улыбке. Эта информация прямо указывала на то, что майор и пилот живы и деятельны.

Эшелон тронулся в путь к концу недели. Круиффф захватил с собой еще почти два десятка человек из «бывших», которые, окончательно отчаявшись и всеми правдами и неправдами добравшись до зоны оккупации, а здесь получив неожиданно известие о триумфальном появлении на окровавленной арене, в которую превратилась их родина, бывшего суверена, вновь принявшего на себя ответственность за страну, внезапно исполнились надеждой и решили погодить с эмиграцией. Тем более что генерал Тропин, один из руководителей Комитета содействия возвращению суверена на престол, еще несколько недель назад считавшегося не менее опереточным, чем множество других ему подобных, не сидел сложа руки и контролируемая им зона уже простерлась до границы с соседней губернией. Так что желающих вернуться оказалось неожиданно много. Но Круиффф не мог себе позволить взять всех. К эшелону был прицеплен только один классный вагон, в котором разместились они с Сэймином, так что он отобрал только тридцать человек, преимущественно офицеров, а из остающихся выбрал старшего и велел ему составить списки и быть в готовности отбыть со следующим эшелонам. Для перевозки груза, прибывшего их пароходом, потребовалось бы несколько эшелонов. К тому же судно, разгрузившись, немедленно отправилось обратно. За новой партией груза.

В Коев они прибыли на рассвете. Заспанный дежурный по вокзалу вызвал из штаба дежурного офицера, и тот, узнав Круифффа, радостно сообщил ему, что господин Юри привез суверена еще третьего дня, а князь задал перцу «соратникам» и обещался по телеграфу тоже вскоре добраться до города. Круиффф сказал офицеру, что с ним прибыло тридцать человек и их следует где-то разместить. Кроме того, необходимо устроить господина Сэймина, желательно где-нибудь рядом с ним. Ему же следует незамедлительно увидеться с господином Юри.

Пилот встретил его уже одетым. Когда Круифф появился на пороге, они несколько мгновений просто молча смотрели друг на друга, будто чего-то ожидая, а потом вдруг неожиданно для самих себя шагнули навстречу друг другу и обнялись.

– Как вы тут? – спросил Айвен внезапно севшим голосом.

Пилот отстранился и, широко улыбаясь, ответил:

– Живы и пока что здоровы. Чай будешь? Круифф молча кивнул. Пилот разомкнул объятия, быстро разжег керосинку, стоявшую на тумбочке в углу, и поставил на нее небольшой чайник. Айвен окинул взглядом убого обставленную комнату и усмехнулся. Пилот хмыкнул:

– Да, чувствую, в Камелоне ты жил несколько иначе. Круифф рассмеялся и, прислонив к стене массивную трость с серебряным набалдашником и сняв перчатки, сел к столу. Пока пилот доставал калачи, мед и заваривал чай, он принялся рассказывать ему обо всем, что удалось сделать за время, проведенное в Камелоне, а также о новых, прежде не известных возможностях. Пилот слушал его молча, не прерывая, с аппетитом отхлебывая чай, а когда Айвен закончил, отставил в сторону пустой стакан в тяжелом кованом подстаканнике и задумался. Некоторое время в комнате стояла тишина, потом Юрий вздохнул и, усмехнувшись, повернулся к Айвену:

– Интересный раскладик получается. Если мы сумеем отработать возникшие варианты хотя бы с пятидесятипроцентной эффективностью, то с этой гражданской войной удастся покончить где-то к Новому году. А потому встает вопрос: что делать дальше?

Круифф заговорил не сразу:

– Я думаю, что после того, как вы удовлетворите свои... ностальгические инстинкты, нам, пожалуй, было бы более полезно стать в этом мире... несколько менее заметными фигурами.

Русский задумчиво кивнул:

– Возможно, ты и прав, но вот какая штука... Мне кажется, моя теория о взаимовлиянии нас и того, что мы с тобой обозвали X-фактором, требует некоторой корректировки. – Он вопросительно посмотрел на Айвена, мол, не хочет ли он что-нибудь добавить, но американец молчал. – Так вот, если рассматривать нас троих как своего рода единый субъект, то да, взаимовлияние существует. А если каждого по отдельности, то тут все не так просто... – Он снова умолк, то ли собираясь с мыслями, то ли давая Айвену время как следует вникнуть в то, что он говорит. – Все дело в том, что фактор X влияет на нас с тобой, а вот с майором, похоже, все наоборот... Круифф посмотрел на него с интересом:

– Ты хочешь сказать, что именно майор влияет... – Он оборвал себя и задумался.

До сих пор он принимал как данность, что именно майор наиболее подвержен воздействию фактора X, поскольку ему потребовалось так много времени, чтобы очнуться. Но пилот явно имел какие-то основания для своих предположений. И даже если отвлечься от того, что организация, в которой он имел честь состоять ДО их столь невероятного приключения, отнюдь не способствовала выработке излишней доверчивости или склонности к необоснованным предположениям, следовало иметь в виду, что русский был тоже не склонен к скоропалительным выводам, да и по своим личным качествам это человек достаточно осторожный. Но даже если его предположения имели под собой заслуживающую внимания основу, то Круифф был пока совершенно не готов к такому обсуждению. Нет, пожалуй, они слишком углубились в теорию.

– Ладно, давай об этом позже, лучше обрисуй обстановку.

Они обменялись понимающими взглядами. В конце концов, оба были людьми действия и все эти проблемы интересовали их только с одной точки зрения. И сейчас негативное влияние вроде бы как удалось если и не устранить полностью, то явно уменьшить. А вот неотложных проблем было сверх всякой меры.

Пилот сжато, без излишних подробностей, но и не упустив ничего хоть сколько-нибудь важного, изложил события, произошедшие после отъезда Круиффа. Когда он закончил, Айвен некоторое время сидел молча, переваривая услышанное, потом с усмешкой заметил:

– Выходит – мышинная возня и пустые интриги? Пилот подтвердил:

– Все как мы и предполагали. Но вот что мы с майором решили. Пока все это только на пользу. Во-первых, суверен производит впечатление человека очень неглупого, а большинство тех, кто его сейчас окружает, – пена и больше ничего. Они решили, что им подвернулся фантастический шанс, который и надо использовать на полную катушку. Чем они сейчас и занимаются. Вся эта дележка портфелей и расталкивание локтями окружающих смотрится со стороны крайне неприглядно, и рано или поздно Конеею это надоест. А к тому моменту как раз и майор подоспеет. И когда за дело возьмемся МЫ, контраст будет достаточно разительным, а значит, уровень доверия государя К НАМ только возрастет. Что совсем не помешает. Как сейчас, для того чтобы побыстрее закончить эту войну, так и в будущем, когда мы займемся обустройством жизни ПОСЛЕ победы. – Юрий подмигнул Круиффу. – Я думаю, что, несмотря на ваше стремление к меньшей публичности, идея заняться фермерством в глухом графстве где-нибудь на краю Эстрелии вас не очень-то прельщает.

Круифф ответил улыбкой. Юрий продолжал:

– Во-вторых, войну надо закончить быстро, в течение одной кампании, длительностью не более двух-трех месяцев. Майор набросал ее план. На первом этапе предусматривается активная оборона в полосе от Светлых Полянок до Коева. Ее подготовкой мы с генералом Тропиным сейчас и занимаемся. А уж когда мы порядком измотаем их ударный кулак, то начнем скоординированное массированное наступление на нескольких направлениях. Сразу по прибытии суверена генерал связался с несколькими анклавами сопротивления, и сейчас мы ждем их представителей для координации действий.

– Приедут? – недоверчиво спросил Круифф.

Пилот усмехнулся и ничего не ответил. С появлением суверена заштатный комитетишко, провозгласивший некие размытые цели, образованный горсткой второстепенных и третьестепенных фигур, в лучшем случае способный взять под контроль ограниченный регион, мгновенно оказался центром сопротивления хаосу, охватившему огромные пространства рухнувшей империи. И не только потому, что во главе его встал человек, имеющий ныне наибольший политический вес среди всех претендовавших на лидерство, – главное было то, что, в отличие от большинства подобных образований, он доказал свою способность не только декларировать великие цели, но и добиваться их выполнения. Круифф отодвинул стакан и поднялся из-за стола:

– Ну что ж, значит, пока не будем форсировать события.

В этот момент раздался стук в дверь. Они обменялись взглядами, и пилот негромко произнес:

– Войдите.

Дверь открылась, и на пороге вырос немолодой мужчина, затянутый в пышный, выглядевший неуместно в этой бедно обставленной комнате придворный мундир.

Он чопорно поклонился:

– Господа, суверен желает видеть господина Юри, господина Кройфа и господина Сэймина. – Он с важной миной помолчал и добавил приказным тоном старого унтера:

– Немедленно.

Часть IV **Бурная осень**

Утро выдалось на редкость яркое и безоблачное. На рассвете над опушкой леса еще маячило несколько пушистых облачков, принявших первые лучи встающего солнца, но сейчас они уже бесследно растворились в прозрачной синеве неба. Князь обошел аэроплан кругом, проверил, хорошо ли закреплены на крыльях две двухсотлитровые бочки с газOLIном, и повернулся к провожающим:

– Ну, с богом, господа.

Они обнялись, князь легко вскочил на откос стойки шасси, перекинул ногу через высокий бортик открытой кабины и опустился на узкое, неудобное сиденье. Механик потянул за винт, мотор чихнул раз, другой, потом зарокотал, выбрасывая из раструбов синевато-черные струйки дыма. Полковник и капитан, придерживая фуражки, отошли на несколько шагов назад. Князь пару минут погрел мотор, погонял его на разных режимах, потом надвинул на глаза очки и поднял руку, прощаясь и одновременно подавая знак механику убрать колодки из-под колес. Аэроплан, взревев мотором, покатился по пологому склону, потом подпрыгнул и, натужно стрекоча мотором, медленно пополз вверх. Полковник проводил его взглядом и повернулся к капитану:

– И все-таки это авантюра. Насколько мне помнится, в десятом, во время рекордного перелета из столицы до Хлебного поля, что, заметьте, почти в два раза меньше чем то расстояние, которое князь собирается преодолеть на этой этажерке, из сорока семи машин, вышедших на старт, до финиша добралось только восемь. Капитан усмехнулся.

– По-моему, мы с вами имели уже не один случай убедиться, что авантюры князя, как правило, кончаются так, как он и планировал с самого начала.

Полковник хмыкнул, но спорить не стал. Князь по-прежнему оставался для него загадкой. Последние несколько дней он почти совершенно отошел от военных дел, хотя, кажется, именно к этому его тянуло больше всего, а поле деятельности открылось совершенно необъятное. Люди шли сплошным потоком. Пусть пока не очень густым, но непрерывным. Услышав о возвращении суверена и о небывалом разгроме только что сформированным крестьянским добровольческим батальоном отборных частей «соратников», в городок стали стекаться добровольцы. Люди устали от хаоса и произвола. Среди добровольцев было немало офицеров, из тех, кого не успели расстрелять комитеты или мобилизовать в Новую революционную армию соратник Птоцкий. Эти люди до последнего времени старательно изображали из себя невидимок, спасаясь от первого, уклоняясь от второго и просто стараясь как-то выжить, не имея надежды ни на что третье. К концу первой недели батальон капитана был переформирован в два полка, а к моменту вылета князя на его основе уже были развернуты три бригады общей численностью почти три с половиной тысячи штыков. С востока подтянулись остатки рассеянных под Шумлой сотен атамана Друзя, которые полковник тут же взял в оборот. Так что вместе с отремонтированными в железнодорожных мастерских четыремя броневедомками, брошенными отступающими «соратниками» на поле боя, и бронепоездом, а также двумя батареями полевых орудий Восточная добровольческая армия представляла собой ныне самую грозную военную силу не менее чем на тысячу верст по обе стороны хребта; Поле деятельности для талантливого военачальника, каковым полковник после боя считал князя безоговорочно, открывалось широчайшее. Но князь, казалось, совершенно утратил интерес к военному делу и дни напролет проводил в земском управлении, куда набилась чуть ли не сотня «политических деятелей» со всего Рудного хребта и дальних восточных провинций, прятавшихся по щелям во времена «соратников», но тут же повывлезавших, как только появился суверен. Их число продолжало множиться. Уж что там интересовало князя, полковнику было совершенно непонятно. Он бросил последний взгляд вослед растворившемуся в синеве неба аэроплану и повернулся к капитану:

– Ну что ж, пора за дело. Тот неопределенно хмыкнул, не отрывая глаз от каких-то листков, которые он извлек из портфеля.

– Что-то очень интересное, господин капитан? Капитан поднял глаза:

– Да вот, князь дал сегодня утром, – и показал полковнику первую страницу, на которой было написано:

«Боевой устав сухопутных войск. Части I (отделение, взвод), II (рота, батальон), III (полк, бригада)». – А я-то думал, зачем ему одному целых три барышни-машинистки? Похоже, ночами диктовал.

Между тем аэроплан, прерывисто стрекоча мотором, плыл над тайгой. Майор поерзал, стараясь как-то уместиться в тесной кабине, и, зажав рукой неудобную рукоятку управления, стянул с головы очки и слегка свесил голову за борт. Набегающий поток встречного воздуха ему практически не мешал. Скорость перегруженного самолетика едва превышала сотню верст в час, меньше чем крейсерская скорость десантного глидера, с которого ему не раз приходилось десантироваться, причем зачастую без использования каких бы то ни было приспособлений а уж на внешней подножке глидера они в курсантские годы гоняли до ближайшего от лагеря городка за пивом. Правда, стоять на подножке глидера было не в пример удобнее, чем сидеть на этом узком сиденьице.

Майор вел аэроплан над самыми верхушками деревьев. Конечно, нагрузка для столь маленькой и несовершенной стрекозки была слишком велика и он совершенно не рассчитывал долететь до Коева. Скорее всего, примитивный мотор просто развалится от перегрузки. Но даже несколько часов полета изрядно сократят дорогу, особенно в этом мире, где самым скоростным и современным средством передвижения была железная дорога со средней скоростью движения, даже в лучшие времена не превышавшей двадцати верст в час. А уж теперь... Майор насторожился. Двигатель зачихал и выплюнул густую черную струю копоти, майор уменьшил обороты и перевел машину в пологое планирование. Слава богу, они только что перевалили крутой гребень и дальше местность плавно понижалась. Это помогло. Двигатель еще раз чихнул и снова застрекотал более или менее ровно, хотя его тон несколько изменился. Майор досадливо поморщился.

Через два часа он посадил самолет на небольшой луговине, тянувшейся вдоль узкой таежной речушки. Подходящую площадку для посадки и последующего взлета майор начал искать еще минут сорок назад, но все, что попадалось на глаза, его совершенно не устраивало. Для посадки некоторые площадки еще как-нибудь годились, тем более что при необходимости он мог бы посадить аэроплан и прямо на лес, но вот для взлета изрядно перегруженной машины они были маловаты.

Сказать по правде, и эта площадка вызывала у него большие сомнения, однако это было лучшее из всего, что встретилось ему до сих пор, а горючего в баке оставалось минуты на три, от силы пять полета, так что особо выбирать не приходилось. К тому же река на протяжении почти трех верст от луговины не давала изгибов, и он прикинул, что главное – оторвать машину от земли, а набрать высоту он сможет и над рекой.

Предположение майора, что времени на поиски больше не осталось, получило подтверждение практически немедленно, когда на последнем развороте двигатель кашлянул и заглох. Видимо, остатки горючего из-за центробежной силы стекли в угол бака и подача топлива прекратилась. Но запаса высоты хватало, и он повел машину на посадку.

Посадка прошла, в общем, удачно. Аэроплан пару раз «скозлил», чувствительно стукнулся о пень правым колесом, но стойки шасси все-таки выдержали, примитивные колодки тормозов сработали как надо, и самолет остановился, чуть не уткнувшись носом в ствол высокой сосны на самой опушке. Майор выбрался из кабины и походил вокруг аэроплана, осматривая его и разминая затекшие ноги. Считалось, что такие, как он, могут водить все, что движется, и летать на всем, что способно подняться в воздух. Но подобная всеядность давала о себе знать. За неполных четыре часа полета он, к собственному удивлению, порядком устал. И хотя эта усталость была скорее нервная, чем физическая, она ощущалась явственно, чего с ним не случалось давненько. Он хмыкнул и стянул с головы летный шлем. Вокруг шумела тайга, тихонько потрескивал остывающий мотор, а из зарослей густого кустарника, сбегавшего к реке по склону от опушки леса, доносился многоголосый птичий гомон. Совершенно земная картина. И если повернуться спиной к аэроплану, то можно представить, что он в отпуске на Земле и они с ребятами, по давней традиции, прыгнули с орбиты в Сибирском национальном парке и приземлились где-то между Нижней и Подкаменной Тунгуской и вот теперь он идет по тайге к условленному месту встречи. Майор хмыкнул, вскочил на крыло и начал голыми пальцами откручивать винты крепления топливного бака. Пора было заправляться.

Спустя два часа он легко вскинул на плечо хвостовой костыль полностью

заправленного аэроплана и развернул его по оси длинной диагонали луговины. На треть облегченные бочки болтались на своих местах под крыльями. Все тяги были заново смазаны солидолом, а шкворневые соединения прошприцованы. Майор пригладил еще сырые после купания в реке волосы, застропил ось шасси за сосну и встал перед винтом.

Мотор завелся сразу. Майор залез в кабину, прогрел двигатель, потом свесился за борт и выстрелом из барабанника перебил петлю веревки, которая была одним концом закреплена на оси, а другим привязана к сосне, одновременно прибавив газу. Аэроплан побежал по луговине, быстро набирая скорость и подпрыгивая на кочках. И все-таки ему едва хватило места, чтобы оторвать машину от земли. Колеса даже немного чиркнули по воде и подняли тучу брызг, прежде чем машина перестала переваливаться с крыла на крыло и медленно поползла вверх. До речного изгиба он еле успел набрать достаточную высоту, чтобы перевалить через верхушки сосен и заложить разворот.

К его удивлению, эта неуклюжая и примитивная конструкция продержалась почти десять часов. Он заправлялся еще трижды, и солнце успело склониться к закату, когда, всего через полтора часа после последней заправки, двигатель глухо бухнул и тут же резанул по ушам пронзительный визг. Майор молниеносно выключил зажигание, и мотор заглох, продолжая, однако, на протяжении еще какого-то времени издавать звонкий треск и разбрасывать по сторонам куски трех своих цилиндров, лопнувших практически одновременно. Головка верхнего просвистела буквально в паре дюймов над макушкой летчика.

Майор тут же перевел аэроплан в пологое скольжение и завертел головой, отыскивая место для аварийной посадки. Слава богу, заходящее солнце било в спину, но сильно мешали удлинившиеся тени.

Подходящую площадку он так и не обнаружил и посадил аэроплан на поверхность небольшого лесного озера. Что было очень рискованно. Поскольку с его весом он держался на воде ничуть не лучше топора. И хотя он умел задерживать дыхание почти на десять минут, стоило его ногам увязнуть поглубже в донном иле – и он, возможно, просто не успел бы добраться до берега. От удара о воду отвалилось левое крыло и машину слегка развернуло, но искалеченная машина все-таки дотянула до мелководья, так что можно было сказать, что его авантюрное приключение закончилось почти успешно. По расчетам майора, до Коева оставалось не более сотни верст.

Он шел всю ночь и к рассвету вышел на какую-то лесную дорогу, которая, однако, была неплохо наезжена. Причем, судя по следам, не далее как вчера вечером по ней прошел обоз не менее чем из десятка груженных подвод. Майор прошел вдоль колеи около версты и к очередному повороту уже достаточно точно установил характер груза, а также состав и численность сопровождавшего обоз отряда. По признакам это мог быть либо отряд вооруженных мастеровых, занимающийся продуктовым обменом, либо отряд «соратников», осуществляющих продразверстку, либо обыкновенная банда. В любом случае оставлять без внимания, возможно, враждебную вооруженную силу в такой близости от Коева было нецелесообразно, и он решил поближе познакомиться с этим, отрядом.

* * *

К небольшому монастырю или, вернее, порядком разросшемуся скиту он подошел, когда уже вечерело. Место, где находилась банда (а в том, что это именно банда, он перестал сомневаться уже версты через две наткнувшись на брошенные в кустах огрызки соленых огурцов и лужу блевотины), можно было определить довольно точно еще за версту до той точки, откуда был виден монастырь. Над небольшой извилистой речушкой, вдоль которой лесная дорога шла вот уже несколько верст, разносились разухабистые звуки гармошки, вой и рычание, которые, видимо, кто-то считал пением, и множество иных звуков, обычно сопровождающих безудержную гульбу. Майор вышел из леса и остановился на опушке. Скит представлял собой деревянную церковь с колокольной и теснившиеся вокруг нее с полдюжины разнокалиберных изб. Все было обнесено покосившимся

частоколом. Ворота были распахнуты настежь, а левая створка вообще существовала отдельно от столба. Никаких признаков охранения в радиусе нескольких верст не наблюдалось. Майор немного постоял, стараясь перебороть ощущение, что он здесь уже когда-то был, потом вздохнул и двинулся дальше.

Частокол был старый – судя по всему, его не поправляли уже лет семь, а то и больше, – но еще крепкий. От луговины, протянувшейся по берегу речушки, доносилось негромкое ржание лошадей, скрытых наплывающими на монастырь языками вечернего тумана. И если бы не какофония за воротами, всю картину можно было бы принять за динамический римейк левитановской «Тихой обители». Майор окинул взглядом открывшуюся картину, усмехнулся и вошел в ворота.

За частоколом раскинулось что-то вроде походного бивуака. Между избами горело несколько костров, а на неширокой площади перед церковью под взвизги гармошки, хохот и азартные хлопки притопывали несколько изрядно хмельных плясунов. Те же, кто не толпился на площади, по большей части мирно посапывали в самых неожиданных местах.

В первый раз его окликнули, когда он уже обошел всю территорию по периметру. Дверь одной из изб распахнулась, и на пороге, пошатываясь, появился худой, низкорослый мужик в шелковой рубахе навывпуск, с четвертью мутно-зеленоватого первача в руке. Его всклокоченная борода была украшена шматками кислой капусты. Мужик разинул рот, собираясь что-то сказать, но вместо этого звучно рыгнул и сморщился. Вторая попытка заговорить удалась, явив миру совершенно не соответствующий габаритам мужика мощный, прямо шалопинский бас:

– Мужики! Атаман жалуется обществу ишшо один бочонок монастырского пития. – Он повел по сторонам осоловелыми глазами и наткнулся на майора: – А это что за Ыбло?

Майор чуть не рассмеялся. Уж больно потешно выглядело недоуменное лицо мужика, да и слово, прямо скажем... Он шагнул вперед:

– А кто ты такой, чтобы спрашивать? Мужик несколько мгновений стоял покачиваясь, словно пытался понять смысл вопроса, наконец его затуманенный хмелем мозг сумел-таки вписать спрашивающего в окружающий мир, он рыгнул, буркнул: «А вот атаман сейчас...» – и исчез за дверью. Среди стоящих, сидящих и лежащих кто где гуляк, несколько оживившихся было при его появлении, послышался разочарованный всхлип. Майор решил не ждать, пока до светлых мозгов атамана дойдет факт появления на территории его ставки непонятого незнакомца весьма угрожающего вида и, легонько толкнув плечом стоящего перед ним лихого вояку в съехавшем набекрень картузе, отчего тот отлетел в сторону и мешком свалился на землю, двинулся вперед.

Картина, которую он застал в избе, была абсолютно предсказуема. За широким столом, уставленным мисками и блюдами героических пропорций, на дне которых еще сохранились остатки простых крестьянских кушаний, сидело развалившись несколько человек. Все были пьяны. Давешний мужик топтался у плеча дородного мужчины, одетого несколько красочнее других, и, наклонившись к его уху, что-то возбужденно шептал. Майор усмехнулся и сделал еще два шага вперед. Атаман поднял на него осоловелый взгляд и икнул:

– Энтот, што ля? Мужик кивнул:

– Ага.

Атаман несколько мгновений пялился на майора, силясь понять, что ему надлежит делать в этой ситуации, потом устало опустил голову на кулаки:

– А ну яго к шуту. Опосля решим, чога с им делать. А пока посади яго в поруб.

Мужик ошалело уставился на атамана, но перечить не решился. Он боком выбрался из-за стола, выдернул барабанник из кобуры, висевшей на вбитом в стену гвозде, и с опаской посмотрел на майора:

– Ты это, того... не балуй. – И он потешно выставил вперед барабанник, словно это было не оружие, а некий веский аргумент, подтверждающий обоснованность его претензий.

Майор вздохнул. Люди этого мира испытывали несколько непривычный для него пиетет перед своими примитивными железками, но что уж тут поделаешь...

– Ладно, – миролюбиво согласился майор, – в поруб так в поруб, только вот что, мил человек, я со вчерашнего утра ничего не ел, так что... – И он развел руками.

Мужик, слегка приободрившись, снова качнул барабанником и задиристо сказал:

– Давай, кормить тебя еще...

Но видя, что майор не двигается с места, торопливо сгреб со стола остаток окорока, миску с квашеной капустой и каравай хлеба, а потом, опасливо покосившись на прикорнувшего атамана, еще и бутылку с монастырским вином, в которой оставалось чуть больше половины.

– Ну, хватит с тебе, не доводи до греха. Майор кивнул, подошел к столу, бесцеремонно отодвинул голову одного из сотрапезников, прихватил миску с картошкой, густо политой топленым маслом, бросил туда же грудку гуся и направился к двери.

Из поруба, оказавшегося просто одной из монашеских келий, майора извлекли около полудня. Его вывели на площадь, где уже собралась практически вся банда. Майор окинул взглядом изрядно помятые лица – видно, похмельный синдром был так силен, что его не снимал никакой рассол. Прямо перед ним располагались главари банды. Их физиономии тоже несли следы вчерашнего возлияния. Мужик, который вчера вечером проводил его до поруба, и на этот раз торчал за плечом атамана. Майор усмехнулся: все складывалось так, как он и ожидал. Идя вчера по следам банды, он составил довольно простенький план действий – особо не задерживаясь, разделаться с верхушкой, уполовинить число остальных бандитов, а прочих запугать до такой степени, чтобы им никогда больше и в голову не пришло выйти на большую дорогу. Но к тому моменту, когда он пришел в деревушку, почти все ватажники были уже в таком состоянии, что хоть четвертуй их на месте – а ничего, кроме пьяного мычания, от них не услышишь. Так что акция устрашения не имела бы никакого смысла. Позже, взглядываясь в развеселые простецкие лица, майор пришел к выводу, что основной причиной, почему эти люди сбились в банду, была бесшабашность да обыкновенная безнаказанность. Хотя, судя по рожам главарей, костяк банды составляли настоящие налетчики, возможно, даже «деловые» со стажем, остальные же были, скорее всего, крестьяне из окрестных деревень, и у него даже мелькнула мысль, не создать ли на базе этой банды что-то вроде партизанского отряда. Это было бы весьма кстати в преддверии наступления «соратников». Вот почему он вчера безропотно отправился в поруб, решив плотно поужинать и отоспаться. Он был уверен – атаман непременно позаботится о том, чтобы подготовить для него сценическую площадку, как раз такую, какая и требовалась для реализации его плана. И не ошибся.

Атаман, страдальчески морщась, но при этом стараясь выглядеть грозно, спросил:

– Ну, че скажешь?

Майор с нарочитым безразличием посмотрел вокруг. Шестеро главарей сидели на вынесенных из избы стульях, за ними и по бокам стояло еще человек десять. Эта компания расположилась вольготно, занимая почти половину небольшой площадки. Остальные толпились на той стороне, где стоял майор, позади него, точно крестьяне на сельском сходе перед старостой, урядником и уездным старшиной. Что ж, все как он и предполагал. Майор решил как следует присмотреться к главарям. Надо было решать, кого он оставит в живых. Ибо скучившемуся за его спиной стаду требовался вожак. Иначе перепуганные тем, что скоро произойдет, крестьяне попросту разбегутся.

– Эй ты, ыбло, я тебя спрашиваю? – подал голос недовольный атаман.

Майор посмотрел на него в упор:

– А кто ты такой, чтобы спрашивать?

– Чего-о-о? – удивленно протянул атаман, вытаращив глаза, потом быстро зыркнул по сторонам. Лицо его налилось злобой. – Ах ты...

– Я – генерал, князь Росен, личный военный советник его величества суверена. – Он высоко поднял голову и застыл на миг в гордой позе, дабы подчеркнуть весомость своих слов, и вдруг совсем другим тоном, с насмешкой в голосе спросил: – А что, не найдется ли здесь кого-нибудь, чтоб объяснил мне, кто такой этот убогий и что он здесь делает?

Эта фраза понадобилась ему, чтобы максимально ограничить рамки ответных

действий атамана. Он решил его убрать, но совершать НЕМОТИВИРОВАННОЕ убийство ему не хотелось. Сзади возбужденно загалдели. Атаман вскинулся:

– Это какого ж такого суверена? Князь презрительно улыбался. Как легко заставить этих людей поступать так, как хочет он.

– Повторяю для убогих: его величество Коней Второй.

Атаман зашелся злым смехом, но ненадолго – что-то насторожило его в том, как возбужденно загудела толпа, и особенно в подозрительном спокойствии своих по-дельников. Он резко оборвал смех:

– А нет у нас никакого суверена. Был да и сплыл весь. Отрекся.

Князь усмехнулся:

– Уже нет. Увидев, что такие козлы, как ты и твои прихлебатели, – он покачал перед собой пальцем, как бы обводя тех, что находились перед ним, – натворили со страной, суверен аннулировал свое отречение. – Князь шагнул вперед и зловещим полупшепотом завершил свою речь: – Все, кончилась ваша вольная жизнь. Скоро таких, как вы, всех к стенке поставят.

Это была последняя капля. Атаман вскочил на ноги:

– Ах ты ыбло... А ну, паря, хватай его! Он нас к стенке поставить хочет, так мы его первого...

Но тут поднялся со стула один из атамановых товарищей, кряжистый мужик с плечами молотобойца:

– Постой, Гугля, тут разобраться надо. Атаман ожег его бешеным взглядом и, развернувшись, ударил кулаком в челюсть. Ударил с такой силой что, казалось, звон прошел, но мужик даже не пошатнулся, только чуть откинул голову. Над поляной повисла мертвая тишина. Мужик утер кровь, сочившуюся из разбитой губы, и медленно покачал головой:

– Значит, вот оно как...

На лице атамана мелькнула тень испуга, но злость пересилила.

– Помолчи, Кудень. Счас мы энтого кончим, тады поговорим.

Кудень оглянулся на стоявших позади атамана и снова качнул головой:

– Э нет, Гугля, пока ты «соратников» и богатеев пощипывал да поезда шерстил, это одно. А я супротив суверена не пойду. – Он резко повернулся, сжав кулаки размером с добрую кувалду каждый, и, бросив: «Пошли отседа, братья», неторопливо направился к крылечку избы. Еще трое таких же, как он, квадратных показались из-за спины атамана и молча двинулись следом. Атаман проводил их злым взглядом, царапая пальцами рукоятку торчащего за кушаком барабанника, и в бешенстве повернулся к гудевшей точно улей толпе ватажников из крестьян:

– А ну цыц!

Те попритихли. Атаман уставился на майора:

– Ну вась сиясь, попортил ты мне крови. Молись! – Он выхватил барабанник.

Майор быстро окинул взглядом людей, сидевших и стоявших рядом с атаманом.

Лишь у мужичка, который сопровождал его в поруб, на лице ясно читалось отчаянное желание оказаться где-нибудь подальше от этого места. Все остальные были полны возбуждения и злорадства. Атаман, оскалившись, вскинул барабанник. Майор усмехнулся про себя и неуловимым для глаза движением скользнул вперед.

...Когда он остановился, на площади царил мертвая тишина. Он выпустил из рук тело с перебитой шеей и повернулся к толпе. Ватажники, оцепенев, смотрели на него с благоговейным ужасом. Кудень и его братья, успевшие дойти до избы, застыли у ступенек крыльца, не отрывая от него глаз. Майор встряхнулся, будто большой пес после хорошей драки, повелительным мановением руки подозвал Куденя и, высоко вскинув голову, заговорил:

– Крестьяне! Я знаю, что по законам божьим и суверена все вы несете на себе печать вины за тяжкие грехи и законом наказуемые деяния. – Он сурово посмотрел на толпу, медленно переводя взгляд с одного лица на другое, и возвысил голос: – Да, ничего не может

сделать один человек с другим без его на то согласия. Но я знаю также и то, что вы погрязли в грехе и лихе не только по собственной воле, – он грозно нахмурил брови, – но и по наущению недобрых людей. – Майор гневно посмотрел туда, где валялись в беспорядке покалеченные тела. – Однако они все мертвы! – Он снова возвысил голос, этим нехитрым приемом напрочь отрезая Куденя и его братьев от тех, с кем они всего несколько минут назад были подельниками. – А у вас появилась возможность заслужить прощение суверена. – Майор замолчал.

Над площадью, повисла звенящая тишина. И в этой тишине раздался чей-то рыдающий голос:

– Да мы, ваша милость... завсегда...

И тут словно прорвало плотину. Толпа дружно повалилась на колени, крича о верности трону и что они готовы, не щадя живота своего... Князь усмехнулся про себя и, сурово сведя брови на переносице, заговорил снова.

* * *

Из-под балкона в очередной раз ухнуло: – И-и-и РАЗ! – И гулкий, слитный грохот сотен подкованных каблуков, одновременно рубанувших по пыльной брусчатке, вновь ударил по барабанным перепонкам.

Тесс повела глазами по сторонам. Отец застыл у балконных перил, словно собственное изваяние, картинно вскинув ладонь к козырьку фуражки и воинственно топорща усы. Справа и слева от него с донельзя важным видом толпились военные в парадных мундирах и расфуфыренные штатские. Все очень сильно напоминало обычный парад по случаю Дня тезоименитства, за единственным исключением – рядом с отцом не было матери, да и вообще из членов семьи присутствовала только она одна. Виноват в этом был князь, который вчера, во время вечернего чаепития, со всей возможной деликатностью, но так убедительно, что все находившиеся за столом не могли не согласиться в конце концов с его доводами, порекомендовал отцу во время парада ограничиться присутствием на балконе лишь одной из дочерей. Мать было вскинулась, но промолчала, лишь обдала князя недовольным взглядом и сердито поджала губы. Ну и, конечно, узкая, грязноватая улица внизу сильно отличалась от широкого Елисейского проспекта.

Тесс повернула голову и незаметно посмотрела из-под ресниц туда, где стоял бриттец. Ну так и есть – он, как всегда, пялится на нее. Девушка слегка нахмурилась. Вот еще, не хватало кавалера. Хотя, если быть честной, такое пристальное внимание со стороны этого симпатичного молодого человека, который, ко всему прочему, представлял один из древнейших родов Бриттской империи, ей немного льстило, но ведь она твердо решила, что только один из ныне живущих мужчин достоин ее любви. Правда, до сих пор все ее хотя и не слишком бросающиеся в глаза, но упорные усилия обратить на себя его внимание не привели ни к какому мало-мальски заметному результату, так что ей даже стало казаться, что та улыбка в саду у дома священника ей только пригрезилась. Но Смиль, с которой Тесс довольно тесно сблизилась, регулярно докладывала ей, что и намного более активные усилия множества других дам, среди которых были даже такие звезды, как баронесса Эмкорн, тоже ни к чему не привели. Даже самые откровенные предложения князь выслушивал с приветливой миной, но абсолютно равнодушно. Где-то он сейчас? Тесс закатила глаза и страдальчески скривила губки. Но долго страдать терпения у нее не хватило, она улыбнулась самой себе и покосилась в сторону балконной двери. Смиль, которую Тесс, мужественно преодолев демонстративное неудовольствие матери (от мысли о том, что ей это удалось, девушку все еще бросало в оторопь), оставила при себе чем-то средним между служанкой и фрейлиной, вместо того чтобы, как того потребовала мать, стоять наготове с нюхательной солью в руках и в случае чего тут же поднести ее Тесс, позабыв обо всем, восторженно любовалась парадом. Тесс нахмурилась, но тут же улыбнулась. Ну вот, с чего это ей быть недовольной? Нюхательная соль ей совсем не нужна, а Смиль конечно же никогда не видела военных парадов. Во всяком случае, никогда не

любовалась этим зрелищем, стоя почти что рядом с принимающим парад сувереном. Привычка повелевать людьми, даже теми, кто еще полгода назад ответил бы на просьбу юной принцессы лишь снисходительной улыбкой, а теперь бросался исполнять ее приказания и даже маленькие капризы с не меньшим рвением, чем те, что исходили от ее маменьки, уже начала потихоньку впитываться в кровь Тесс, хотя порой это повергало ее в тихое изумление. Похоже, за последние несколько месяцев с ней действительно что-то произошло. Что-то, что совершенно изменило отношение к ней людей. Кроме НЕГО. Тесс вздохнула, посмотрела вниз, где шли войска, потом на стоявших на балконе господ. Они ее раздражали. Тоже мне, стоят, пыжатася. В раздражении, вдруг охватившем Тесс, было что-то детское, но то, что человек, больше чем кто-либо другой имеющий право находиться здесь, рядом с отцом, пребывает неизвестно где, ей очень не нравилось. А может быть, дело было в том, что она предпочла бы видеть этого человека не столько рядом с отцом, сколько рядом с собой. Тесс нахмурилась и тяжело вздохнула. Если бы князь счел нужным быть сегодня здесь, то он был бы здесь обязательно. И ее желание тут ничего не значило. Даже ее мать, перед которой сам граф Ватренов, величавый гофмаршал двора, ходил на цыпочках, с князем вела себя подчеркнуто послушно. Тесс снова бросила взгляд на Смиль: та подобралась к распахнутому окну и высунулась наружу, возбужденно блестя глазами и кокетливо выпятив губки. Мысли принцессы приняли совершенно другое направление. За циркачами недаром тянулась слава людей свободных нравов. Хотя Смиль была всего на три года старше Тесс, у нее уже был вызывающий уважение опыт в столь деликатной сфере, как плотская любовь. Причем кое в чем он превосходил, наверное, все, что было доступно даже таким куртизанкам, как баронесса Эмкорн, о которой при дворе ходили слухи, что она каждый вечер ложится в постель с новым мужчиной. Во всяком случае, первыми учителями, и, если можно так выразиться, ограничителями любовных умений циркачки были искусные в подобного рода наслаждениях акробаты, силачи и наездники. А ведь, по тем же слухам, даже баронесса Эмкорн отдавала предпочтение именно циркачам и, лишь когда таковых не оказывалось под рукой, снисходила до светских повес и гвардейских офицеров, не брезгуя подчас даже извозчиками, молотобойцами и забойщиками скота. Так что если сначала Тесс краснела как рак и быстро обрывала слишком откровенные рассказы циркачки, то с течением времени их ночные посиделки вошли в обычай, становясь все продолжительнее. Конечно, не всегда их разговор сводился к этим интимным подробностям (Смиль оказалась довольно наблюдательной, и Тесс вдруг поняла, что совершенно ничего не знает о внутренней жизни людей), но именно эта часть их бесед волновала ее больше всего. Хотя ее бросало в жар от одной мысли, что будет, если мать застанет их однажды за таким разговором. Она поделилась своими опасениями со Смиль. Та посмотрела на нее с удивлением:

– А ты думаешь, она не знает?

– То есть... как?

Смиль хмыкнула и приняла покровительственный вид:

– А зачем еще, ты думаешь, мне разрешили спать в твоей комнате?

Тесс озадаченно нахмурилась. Циркачка с улыбкой пояснила:

– Ну кто еще тебе про все ЭТО расскажет? Не у матери же тебе спрашивать. Тем более – я вижу, твоя суровая мамаша совсем не против, чтобы ты заарканила этого непонятного князя. – Она с нарочитой похотливостью облизнулась. – Очень лакомый мужчинка. Вот она и решила сделать так, чтобы ты, когда подвернется случай, была во всеоружии.

Тесс вспыхнула:

– Не смей так говорить.

Смиль усмехнулась и, независимо дернув плечом накрылась с головой одеялом и отвернулась к стене. Из-под одеяла послышалось кроткое:

– Повинуюсь, ваше высочество, – и ехидный смешок.

* * *

Воздух задрожал от восторженного рева, и Тесс вернулась к действительности. Войска прошли, и теперь перед балконом текла толпа радостных граждан. За тот месяц, что они находились здесь, Коев стал чем-то вроде новой столицы. Во всяком случае, по количеству представителей родовитых фамилий, известных политиков и генералов Коев сегодня, наверное, мог дать фору любой из столиц, конечно, в их нынешнем состоянии. Хотя это было не только и даже не столько заслугой отца Тесс. За несколько месяцев генерал Тропин сумел создать некий оазис порядка во всеобщем хаосе, охватившем страну, и сюда со всех сторон потянулись люди, потерявшие было всякую опору и надежду. Среди них было много пустых прожигателей жизни, лишившихся накопленных поколениями их предков миллионов и потому озлобленных на всех и вся. Но в большинстве своем это были люди, которые составляли славу бывшей империи, – врачи, университетская профессура, инженеры, все те, кто не мог жить без чувства самоуважения, сознания ценности честного труда, образованности и добросовестного отношения к делу. Их мало привлекала как новая власть, так и возникающие в разных местах всяческие самозванные правительства, комитеты и иные группы людей, ничтоже сумняшеся возложивших на себя почетное звание спасителей отечества. А с появлением суверена число стекающихся в город людей начало множиться быстрыми темпами, потому что теперь у них появилась надежда. Впрочем, это было не только и даже не столько заслугой генерала. Основную ношу нес на себе граф Бронков. Тесс только недавно с удивлением узнала, что у нее есть еще один дядя. Прежде девушка как-то не обращала внимания на то, что, когда в их семье заходил разговор о дедушке, в тоне отца сразу появлялась некоторая натянутость. И лишь месяц назад она узнала причину.

Тесс вздохнула и зажмурилась, вспомнив встречу отца и дяди. Это произошло на следующий день после их прибытия в Коев. Благодаря господину Юри и его офицерам первый день прошел спокойно. Они отоспались, помылись в бане и немного пришли в себя. А на полдень следующего дня было назначено первое заседание Комитета в присутствии суверена. Все члены Комитета и все те, кто имел право, как, впрочем, и те, у кого достало влияния, денег или напористости, собрались в дивизионном офицерском собрании. Отец появился, когда все уже начали проявлять нетерпение. Но стоило невысокой фигуре суверена показаться в проеме двери, как зал взорвался приветственными криками. Отец несколько мгновений постоял, благодарно кивая головой, и направился к центральному столу, накрытому черно-желтой скатертью, где торжественно пожал руку генералу Тропину:

– Благодарю вас, господин генерал, за заботу о моих подданных, за веру и честь.

Все опять радостно закричали. Отец повернулся к человеку, стоявшему рядом с генералом, на мгновение замер, потом упрямо вскинул голову и, шагнув вперед, порывисто обнял его. В наступившей тишине громко прозвучал его голос:

– Спасибо, брат.

Зал на мгновение замер, а потом все потонуло в вопле восторга.

Вечером мать рассказала Тесс, что граф Бронков – незаконнорожденный сын ее дедушки. Семья суверена долгое время отказывалась признавать даже сам факт его существования, но граф, похоже, получил от отца полную меру упорства и настойчивости, предназначавшуюся для обоих сыновей. Приняв гражданскую фамилию Ракита, он добился немалых успехов на поприще гражданской службы. Так что даже высший свет, поначалу настроенный к графу крайне неприязненно, стал принимать незаконнорожденного отпрыска бывшего суверена довольно благосклонно. Правда, это произошло, когда ему шел уже пятый десяток.

Тот, о ком грезил юная принцесса, стоял между тем на западном, обрывистом берегу реки Кеты, у единственного почти на сто верст в обе стороны моста, и смотрел в бинокль на противоположный берег. Рядом тем же самым занимались человек двадцать офицеров в звании от полковника до полного генерала. Пилот скромно притулился у переднего крыла одной из пяти машин, на которых они добрались сюда из Коева за неполных семь часов. Генерал Боуран, получивший почти всемирную известность после организации беспрецедентного летнего прорыва шестнадцатого года на Юго-Восточном фронте и лишь

две недели назад добравшийся до Коева с группой преданных ему офицеров под видом паровозного кочегара, опустил бинокль и повернулся к князю:

– И вы собираетесь строить рубеж обороны именно здесь? По западному берегу? – Он саркастически улыбнулся. С князем он был еще мало знаком, а к невероятным историям о его геройских подвигах относился как к фольклору.

– Не совсем и не сразу. – Князь усмехнулся. – Я готовлю «соратникам» гораздо большую неприятность, чем просто отражение их наступления. – Князь посмотрел куда-то вдаль. – Надо быстрее закончить эту глупую войну. – Сказав это и не обращая ни малейшего внимания на иронические взгляды, он повернулся и пошел к машине, где стоял пилот. – Карту, пожалуйста, – обратился он к нему. – Вот, смотрите, господа, основная идея нашей кампании будет заключаться в следующем...

Четыре часа спустя, сидя в автомобиле, несшемся по тряской дороге обратно в город, князь искоса посмотрел на генерала Боурана, что-то быстро писавшего на полях разложенной на коленях карты, потом перевел взгляд на пилота. Тот понимающе улыбнулся уголками губ. Сидевшие сзади офицеры тихо переговаривались. Они были в некотором смущении. Еще бы! Сначала то, что изложил князь, показалось им, профессиональным военным, не то чтобы уж совсем невероятным, но похожим больше на некое благое пожелание, чем на реальный план. Однако, когда князь начал все тем же спокойным и даже бесстрастным тоном излагать подготовленные им варианты типовых боевых приказов, начиная от уровня полков и кончая полным боевым приказом об обороне по всей войсковой группировке, разворачивая на том же капоте подготовленные и покрытые условными обозначениями склейки карт, выполненные в стандартной педантично-казенной манере его величества Академии Генерального штаба, полупрезрительные улыбки на губах столпившихся вокруг карты офицеров сначала сменились на недоуменные, а потом и вовсе исчезли. Когда князь закончил, посыпались вопросы, а когда поток вопросов иссяк, генерал Боуран задумчиво покачал головой:

– Знаете, ваше сиятельство, СЕЙЧАС все изложенное вами уже не кажется мне бредом. Но если вы к тому же сумеете воплотить все это в жизнь, то... – И он развел руками.

В ответ на столь двусмысленный комплимент князь с легкой улыбкой поправил генерала:

– Мы, генерал, МЫ! – Он мгновение помолчал и вдруг заговорил каким-то необычно жестким тоном: – Обязательно воплотим. А тот, кто по неумению, недопониманию, излишнему самомнению либо еще по какой причине будет нам мешать... – Он не стал говорить дальше, но всем было ясно, что он имел в виду. О случае с атаманом Друзем все были наслышаны.

В Коев они добрались к вечеру. Гулянья по случаю Дня тезоименитства были в самом разгаре, но офицеры слишком устали, чтобы принять в них участие. К тому же уже завтра необходимо было начинать переброску и разворачивание частей на рубежах, указанных в плане, а также отбор и формирование подвижных маневренных групп. Так что большинство предпочло воспользоваться последней возможностью выспаться. Однако пилот с майором засиделись допоздна. Пилот назавтра отправлялся в монастырь для организации действий банды Куденя, а майору предстояла дорога в обратном направлении, в Северогорск. Там на местном морзаводе под присмотром Круиффа полным ходом шли работы по демонтажу орудий главного калибра старенького броненосца «Морской лев», уже несколько лет ржавевшего у стенки, и установке их на специальные железнодорожные платформы, оснащенные подъемно-поворотными механизмами наведения. Кроме того, там же, в железнодорожных мастерских северного направления, заканчивалась сборка четырнадцати бронеплощадок с уже давно снятыми с того же броненосца и валявшимися до последнего времени в дальнем углу двора мощными восьмиграндовыми орудиями, хотя и устаревшими. Об этих сюрпризах майор говорить генералам пока поостерегся. Мало ли как сложатся превратности военной судьбы, может, кто из них попадет в лапы «соратникам», а уж в том, что "Особый комитет умеет развязывать языки, сомневаться не приходилось. Все, что офицеры уже узнали, конечно, тоже достаточно конфиденциально, но если даже кто-нибудь

из них попадет в руки Особого комитета и выложит все подчистую, то все равно ничего особо эффективного противопоставить им «соратники» не смогут. Просто у них нет для этого ни знаний, ни подготовленных командиров, ни обученных солдат. Одна масса. Правда, очень большая. По косвенным данным, доходившим из древней столицы, «соратники» стянули туда почти полмиллиона штыков, причем сосредоточение еще не закончилось. Когда часы пробили два часа ночи и все основные темы были обсуждены, пилот, посмотрев в окно, за которым была крошечная тьма, абсолютно невозможная в привычных им городах двадцать третьего столетия, вдруг тихо спросил:

– Как ты думаешь, чем это закончится? Майор, немного помолчав, так же тихо ответил:

– Не знаю... Нам остается лишь следовать завету древних: «Делай что должно – случится чему суждено». Пилот вздохнул:

– Сейчас мне кажется, что американец был прав. Это же не Земля! Нам не было никакого резона влезать в это дело.

Майор усмехнулся и скептически вскинул бровь:

– Думаешь?

Пилот досадливо поморщился:

– Ты не понимаешь... – Он осекся, не в силах объяснить то, что чувствует.

– Дело в том, что как раз понимаю, – посерьезнел майор, – просто... – Он не договорил и внезапно переменял тему: – Когда нашу группу подвергли глубокой геномодификации, с нами серьезно работали психологи. Я знаю о возможностях и подводных камнях нашей психики достаточно много, чтобы понять, что с тобой происходит, да и не только с тобой... Со мной это тоже творится, да и Айвен уже на грани. Хотя, возможно, сам этого пока не осознает.

– И что же? – В вопросе слышался скептицизм. Майор откинулся на спинку стула, жалобно скрипнувшему под его тяжестью, и подпер подбородок кулаком:

– В настоящее время это носит название синдром Пэлли. В НАШЕ настоящее время. Дело в том, что, хотя мир существует как объективная реальность, каждый человек воспринимает его сугубо эгоцентрически. Он как бы выстраивает вокруг себя несколько оболочек: первый слой – дом, любимые вещи, близкие люди, привычки, любимые книги и передачи, второй слой – улица, город, любимые места, сослуживцы и приятели, с которыми общаешься, дальше идут третий, четвертый и другие слои. Они создают для нас комфортную психологическую среду, такую броню нашей психики. Конечно, время от времени она может нарушаться, например, могут появиться люди, с которыми нам неприятно общаться, или произойдет авария в доме, разобьется любимая бабушкина чашка или умрет близкий человек, но основа, к которой мы привыкли и которая сформирована при нашем активном участии, остается.

Пилот усмехнулся:

– Ну, при нашей-то профессии я бы не был так уверен в незыблемости каких бы то ни было основ. Насколько я помню, у тебя было двенадцать глубоких забросок. У меня три, но я моложе, и у меня все впереди... – Он запнулся и поправился: – Было.

Майор покачал головой:

– В этом и ответ. Я имею в виду твое последнее слово. Все наши заброски, то есть погружения в абсолютно инородную среду, хотя это еще вопрос, насколько она инородна, – современное нам общество настолько глобализовано, что об абсолютной инородности я бы не говорил, – носили ВРЕМЕННЫЙ характер. Мы знали, что если выживем, то ОБЯЗАТЕЛЬНО вернемся в привычную среду. – Он умолк на мгновение, затем сухо сказал: – А здесь мы НАВСЕГДА.

– Возможно, ты прав, – задумчиво проговорил пилот. – Но мы здесь уже почти год, а я начинаю чувствовать ЭТО только теперь...

Майор усмехнулся:

– А вот за это благодари нашу специфическую подготовку. У нас с тобой большие адаптационные способности. Как врожденные, ибо иначе тебя бы никогда не отобрали для

работы в нашей системе, так и благоприобретенные путем накопления опыта или под воздействием тренеров и психологов. К тому же сначала твое подсознание воспринимало все происходящее как очередную заброску. Да и все наши способности были мобилизованы для выполнения текущих задач, грубо говоря – для выживания. И только теперь, когда впереди забрезжило окончание того, что ты подсознательно воспринимал как очередное задание, – подняла голову безысходность.

Они некоторое время сидели молча. Пилот вздохнул.

– Возможно, ты прав, – сказал он, грустно улыбаясь, – никогда бы не подумал, что в программу подготовки боевиков входит такое глубокое изучение психологии.

Майор рассмеялся:

– Да нет. Просто наши «яйцеголовые» сделали выводы из прошлых неудач и накачали нас этой информацией, чтобы мы сами смогли засечь, если с нашей психикой вдруг пойдет что-то не так. Хотя, по-моему, они и сами не были уверены в том, что это возможно.

Пилот встал и прошелся по комнате. За окном уже серело. Он остановился и несколько минут не отрываясь смотрел на раскачивающиеся ветки деревьев, так напоминавших обыкновенную березу, только не с зубчатыми листьями, а гладкими, более округлой формы, потом повернулся к майору:

– И как мне с этим бороться?

Майор пожал плечами:

– Мне кажется, никак. Я тебе уже говорил, что у нас троих очень высокий уровень адаптации. Все нормализуется само собой.

Пилот хотел сказать что-то еще, но в этот момент в коридоре послышался дробный грохот каблучков. Шаги быстро приближались, кто-то со всей силы забарабанил в дверь:

– Ваше сиятельство! Ваше сиятельство, вы здесь? Резко открыв дверь, майор столкнулся нос к носу с запыхавшимся вестовым из штаба.

– В чем дело?

– Суверен срочно требует вас к себе. Князь и с ним пилот, не говоря ни слова, быстро вышли.

– А что случилось? – спросил на ходу князь семенившего следом вестового.

Тот сглотнул и глухо ответил:

– Из столицы пришло сообщение. «Соратники» расстреляли заложников, которых держали в Ташевских бараках. Всех. Семь тысяч человек.

Майор резко замедлил шаг, так что вестовой от неожиданности врезался ему в спину и отскочил, будто теннисный мячик от стены, и повернулся к пилоту.

Мгновение они молча смотрели друг другу в глаза, потом пилот зло усмехнулся и сказал:

– Ты был прав, действительно, все прошло само собой.

* * *

Барабанник грохнул и дернулся в руке. Молодой русоволосый парень нагловатого вида, одетый в добротную, хотя и слегка засаленную бекешу, со скрученными за спиной руками, удивленно всхлипнул и медленно осел на пол. Вахмистр вскинул голову и обвел бешеным взглядом остальных пленников, явно ошеломленных таким развитием событий. За его спиной раздался сухой, скрипучий голос:

– Итак, я думаю, теперь всем понятно, ЧТО случится с вами при малейшем признаке неповиновения. Стало тихо. Голос добавил:

– Достаточно, соратник.

Вахмистр оскалил зубы в улыбке, от которой у пленников, которым еще хватало душевных сил, чтобы хоть что-то замечать, застыла в жилах кровь, и опустил руку с барабанником, тут же, впрочем, подняв другую, увенчанную синевато поблескивающим стальным крюком причудливой формы, похожим скорее не на приспособление для облегчения жизни безрукого инвалида, а на некое изощренное орудие пытки. Все невольно

вздрогнули, но вахмистру это не доставило никакого удовольствия. Это обычная реакция. Если бы ему еще полгода назад кто-нибудь сказал, что он станет тем, кем стал, – личным телохранителем и палачом самого соратника Птоцкого, вахмистр рассмеялся бы ему в лицо, а может быть, отходил бы нахала суровой казацкой плеткой. А вот поди ж ты, как повернулась судьба. Вахмистр попятился назад и там, за спинами марьятов, плотной толпой окруживших своего обожаемого вождя, поднес к носу ствол барабанника и втянул носом едкий, горьковатый запах сгоревшего пороха. Стало немного легче, хотя, если бы Птоцкий позволил ему немного «поиграть крюком», было бы лучше. Можно было бы даже полизать кровь: демонстративно, если надо припугнуть пленных, или тайком, как вот сейчас. Ему всегда нравилось убивать. На фронте, когда он на полном скаку вздевал вверх шашку и затем резко, «с оттягом», опускал ее вниз, а голова суматошно бегущего пехотинца лопалась с громким хрустом, разбрызгивая по сторонам сгустки крови и похожие на мятые тряпочки кусочки мозгов, его сердце екало и замирало от какого-то сладостного восторга. Он слыл храбрецом и лихим рубакой, но тайной причиной, почему он первым вызывался на самые отчаянные вылазки, было желание вновь испытать это чувство. Он немного стыдился его, однако после того, что сделал с ним ЭТОТ, стыд пропал. И теперь желание испытывать его снова и снова не отпускало его ни на миг. Правда, убийство больше не приносило ему прежнего сладостного восторга. Это походило скорее на ощущения после глотка кумара – популярной на Востоке едкой и вонючей смеси настоев наркотических трав, без которой люди, пристрастившиеся к этой отраве, не могли прожить и недели и ради глотка этой адской смеси были способны на все. Среди унганов таких называли «кумаровые рабы». Вахмистр видел их в унганских селениях. Женщин, которые за один глоток этого варева были согласны отдаться даже псу, и мужчин с остекленевшими глазами, готовых есть землю, лишь бы только собрать гроши на кумар. Где-то глубоко в его душе, где еще был жив тот расчетливый и прижимистый, но в то же время лихой и веселый казак, каким он был раньше, теплился огонек презрения к самому себе. Но этот огонек был слаб и бессилён, а в нынешнем его обличье было даже какое-то мрачное величие. И главное, эта жизнь давала ему возможность убивать. Часто и много. А потому гори все прахом.

Вахмистр прислушался – говорил соратник Птоцкий:

– Ну что ж, этих троих в подвал, а остальных... Вахмистр, встрепенувшись, рванулся вперед, предвкушая ПИР. Птоцкий уже вертел головой в поисках своего палача. Заметив вахмистра, он кивнул на обреченных:

– Убей их и... можешь не торопиться. – Он поднялся с кресла и направился к подъезду.

Вахмистр проводил его взглядом и повернулся к испуганным людям.

Птоцкий успел подняться на второй этаж, когда со двора до его ушей донесся отчаянный вопль.

* * *

Лето складывалось очень неудачно. Оглушительный и неожиданный почти для всех успех Комитетов действия, практически молниеносно захвативших власть в обессиленной войной и саботажем стране, так же неожиданно сменился полосой непонятных неудач. Поначалу это еще можно было как-то объяснить и даже предвидеть. В конце зимы комитеты начали почти повсеместно наталкиваться на сопротивление – кое-где пассивное, а кое-где и с оружием в руках. Все это в какой-то мере можно было объяснить самоуправством и наглостью некоторых комитетов, во главе которых стояли слишком амбициозные либо слишком жадные председатели. Но особой опасности это не представляло, более того, сам Птоцкий извлек из этих событий существенные выгоды. Он не был теоретиком-идеалистом и что такое на самом деле «угнетенный» народ представлял себе неплохо. Потому и начал, первым среди соратников, формировать отряды Гвардии вооруженной защиты свободы. Хотя от кого ее надо было защищать подобным образом, было пока не очень ясно. В результате, как только началась заварушка, которую он в тайне души ожидал, его позиции в

Центральном совете резко усилились. Ведь еще сразу после переворота, на первом же заседании, он поставил вопрос об организации настоящей регулярной армии. Однако в тот момент в Центральном совете царила эйфория, и соратник Срайя, редкостный демагог и порядочная сволочь, яростно выступил против – истинной революции, мол, не требуется иных сил обороны, кроме вооруженного народа. Когда же начались довольно серьезные вооруженные выступления, эти идеалисты, эти недоучившиеся студенты, семинаристы и аптекари так переполошились, что все его предложения, до того не раз и не два отвергнутые, прошли просто на ура. И жизнь показала, что он был прав. Самое крупное выступление – Освободительный поход – было успешно подавлено, причем без особых усилий. Казачки пограбили, развелись и оказали самое слабое сопротивление. Мелкие выступления были элементарно утоплены в крови, для чего сослужили службу массовые казни. А Вооруженные силы защиты свободы, находящиеся полностью под его, соратника Птоцкого, контролем, уже насчитывали к тому времени почти полмиллиона штыков, и к исходу лета он рассчитывал довести их численность до миллиона. Это означало что он поднимается на совершенно другой уровень, Именно таким путем шли диктаторы прошлого, превращаясь из скромных капитанов и полковников в полновластных властителей империй, в которых никогда не заходит солнце. Но вдруг все пошло наперекосяк. Сначала этот невероятный побег суверена. Конечно, сам по себе суверен не представлял большой угрозы, особенно после отречения. Слабый, мнительный, нерешительный и добросердечный человек средних лет. Но окружавший его ореол самодержавия был чрезвычайно опасен в малограмотной крестьянской стране. К тому же общество, досыта нахлебавшись «преимуществ» новой власти и слегка подзабыв тяготы двух последних лет войны, проигранной, кстати, во многом именно из-за саботажа «соратников», качнулось к убеждению, что «при государе было намного лучше».

В первые дни после побега у Птоцкого теплилась надежда, хоть и слабая, что суверен с семейством просто сбежит к родственничкам за рубеж. Это было бы совершенно в его характере. Однако оказалось, что он жестоко ошибался. Суверен не просто объявился по эту сторону хребта. Он сделал это с триумфом. Посланные для его поимки части, перед которыми стояла задача просто разогнать сброд, сбежавшийся к внезапно возникшему из небытия государю, вдруг оказались наголову разбиты этим самым сбродом. На востоке, где только-только установилось было спокойствие после подавления мятежа генерала Истока и атамана Друзя, внезапно возникла новая угроза, на сей раз гораздо более серьезная. Люди, поставленные сувереном во главе восточного направления, пока не повторили ни одной ошибки своих предшественников, причем даже в такой сфере, как земельная и социальная политика. Затем суверен снова исчез и необъяснимым образом объявился уже на севере, в нескольких сотнях верст от старой столицы. И практически сразу же началась резкая активизация его недобитых прихвостней на севере, юге и северо-востоке... Во всем происходящем было много необъяснимого. У суверена как будто совершенно изменился характер. Теперь это был совсем другой человек – жесткий, волевой, с молниеносной реакцией и волчьей хваткой. Центральный совет в панике принялся бомбить соратника Птоцкого отчаянными телеграммами с требованием немедленно прибыть в столицу для организации обороны и «защиты завоеваний революции», под которыми они подразумевали собственные задницы. Птоцкий сначала не обращал на эти панические вопли особого внимания, занятый расследованием бегства суверена и спешной организацией Восточного фронта. Но сегодня он получил сообщение, которое просто вынуждало его немедленно бросить все дела и срочно выехать в старую столицу, хотя на главу Восточного бюро соратника Грумбу, соратника хоть и проверенного, но малограмотного, склонного добиваться добросовестности от военспецов и поднимать дух армии регулярными расстрелами, надеяться было нельзя – его поставили на этот пост просто потому, что никого лучше под рукой не оказалось после того, как соратник Шайдар поплатился головой за поражение. Это была первая казнь, совершенная его новым палачом. Впрочем, все это не важно. Главное – это что тот, кого он знал под именем прапорщика Косика и кто, по словам вахмистра, носил имя князь Росен, вновь объявился в Коеве. Птоцкий интуитивно

чувствовал, что все необъяснимые перемены, сулящие им еще много неприятностей, связаны именно с ним. И вот сегодня он получил этому неопровержимые доказательства.

В старую столицу они прибыли к концу недели. Город был переполнен войсками. Их состав из трех бронированных и десяти обычных классных вагонов остановился на запасном пути Восточного вокзала, втиснувшись между двух конвойных бронепоездов. Марьяты из личной охраны «соратника» тут же заменили всю охрану и выставили посты у пакгаузов, ближайших стрелок и до самого моста. К поезду подали большой крытый «соне-бельмиль», и Птоцкий в сопровождении двух броневиков и десятка конных марьятов укатил в городской Комитет, в котором располагался штаб обороны.

Вахмистр вылез из вагона и прошелся вдоль путей. Он уже проезжал через древнюю столицу во время той войны. Это был крупнейший железнодорожный узел, который никак не могли миновать воинские эшелоны, шедшие с востока. Помнится, их в тот раз даже выгрузили и разместили в казармах столичного гарнизона. Дело было ровно за две недели до Дня тезоименитства, и их бригада должна была участвовать в военном параде. Но тут грянула катастрофа с армией генерала Ренкенфонка на Западном фронте, так что они не успели даже приступить к строевым тренировкам, как их снова загрузили в эшелон и отправили затыкать образовавшуюся дыру. Так что тот раз не в счет. Вахмистр добрался до пакгаузов, перешел пути и вышел к мосту. С высокого берега город был виден как на ладони. Расстояние скрадывало запустение и грязь на улицах, выбитые окна и выщербленные пулями фасады домов, оставшиеся в таком виде после зимних боев. Высившиеся вдали белокаменные стены Детинца на холме и золотые купола над ним, освещенные ярким летним солнцем, древние монастыри, оседлавшие верхушки остальных шести холмов (в древности столица располагалась, как говорилось в летописях, на семи холмах), бесчисленные крыши домов – все это складывалось в величественную картину, приводившую в восхищение не одно поколение художников. Внезапно вахмистр вздрогнул, словно его ударил кто-то невидимый. Панорама города вдруг померкла, за клубилась черным туманом. Вахмистр втянул в себя этот густой туман и закашлялся, вдохнув слишком много. Он вдохнул еще раз. Туман пах смертью, это была эманация смерти. Вахмистр жадно вдохнул еще и еще. Нет, определенно этот город ему нравился.

Птоцкий появился только под утро. У «соратников» была странная привычка все самые важные дела начинать никак не раньше полуночи. Недаром суеверные обыватели их втихомолку называли подручными Темного и Нечистого. Впрочем, ночные сидения вряд ли были основной причиной этих слухов, скорее так, лишним штришком.

Птоцкий прибыл не один. Вместе с ним из авто выбрался такой же худой и еще более длинный господин несколько барственного вида, с узкой бородкой клинышком, затянутый в полувоенный френч, столь популярный в среде «соратников». Он на мгновение остановился, посмотрел на стоявших навтыжку марьятов, скривил губы в улыбке, выразившей непонятно что – то ли одобрение, то ли пренебрежение, кивнул и быстро скрылся в бронированном салон-вагоне Птоцкого. Вахмистр проводил его взглядом. От этого человека исходила такая могучая эманация смерти, что его чуть не вывернуло, как когда-то в детстве, когда отец купил ему на ярмарке большого леденцового петуха и он так вцепился в него зубами, что сдернул с палочки и тот застрял у его в глотке. Этот человек имел более близкие отношения со смертью, чем даже сам Птоцкий. Похоже, он каждый день самолично преподносил этой старой хрычовке богатое угощение.

Птоцкий вызвал своего палача ровно через полчаса. Он и гость сидели за скромно, по меркам Председателя Верховного комитета защиты революции, накрытым столом и интеллигентно беседовали. Когда вахмистр появился на пороге, гость окинул его цепким взглядом и его ноздри слегка вздрогнули. Как будто он тоже что-то почувствовал. Птоцкий отложил вилку и показал на вахмистра:

– Вот, соратник Марак, один из тех, кому мы... можем задавать вопросы. Он дольше всех общался с интересующим нас человеком.

Гость медленно кивнул. Потом поднял чашку и отпил чаю.

– Садитесь. Я бы хотел, чтобы вы рассказали мне о той встрече.

Когда вахмистр закончил рассказ, соратники переглянулись. Гость спросил, обращаясь к хозяину:

– А те, остальные? Птоцкий пожал плечами:

– Их рассказ не так интересен. Хотя, надо признаться, более впечатляющ. Все трое входили в состав отряда, охранявшего суверена. И оказались единственными уцелевшими. Из их рассказа выходит, что тот, кого именуют князем Росеном, просто вошел в дом, очень убедительно притворившись представителем Центрального совета, и перестрелял всех охранников. Гость поморщился:

– Один? Несколько десятков человек?! Вам это не кажется... несколько необычным? Птоцкий усмехнулся:

– Знаете ли, все, что я слышал об этом человеке, кажется мне, как вы изящно выразились, несколько необычным.

Гость согласно наклонил голову. Птоцкий продолжал:

– Я передам этих людей вам, и, смею надеяться, ваши специалисты сумеют выжать из них максимум. Кстати, один из них, бывший «деловой» по прозвищу Дубенек, проявил активное желание сотрудничать.

Гость снова кивнул:

– Что ж, в данном случае можно только приветствовать, что вы не поддались соблазну примерно наказать предателей и саботажников, что было бы совершенно законно.

Птоцкий зловеще улыбнулся:

– Ну, если бы они попали мне в руки сразу после побега суверена, то вы сегодня вряд ли их получили бы. На их счастье, – он хмыкнул, подчеркивая двусмысленность этого слова, – они успели сбежать и прибиться к банде. Так что к тому моменту, когда они все-таки оказались у меня в руках, я уже успел осознать их ценность как одного из немногих источников информации об интересующем нас человеке.

Гость одобрительно улыбнулся. Птоцкий взглянул на вахмистра:

– Можешь идти. – Он поднес чашку к самовару, открыл краник и налил себе чаю. Похоже, им предстоял еще долгий разговор.

* * *

Следующая неделя выдалась очень напряженной. Днем Птоцкий мотался по частям, заводам, железнодорожным мастерским, произносил пламенные речи на митингах, устраивал смотры, именем революции арестовывал и тут же выносил приговор, который вахмистр, не откладывая столь простого дела в долгий ящик, немедленно приводил в исполнение, или, наоборот, возносил кого-то из ротных в командиры полка, что, впрочем, отнюдь не означало, что в следующий приезд «соратника» новоиспеченный командир не пойдет в расход вслед за своим предшественником. К немалому удивлению вахмистра, с некоторой отстраненностью наблюдавшего за всей этой суматохой, эти на первый взгляд бестолковые метания начали приносить свои плоды. Огромная, неповоротливая людская масса, многочисленные полуанархистские отряды, члены которых служили не какому-то абстрактному делу защиты революции, а своему командиру, так что они походили скорее на средневековые разбойничьи шайки, в которых царил преданность вожаку, постепенно сбивалась, слипалась в подобие настоящей армии. И характерное для казаков полупрезрительное отношение вахмистра к гражданским, сунувшимся в военные дела, в отношении Птоцкого постепенно начало сменяться чем-то похожим на уважение.

Ночами Птоцкий пропадал в городском Комитете действия, куда он почему-то предпочитал ездить без своего телохранителя. Пару раз к нему в гости приезжал соратник Марак, но обычно они, видимо, встречались в кабинете соратника в здании Комитета. Несколько раз у поезда появлялись дюжие парни с бритыми затылками и в кожаных куртках, походившие скорее на громил, чем на бывших мастеровых или профессиональных подпольщиков, чтобы забрать арестованных, с которыми Птоцкий решил побеседовать поподробнее... А в остальном жизнь не очень отличалась от той, к которой вахмистр успел

привыкнуть в Катендорфе. Правда, убивать ему здесь доводилось не так часто, как раньше, однако сам этот город был просто затоплен смертью, поэтому он чувствовал себя нормально. Однако в конце недели произошел случай, который изменил размеренное течение его новой жизни.

Все началось с того, что Птоцкий вернулся из Комитета неожиданно рано. И вместе с соратником Маракком. Едва они успели подняться в салон, как к вахмистру примчался вестовой с сообщением, что соратники немедленно требуют его к себе. Гостей оказалось двое. Марак и низкорослый, плюгавый мужичок в поношенной солдатской шинели и лихо заломленной полковничьей папахе, совершенно к ней не подходившей.

– Знакомьтесь, это – соратник Кузяр, – обратился к вахмистру Птоцкий. Он подождал, пока гость и палач обменяются рукопожатием, и продолжил: – Соратник был членом солдатского Комитета действия Шестой учебной дивизии, расквартированной в Коеве. У него с нашим общим знакомым свои счеты. – Птоцкий усмехнулся, будто представил, как щуплый Кузяр расправляется с этим демоном во плоти, и сразу перешел к главному: – Комитет принял решение перед началом наступления направить в Коев специальную группу для сбора сведений разведывательного характера и организации диверсий и актов саботажа. Я хочу, чтобы вы возглавили эту группу.

– Я?! – растерянно воскликнул вахмистр. Неожиданное предложение показалось ему унижительным. Он не какой-то там... и вообще... но додумать он не успел.

В разговор вступил соратник Марак:

– Соратник Кузяр поможет вам наладить связь с местным подпольем, а опыт в сборе сведений у вас есть. Мы знаем о ваших лихих разведывательных вылазках на фронте. Кроме того, по нашим сведениям, в Коеве до сих пор находится вся семья суверена. Нас интересуют любые сведения о ней.

Вахмистр еле устоял на ногах. Неужели он увидит ЕЕ?! Его захлестнула злобная радость. Не-е-ет, не просто увидит! Облизнув пересохшие губы, вахмистр энергично кивнул и хрипло сказал:

– Я согласен.

* * *

Вся огромная масса войск пришла в движение после Тернового спасения. Древняя столица, несколько месяцев подряд поглощавшая в бесчисленном множестве людей, оружие, лошадей, обозы, глухо урчащие моторами и тускло блестящими стальными боками броневики, вдруг будто поднатужилась и принялась извергать все, что успела вобрать в себя. По трем северным трактам из города потянулись густые колонны пехоты, покатались пулеметные и санитарные двуколки, загремели железными блинами колес артиллерийские упряжки. По стальной нитке железной магистрали, грозно шевеля дулами орудий, поползли бронепоезда. Мирные обыватели на окраинах, через которые катилась на север эта грозная, непобедимая лавина, забивались в дальние комнаты, торопливо осеяли себя святым кругом и бормотали себе под нос «спаси и сохрани», попутно прощаясь с надеждой, вспыхнувшей было в их сердцах при известии о новом пришествии суверена. Ибо не было на земле силы, способной остановить это неукротимое движение. И даже те, кто по долгу службы либо благодаря своему неумному любопытству знал больше других, не сомневались в исходе. Единственное, на что они надеялись, – это что верные суверену войска продержатся достаточно долго, чтобы суверен благополучно добрался до Северогорска и покинул страну. Потому что никто не желал ему судьбы, которой он единожды чудом избежал, о чем и поведал народу в своем манифесте. Вернее сказать, почти никто.

Люди не догадывались, что на самом деле все обстояло несколько иначе. Да, на первый взгляд соотношение сил было просто чудовищно. Против сформированной на базе Шестой учебной дивизии армейской группировки численностью около пятидесяти двух тысяч человек была брошена армия в шестьсот сорок тысяч штыков. Но это были не все цифры. Да, у защищающейся армии было всего полтора десятка броневиков против почти

двух сотен у наступающих. Но соотношение по орудиям было не таким пугающим: триста двадцать против ста пятидесяти у обороняющихся. А по пулеметам, благодаря непрерывному потоку грузов, поступающих через Северогорский порт, вообще удалось практически достигнуть паритета. Четыре с половиной тысячи стволов у наступающих против почти четырех тысяч у обороняющихся. К тому же на вооружении обороняющихся стояли новейшие образцы конструкции Экгона, а у наступающих были крайне изношенные системы еще довоенной сборки, дающие множество задержек и с изрядно ослабленной кучностью. Кроме того, обороняющиеся имели в избытке патроны и ручные гранаты. А о таком, как у обороняющихся, оснащении системами наблюдения и полевой связи наступающие не могли даже мечтать. Но главное отличие было в людях. В наступавшей армии основную массу бойцов составляли изрядно разложившиеся бойцы тыловых частей, не нюхавшие порошу и в свое время поддержавшие переворот в первую голову из-за нежелания быть отправленными на фронт, а также подпавшие под мобилизацию крестьяне и мастеровые из Гвардии вооруженной защиты свободы, практически не имевшие опыта полевых боевых действий. Имелось и некоторое количество так называемых «интернационалистов», а вернее – наемников из числа бывших военнопленных, оставшихся здесь после того, как большинство было отправлено на родину, задержавшихся вдали от дома, чтобы поживиться на разлагающемся трупе огромной и богатой страны, и больше привыкших к экспроприациям да массовым расстрелам. А противостояла им компактная армия настоящих профессионалов. Численность кадровых офицеров в частях была так велика, что кое-где для них не хватало должностей взводных командиров и офицеры выступали в качестве отделенных или даже командиров пулеметных расчетов. Майор не стал повторять ошибки белого движения и использовать офицеров в качестве пушечного мяса. А процент унтеров, причем с опытом нескольких лет войны, был так высок, что в некоторых подразделениях совершенно не было рядовых. Если бы было время, такую армию можно было бы легко развернуть до численности в три-четыре раза большей. И она все равно была бы намного боеспособнее, чем наступающая. Но дело было не только в отсутствии времени. Князь Росен не стал этого делать по иным причинам. Последние несколько недель войска занимались интенсивной боевой учебой по новым уставам, черновой экземпляр которых он надиктовал еще на востоке, а для их размножения были задействованы все местные типографии и даже репринты. Эти уставы, по существу, ставили с ног на голову все казавшиеся непреложными законы ведения боя. Предлагаемая тактика позволяла при определенных условиях делать взвод по уровню воздействия на противника равным полку, вводила в военное искусство совершенно новые приемы и понятия, благодаря которым мины вдруг оказывались мощным наступательным оружием, а резавшие слух словосочетания «активная оборона» или даже «наступательная оборона») вдруг оказывались единственно возможными в определенных обстоятельствах. И достаточно быстро усвоить все это мог только тот солдат, который был настоящим профессионалом. Поэтому, образно выражаясь, пока одна сторона набивала брюхо, наращивая массу и кичась собственной огромностью, вторая качала мышцы и отрабатывала приемы совершенно нового, незнакомого нападающим боевого искусства.

Первые неприятности для наступавших начались уже через полсотни верст. Сначала все выглядело не очень серьезно. Просто в нескольких частях угнали всех стреноженных на ночь лошадей. Это вообще могло бы сойти за обычные выкрутасы ромэлов, если бы не произошло повсюду в одно и то же время. Командиры низового звена вышли из положения, попросту реквизируя всех лошадей в близлежащих деревнях и заодно постреляв всех, кто хотя бы отдаленно напоминал ромэлов. Потом кто-то подсыпал в мешки с крупой по доброй мере толченой смулинки и несколько полков вынуждены были резко снизить темп движения, поскольку весь личный состав обессилел от многочасового поноса. Затем на флангах наступающих колонн начали появляться одиночные стрелки, которые, лежа в засаде, аккуратно выбивали командиров и политуполномоченных армейского Комитета действия. А в конце недели несколько отчаянных смельчаков прямо на глазах у Второго полка славной Стальной дивизии, двигавшегося походным маршем по дороге, тянувшейся

вдоль железнодорожного полотна, подорвали бронепоезд. Взрыв был такой силы, что на четверо суток прекратилось движение по железной дороге, пока выделенные Птоцким два батальона солдат не восстановили насыпь, скрытую в месте взрыва практически до основания. Но самое неприятное началось, когда армия подошла к Кете.

Перед единственным на две сотни верст в обе стороны мостом они впервые столкнулись с подготовленной оборонительной позицией. Хотя силы, занимавшие эту позицию, поначалу показались Птоцкому просто смехотворными – один батальон, хотя и усиленный. Однако спустя сутки он так уже не думал. Двадцать часов непрерывного штурма, девять атак, чудовищное количество потраченных впустую патронов, а батальон продолжал стоять так же твердо, как и в тот час, когда соратник впервые обозрел эти позиции в девятикратный цосменский бинокль.

Птоцкий оторвал от глаз окуляры и повернулся к адъютанту, угодливо замершему рядом:

– Каковы потери?

Тот мгновенно порскнул вниз, к развернутому у подножия холма полевому телефонному узлу. Времени на разговоры понадобилось не очень много – такой вопрос соратник задавал уже в пятый раз, поэтому ответы были переданы довольно быстро. Минут через десять адъютант рысью взлетел обратно на холм:

– Всего около пятисот человек.

– Убитыми или всего?

– Так точно-с, всего. Вместе с ранеными. Птоцкий раздраженно дернул плечом. Выходило, что общее число потерь уже перевалило за одиннадцать тысяч человек. И хотя убитые составляли лишь треть от этого числа, при том уровне медицинского обеспечения, какой имело наспех собранное войско, трудно было рассчитывать на то, что в строй смогут вернуться более десяти процентов раненых. Но и это было не главное. Если атака захлебнулась при столь незначительных потерях – значит, атакующие части деморализованы. А это уже опасно. Ведь наступление только началось. Птоцкий приказал адъютанту:

– Передайте в войска – прекратить атаки. Утром подтянем артиллерию, бронепоезда и смешаем их с землей.

Адъютант кубарем скатился вниз по склону. Птоцкий зло сплюнул. Если платить такую цену за КАЖДЫЙ батальон, то у него просто не хватит солдат. Ну ничего, больше он не будет столь самоуверен. Да и таких позиций, когда защищающиеся части невозможно обойти с фланга, больше не предвидится до самого Коева. Он в последний раз посмотрел в бинокль на позиции упрямого батальона и пошел вниз к припаркованному рядом с телефонным узлом автомобилю. Его бронированный салон-вагон стоял на запасных путях ближайшей железнодорожной станции, до которой было почти пятнадцать верст.

Утром Птоцкий проснулся от чудовищного грохота. Выскочив из вагона, он несколько мгновений ошалело вертел головой, стараясь сообразить, где что взорвалось, потому что грохота больше не было и лишь по путям, истошно вопя, носились полуодетые люди да где-то за пакгаузами занимался пожар. Вдруг над его головой послышался нарастающий шум, и в следующее мгновение по обеим сторонам поезда с оглушительным грохотом взметнулись метров на двадцать столбы земли и обломков. Птоцкого сбilo с ног и чувствительно ударило боком о железное колесо вагона. Около минуты он ошеломленно тряс головой и ковырял в оглушенном взрывом правом ухе, потом тяжело поднялся, поймал за рукав пробежавшего мимо марьята с перекошенным в крике ртом и, закатив ему оплеуху, чтобы тот хоть немного опомнился, прокричал ему в ухо:

– Бегом на паровоз! Передай мой приказ машинисту – немедленно разводить пары и уводить поезд со станции. Понял?

Тот ошалело кивнул и умчался, а в небе снова начал нарастать прежний шелестящий звук. Птоцкий юркнул под вагон и вжался в шпалы, обхватив голову руками.

Станцию удалось покинуть только после шестого залпа. И каждый раз Птоцкий, вжавшись в землю, клялся себе самыми страшными клятвами, что он собственными

руками... по жилочке... по капле... О, мать божья!!!

Оба стоявшие на станции бронепоезда были изрядно повреждены, но Птоцкий ничуть не горевал. Ведь если бы их бронированные вагоны не заслоняли его поезд с обеих сторон, то, вполне возможно, ничего не осталось бы от него самого.

Он остановил поезд лишь в двадцати верстах от станции – с другого берега реки, откуда и садили эти чудовищные орудия, сюда не могли долететь снаряды ни одной из существующих в мире пушек – и приказал немедленно разворачивать полевой телефонный узел.

Два часа подряд он ждал, пока наладят связь, морщась при каждом взрыве, доносившемся со стороны станции, и срывая злость на подобострастно вскакивавших при его приближении адъютантах.

Обстрел прекратился около десяти часов утра. А к полудню удалось получить первые сведения о потерях, Оба потерявшие ход бронепоезда были разнесены на куски тяжелыми «чемоданами» главного флотского калибра, который противник как-то ухитрился притащить сюда с моря, хотя до него было несколько сотен верст. А через какие-то полчаса после того, как поезд Председателя ушел со станции, снарядом накрыло эшелон с боеприпасами, страшный взрыв не оставил от станции ничего. Еще более ощутимыми оказались потери в передовых частях. Войска подходили всю ночь, к рассвету все поля и перелески между станцией и мостом оказались забиты подошедшими частями. А с первым лучом солнца противник начал садить по площадям не менее чем из пяти десятков орудий большого калибра. Причем среди них было не менее дюжины мощных морских восьмигран-доек, которые выплевывали тридцатикилограммовые снаряды. При удачном попадании такой снаряд мог смести с лица земли целую роту. Общие потери перевалили за двадцать тысяч человек, но главное – боевой дух войск был подорван. Разве не об этом свидетельствовал тот факт, что сразу после артобстрела батальон, защищавший мост, выбрался из окопов и лихим штыковым ударом отбросил части Второй дивизии столичного мастерового ополчения, безуспешно атаковавшей его позиции весь вчерашний день, на целых пять километров, захватив в качестве трофеев десять приданных дивизии бронеемобилей. Это уж не лезло ни в какие ворота. Чтобы один-единственный батальон обратил в бегство целую дивизию, пусть и потерявшую в безуспешных атаках больше половины личного состава... Птоцкий на миг пожалел, что отослал вахмистра. Эти люди заслуживали примерного наказания.

Понадобилась целая неделя, чтобы навести хоть какой-нибудь порядок в войсках. Началось дезертирство, а потому пришлось увеличить число заград отрядов, сформировав несколько новых на базе двух бригад волонтеров-иностранцев, состоявших исключительно из марьятов, латов, словнов и кайзерцев. Было расстреляно почти полторы тысячи человек, в том числе все командование Второй дивизии ополчения вплоть до ротных командиров. Кроме того, Птоцкий развернул Второй и Шестой корпуса и направил их в обход, вверх по течению реки к Кастину и вниз – к Молге. Им надлежало форсировать реку выше и ниже моста и атаковать противника с тыла, а также захватить имеющиеся в указанных местах мосты и иные средства переправы. В дополнение ко всему, высланные по окрестным деревням карательные отряды нахватили несколько сотен заложников, которых обвинили в пособничестве угнетателям и тоже расстреляли перед строем полков для поднятия боевого духа. А еще Птоцкий каждый день выступал, выступал и выступал на митингах.

К исходу недели Второй и Шестой корпуса, практически не встретив сопротивления, форсировали реку в нескольких местах и начали выдвижение к мосту с обоих флангов. И тут противник, до того почти не напоминавший о себе и лишь изредка совершавший огневые налеты по площадям, предпринял нечто удивительное. Ночью с таким упорством отбивавшийся батальон бесшумно снялся с позиций и отступил. Когда об этом доложили Птоцкому, который всю ночь мотался по войскам, готовя утренний решительный штурм, и даже дважды переплывал реку, чтобы согласовать с командирами передовых частей обоих корпусов общий план атаки, он сначала не поверил. Потом послал саперов проверить брошенные позиции и мост. К утру стало ясно, что войска суверена исчезли, оставив мост в

целости и сохранности и не заминировав рельсы. В окопах не нашли ничего кроме пустых жестянок из-под ваксы. И именно это по чему-то привело Птоцкого в совершеннейшее бешенство. Он заперся в салоне и до полудня глушил водку. А войска стояли между тем на исходных рубежах, не получив ни отбоя, ни команды двигаться вперед.

Переправа началась только на следующий день. Еще двое суток ушло на восстановление путей через разрушенную станцию, поскольку прежде при малейшей попытке начать работы тут же принимались за дело орудия противника. Но тут последовал новый удар. Когда спешно подтягивавшиеся к мосту войска вновь заполнили все пригодные для стоянок поляны в радиусе пяти верст, вновь ударили морские орудия.

Несколько часов около моста творился суший ад. Птоцкий немедленно приказал всем уже переправившимся на ту сторону частям выдвинуться вперед и захватить орудия, но войска смогли продвинуться только на три версты, после чего атака захлебнулась. Несколько отрядов противника численностью около роты, по уши нашпигованные пулеметами, подготовили несколько засад и, подпустив спешно передвигавшиеся колонны на дистанцию пистолетного выстрела, открывали огонь на уничтожение. А потом, забросав ошеломленных и растерянных солдат ручными гранатами, бросились в штыковую. Атакующие части смешались и откатились обратно к мосту, где совершенно дезорганизовали переправу. Через пять часов обстрел прекратился, и высланные спустя полтора часа после этого дозоры доложили, что противник отошел. Это было необъяснимо. Птоцкий спешно собрал совещание штаба.

После шести часов сплошной пустопорожней болтовни он отпустил командиров, военспецов и политуполномоченных и поднялся в свое купе. От почти недельного постоянного недосыпания сильно болела голова. Он бросил взгляд на ворох телеграфных ленточек: Центральный совет слал ему по три телеграммы в день, требуя, советуя, грозно постановляя, но Птоцкий только досадливо морщился. Вся эта мышьяная возня не имела никакого смысла. Никто лучше его самого не знал, что и как нужно делать, да даже если бы и знал, то не было человека, который мог бы СДЕЛАТЬ это лучше его. Будь на его месте кто-нибудь из этих «постановителей», армия не только не сделала бы хоть на йоту больше, но и, вне всякого сомнения, уже вообще разбежалась бы. И в Центральном совете это прекрасно понимали. Но избавиться от своих дурацких привычек так и не смогли. Или просто пытались таким образом создать у рядовых уполномоченных и председателей низовых комитетов впечатление, что они еще способны контролировать ситуацию. Что ж, пусть тешат себя иллюзиями. Птоцкий уже избавился от них. Ему стало ясно, что они проиграли. Нет, не только здесь. Насчет того, чем кончится дело в этом районе, догадывается уже и самый глупый солдат. И сегодняшнее совещание только подтвердило то, что он и предполагал, – войска на грани паники. Этот злой гений князь Росен до сих пор не нанес решающего удара только потому, что по каким-то своим причинам не хотел пока этого делать. Хотя нет, причины-то как раз вполне очевидны...

Птоцкий прошелся по кабинету, постоял у окна, потом, нажав кнопку, вызвал адъютанта:

– Специальная линия связи подготовлена?

– Так точно-с. Аппарат установлен во втором купе. Птоцкий кивнул, одернул френч, глубоко, будто пловец перед прыжком в воду, вдохнул и быстрым шагом проследовал в купе.

Соратник Марак взял трубку почти сразу. Наверное, ждал у аппарата.

– Как дела? Птоцкий ответил, не вдаваясь в подробности:

– Только что закончил совещание штаба. Завтра продолжим наступление.

Марак несколько мгновений молчал, потом сказал доверительным тоном:

– Я один в комнате. Можете говорить свободно. Ну так как наши дела?

Птоцкий негромко выругался в трубку. Марак подождал, пока он отведет душу, и мрачно сказал:

– Значит, наши предположения подтверждаются.

– Причем самые худшие.

– А доклады политуполномоченных в Центральный совет...
– Полное дерьмо! – Птоцкий умолк, чтобы зажечь курительную палочку, и продолжил:
– Нет, на первый взгляд все выглядит не так уж плохо. Хотя потери, конечно, несколько выше, чем мы рассчитывали, но составляют всего чуть больше десяти процентов. И мы все еще продолжаем успешно двигаться вперед.

– Ну так откуда такой пессимизм? Птоцкий зло фыркнул:

– Представь себе, они еще ни разу, НИ РАЗУ не бросили в бой более двух-трех тысяч штыков. Заметь, не ПОТЕРЯЛИ полторы-две тысячи, а просто не бросили в бой. А мы не отбили у них ни одной позиции. Они просто оставляют их нам, причем именно тогда, когда по каким-то причинам это становится нужным ИМ.

Птоцкий замолчал.

– Неужели ничего нельзя предпринять?

– Я попытался разок. Два дня назад Второй корпус получил приказ начать ускоренное движение, чтобы выдвинуть вперед левый фланг. Не считаясь с потерями. Знаешь, насколько им удалось продвинуться?

В трубке стало тихо, потом из черного зева послышался разочарованный голос:

– Черт, а как хорошо все начиналось.

– Только не надо сантиментов, – раздраженно бросил Птоцкий, – сам понимаешь, время поджимает, надо спешить, пока не опомнились наши соратнички по Центральному совету, а то начнут все подгрести под себя. Они думают, что я скоро возьму Коев, а пока это так, мы можем втихаря действовать. Вот когда тут все полетит к черту, тогда может случиться так, что у нас останутся в распоряжении считанные дни или даже часы. Хотя, скажу тебе, – Птоцкий прижал трубку к губам, – я не стал бы исключать, что ЭТОТ предусмотрел и такой вариант развития событий.

Марак отозвался не сразу. Наконец послышался его неуверенный голос:

– Может быть, еще можно что-то поправить? Кузьяр передал, что они благополучно добрались, со...

Птоцкий саркастически рассмеялся. Марак осекся на полуслове и через минуту сказал уже совсем другим, решительным тоном:

– Ну что ж, тогда я начинаю действовать, как договорились. До встречи. – Голос в трубке пропал.

Птоцкий еще немного посидел, глядя в одну точку, потом встал и вышел из купе. За окном занималось утро, предвещавшее погожий, солнечный день. Но ничего хорошего он от этого дня не ждал.

* * *

– Едут, едут! – Худой, юркий паренек кубарем скатился с толстой ветки и, скользнув по стволу, спрыгнул на землю. – Едут, – он с опаской посмотрел назад, – у них там четыре этих... кованых повозки с пулеметами.

Пилот пошарил глазами вокруг, отыскивая взглядом ватажников Куденя. Они рассыпалась по всему склону и укрылись за низкими кустами превеня, так что их совершенно не было видно. Юрий довольно улыбнулся.

Пожалуй, за последние две недели он сумел-таки кое-что из них сделать. Впрочем, для серьезного боя с регулярными частями они еще не доросли. Так что сегодняшняя засада была чем-то вроде выпускного экзамена с оттенком авантюры. Если бы не присланная на подмогу команда унтеров-пулеметчиков, он ни за что не решился бы на эту акцию. Сзади бесшумно подошел старший унтер-офицер:

– Все готово, господин штаб-майор.

Пилот кивнул. Звание ему присвоили перед самым отъездом. Высочайшим указом. Сам он не видел в этом особого смысла. У него было достаточно навыков, чтобы заставить беспрекословно подчиняться себе любое подразделение. А присвоение довольно-таки высокого офицерского чина человеку неизвестного роду-племени, да еще минуя несколько

ступеней, могло только создать лишние проблемы. Но оказалось, что он не совсем верно оценивал отношение к себе в армии. Через неделю после него в монастырь прибыла команда унтер-офицеров во главе с молодым подпоручиком. Этот юноша рассказал ему, что, действительно, сначала этот указ вызвал много пересудов, но офицеры из его команды, к тому времени уже достигшие довольно высоких званий и должностей (даже прапорщик успел уже стать капитаном и получил под командование целый батальон), быстро расставили все на свои места. К тому же большинство офицеров Шестой учебной дивизии помнило его еще по зимним событиям, к которым надо было добавить два случая – они произошли перед самым его отъездом и создали ему некоторый авторитет в их глазах. Юрий выиграл спор на меткость у одного гвардейского поручика, известного стрелка и бретера, и совершил несколько полетов на аэроплане. Действовала и его близость к таинственному князю. В общем, не прошло и недели, как местное общество, хотя и сдержанно, одобрило указ. Рассказ подпоручика вызвал у пилота лишь легкую улыбку.

Из-за поворота дороги показалась голова колонны. Юрий поднял бинокль, прикрыв стекла окуляров ладонью так, чтобы они ненароком не блеснули на солнце и не выдали наблюдателя. Измученные лица солдат, бросавших тревожные взгляды в сторону леса, начинавшегося шагах в десяти от обочины, и почти не обращавших внимания на пологий склон, поросший редкими зарослями превеня, приблизились почти на расстояние вытянутой руки. Пилот скользнул взглядом вдоль строя. Все лица были похожи, точно у оловянных солдатиков. Разинутые рты, жадно хватающие горячий воздух, чумазые от пыли лица с грязным потеками пота и вытаращенные глаза, испуганно вращающиеся во все стороны. Заслоны и маневренные группы армии суверена успели нагнать такого страха на «соротниковых» солдат, что испуг стал господствующим выражением на их лицах. Отряд численностью около батальона шел плотными колоннами поротно с такой скоростью, что низкорослым замыкающим приходилось бежать бегом, торопливо утирая на ходу пот и еще больше размазывая грязь по усталым лицам. Броневики, грозно поводя стволами, двигались в промежутке между первой и второй ротами. А пулеметные двуколки затерялись в хвосте между обозными подводами. Боковых дозоров тоже не было видно. Юрий усмехнулся. Никакого боевого охранения. Ну надо же быть такими идиотами! Учит их майор, учит, а все без толку.

Между тем голова колонны почти подошла к следующему повороту. Пора было начинать. Пилот опустил бинокль, осторожно вскинул штуцер и сосредоточился. До переднего броневика было не более шестидесяти саженей. Попасть в узкую смотровую щель машины, движущейся по тряской проселочной дороге, не очень-то легко. Но если он его не остановит, засада может окончиться очень печально.

Гулко ухнул выстрел, и тут же затрещали штуцера ватажников, пулеметы унтеров, закричали солдаты. Кинжальный пулеметный огонь, открытый с дистанции пистолетного выстрела, в первую же минуту выкосил в тесных колоннах отряда ближние к склону шеренги. Юрий тоже не промахнулся. Пуля влетела под лобовой броневой щиток, поднятый из-за жары, и с легким чмоканием вошла в грудь водителя передового броневика. Тот дернулся и свалился с узкого металлического сиденья. Броневик остановился, перегородив дорогу и лишив отряд всякой возможности маневра. Люди ошалело метались вокруг, оглохнув от грохота и не соображая, откуда грозит смерть. Кто-то начал судорожно стрелять по опушке, кто-то залег, а кто-то, наоборот, бросился к лесу. Остальные броневики тоже остановились. Пора было вводить в бой гранатометчиков. Пилот приподнял ракетницу и выстрелил вверх. Стрельба мгновенно прекратилась, и в ту же секунду из леса выскочило полтора десятка ватажников, укрывавшихся в глубоких ямах под корнями деревьев. Они начали швырять в броневики связки ручных гранат Сименсона – по четыре штуки в каждой. Почти все они попали в цель, разорвавшись с оглушительным грохотом. Несколько человек, укрывавшихся от огня за крепкими стальными телами броневиков, просто разорвало на куски, те же, кто уцелел, на какое-то время утратили всякую способность что-то соображать. Участок дороги, где застыли броневики, заволочло дымом, но Юрий не стал ждать, пока он окончательно рассеется, а, выждав несколько секунд, снова подал

сигнал открыть огонь. За эти мгновения гранатометчики должны были убраться из сектора обстрела, а кто не успеет – что ж, такая его судьба. Во время этой короткой передышки почти – все пулеметчики, прячась за кустами, переползли поближе к седловине, и потому открыли огонь только три пулемета из десяти имевшихся. Остальные заняли новые позиции и стали ждать момента, когда не попавшая под первый удар часть отряда попытается прийти на помощь растерзанным кинжальным огнем передовым ротам. К тому же на дороге для пулеметов уже не было таких удобных целей, как в первые минуты боя. Все, кто уцелел, уже успели залечь или попрятаться за мало-мальски пригодными укрытиями. Перестрелка должна была продолжаться несколько минут.

Сзади зашевелились ветки, пилот молниеносно повернулся, но это был всего лишь подпоручик:

– Это невероятно, господин штаб-майор. С неполной сотней необученных крестьян разгромить батальон регулярных войск...

Юрий досадливо поморщился. Что за дурацкая манера говорить «гоп», не закончив прыжок. Он открыл было рот, собираясь осадить юнца, но в этот миг заработали пулеметы в седловине. А это означало, что настало время атаки. Пилот торопливо вытащил из-за пояса две ручные гранаты, которые ватажники называли «бонбы», выхватил барабанник и несколько раз глубоко вдохнул. Наступал момент, когда вся его выучка уже не будет иметь особого значения, а возможность заполучить шальную пулю будет ничуть не меньше, чем у любого из ватажников. «Мама дорогая, и как я оказался в этом дерьме? Ведь это совершенно не то, чему я учился. И где мой шикарный костюм, очаровательная радистка Кэт, секретный контейнер с донесением от агента и вежливые интеллектуалы из контрразведки противника?» Юрий криво усмехнулся, вскочил на ноги и, заорав что-то свирепое, бросился вниз по склону.

Через полчаса все было кончено. Две сотни грязных, очумелых пленных согнали к дороге. Трупы сноровисто обыскали и стащили к небольшому овражку. Из четырех броневиков три были разбиты непоправимо – даже пулеметы на них были так искорежены, что годились только на металлолом. Но один после небольшого ремонта, для которого использовали кое-какие детали, снятые с остальных, смог передвигаться своим ходом, хотя и для него взрывы гранатных связок не прошли бесследно: были сорваны боковая дверца и броневые ставни задней амбразуры и, видимо, погнута задняя ось. Наверное, поэтому он при движении нещадно скрежетал и трясся. Ватажники стояли около пленных или бродили по полю боя с ошеломленными лицами. Еще бы. Раньше, при атамане Гугле, они давали деру даже от полувзвода продотрядников. Хотя, конечно, сейчас они уже не просто банда и дело решили не только десять пулеметов с умелыми пулеметчиками.

До монастыря добрались лишь к утру. Там Юрия поджидал гонец. Майор срочно вызывал его в Коев.

* * *

Пилот выехал на следующее утро. Весь день и половину ночи они с Куденем и подпоручиком ломали голову над картой, планируя действия отряда на следующие пару недель. Ватажники были опьянены победой, и это было опасно. Однако приходилось идти на риск. Ведь через две недели подойдет срок распускать ватажников по домам. Согласно замыслу майора, как понял Юрий, к тому времени все должно было закончиться.

До Коева он добрался только к вечеру следующего дня. Все дороги к городу были забиты войсками «соратников», так что передвигаться ему приходилось в основном перелесками и по заросшим ивняком берегам мелких речушек. Что, впрочем, не представляло особой трудности для одинокого всадника. Огромные массы пехоты, пылившие по дорогам, орудийные упряжки – все это могло произвести впечатление на крестьян, показаться им несокрушимой силой. Но любой человек, мало-мальски знакомый с военным делом, даже не зная реального положения, как знал его Юрий, сразу бы заметил, что с наступающей армией что-то не так. Войска суматошно перемещались вдоль чего-то,

мало похожего на линию фронта и обозначенного лишь отдельными очагами боя. Даже когда впереди не было никакого противника, части, продвинувшись на определенное расстояние, либо просто останавливались, ожидая, пока подтянутся соседи на флангах, либо вдруг принимались лихорадочно окапываться. А если где-то завязывался бой, то командиры остановившихся частей не двигались с места, не делая ни малейшей попытки флангового удара или обхода. Один раз, укрывшись на опушке леса, пилот наблюдал, как действует команда из заградотряда, которая обнаружила то ли устроившуюся на привал группу дезертиров, то ли остатки какой-то разгромленной части. За полчаса наблюдения в бинокль он так и не понял, кто были эти затравленно озирающиеся люди, и сильно сомневался, что сами заградотрядовцы успели разобраться в этом за те десять минут, которые прошли от момента появления их пулеметных двуколок и до той минуты, когда согнанные в кучу люди были скошены пулеметными очередями и затем добиты из барабанников. Пилот досмотрел все до конца. Смерть уже давно не вызывала в нем никаких особых эмоций, но сейчас в его душе шевельнулось что-то похожее на жалость. Ведь эти люди, скорее всего насильно мобилизованные крестьяне из центральных губерний, были в общем-то ни в чем не виноваты. Они с таким же успехом могли оказаться и на стороне суверена. Может быть, так оно и случилось бы, если б они с Круиффом, допустим, избрали южный маршрут эвакуации. Если бы... Среди профессионалов никогда не пользовалось популярностью сослагательное наклонение. И убийцы и убитые были врагами, поэтому пилот быстро успокоился.

В городе уже явственно ощущалась близость фронта. Заскочив на минутку в отведенную ему комнату, пилот наскоро вымылся над тазиком, быстро переоделся и уже собрался идти в штаб искать майора, когда раздался стук.

Пилот отворил дверь и усмехнулся:

– Вот уж не думал, что вы так по мне соскучились.

– А то. – Улыбающийся Иван, пригнув голову, вошел и тут же посторонился, давая дорогу американцу.

Тот, войдя, засмеялся.

Юрий убрал таз и уселся на табуретку.

– А ты прибрахлился, – заметил он, обращаясь к майору, на котором был длинный сюртук с золотыми пуговицами и высоким стоячим воротником с золотым шитьем, брюки с лампасами и черные лаковые ботинки. Как ни странно, этот наряд смотрелся на Иване просто как некая новая разновидность обтягивающего хамелеон-комбинезона. – И не жарко?

Иван в ответ лишь улыбнулся. Чувствовалось, что такие шутки он уже не раз слышал от Айвена. Пилот смешливо поморщился:

– Ну, рассказывайте, почему такой шухер?

Круифф пожал плечами:

– Не знаю, это его инициатива. «Его крупное сиятельство» выдернул меня из Северогорска срочной телеграммой. Так что все вопросы... – И он показал на майора.

Тот, посмеиваясь, переводил взгляд с одного на другого.

Они еще довольно долго вели шуточный разговор, подтрунивая друг над другом, и Юрий, к своему удивлению, вдруг почувствовал, что впервые за много месяцев ему тепло и хорошо. Будто он наконец вернулся домой. Похоже, майор рассказал американцу о его проблемах и они устроили ему сеанс психотерапии. Впрочем, вряд ли это был просто своего рода лечебный сеанс. Им действительно было хорошо оттого, что они встретились. И это ощущение было не совсем привычно. Прежде каждый из них был отделен от других невидимыми границами национальностью, возрастом, измененной физиологией и еще массой других вещей. То есть до сего момента они представляли собой группу едва знакомых друг с другом профессионалов, вынужденных действовать совместно больше в силу обстоятельств, чем по собственному желанию. И вот впервые они почувствовали, что их связывает что-то намного большее.

– Ладно, кончай треп, – сказал наконец майор, – нас ждет суверен.

Пилот посмотрел на него с недоумением. Иван с усмешкой объяснил:

– Два дня назад суверен своим высочайшим указом сформировал новый Государственный совет. Мы трое входим в его состав. Кроме этого, нам всем, согласно Высочайшей табели о рангах, присвоены чины, дающие право на потомственное дворянство. Так что позвольте мне поздравить нас всех с тем, что отныне мы, как и все наши потомки, относимся к дворянскому сословию империи, а вас двоих еще и с тем, что со вчерашнего дня вы имеете статус государственных тайных советников.

Переглянувшись с американцем, Юрий ехидно спросил:

– А какой чин отхватило себе ваше сиятельство? Тот ответил, продолжая ухмыляться:

– Полного государственного советника.

– Насколько я понимаю, это повыше нашего.

– На два класса.

– А за что же такое неравноправие? – Пилот с трудом сдерживал смех.

Но князь неожиданно стер с лица ухмылку и ответил серьезно:

– Дело в том, что, согласно Уложению о чинах, лица, имеющие статус государственных тайных советников, не обязаны носить соответствующий их статусу мундир на государственных церемониях, а реестр обладающих этим статусом считается секретным и доступ к нему на постоянной основе имеют только пять высших должностных лиц государства. Тут подал голос Айвен:

– Мне думалось, что, как только вы удовлетворите свои, как мне представляется, скорее основанные на приступе дежа вю, чем имеющие под собой хоть какие-то реальные основания, желания, мы сможем наконец скинуть с плеч этот груз и попытаться нормально устроиться в этом мире. БЕЗ груза лишних проблем. – И он посмотрел на майора долгим взглядом, а потом перевел взгляд на пилота. Недоступно пониманию. Что такое дежа вю – понятно, но что означает «приступ дежа вю»? И вообще – что он имеет в виду? Предлагаемый вариант:

«Честно говоря, я думал, когда вы добьетесь того, чего решили непременно добиться, а толкнула вас к этому, по-моему, исключительно ностальгия, чисто внешнее сходство обстоятельств и ничего кроме этого, мы наконец бросим все это дело и попытаемся как-то устроиться в этом мире. БЕЗ лишних проблем». – Он посмотрел вопросительно на майора, потом перевел взгляд на пилота.

Всем троим почему-то стало неловко. Майор, будто ничего не слышал, заговорил совсем о другом:

– А что, вас последнее время ничего не удивляет?

– То есть?

– Я говорю о самочувствии. Юрий и Айвен посмотрели друг на друга, и пилот с усмешкой сказал:

– Ладно, чего уж там, колись.

Майор лукаво прищурился, хотел сказать что-нибудь ехидное, но просто рассмеялся:

– Знаете, ребята, мне кажется, я понял, что такое этот ваш пресловутый фактор X.

Круифф и пилот внимательно слушали.

– Дело в том, что его не существует. – Майор умолк, ожидая возражений, но его товарищи были слишком опытными спорщиками, чтобы начать возражать, не уяснив себе точно, что имеет в виду оппонент.

– Я хочу сказать – не существует этого фактора в том понимании, которое вкладывали в него вы. Фактором X являемся мы сами.

Наступило молчание. Наконец Айвен неуверенно произнес:

– Насколько я понял, ты имеешь в виду предположение о взаимовлиянии...

– Точно! – радостно воскликнул пилот. – То, что мы считали фактором X, есть реакция отторжения, градиент Косолапова в формуле стабилизации временного потока. – Он резко повернулся к майору: – Но я не понимаю...

Его перебил Круифф, до которого тоже дошло, о чем идет речь:

– Если быть абсолютно точным, то следует допустить, что фактором X являемся не МЫ, а ТЫ, Иван. Пока ты не очнулся и не начал действовать в этом времени, мы

испытывали давление воплотившейся реальности, которая стремилась максимально минимизировать наше влияние, но стоило тебе выйти на сцену, как... – Круифф тряхнул головой. – Черт, эта задачка совершенно не для моих мозгов. Тут надо быть, как минимум, магистром по теории хроноквантовых возмущение. Да что я говорю – тут работы для целой лаборатории...

– Ты прав, теория действительно не нашего ума дело. Но вот выводы... – сказал майор с загадочным видом.

Пилот и Круифф посмотрели друг на друга и дружно вздохнули.

– Выводов может быть только два: либо мы создали своими действиями какую-то параллельную реальность, в которой окончательно зафиксировано наше существование, либо изменили свою. Во что я не очень-то верю, поскольку это, как минимум, должно было принести изменение наших воспоминаний. А я прекрасно помню, каким дерьмом стала Голуэя в наше время.

– Мне кажется, ты прав, но я бы не стал полностью отбрасывать первый вариант, – задумчиво добавил Круифф.

Они помолчали. Круифф с живостью повернулся к майору:

– Кажется, я знаю, о чем ты собираешься говорить дальше: что мы должны предпринять в связи со всем этим. Я угадал?

Тот утвердительно кивнул.

– Да, – сказал Круифф, – это проблема. При том направлении, которое приняли события, Голуэя лет через триста вполне может стать центром довольно крупного звездного объединения, враждебного Аме... то есть я хотел сказать – Земле. В той или иной реальности.

Майор снова согласно кивнул. Круифф продолжал:

– А это означает, что если мы хотим обезопасить себя и других от подобного развития событий, то о том, чтобы спрятаться в раковину и спокойно жить-поживать, не может быть и речи. Об этом надо забыть раз и навсегда.

– Выходит, так, – медленно произнес Иван.

Пилот пожал плечами:

– Ну и что из этого следует?

– То и следует, – с улыбкой сказал Круифф. – Думаю, стоит рассмотреть достоинства вот такого варианта: один из нашей троицы становится, как минимум, принцем-консортом. Мне кажется, налицо все признаки того, что такое развитие событий вполне вероятно.

Майор изменился в лице.

– Мне кажется, – медленно заговорил он, – ничего подобного ждать не стоит.

Айвен и Юрий, взглянув в его глаза, не осмелились ничего больше говорить.

* * *

К концу третьей недели наступления войска «соратников» добрались до рубежей, обозначенных на карте майора как рубежи крайнего продвижения противника на север. Хотя они, конечно, об этом не догадывались. В наступающей армии царил разброд. Скоординированные действия заслонов численностью от роты и до усиленной бригады позволили уничтожить большую часть тяжелого вооружения и средств усиления, а также разгромить или по крайней мере сильно потрепать наиболее боеспособные части. Именно их Птоцкий, прекрасно сознавая пагубность такой тактики противника, упорно гнал вперед, невзирая ни на что. Не будь он столь настойчив, они вряд ли продвинулись бы больше чем на пять десятков верст севернее Кеты. Но к настоящему моменту в действующих частях не осталось ни одного исправного броневедомокола, количество орудий исчислялось несколькими десятками и в распоряжении Птоцкого остался всего один бронепоезд. Зато передовые части вышли на позиции, от которых оставалось не более двадцати пяти верст до окраин Коева, где, по совершенно точным сведениям, все еще находился суверен со всем своим семейством, а в наступающей армии все еще насчитывалось почти пятьсот тысяч

действующих штыков. У Птоцкого появилась надежда, что, возможно, ему удастся взять этот небольшой город, обладание которым внезапно приобрело в глазах всего населения бывшей империи почти мистический смысл. Хотя, судя по всему, это стало бы его последней победой. Впрочем, как знать. Центральный совет предпринимал героические усилия с целью укрепления армии. И если он возьмет Коев и сможет удержаться на захваченных позициях до конца осени, то все еще вполне может измениться к лучшему. С началом зимы боевые действия прекратятся или в худшем случае будут не так интенсивны. А до весны вполне реально довести численность армии до двух-трех миллионов штыков, сосредоточив на северном фронте не менее половины, пополнить войска тяжелым оружием, боеприпасами, провести чистку командного состава, увеличить число политуполномоченных и, когда потеплеет... Загвоздка в том что пресловутый князь Росен наверняка тоже учел все это, не мог не учесть. Из чего можно было заключить, что он до сих пор не перешел к широкомасштабным боевым действиям во многом потому, что сам собирался завершить осеннюю кампанию до зимы. Притом на рубежах, которые он сам определил. Наверное, именно к югу от старой столицы. С другой стороны, неизвестно – может, эти демоны, в которых он превратил самых обычных солдат и офицеров, вполне способны действовать и зимой, так что надежда на зимнюю передышку – всего лишь очередная иллюзия. Хотя пока внешне все шло как будто в полном соответствии с утвержденными планами. Центральный совет настолько успокоился, что даже набрался наглости уведомить Птоцкого, что к нему высланы представители бюро для «оказания помощи в обеспечении партийного руководства войсками». Получив сообщение, Председатель Верховного комитета защиты революции сначала пришел в бешенство, но позже, когда успокоился и трезво взглянул на ситуацию, понял, что этот вариант сулит ему массу выгод. Руководитель группы представителей соратник Срайя был невероятно амбициозен и при правильной игре можно было, переведя стрелки, переложить на него основную часть вины за неминуемый разгром.

Делегация Бюро Центрального совета прибыла курьерским экспрессом, состоявшим из локомотива, одного классного вагона и двух вагонов охраны. Кроме того, впереди и сзади поезда двигались две мотодрезины с пулеметами. Птоцкий, после памятного обстрела взявший себе за правило размещать ставку не менее чем за сорок верст от реально удерживаемой линии фронта, на этот раз изменил своему принципу, распорядившись подать штабной состав к полустанку, от которого до переднего края наиболее продвинувшихся к Коеву частей было не больше пяти верст.

Соратник Срайя, дородный человек с капризно изогнутыми полными губами, питал слабость к внешним эффектам. Вот почему он еще на предыдущей станции приказал переформировать состав, поместив классный вагон в голову поезда, и сейчас с важным видом стоял на площадке медленнодвигающегося вагона, поблескивая аптекарским пенсне на мясистом носу, в накинутом на плечи добротном драповом пальто, под которые виднелся неизменный полувоенный френч, и величественно помахивал пухлой рукой встречающим и выстроенному у путей почетному караулу.

Птоцкий поморщился – тоже мне цаца – и поднял руку, давая сигнал оркестру. Тот грянул встречный марш. Должно быть, слухи о том, что Камлык, Председатель Центрального совета, глубоко встревожен усилением влияния Председателя Верховного комитета защиты революции в войсках, небеспочвенны. Если допустить хоть на миг, что бюро на самом деле решило оказать помощь действующей армии, которой командует он, Птоцкий, то трудно было бы назначить руководителем делегации более неподходящего человека, чем Срайя.

Тем временем поезд замедлил ход и остановился. Глава делегации бюро продолжал стоять с важным видом на площадке, а Птоцкий, посмеиваясь в усы, спокойно ждал, как он будет выходить из положения. На полустанке никакого перрона не было, надо было спускаться на землю, а соратник Срайя панически боялся лестниц. Он даже кабинет всегда выбирал себе только на первом этаже. К ступенькам вагона рысью подбежал начальник караула. Срайя выслушал с брезгливым видом его бодрый рапорт, важно кивнул головой,

боязливо посмотрел вниз и, повернувшись спиной к встречающим, начал медленно и осторожно спускаться, помогая себе руками и отключив по-женски круглый зад. Птоцкий, полуобернувшись, искоса посмотрел на бойцов почетного караула – они стояли с каменными лицами, но глаза их смеялись. Птоцкий перевел взгляд на Срайю, пряча под усами довольную ухмылку. Между тем глава делегации поставил наконец на землю обе ноги, обутые в отличные юфтевые сапоги, обильно смазанные ваксой, повернулся кругом и направился прямо к Председателю Верховного комитета защиты революции.

– Добрый день, соратник, – Срайя имел обыкновение подавать руку так, словно ожидал, что ее поцелуют, – как обстановка на фронте?

Птоцкий чуть не выругался: «Тоже мне, кого он из себя корчит?» Однако, чтобы этот заносчивый бывший аптекарь заглотнул приготовленный им крючок, следовало держать себя в руках, поэтому Птоцкий проглотил раздражение и ответил с подчеркнутой уважительностью:

– Командир Второго батальона славной Стальной дивизии докладывает, что видит в бинокль купола коевских церквей. А разведка Третьего корпуса сегодня утром варила щи из капусты, выкопанной на коевских огородах.

Стекла пенсне воинственно блеснули.

– Ну что ж, прекрасно, прекрасно. И когда мы начнем штурм?

Птоцкий, от которого не укрылось это «МЫ», ответил:

– Я думаю, где-то через неделю.

– А почему так поздно? – капризно надул губы Срайя. – Мы должны действовать как можно решительнее. – Он энергично взмахнул в воздухе своим пухлым кулачком. – Только решительность и беспощадность по отношению к недобитым эксплуататорам и их прихвостням может спасти революцию и принести окончательное освобождение человеку труда. Надо немедленно и самым решительным образом...

– Извините, соратник, – вежливо, но твердо перебил его Птоцкий, – но, как мне кажется, вы наверняка устали в дороге, да и время близится к обеду. У меня в вагоне как раз накрыт стол. Пойдемте подкрепимся и уж потом перейдем к делам. – Он самым решительным образом подхватил главу делегации под локоток.

Соратник Срайя ничем не уступал другим членам бюро в умении часами возглашать лозунги с увитых флагами трибун, но, в отличие от многих и многих, у него было одно положительное качество. Его можно было остановить. Стоило только упомянуть о накрытом столе.

Обед прошел в полном согласии. По заданию коменданта марьяты еще утром приволокли из ближайшей деревни увесистого поросенка, и теперь он, фаршированный яблоками и запеченный в сметане, главенствовал на столе. Кроме того, сотрапезники отдали должное печеному карпу, копченым курам, бекону и соленому салцу с чесночком. И уж, конечно, не обошлось без четверти чистейшего как слеза первача. Шеф-повар «Нанона» назвал бы это меню просто ужасным, но «соратники» пока не успели привыкнуть к особым разносолам и, памятуя о полуголодном подполье или ненамного более сытной эмиграции, предпочитали изысканности обилие. К тому же как соратник Марак в старой столице, так и Председатель Центрального совета Камлык то ли в силу истового революционного сознания, то ли, как болтали злые языки, по причине нажитой за годы подполья и эмиграции язвы желудка исповедовали подчеркнуто аскетический образ жизни, так что и остальным волей-неволей приходилось им следовать. Однако сегодня, слава богу, никто не мешал отвести душу.

Вечером, когда Птоцкий в одиночестве работал с картами, дверь его купе без всякого стука открылась и появился соратник Срайя – в одних штанах с подтяжками и, несмотря на жару, в толстых шерстяных носках.) Он немного перебрал за столом, как, впрочем, и остальные члены делегации, а потому после обеда прилег отдохнуть. Да ненадолго.

Соратник, близоруко шурясь, окинул просторное купе Птоцкого угрюмым взглядом и еле заметно скривился. Председатель отвернулся, беззвучно шепча проклятия. Конечно, Срайя сразу же заметил, что купе Птоцкого больше, и наверняка к этому прицепится. Уж на

что плохо обстояло дело в бюро с порядочностью, но такого склочника и интригана, как Срайя, надо было поискать. Своей полной беспринципностью он выделялся даже среди тех, кто возвел беспринципность, переименовав ее в «революционную целесообразность», в ранг основной нормы жизни. Среди членов бюро не много нашлось бы желающих войти в более или менее тесные отношения с этим человеком. Мало того что он был способен на предательство и клятвопреступление – в любую минуту он мог наброситься на человека, которого совсем недавно уверял в своей искренней дружбе и настоятельной необходимости совместных действий, стоило лишь ему прийти в голову, что это принесет ему хоть какую-то выгоду. Всякий, кто имел несчастье чем-то задеть его самолюбие, мгновенно становился его смертельным врагом. Что касается Птоцкого, то он был уверен, что за последний год уже не раз и не два давал повод Срайе считать его своим смертельным врагом и, скорее всего, состоял в его черном списке под первым номером.

Соратник Срайя, придав своему лицу деловитое выражение, что смотрелось несколько смешно на фоне мятых штанов и шерстяных носков, важно заявил:

– Соратник Птоцкий, я собираюсь завтра собрать политуполномоченных всех корпусов и дивизий.

Птоцкий, сдерживая раздражение и позволив себе лишь слегка поморщиться, наклонил голову в знак согласия:

– Хорошо, соратник, я распоряжусь немедленно отправить вызов...

Срайя покровительственно махнул рукой:

– Не затрудняйтесь, соратник. Я уже послал вестового к телеграфистам. Птоцкий вспыхнул:

– По-моему, я пока еще командую этой армией. И... Срайя воинственно вскинул подбородок:

– Не забывайте, соратник. Вы назначены на эту должность постановлением Центрального совета, а я – представитель бюро...

– Да мне наплевать, чей вы там представитель... – Вы смее оспаривать постановления Центрального совета?!

Оба одновременно замолчали, сообразив, что перебранка один на один абсолютно бессмысленна, и Срайя, коротко хихикнув, перешел на слащаво-доброжелательный тон:

– Впрочем, если я серьезно нарушил какие-то важные планы командующего...

Птоцкий выпустил воздух сквозь стиснутые зубы:

– Нет, вы же поняли, что я сам собирался вызвать вас политуполномоченных. Так что если вы уже это сделали, то пусть... – Он помедлил, изо всех сил стараясь справиться с собой. – Только одно. Дело в том, что я завтра как раз собирался на пару дней съездить на правый фланг. У меня запланировано совещание с командованием Второго корпуса. Так что, боюсь, мое присутствие...

Свинячьи глазки Срайи радостно блеснули.

– Нет-нет, никаких проблем. Я все проведу сам. – Он изобразил на лице благосклонную улыбку и с доверительным видом наклонился к Птоцкому: – Я думаю, у нас еще будет время, чтобы обсудить все вопросы в более узком кругу. А для начала я хотел бы получить информацию об обстановке на фронте, так сказать, из первых рук.

Птоцкий мысленно ухмыльнулся. Тоже мне, нашел первые руки. Политуполномоченные корпусов и дивизий. Проехал бы лучше по передовым полкам. Но что толку дергаться, все равно ничего с этим не поделаешь... Эта мысль, как ни странно, придала сил Птоцкому. Он утвердительно кивнул:

– Да, пожалуй, так будет лучше.

* * *

В штабе Второго корпуса он задержался не на два дня, а на целых четыре. Политуполномоченный при командире корпуса, вернувшийся на следующий день с совещания, на прямой вопрос Птоцкого ответил, старательно пряча глаза, что ничего

особенного там не происходило. Однако в тот же день, стоило лишь командующему армией уехать в полки, как он собрал всех политуполномоченных полкового и батальонного звена. По этому признаку Птоцкий понял, что Срайя не только заглотнул наживку, но и приплясывает от нетерпения, совершенно не собираясь срывать с крючка. И потому на вечернем совещании он объявил командному составу, что его пребывание в расположении корпуса прошло хорошо, как он и ожидал, заметно, что выучка личного состава повысилась, а боевой дух высок. Он вполне удовлетворен и завтра же убывает в штаб армии.

Как он и ожидал, события начались на следующее утро. На рассвете охранники при штабе были разбужены частыми выстрелами из штуцеров. Птоцкий, открыв глаза, некоторое время лежал в постели, тревожно вслушиваясь в треск выстрелов, но вот загрохотали два пулемета, – он ночью велел установить их на крыше особнячка, в котором устроился, – потом немного поодаль послышалась стрельба помощнее. Это подошли тайно подтянутые ночью к соседнему хутору марьяты его личной охраны, которых он три дня назад демонстративно оставил в своей ставке.

Две комендантские роты, поднятые среди ночи по тревоге политуполномоченным корпусом, который зачитал перед строем постановление Бюро Центрального совета об отстранении Птоцкого от командования и предании его суду революционного трибунала за предательство и попустительство врагам трудового народа, были разоружены в течение часа. Сам Политуполномоченный, возглавивший штурм с барабанником в руке, еще в самом начале поймал грудью пулеметную очередь, но текст так называемого постановления был обнаружен в его кармане и, судя по стилю и оборотам речи, был не чем иным, как собственноручным сочинением соратника Срайи. Птоцкий прочитал его два раза и довольно улыбнулся. Уважаемый соратник не просто заглотнул наживку – она уже торчала у него из заднего прохода. Впрочем, его можно было понять. В случае выигрыша Срайя, который успел наступить на любимую мозоль каждому соратнику и держался в бюро только благодаря своему звериному чутью, да еще потому, что лидерам фракций частенько необходим был лишний джокер в колоде, тут же вышел бы на первые роли. И момент для этого, по его разумению, был просто идеальный. Войска уже почти на окраинах Коева, план операции разработан и доведен до исполнителей, а бюро крайне недовольно медлительностью Птоцкого. Остается взять инициативу в свои руки, подать команду: «Вперед» – и вот она – удача, трепыхается в руках. А прежнего командарма можно под шумок и расстрелять. Потому как, во-первых, это согласуется с тайными желаниями большинства членов бюро, а во-вторых, победителей не судят.

Птоцкий приказал командиру корпуса выставить патрули на дорогах, ведущих к штабу армии, который перешел под контроль ретивого соратника, арестовать всех политуполномоченных, присутствовавших на совещании у Срайи или вчерашнем сборище у политуполномоченного корпуса, и пошел досыпать.

Срайя решил ковать железо, пока горячо. После трех безуспешных попыток связаться в течение дня со штабом корпуса, так и не дождавшись доклада от двух высокопоставленных сотрудников политаппарата армии, которых Птоцкий приказал посадить под замок, новоиспеченный командарм отдал приказ о начале массированного штурма.

Утро следующего дня огласилось канонадой нескольких десятков оставшихся в составе армии исправных орудий, рассеянных по всему фронту. Артподготовка длилась четыре часа подряд. Противник не отвечал. Птоцкий, через командующего корпусом, вышел на прямую связь с командирами дивизий, наступающих в первых эшелонах, и приказал докладывать ему об изменениях обстановки каждый час.

Два дня события развивались так, как примерно и предполагалось. Передовые части раз за разом поднимались в атаку, но, наткнувшись на плотный штуцерно-пулеметный огонь противника – жидкий артобстрел не повредил большинство его огневых точек, – откатывались назад. Однако потом обстановка изменилась. К вечеру третьего дня наступления два полка Стальной дивизии, наступавшей с левого фаса обороны противника, прорвали наконец фланговые оборонительные линии противника и к утру вышли на рубеж

Троицкого монастыря, находившегося северо-восточнее Коева. Там они остановились, наткнувшись на еще один, спешно подготовленный рубеж обороны. Но это было уже не важно. Боевые действия велись на узком фронте протяженностью едва ли в пятьдесят верст, и Срайя мог уже к утру стянуть к месту прорыва крупные силы из состава дивизий второго эшелона и сформировать мощный ударный кулак. Так что открывалась реальная возможность охвата оборонительных позиций армии суверена с фланга и атаки по сходящимся направлениям с одновременным обходом с тыла. Когда Птоцкому доложили об этом неожиданном успехе, сердце его упало. Неужели он был не прав и все его опасения всего лишь плод воспаленного ума? Нет, этот странный князь Росен не мог обмануть его ожиданий. Всю ночь и весь следующий день он метался по комнате из угла в угол. Но утро все расставило по своим местам.

Уже перед самым рассветом он, лишь час назад забывшийся тревожным сном, проснулся от знакомого рева крупнокалиберных морских орудий. Птоцкий сел на кровати, протер глаза и улыбнулся. Все шло так, как он и предполагал. Соратник Срайя нарвался на крупные неприятности.

Через четыре часа, когда была наконец восстановлена связь с передовыми частями, он немного успокоился и попытался уяснить масштабы потерь. Но в войсках царила полная неразбериха. Все более или менее прояснилось только к полудню. Птоцкий как раз сел слегка перекусить, стараясь не обращать внимания на продолжающийся грохот орудий, когда раздался стук в дверь.

– Да, войдите!

На пороге вырос бледный командир корпуса.

– Ну, что там у вас? – нетерпеливо спросил Птоцкий. Тот сглотнул:

– Пришло сообщение от начальника штаба армии. Лично для вас.

Птоцкий улыбнулся: начальник штаба был из военспецов, тоже порядочная сволочь, но нос по ветру держать умел. И то, что он лично вышел на связь с ним, означало, что его масть резко поднялась в цене. А ведь всю эту неделю он сидел как мышь, будто его и нет...

– Ну и что там?

– Противник ночью крупными силами при поддержке броневиков и пулеметных железнодорожных платформ атаковал части Третьего корпуса и вклинился в центр фронта наступления корпуса на глубину до пяти верст. Корпус полностью разгромлен, штаб корпуса уничтожен рейдовым отрядом.

Птоцкий нахмурился. Третий корпус наступал в самом центре боевого порядка, вдоль железной дороги. Его разгром означал, что фронт наступления разрезан надвое. Но если корпус разгромлен, то...

– А что же тогда они громят из орудий? Командир корпуса поежился:

– Соратник Срайя... – Он запнулся. Птоцкий раздраженно поторопил:

– Ну, давайте повнятней, у меня нет настроения ждать, пока вы родите.

– Соратник Срайя приказал стянуть все части второго эшелона к месту прорыва Стальной дивизии и... – Он мгновение помолчал, потом сипло добавил: – Там было почти семь дивизий... К тому же, похоже, они заложили взрывчатку или минные заряды во всех неповрежденных строениях и самых подходящих местах для развертывания полевых командных пунктов, а как только начали артподготовку, подорвали их. Так что в первые же минуты артобстрела все подошедшие части оказались практически без командования. – Комкор замолчал.

Птоцкий был потрясен. Такого даже он не ожидал. Полный разгром практически за одну ночь! Он тяжело вздохнул и повернулся к комкору:

– Давайте приказ на отступление.

* * *

– А я утверждаю, что этот господин есть не кто иной, как тайный прихвостень «соратничков»! – Толстяк в слегка потертом чесучовом пиджаке, еще сохранившем, однако,

следы работы дорогого столичного портного, воинственно взмахнул рукой. Пенсне не удержалось на его широкой переносице и упало, повиснув на цепочке.

Зал ответил неопределенным гулом, в котором можно было различить как одобрительные, так и возмущенные возгласы. Айвен прикрыл глаза и откинулся на спинку кресла. Стены здания Коевского дворянского собрания сотрясались от рева морских орудий, ведущих огонь с железнодорожных путей, проходивших всего в версте от центра города. Первое заседание нового Государственного совета начиналось в момент весьма знаменательный – под гул канонады и топот сапог наступающей армии, которая направлялась освобождать древнюю столицу. А в зале между тем бушевала яростная схватка между сторонниками прежней «единой и неделимой, богоносной и благолепной», каковая, правда, существовала больше в представлениях, чем в действительности, и теми, кто считал, что из всего произошедшего необходимо извлечь уроки на будущее.

Толстяк подошел к концу своего грозного выступления:

– ...и мы должны дать решительный отпор любым попыткам осквернить древнее благолепие и навязать нам эти богохульные западные штучки. – Он величественно вскинул руку, затем повернулся туда, где сидел суверен, и картинно поклонился ему в пояс.

С разных сторон раздались громкие аплодисменты, громкость которых, однако, объяснялась скорее стремлением аплодировавших компенсировать таким образом свою малочисленность. То, что их было не много, говорило в пользу суверена, сумевшего сформировать Государственный совет из достаточно умных людей. Впрочем, среди сторонников прежнего благолепия тоже сложно было найти глупцов, скорее это были люди, которые в случае реализации предложений, озвученных майором полчаса назад, теряли слишком много.

– Нет, это мракобесие какое-то, он бы еще потребовал ввести «Домострой» в качестве основной части Государственного уложения, – жарко зашептал на ухо Круиффу сидевший рядом профессор Пантюше, – и он еще смеет говорить о...

– Не принимайте все это так близко к сердцу, – добродушно усмехнулся Айвен.

– Нет, но вы слышали, что он говорит о западных демократиях? Это же просто возмутительно!

– Ну почему же? Мне кажется, он абсолютно прав. Пантюше осекся, в изумлении уставившись на Круиффа:

– Как? Вы ТОЖЕ?! Айвен качнул головой:

– Я всего лишь реалист. Империя была слишком сильным конкурентом, и ее разрушение объективно способствовало тому, что на тарелке появился лишний кусок пирога, причем довольно большой и вкусный. С нефтью, углем, железной рудой, дешевой рабочей силой и, что особенно приятно, уже кое-какой созданной инфраструктурой. Надо быть полным идиотом, чтобы не воспользоваться возможностью прибрать все это к рукам. А одно из явных преимуществ стабильной демократии как раз в том и состоит, что при ней идиоты очень редко становятся государственными деятелями, – он мгновение помедлил, – как, впрочем, и гении, и это ее самый большой недостаток. Демократия – вотчина более или менее одаренных середняков.

Пантюше некоторое время помолчал, размышляя, потом неуверенно заговорил:

– Но разве они не понимают, что творится? Круифф пожал плечами:

– Конечно нет. Для них это всего лишь очередная революция, подобная тем, через которые прошли сами эти страны.

– Но реки крови... Айвен с деланным удивлением широко открыл глаза:

– О чем вы говорите? Где вы видели революции БЕЗ этой обильной смазки? Насколько мне помнится, и бриттцы, и гальцы начали с того, что извели под корень сначала собственные королевские семьи, затем всех, на ком были штаны с кружевами. Ну а после этого с большим воодушевлением принялись за другие сословия и социальные группы. И остановились, лишь когда обнаружили у собственного окошка иноземного солдата с ружьем. Или, может, я неверно излагаю исторические факты?

Пантюше, пожившись, ворчливо проговорил:

– Нет, отчего же, только уж больно однобоко. Ибо без этих революций цивилизованные страны никогда не достигли бы того, без всякого сомнения, высочайшего в мире уровня, который они имеют сейчас.

– Да кто же с этим спорит? – весело подхватил Круифф. – Однако, смею заметить, этого уровня они достигли намного ПОЗЖЕ. Когда большинство населения уже могло спокойно спать по ночам, не мучаясь кошмарами о налетах революционных отрядов, а проще – банд «оловянноголовых» или «простых башмачников», ну а мы пока что находимся в самом разгаре этого процесса. Так что, уважаемый профессор, эти столь ценимые вами западные демократии пока не видят тут у нас никаких отличий от их собственной истории и, так как в большой политике до сих пор царят чрезвычайно простые нравы, просто ловят момент, чтобы ухватить кусок послаще, пока хозяин тарелки занят своими проблемами. Так что ваш уважаемый оппонент прав. Если взглянуть непредвзято, все эти столь любимые вами западные демократии в данный момент своими манерами действительно больше напоминают бандитов с большой дороги.

Круифф пребывал в прекрасном настроении. Пока все шло в полном соответствии с просчитанным вариантом. В тот день, когда состоялся столь памятный разговор с майором, они, сразу после ужина, были удостоены очередной аудиенции у суверена. Несмотря на столь пышное название, все выглядело довольно буднично. К тому же эта была уже не первая их аудиенция. Князь являлся пред очи суверена по нескольку раз на дню, Круифф, когда он находился в городе, тоже частенько появлялся в рабочем кабинете государя, и даже пилот удостоился этой чести уже трижды.

Они отправились в скромный особнячок на окраине, посреди густого парка, занимаемый сувереном. Особнячок этот был выстроен лет семьдесят назад для сосланного в эту глушь бывшего фаворита государыни Термины, и до последнего времени в нем находилась канцелярия градоначальника. От предстоящей аудиенции они не ждали никаких неожиданностей. Вечер начался скучно. Ужин прошел в узком кругу, при свечах, в небольшой гостиной на первом этаже. Кроме семьи суверена, на ужин были приглашены только они с майором, генералы Тропин и Боуран, барон Конгельм и граф Бронков, за последнее время ставший настоящим членом семьи и благодаря своей работоспособности и большому опыту государственной службы по сути дела соединявший в одном лице весь кабинет министров. Сразу после ужина суверен пригласил семерых мужчин пройти в его домашний кабинет. Кабинет, по дворцовым меркам, был тесен, но требовать иного при нынешних обстоятельствах было бы странно. – Прошу вас, господа, присаживайтесь.

Пока все устраивались кто где, суверен присел на корточки перед камином с аккуратной сложенной рядом поленницей, запалил серную спичку и поджег запалку из сухого мха. Когда огонь набрал силу, он вытащил горящую щепку и зажег свечи в двух массивных канделябрах по краям огромного, занимавшего едва ли не треть кабинета стола, потом опустился в кресло и вытянул ноги. Некоторое время в кабинете стояла тишина, прерываемая лишь потрескиванием дров в камине. Наконец суверен заговорил:

– Я просил вас прийти ко мне, господа, поскольку считаю, что вы показали себя заслуживающими наибольшего доверия. Вы спасли жизнь мне и моей семье, вы были со мной все эти нелегкие дни, и именно вы, по существу, и выиграли эту войну, – лицо суверена было печально, голос срывался, – и сейчас я крайне нуждаюсь в вашем совете.

Все находившиеся в кабинете, за исключением князя, перекинулись быстрыми взглядами и замерли, ожидая продолжения. Суверен устало вздохнул и заговорил снова:

– Господа, мне думается, эта ужасная война близка к своему завершению, и я не устаю благодарить за это Господа, однако степень ожесточения в обществе достигла немыслимых пределов, и... – Тут его голос пресекся, но Коней справился с собой и продолжил речь: – И я боюсь, что это ожесточение сохранится и после окончания боев. – Совсем тихо, будто разговаривая сам с собой, он добавил: – Я не знаю, что предпринять, как это все прекратить... – И замолчал окончательно, уронив голову на грудь.

По кабинету разлилось тревожное молчание. Круифф мысленно покачал головой: майор мельком упоминал о том, что суверен в последнее время очень подавлен в связи с

массовым расстрелом заложников в Ташевских бараках, но чтоб до такой степени... Все-таки у этих людей совершенно иной психотип. Барон Конгельм шевельнулся, словно собирался что-то сказать, но в последний момент передумал. Наконец Коней заговорил снова:

– Мне думается, я совершил ошибку, согласившись вновь возглавить страну. Вы бы прекрасно справились и без меня. А мое решение привело только к еще большему ожесточению всех участников этой ужасной войны. – Он умолк на мгновение и угасающим голосом закончил: – Я решил исправить эту ошибку и... завтра объявить о своем окончательном отречении от престола.

– Это невозможно!

– Вы не можете этого сделать!

– Нет, нет, это... просто ужасно!

Барон, оба генерала и граф говорили одновременно, пытаясь доказать что-то не столько суверену, сколько самим себе. Земляне молчали. Суверен осознал наконец, что в этом хоре не хватает трех голосов, и повернул голову туда, где сидели земляне. До остальных тоже дошло, что эти трое, после стольких месяцев все еще остающиеся для всех загадочно-непонятными, до сих пор не произнесли ни слова, и гомон постепенно утих. В кабинете вновь воцарилась тишина. Напряжение становилось просто невыносимым. Наконец суверен не выдержал:

– Почему вы молчите?

Князь скривил губы в полупрезрительной усмешке:

– А вы разве о чем-то спрашивали? Тон, которым это было сказано, заставил Коней вздрогнуть. А князь продолжал:

– По-моему, вы просто огласили свое окончательное и бесповоротное решение и наши протесты нужны вам лишь для того, чтобы вы еще больше укрепились в своем самопожертвовании и непреклонности. – Князь так взглянул на Коней, что тот отшатнулся, – Все как и в прошлый раз, не правда ли?

У суверена дернулась щека:

– Что вы имеете в виду?

Князь поднялся на ноги и шагнул к креслу суверена. Тот испуганно вжался в спинку.

– А то, что именно ваше глупое отречение ввергло страну в хаос и бросило ее в руки тех, для кого кровь людей значит меньше, чем болотная водица.

– Это неправда!

Князь снова усмехнулся:

– Да что вы говорите?! – Он повернулся на каблуках и прошелся по комнате. – Могу сообщить вам, ваше величество, что Ташевские бараки опять заполнены заложниками.

Суверен болезненно поморщился и открыл рот, но князь не дал ему заговорить:

– Вы считаете, что мы обошлись бы без вас... Тогда позвольте спросить, К КОМУ сбегались толпы крестьян из деревень в верховьях Панченги и КОГО они защищали? А сейчас вы готовы предать их упования!

– Позвольте!..

Князь резко остановился:

– Нет уж, слушайте. Вы тут рефлекслируете по поводу тысяч невинно убиенных, так вот, могу вас обрадовать. Если нам не удастся вырвать столь любимую вами страну из лап тех, кто сейчас в ней верховодит, их число возрастет до миллионов. Вы читали «Манифест освобожденного народа»? – Князь хищно усмехнулся и процитировал по памяти: – «Победа освобожденного народа лишь тогда может считаться полной и окончательной, когда железной рукой будут раздавлены не только любые попытки бывшего господствующего класса воспрепятствовать установлению диктатуры, но и будут уничтожены ВСЕ представители этого класса эксплуататоров и угнетателей». Какова численность дворян в вашей империи? Миллионов двенадцать? Ну, тысяч двести уже сбежало за границу, где-то с полмиллиона уже лежат по рвам и лесным оврагам с пулей в затылке, часть женщин «из бывших» «соратники», конечно, оставят для собственных нужд, еще с миллион правдами и

неправдами сумеют-таки перебраться через границу. А это значит – остается около десяти миллионов. Плюс мелкие лавочники, фабриканты из мещан, инженеры и профессура из разночинцев. – Он сделал паузу, упершись в суверена тяжелым взглядом. – И вы готовы из-за своей рефлексии обречь их на судьбу обитателей Ташевских барачков?

– Вы не поняли, – пролепетал суверен, – я имел в виду...

– Я знаю, что вы имели в виду, ваше величество, – голос князя звучал уже не так резко, – но я утверждаю, что этой стране нужны сейчас именно вы. Если завтра вы объявите о своем отречении, первым же результатом этого станет беспощадная борьба за власть среди ваших союзников. Сначала передерутся здесь, потом руководители центров сопротивления на юге, востоке и северо-западе резонно решат: а почему, собственно, они должны подчиняться какому-то там генералу или графу и чем они сами хуже? И все это закончится разгромом. И это только одна из причин, по которой вы ОБЯЗАНЫ остаться во главе этой страны. Если вы хотите услышать о других – приготовьтесь слушать всю ночь, – князь усмехнулся, – но, по-моему, вас это не интересует. Ведь вы уже все решили.

Князь умолк. Суверен несколько минут сидел, уставившись глазами в пол, наконец поднял голову и обвел взглядом присутствующих:

– Вы тоже так считаете?

Какое-то время никто не отвечал, потом граф Бронков тяжело вздохнул и кивнул головой:

– Да, ваше величество, вы нужны этой стране более чем кто-либо из нас. Более чем кто бы то ни было.

И снова потянулись минуты тягостного ожидания. Все молча смотрели на суверена. Тот глубоко вздохнул и сказал:

– Хорошо, я думаю, что... обязан нести эту ношу. Все облегченно выпрямились, но тут снова раздался голос князя:

– Тогда позвольте уже мне задать вам вопрос, ваше величество. – Он помедлил, словно ожидая разрешения, и тут же продолжил: – Вы понимаете, ЧТО вам предстоит?

Коней посмотрел на князя широко раскрытыми глазами и медленно сказал:

– Мне кажется, да.

– И вы уверены, что способны справиться с этим? Суверен не ответил.

– Вы уверены, что сможете не колеблясь подписывать аршинные расстрельные списки, что найдете в себе силы лишить людей, которые сейчас вас боготворят, всякой надежды на возвращение большей части своего достояния? Что недрогнувшей рукой пошлете в тюрьму или даже на каторгу ваших нынешних сторонников, людей, готовых отдать за вас свою жизнь, – многие из них потеряли все в этой бойне и, поддавшись гневу, начнут, возможно, незаконно мстить всем тем, кто по тем или иным причинам оказался на стороне наших противников?

– Ну, это уж слишком, – пробормотал генерал Тропин.

Князь резко повернулся на голос:

– Именно так, генерал, именно так, если мы не хотим, чтобы через десять лет все повторилось вновь.

Коней поднял бледное лицо и тихим, но твердым голосом произнес:

– Да. Если моя страна потребует от меня этого, я готов все это выдержать.

Князь склонил голову в почтительном поклоне:

– В таком случае, ваше величество, если вам все еще нужна наша помощь, то мы в вашем полном распоряжении.

В тот вечер они проговорили почти до четырех часов утра. Когда уже перед рассветом гости суверена наконец покидали особняк, генерал Боуран задержался у калитки и, повернувшись к Айвену, заметил с легкой усмешкой:

– Знаете, дорогой господин Кройф, при всем моем уважении к князю, я до сих пор довольно скептически воспринимал те поразительные слухи про него, которые ходят среди молодых офицеров, но теперь... – он бросил быстрый взгляд на князя, который говорил что-то напоследок суверену, вышедшему на крыльцо, чтобы проводить гостей, – я не могу

не согласиться с утверждением, которые неоднократно слышал из уст барона, что мы должны день и ночь благодарить Святой Круг за то, что князь с нами, а не против нас.

Тут голос профессора отвлек Айвена от воспоминаний.

– Я что-то не пойму, так вы что, не разделяете взглядов князя?

Пантюше сердито куснул себя за бороду. Круифф тряхнул головой, снова включаясь в беседу, и с улыбкой возразил:

– Ну почему же? Просто я считаю, что не стоит демонизировать ваших оппонентов. Кстати, если судить по привычкам и жизненному укладу, господин Утроба, речь которого вас так возмутила, ничуть не меньший западник, чем вы, просто обстоятельства сложились таким образом, что он оказался рупором влиятельных людей, которые очень много потеряют в случае реализации предложений князя.

Пантюше вытаращил глаза:

– То есть вы хотите сказать, что один из членов Государственного совета является чем-то вроде платного зазывалы?

Круифф тихонько рассмеялся. Какие же наивные люди попадают порой в высшие органы государственной власти во времена крутых перемен.

– А разве это не так? И разве вы сами не чувствуете в себе внутреннее родство с подобными людьми?

– Но позвольте...

– Оставьте, профессор, всех, кто здесь сейчас находится, можно назвать рыночными зазывалами, так или иначе. Отличие лишь в том, что настоящие зазывалы заманивают прохожий люд, прельщая горячими пирожками, добротным сукном или свежей стерлядкой, а мы – благочинием или прогрессом, патриархальностью или достижениями цивилизации, и притом всякий имеет в виду и свою прибыль. Кто деньгами, кто чином и уж, как минимум, моральным удовлетворением. Или вы не рассчитываете даже на такую малость?

Лицо профессора приняло несколько озадаченное выражение.

– Ну, если в подобной трактовке... Айвен пожал плечами, как бы предоставляя Пантюше самому додумать мысль до конца.

– Но я все равно не понимаю, как князь может молча сносить подобные выпады? К тому же, насколько я понимаю, сегодня Государственный совет должен принять чрезвычайно важные решения...

– И примет, дорогой профессор, непременно примет. Неужели вы считаете, что в споре может действительно родиться истина? Решения УЖЕ приняты, и Государственный совет за них непременно проголосует. Уж можете мне поверить.

Круифф спокойно откинулся на спинку стула. Еще бы, два дня назад они с князем представили государю свои предложения по реорганизации системы государственного управления, новой земельной политике, возрождению промышленности и финансовой системы и после почти шести часов обсуждения добились его согласия на оформление этих предложений в виде указов суверена. Похоже, у этой страны появился шанс. И Круифф был абсолютно уверен, что князь не допустит, чтобы этот шанс был упущен. Этот мир не имел никакого понятия о политических технологиях. А он уже успел убедиться, что все, за что только ни брался майор, проделывалось им блестяще. И почему он раньше так не любил работать с русскими?

* * *

– Все, таперя они наших точно побьют. – Кузьяр оторвался от окна полуподвального этажа большого доходного дома, тыльной стороной выходящего к пакгаузам и, соскочив с табуретки, нервно забегал по комнате. – Как есть побьют. Экие дуры.

За окном виднелись огромные восьмиосные платформы с установленными на них чудовищными морскими орудиями, задравшими к небу свои длинные стволы. Они были похожи на хоботы огромных алефантов, которых вахмистр впервые увидел в зверинце, застигнутого войной на окраине маленького кайзерского городка и неизвестно каким ветром

занесенном на север этой снежной страны. Он тогда славно повеселился, стреляя из короткого кавалерийского штуцера в уши этих больших, как холм, но флегматично-спокойных зверюг и корчась от смеха при виде того, как они грохались на землю и, громко трубя, медленно умирали. Правда, прежде чем наткнуться на зверинец, вахмистр с несколькими лихими ребятами штурмом взял окраинную гостиницу, так что к слонам он добрался уже навеселе. Но все равно ему нравилось их убивать. И вот сейчас они как будто вернулись, чтобы отомстить.

– Заткнись, пехтура, – цыкнул он на соратника по борьбе.

– А чего ты, чего ты? – обиженно забормотал тот. За время их совместного похода Кузьяр успел уже не раз испытать на своей шкуре, насколько его соратник крут характером и скор на расправу.

– Все одно мы тут без толку сидим. Никого из соратников не отыскивали, и связи с соратником Птоцким никакой. Токмо по подвалам прячмси. На улицу носа не высунуть – все офицерьем забито. Тикать надо отсюда, и все дела.

– Я сказал – заткнись. – Вахмистр полоснул по нему злым взглядом, и Кузьяр испуганно примолк.

В Коев они явились почти неделю назад. Сумрачным утром. В старой столице, когда группа готовилась к отправке, все казалось совсем несложным. По докладам бежавших из Коева соратников, энтузиазм в связи с новым пришествием суверена был так велик, что мысль о необходимости создания чего-то подобного Пятому жандармскому управлению пока никому не пришла в голову. К тому же первую скрипку в окружении суверена играли военные, во все времена относившиеся к жандармам с предубеждением, так что особых сложностей в работе не предвиделось. С подбором кадров для разворачивания сети для сбора информации и реализации актов саботажа также особых проблем не должно было возникнуть. В железнодорожных мастерских, на метизном заводике, да и среди мастеровых-одиночек должно было быть немало сочувствующих. А если бы вдруг нашлись такие, кто потерял классовое чутье и не желает посвящать себя святому делу революции, то для них имелись меры убеждения, хорошо отработанные в подвалах мрачного здания Особого комитета.

Однако в действительности оказалось все совсем не так. В город лазутчики вошли беспрепятственно, спокойно миновав офицерский патруль, вооруженный штуцерами и усиленный пулеметной двуколкой. До вечера они толкались на рынке, перекусили в трактире, дивясь не особо высоким ценам и обилию продуктов, от которого уже почти отвыкли, а потом пошли по нужному адресу. Вот тут и начались неприятности. Когда они ввалились к довольно зажиточному мастерскому якобы из сочувствующих – он имел большой дом на окраине города, – передали ему привет от соратника Тарого и сурово потребовали организовать им ночлег, тот, побледнев, осенил себя святым кругом и забормотал молитву. Кузьяр лихо заломил шапку и подступил к мастерскому:

– Ты что это, соратник, струсил али как? Неча бояться. Мы с тобой тяперя этому воскресшему работному кровопийцу покажем, тошно станет. Скоря опять наша власть...

Но мастерской, не слыша ничего, рухнул на колени и начал взахлеб рассказывать о том, что творится в городе. Слушая его сбивчивую речь, вахмистр, как-то незаметно ставший главарем группы, все больше мрачнел. Во-первых, хотя в Коеве и не было жандармского управления имелась зато чрезвычайно эффективно работающая полиция. Какой-то умник распорядился призвать на службу ВСЕХ проживающих в городе полицейских чинов независимо от возраста, срока выслуги и продолжительности пребывания на пенсии. Так что только количество околоточных надзирателей возросло в три раза. Всем им была поставлена задача осуществлять надзор за каждым вновь прибывшим в город, а населению было обещано вознаграждение за информацию о появлении у соседей неизвестных постояльцев. В чем они и смогли убедиться спустя всего четыре часа после прихода, когда, помывшись с дороги, уселись за самый обычный по местным меркам ужин, показавшийся им просто роскошным. Сало, баранина, лук, щавель, густые зеленые щи с яйцом вареная репа, квас и свежий ржаной хлеб... В старой столице

такое могли себе позволить лишь те, кто имел право на усиленный паек не ниже третьей категории. Да и то не каждый день. Кузьяр даже пошутил:

– Да ты буржуй, паря.

Но не успели они приняться за еду, как раздался громкий, настойчивый стук в дверь. Хозяин побледнел. Лазутчики с тревогой переглянулись. Вахмистр осторожно вытащил из-за пояса барабанник, взведя курок, положил себе на колени и шепотом приказал хозяину:

– Открывай.

Вошли трое полицейских. Один из них был совсем старый и седой, в чистом, старательно отутюженном, но сильно поношенном темно-синем мундире, каковые отменили еще лет двадцать назад, но двое других были дюжими мужиками лет сорока пяти – пятидесяти, усатые, с пудовыми кулаками городских. Хозяин, дернув кадыком, угодливо забормотал:

– Доброго здоровичка, Никан Тергеич. Вот радость-то, что пожаловали.

Старший молча кивнул, окинул взглядом сидящих за столом и огладил усы:

– И тебе доброго здоровичка, Прол Акинович. – Он кивком показал на трапезников. – Сродственники приехали?

Хозяин быстро закивал головой:

– А то ж, а то ж.

– Угум... Ну, ты порядок знаешь. Время ноне военное, так что нонича пусть вечеряют, а завтра с утрачка чтоб непременно прибыли в околоток и встали на учет. Ну, да ты сам все объяснишь. – Он еще раз посмотрел на сидящих за столом, задержавшись глазами на крюке вахмистра, потом со значением взглянул на стоявшего рядом с ним околоточного помоложе и кивнул хозяину: – Ну так не забудь, Акинович. Завтра же. – С этими словами он повернулся и пошел к выходу.

Мастеровой торопливо закрыл дверь и в изнеможении привалился к косяку. Кузьяр с облегчением перевел дыхание и пробормотал:

– Ну, слава те осподи, ушли. – Он посмотрел на, расстроенного хозяина: – Эй ты, буржуй, чего это он там болтал про околоток?

Но тут вмешался вахмистр:

– Тикать нам надо, и побыстрее.

– Чего это вдруг? – вскинулся Кузьяр.

– Заприметил он меня, вон как на крюк зыркнул. Видать, либо им чего уже про меня гутарили, либо вскорости сами все разузнают. Уж больно у меня примета видная.

Все замерли в испуге. Вахмистр резко отодвинул от себя тарелку с початой бараньей грудинкой и встал из-за стола. Хозяин кинулся к нему:

– Не губи, соратник. Через полчаса комендатский час, и, ежели кого на улице без комендатских записок спымают – тут жа в кутузку. А поутру разбираются дотошно – кто таков, откель пришел, у кого квартирует?

Вахмистр остановился:

– А кто ловит-то?

– Дак патрули офицерския. На нашей улице страсть как лютуют. У нас бумажки вывесили, о том, что мы... – он замолчал и весь напрягся, собираясь произнести не совсем знакомые слова, – Вторая особая оперативная зона, потому как штаб недалеко, так почитай всю ночь с разных концов улицы патрули и шастают.

Вахмистр обвел всех тяжелым взглядом и скривился:

– Дожили. Сидите здесь, как мыши в норе, а офицерье над вами изгаляется.

Хозяин, вспыхнув, уже было открыл рот, чтобы сказать, что в столице комендатский час существует уже больше полугода и что ежели бы «народный патруль», вломившись в дом, застал незнакомых людей, то он бы уж точно не оставил их «вечерять». Вся провинция была переполнена слухами о зверствах Особого комитета в обеих столицах. Но тут он вспомнил, что его гости – посланцы именно этого самого Особого комитета, и почел за лучшее промолчать. Вахмистр, прочитавший, однако, все эти мысли по бесхитроственному лицу мастерового, усмехнулся и неторопливо вернулся на свое место:

– Ну, раз так, значитца, пока перекусим. Через час изрядно подпоенный мастеровой висел на плече у вахмистра и бормотал:

– А че, мы на это не обижаемой. За прошлую-то зиму ворья да жуликов развелось, а как комендантский час ввели, так быстро всех и повывели. А что околоточные следят, так оно и впрямь дело военное. Никан Тергеич в нашем околотке почитай пятый десяток. Не только всех знает, но и сродственников многих. – Мастеровой пьяно покачал головой. – Ой, подвели вы меня под монастырь. Теперя не отстанет.

Вахмистр кивнул и сожалеючи протянул:

– И как тебе помочь, ума не приложу. Мастеровой вскинул на него затуманенный взгляд:

– А можа, вы того, сами сдадитесь? Слыхали? Сам суверен на престол возвернулся. И война кончилась. Теперя все будет как ране.

Тут не выдержал Кузяр:

– Да ты что, паря? Нешто не знаешь, какая сила на твоего суверена идет? Пятьсот тыщ! А то и поболе. Да твоего суверена вместе со всем офицерьем сей секунд к ногтю.

– Ништо, – пьяно заупрямился мастеровой, – я и сам два года вшей на фронте кормил. Тожа, нашли силу. Да у энтих одних пулеметов – тьма. И народу набежало... Одни унтера да офицеры. А против них хто? Тыловики да мобилизованные, – он хохотнул, – хоть знают, с какой стороны штуцер-то заряжается?

Вахмистр сочувственно покачал головой и по-приятельски хлопнул мастерового по плечу:

– И верно, так мы и сделаем, только утром. – Он налил мастеровому еще стакан мутного самогона из стоявшей на столе бутылки, подождал, пока тот выпьет, потом поднялся на ноги. – А где твои домашние-то?

Мастеровой мгновение молчал, силясь понять, о чем его спрашивают, потом расплылся в улыбке:

– Дак в деревне все, у шурина. Я их еще на спас туды отправил. Хто знает, что тута начнется? Вахмистр понимающе кивнул:

– Ладно, пойдём – покажешь, где нам переночевать. Мастеровой попытался вскочить на ноги и чуть не повалился на стол. Вахмистру пришлось поддержать его здоровой рукой.

– А в горнице, кровать-то токмо одна. Но я соломенных тюфячков постелю. Они тут у меня, в чуланчике.

– Вот-вот, пошли посмотрим, где там твои тюфячки. За столом притихли. Все уже знали, что, когда вахмистр начинал говорить ТАК, самое время для каждого из них помолчать да подумать, не ляпнул ли он сам чего по дурости.

Вахмистр вернулся через десять минут. Он окинул сотоварищей сумрачным взглядом и сел на свое место:

– Значит, так, такой ватагой мы тут никак не спрячемся. Потому завтрева разделяемой. Вы двое пойдете на метизный. – Он кивнул сидевшим напротив него. Один из них, бывший «деловой» и бандит по прозвищу Лубенек, которого они с Птоцким доставили в столицу аж из Катендорфа, имел здесь, по его собственными словам, сродственника, работавшего на метизном заводе. – У тебе там вроде свояк?

Лубенек кивнул.

– Ну вот и ладно. Сидите там тихо, а как нужны будите, так я вас найду. А вы, – он повернулся к остальным, – давайте-ка завтрева совсем из города. Встаньте на постой в ближней деревне. Как понадобится, так кто из них, – он ткнул пальцем в сторону двоих, которым определил квартировать на метизном, – за вами прискачет. Все понятно?

Все закивали. О том, что произошло с мастеровым, ни один не спросил. Это было ясно и так.

И вот уже почти неделю они мотались по городу, каждый день меняя место ночлега и ломая голову, что им делать. Город, который вроде бы жил обычной жизнью, на самом деле был накрыт густой сетью офицерских патрулей. Причем в районах около вокзала, пакгаузов, складов, железнодорожных мастерских и штаба эта сеть была такая частая, что им порой не

удавалось перебраться даже на соседнюю улицу. Все это просто поражало. Создавалось впечатление, что над обеспечением режима патрулирования и организацией системы охраны поработал кто-то, знающий обо всем этом намного больше любого жандарма. Впрочем, такие мысли к ним не приходили. Их состояние можно было скорее определить как растерянность, в которую человек впадает, оказавшись в совершенно непонятной ситуации. Опыт подполья, который вахмистр худо-бедно знал из разговоров с Птоцким и его окружением, а Кузьяр – из рассказов соратников Тарого и Брузя, вдруг оказался совершенно неприменим. Кузьяр скис уже на второй день и начал канючить, без конца повторяя, что надо смываться, пока их не замели. Вахмистр тоже уже начал было склоняться к этой мысли, но оказалось, что уже поздно. Город закрыли. Еще два дня назад на всех рекламных тумбах, на стенах угловых домов, на ярмарочных столбах и заборах – повсюду появились сообщения о том, что через некоторое время в городе будет объявлено осадное положение сроком на неделю. В течение этого времени гражданам, не имеющим пропусков, будет разрешено появляться на улицах только по сорок минут два раза в день. Всем гражданам предлагалось запастись необходимым количеством продуктов и напитков, с тем чтобы максимально ограничить пребывание на улицах во время действия осадного положения. Прочитав тогда это сообщение, вахмистр плюнул и пошел дальше. Но всего через два дня над этими объявлениями появились ярко-красные листовки, на которых было всего три слова: «Осадное положение введено». В тот же вечер их остановил на улице офицерский патруль и лоцный подпоручик в отутюженном мундире с гвардейскими аксельбантами, окинув несколько брезгливым взглядом их небритые и помятые физиономии, с холодной вежливостью сказал:

– Извините, господа, на время осадного положения лицам, не имеющим специальных пропусков, разрешается находиться на улицах только в отведенное для этого время, – и после короткой паузы строго предупредил: – Если завтра вы окажетесь на улицах в неразрешенное время, патрули будут вынуждены задержать вас до окончания осадного положения.

Суверен подтвердил свой осенний указ, ограничивающий сословное деление общества, и потому ко всем, вне зависимости от сословия, теперь следовало обращаться одинаково. Однако было очень заметно, что слово «господа», обращенное к этим то ли мастеровым, то ли крестьянам, больно режет подпоручику губы.

Однако нет худа без добра. Благодаря тому что деловая жизнь города на некоторое время замерла, им удалось в тот же вечер пробраться в этот подвал, в котором они и коротали уже вторую ночь. Вчера ночью Кузьяр даже немножко воспрял духом, услышав, как где-то недалеко от города вдруг заговорили орудия. Он возбужденно забежал по подвалу, бормоча, что «наши им покажут», но вот перед окнами подвала вдруг появились эти чудовищные пушки – и Кузьяр снова запаниковал:

– Не, я говорю, надо тикать.

Вахмистр скрипнул зубами и рывком вскочил с табуретки. Нет, этот тип его уже достал. Но в этот момент рывкнула первая пушка...

Орудия перестали стрелять только к двум часам пополудни. Вахмистр и Кузьяр, окончательно оглохшие от грохота, долго не могли прийти в себя. Потом Кузьяр заглянул в мешок и слезливо сообщил, что из еды у них остались всего полкраюхи хлеба и пара луковиц, а воды во фляге не осталось вовсе, и вахмистр отправил его на рынок, отдав ему почти все деньги, какие были. Время свободного передвижения истекло, а Кузьяра все не было. Вахмистр задумался, уходить ли из этого подвала немедленно или подождать. Если Кузьяра задержали патрули, значит, с минуты на минуту сюда ворвутся офицеры. Но после бессонной ночи у него очень болела голова, одним ухом он все еще не слышал, да и вообще был совершенно разбит. К тому же ему что-то подсказывало, что Кузьяр вряд ли осчастливил своим присутствием подвалы комендатуры гарнизона или здания местной полиции. Скорее всего, его недавний соратник сейчас старательно месит сапогами дорожную пыль в направлении, противоположном подкатившемуся почти вплотную к городу фронт.

Вечером орудия исчезли, но еще два дня кряду были слышны их громовые голоса,

доносившиеся откуда-то неподалеку. А потом не стало слышно вообще ничего.

* * *

На четвертый день в сторону старой столицы впервые двинулись поезда.

В течение следующей недели вахмистр трижды выползал из подвала – за водой к водовозу, регулярно появлявшемуся на соседней улочке, и за хлебом в ближайшую лавку, аккуратно открывавшуюся в разрешенные часы. На большее денег не было. Когда он вылез в последний раз, улицы оказались полны народом. А вот патрулей почти не было. Толпы людей с восторженными лицами налетали на любого появившегося на улице офицера и принимались его качать. Похоже было, что все кончено. Вахмистр, которого пошатывало от голода, зло сплюнул на сапог какому-то деревенскому мужику, с оторопелым видом взиравшему на все происходящее, и повернул в сторону рыночной площади, решив напоследок, перед тем как покинуть город, перехватить хоть кусок пирога с требухой. Он шел, покачиваясь и глядя себе под ноги, как вдруг в конце улицы послышался многоголосый восторженный рев. Толпа рванула, подхватив с собой вахмистра. Когда он наконец восстановил равновесие и поднял глаза, то увидел ЕЕ. Посередине мостовой в окружении конников катились две коляски. Она сидела в передней вместе с отцом и матерью. На ней были легкое летнее платье, кружевная шляпка и такие же перчатки. Она мило улыбалась, глядя прямо перед собой в глубокой задумчивости. Вахмистр проводил ее долгим взглядом, а когда толпа понемногу разошлась, повернулся и решительным шагом направился к метизному заводу. Теперь он наконец-то знал, что делать.

Армия суверена, раздрав фронт наступавших на несколько окровавленных лоскутов, быстро двигалась вперед, молниеносно и жестко пресекая любые попытки организовать хоть какую-нибудь оборону. Стремительные прорывы казачьих эскадронов, немногочисленность которых с лихвой восполнялась отличной выучкой, четкой согласованностью действий и большим количеством средств усиления, превратили ближайшие тылы «соратников» в абсолютный хаос, полностью дезорганизовав управление войсками. Вновь сформированные драгунские части, усиленные конной артиллерией и броневиками, прорывались сквозь смешавшиеся боевые порядки, быстро закреплялись на наиболее подходящих для обороны участках местности и служили наковальней, на которой стрелковые, пехотные и гвардейские части размлачивали остатки еще сохранявших боеспособность частей и соединений «соратников». Отдельные неуверенные попытки закрепиться на мало-мальски удобных рубежах, предпринятые таки немногочисленными низовыми командирами, сумевшими более или менее сохранить ясность мысли, привели лишь к тому, что эти сохранявшие еще хоть какую-то боеспособность части были разнесены в клочья сосредоточенным огнем морских орудий. А после того, как два корпусных штаба при передвижении были обстреляны из засады и уничтожены специальными отрядами, которые высадились из приземлившихся на удобные луговины аэропланов, ни о каком управлении войсками уже не могло быть и речи. Каждый, как мог, спасал свою жизнь. Кто-то, как поступало большинство рядовых бойцов и младших командиров, просто выходил навстречу наступавшим бригадам с поднятыми руками, другие, скинув кожанку и переодевшись в поношенную гимнастерку, а то и в крестьянскую рубаху, хоронясь, перелесками чесали подальше от стремительно наступающей армии, а некоторые просто приказывали машинисту паровоза прибавить ходу и драпали на всех парах.

Через неделю после начала наступления князь Росен, появление которого в войсках теперь уже встречали восторженным ревом, отдал приказ двум находившимся в резерве бригадам погрузиться в вагоны и под прикрытием двух бронепоездов совершил стремительный бросок к тому самому мосту через Кету, где наступающая армия «соратников» впервые натолкнулась на серьезное сопротивление и где соратник Птоцкий окончательно распрощался со своими иллюзиями. Рассеяв повстречавшиеся на пути силы противника и уничтожив небольшой заслон, оставленный Птоцким для охраны моста, он поставил там одну бригаду, приказав организовать оборону по обоим берегам реки и придав

ей, больше для солидности и во избежание ненужных потерь, чем потому, что действительно опасался за прочность обороны, один бронепоезд, князь Росен двинулся к старой столице.

Это был воистину безумный план – силами одной-единственной бригады захватить город, где только в составе резервных полков еще находилось почти сто тысяч штыков, да плюс к этому – почти семьдесят тысяч человек в различных органах новой власти: Особом комитете, «народных патрулях» и отрядах Гвардии вооруженной защиты революции, созданных на каждом мало-мальски крупном заводе. Но резервные полки пока представляли собой толпу согнанных по мобилизации крестьян, в большинстве своем еще даже не переодетых в форму и имеющих по одному штуцеру на отделение. Оружейные же заводы Пулы, инженерно-технический персонал которых был изрядно прорежен крутой деятельностью местного Комитета действия, работали только на семь – десять процентов мощности. А что до новоявленного чиновничества, то основную его массу составляли люди, пошедшие на службу новому режиму лишь потому, что увидели в этом возможность как-то решить свои личные проблемы, удержаться на плаву, а может быть, и всплыть повыше в нищей, обездоленной стране. Так что сразу после известий о катастрофе на фронте и накатывающемся на древнюю столицу вале наступления во многих учреждениях изрядно поубавилось персонала. Городской Комитет действия ввел всеобщую трудовую мобилизацию, расклеил уйму листовок. В Ташевских бараках публично расстреляли еще часть заложников. На заводах и в полках шли непрерывные митинги, на которых, как на древних мистериях с человеческими жертвами, нагнетался воинственный угар. Но весь эффект смазывался стремительностью передвижения наступающих войск и появлением первых дезертиров, которые, дабы оправдаться в глазах случайных собеседников, многократно преувеличивали силу наступающих.

К исходу недели стало ясно, что тысячи насильно мобилизованных представителей эксплуататорских классов никак не успевают закончить возведение неприступных рубежей обороны, а также то, что и занимать-то их особо некому. Добравшиеся до столицы дезертиры ничуть не горели желанием вновь оказаться на пути наступающей армии. И после полудножины отчаянных перестрелок между патрулями, имевшими строгий приказ задерживать дезертиров и направлять в резервные полки, дабы хоть немного разбавить необученную массу, и дезертирами, готовыми с оружием в руках отстаивать свое право послать ко всем чертям эту войну, патрульные решили, что с них тоже хватит, и просто перестали возвращаться в казармы. А поскольку в патрули назначали всех, кто умел хоть мало-мальски обращаться с оружием, то и прежде невеликая боеспособность резервных полков окончательно перешла в область чисто гипотетическую. С исчезновением патрулей с улиц старой столицы окончательно исчезло всякое подобие порядка. А потому и сформированные на заводах отряды вооруженной защиты революции, остававшиеся последней надеждой верхушки Комитета, приняли решение отказаться от обороны города, а личный состав отрядов использовать только для поддержания порядка на улицах рабочих кварталов.

Накануне праздника Триединения на Центральный вокзал прибыл рано утром штабной поезд Птоцкого, занятый теперь соратником Срайей. Когда начавшаяся так блестяще, на его неискушенный взгляд, операция, сулившая ему так много, вдруг обернулась чудовищным разгромом, он впал в полную прострацию. Весь первый день вражеского наступления, когда еще оставалась какая-то, пусть очень ограниченная, возможность организовать планомерное отступление хотя бы на некоторых участках, как это удалось сделать соратнику Птоцкому со Вторым корпусом – он хоть и потерял половину состава, но все-таки умудрился отойти к Кастину, сохранившись как боеспособное боевое объединение (впрочем, следовало иметь в виду, что Второй корпус находился в стороне от направления главного удара), – Срайя провел на широком диване салона, свернувшись калачиком под тремя шинелями и потев от страха. Командиров и политуполномоченных, сумевших в тот день добраться до штаба и прорваться в салон, он встречал с трясущимися губами, по-старушечьи бормоча и жалуясь на ужасную мигрень, которая абсолютно не дает ему подняться с постели и заняться

неотложными делами.

– Вы уж давайте, голубчик, послужите делу революции, а я за вас непременно походатайствую перед Центральным бюро, – бормотал он, елозя толстыми, потными пальцами по ладони очередного посетителя.

Как правило, эти посещения заканчивались тем, что очередной командир или политуполномоченный отдергивал руку, брезгливо вытирал ее платком и, после нервного перекура у ступенек салон-вагона, спешно собирал подчиненных, до которых мог дотянуться, и, бросив на произвол судьбы вверенную ему часть или соединение, уходил к Птоцкому. Тот принимал всех, молча выслушивал произносимые срывающимся голосом признания в неверности и ослеплении мнимым постановлением бюро, милостиво оставлял очередному посетителю жизнь, но тут же отправлял его на передовую, утвердив в должности командира того отряда, который он привел. Так что относительные успехи Второго корпуса объяснялись еще и оказавшимся в распоряжении Птоцкого значительным числом боеспособных бойцов и командиров. Однако отошедший к Кастину Второй корпус ничем не мог помочь древней столице, поскольку, во-первых, Кастин находился лишь немного ближе к столице, чем злополучный Коев, правда, к северо-западу от нее в сторону новой столицы, а не к северу, как Коев, а во-вторых, только безумец решился бы в такой ситуации на какие-то наступательные действия. А Птоцкий был кем угодно, но только не безумцем.

На Центральном вокзале соратника Срайю встретили автомобиль и скромный конвой из десятка бойцов и двух сотрудников Особого отдела в черных кожанках. Срайя, выйдя из вагона, облегченно вздохнул и, бормоча:

«Ну, слава богу, добрались», – торопливо направился к автомобилю.

– Давай-ка, голубчик, в городской Комитет. И побыстрее.

Очувтившись наконец в городе, который, как ему казалось, находился в надежных руках, и оставив позади, как ему представлялось, все неприятности, Срайя начал тут же прикидывать, как ему вывернуться из этой передраги и свалить всю вину на Птоцкого. Разгром он воспринимал в первую очередь как личную неприятность и именно исходя из этого собирался бороться с его последствиями. Однако через некоторое время он вдруг обратил внимание на то, что машина едет совсем не туда, где находился Комитет.

– А куда это мы едем?

Сидевший рядом особист лишь стиснул зубы, да так, что на скулах выступили желваки.

– Эй, милейший, я к вам обращаюсь? – по-барски раздражительно окликнул его Срайя. Особист выругался вполголоса и, наклонившись к шоферу, хлопнул того по плечу:

– Ну его к черту, тормози.

Машина резко остановилась. Особист повернулся к «соратнику» и, направив на него дуло барабанника, зло бросил:

– А ну выходи, паскуда.

– Что-о-о? – округлил глаза Срайя.

– А что слышал, ыбло. – И особист ткнул дулом в лицо высокопоставленного пассажира.

Потрясенный Срайя взвизгнул, вывалился из салона автомобиля и, подгоняемый болезненными тычками барабанника, уткнулся носом в какую-то стену. Когда же он повернулся, то увидел, что напротив, в нескольких шагах от него, выстроилась короткая шеренга бойцов. Особист стоял у правого фланга, в его руке белел смятый листок бумаги.

– Что все это значит?

Особист, ослабившись, расправил листок:

– Городской Комитет действия, рассмотрев персональное дело...

У Срайи все поплыло перед глазами. Всю свою сознательную жизнь он прожил в убеждении, что его предназначение – властвовать над людьми. Именно это непонятно откуда взявшееся и на чем основывавшееся убеждение привело скромного помощника аптекаря в подпольный кружок, потом заставило принять предложение жандармской

охранки, а еще позже ввело в узкий круг людей, вставших во главе великой страны. Жизнь раз за разом подтверждала его право на власть, вознося его все выше и выше несмотря ни на что. Те, с кем он когда-то начинал в кружке, давно уже сгнили на каторге. Те, кто был завербован жандармами в одно время с ним, либо нашли свою смерть от руки товарищей, либо, благополучно выполнив иудину миссию, отошли от дел и мирно доживали век под чужим именем. А он поднимался все выше и выше по лестнице власти, и вот, когда до вершины ему оставался только один шаг, все рухнуло. Срайя всхлипнул и, пронзительно крича: «Не-е-е-ет!» – бросился бежать по улице. Особист торопливо скомкал последние фразы длинного постановления и скомандовал быстро развернувшимся фронтом к беглецу бойцам:

– Огонь!

Грянул дружный залп, и Срайя, будто споткнувшись, рухнул на булыжную мостовую. Особист скорым шагом подошел к нему, попинал ногой, привычным жестом поднес барабанник к переносице и два раза нажал на спуск.

Когда вонь от дрянного газаolina, на котором работали моторы исчезнувших за поворотом автомобилей, окончательно рассеялась, из подворотни выскочили двое оборванцев. Осторожно приблизившись к мертвецу, они потыкали его палкой и, то и дело озираясь, начали стаскивать с трупа шинель, сапоги и френч.

– Ты глянь, – пропитым голосом сказал один, – все почти новое, из «соратников», что ля? Никак, своих стрелять начали. Ну, значит, точно суверен скоро город возьметь.

* * *

Утром город был разбужен колокольным звоном. И хотя этот звон был вызван наступившим церковным праздником – Триединением, большинство горожан восприняло его как некое знамение. Хотя колокола звонили и в прошлые церковные праздники, всем казалось, что в этот раз они звучат как-то более торжественно и громко. А может, так и было. Потому что даже на колокольных самых маленьких церквушек, из-за скудости средств и зловещего внимания со стороны Особого комитета давно уже не имевших не только собственных звонарей, но и священников, в это утро заняли место добровольные звонари. И, будто по сговору, как только кончался один канон, на всех колокольных тут же начинали другой. Так что колокольный звон, обычно звучащий не более часа, плыл и плыл над древней столицей, обещая чудо. И чудо произошло. Сначала откуда-то от Центрального вокзала, а потом со стороны Заречья, и от Лыняной заставы, и от Крутогорья послышалась лихая солдатская песня, вырывающаяся из сотен луженых глоток:

– «Ах ты, брат Потам Покров, да ты не бойси унтеров. Эх, нам ведь в гвардии служить, а не девок ворошить. А у унтеров усы, да длиньше девичьей косы...»

Это торжественным маршем входила в древнюю столицу высадившаяся под покровом ночи из вагонов у северных окраин города бригада. Люди, заслышав такие знакомые, но уже столько лет не слышанные слова, сначала замирали, еще боясь верить своим ушам, но вслед песне нарастал грохот сотен ног, громко печатающих шаг по булыжной мостовой. И люди, бросая все, выскакивали на улицы. Четыре батальона бригады двигались по широким радиальным проспектам, сходявшимся вместе у древнего Детинца, а еще два, разбитые на несколько штурмовых групп, проникли в город и, пользуясь ночной темнотой, почти бесшумно взяли под контроль Ташевские бараки, Центральный телеграф и здания Особого комитета и городского Комитета действия. Верхушка городского Комитета успела, однако, скрыться на автомобилях буквально за несколько минут до появления штурмового отряда. Когда князю доложили об этом, он только усмехнулся:

– Ну что ж, значит, на этот раз им повезло. – Он повернулся к командиру бригады генералу Топенкофу и стоявшему рядом с ним барону Конгельму, задачами которого были скорейшая организация гражданского управления городом и восстановление деятельности городской полиции: – Вроде бы все. Пойду немного посплю.

* * *

Тесс проснулась от шума. Несколько мгновений она лежала, не понимая спросонья, что происходит, но Смиль, все сразу понявшая и вскочившая с постели, сдернула с нее одеяло и жарко зашептала:

– Вставай быстро, ваша светлость, внизу из барабанников палат. Чует мое сердце, худое что-то творится.

Тесс сбросила ноги с кровати, быстрым движением накинула халат и, кивнув на дверь в смежную комнату, где спали младшие сестры, приказала:

– Давай быстро поднимай их. Пусть одеваются и будут готовы ко всему.

– Но... – начала было Смиль, но Тесс оборвала ее гневным взглядом, и циркачка стремительно бросилась к двери.

Тесс на какой-то миг замерла на месте, в очередной раз немного удивившись ее молниеносной реакции, хотя уже должна была бы к этому привыкнуть, потом, глубоко вдохнув, решительно открыла дверь на лестницу.

После того как фронт откатился от города, большая часть штабов и комендатур последовала вслед за наступающими войсками, и город, еще несколько дней назад переполненный воинскими частями, вдруг опустел. Из воинских подразделений в нем остались только комендантская рота, охраняющая почти пустые склады Шестой учебной дивизии и штаб армейской группировки, да еще конвой суверена – человек пятнадцать, предназначенный больше для выполнения представительских функций, чем для действительной защиты государя. А когда сняли осадное положение, большинство призванных на службу отставных полицейских чинов также благополучно было распушено по домам. Таким образом город внезапно оказался совершенно беззащитным перед налетом любой мало-мальски крупной банды.

Все это Тесс, конечно, не знала в подробностях, но то, что противостоять налетчикам в городе практически некому, понимала вполне. Она спустилась вниз. Отец уже тоже поднялся с постели и, как и она, в одном халате стоял у окна и смотрел на улицу. Стрельба у флигеля, в котором размещался конвой, и по всему саду с фасадной стороны дома наконец прекратилась. Наступила полная неизвестности тишина. Ступенька под ногой Тесс противно скрипнула. Отец вздрогнул и обернулся, но, узнав ее, с облегчением перевел дух:

– Зачем ты встала? Вернись в свою комнату, здесь опасно, стреляют.

Тесс поджала губы:

– Раз стреляют, значит, везде опасно. Отец дернул плечом, но не нашелся, что возразить. И это тоже показывало, как сильно изменилось отношение к ней даже в семье. В этот момент послышались быстрые шаги – кто-то шел со стороны флигеля. Отец напрягся. Может быть, это возвращается караульный, побежавший к флигелю, когда началась стрельба? Если это он, то, значит, все обошлось. Однако в следующее мгновение все их надежды рухнули. К входной двери подошел не он, а кто-то другой – он сбил щеколду несколькими выстрелами из барабанника и, хрипло скомандовав: «За мной», пинком распахнул дверь. Послышался быстрый топот, и через несколько секунд в прихожую ввалилось полтора десятка человек, вооруженных штуцерами и барабанниками. Тот, кто ворвался первый, заметил суверена и Тесс и остановился, глядя на них. Увидев его лицо, Тесс задрожала и в ужасе вскинула руки к лицу, а он поднял правую руку, шагнул вперед и, ослабившись, протянул:

– Что-о-о, думали сбежать от казака, ваши величества? Не вы-ы-шло!

Последнее, что запомнила Тесс, – это причудливо изогнутый крюк, блеснувший в лунном свете прямо у нее перед глазами.

* * *

Круифф прибыл на место одним из последних. К дому суверена уже были стянуты все наличные военные силы, включая команду добровольцев из числа офицеров штаба.

Генералы Боуран и Тропин и граф Бронков, не так давно по настоятельной просьбе суверена перебравшийся жить под его крышу, но в эту ночь, к счастью, оставшийся ночевать в своей старой комнате в здании штаба, нервно топтались на небольшом пяточке за углом здания, выходящего боковой стеной к ограде захваченного бандитами дома. Время от времени они нервно перебрасывались короткими фразами. Никто не знал, что делать, и, когда Круифф выбрался из посланного за ним авто, все с явственным облегчением кинулись к нему. За последние полгода у всех сложилось убеждение, что эти трое непонятных людей ВСЕГДА знают, что и как делать.

– Слава богу, вы приехали, – срывающимся голосом заговорил граф, – мы просто не знаем, что предпринять. Генерал Боуран попытался было взять дом штурмом, но бандиты вытолкнули на передний балкон связанных суверена и госпожу Элис, при... – у него от возмущения пропал голос, но он быстро справился с волнением, – приставили им к вискам барабанники и пригрозили, что застрелят их прямо у нас на глазах. Так что пришлось прекратить штурм.

– Суверен жив?

– Да, – кивнул генерал Боуран, – мы ведем наблюдение за домом. Их держат в дальней комнате – суверена, его жену и младших дочерей.

Айвен нахмурился:

– А старшая?

– Она в своей спальне, на втором этаже. Под присмотром своей... гувернантки. Похоже, она лишилась чувств.

– А сколько в доме налетчиков? Генералы неловко переглянулись:

– Не установлено, от десятка до полуроты. Круифф некоторое время напряженно раздумывал. Замкнутый круг. Штурм невозможен, слишком велика вероятность того, что в мясорубке погибнут все. Здесь нужны профессионалы. И он один тоже не справится. Он не боевик, и даже десять человек для него слишком много. Но пилот где-то в наступающих частях, а майор еще дальше. По последним сообщениям, он уже в старой столице, причем захватил ее практически без боя. Айвен повернулся к Боурану:

– Князю сообщили?

Тот посмотрел на него с недоумением, но тут вмешался граф:

– Да, я дал телеграмму еще час назад. Генерал поморщился:

– Не понимаю, чем этот достойный господин может помочь в данной ситуации?

Но Круифф облегченно вздохнул:

– Значит, надо тянуть время.

– Как?

Айвен пожал плечами:

– Я пойду к ним.

– Зачем?! Это же бандиты!.. убийцы!! Айвен усмехнулся:

– Ну, они же до сих пор не убили суверена, вообще ни одного заложника, а это значит, что мы должны постараться, чтобы они не сделали это и дальше. Но для этого надо их хотя бы минимально контролировать, а делать это можно, только находясь рядом с ними. Так что я иду к ним.

– Они вас убьют! – всплеснул руками генерал Тропин.

– Может быть, – задумчиво произнес Круифф. Такая возможность была вполне реальна. В этом мире пока что была недостаточно развита «культура» политического терроризма, которая, при всей ее неприглядности, все-таки устанавливает некоторые правила игры, определяя, в каких ситуациях террористы могут пойти на убийство и кто из участников конфликта по негласному соглашению сторон считается неприкосновенным. Он вообще пока не мог понять, что заставило эту банду оставить заложников в живых и вообще почему она задержалась в городе. Все это выбивалось из всего ряда распространенных моделей поведения. Но раз это произошло, значит, у налетчиков, кроме очевидных, имелись еще и какие-то скрытые побудительные мотивы. И от того, как быстро он их установит и как сумеет ими воспользоваться, зависело все. А для этого надо было встретиться с главарем

банды лицом к лицу.

– Но кому-то ведь надо пойти туда. А я, как мне думается, лучше других сумею воспользоваться малейшими нюансами ситуации, чтобы заставить бандитов действовать в нужном нам направлении. Только ничего не предпринимайте до моего возвращения или пока не убедитесь точно, что я погиб, а ситуация совершенно выходит из-под контроля. Даже если придется ждать больше суток. – Он обратился к графу: – А вас я попрошу направить князю еще одну телеграмму и, кроме того, вызвать сюда господина Юри.

После чего Круифф неторопливо снял шляпу, пиджак, рубашку, вывернул карманы, закатал брюки до колен (этот нелепый внешний вид должен был еще издали убедить бандитов, что у него нет при себе никакого оружия) и, громко крича: «Смотрите, я не вооружен, мне нужно встретиться с вашим командиром!» – медленно и осторожно пошел к дому суверена. Сейчас от того, как он использует свои скудные способности психопринуждения, зависела его жизнь. И не только его.

* * *

Вахмистр метался по дому, словно раненый зверь, почти не замечая, как его сотоварищи-налетчики, столкнувшись с ним, испуганно шарахаются в сторону. ОНА опять его обманула. У него в жизни не осталось ничего, кроме мечты, мечты о НЕЙ, о том, как она будет биться в его руках, вскрикивая и захлебываясь слезами, а он то нежно, то со злостью будет терзать ее тело и ломать, рвать на куски ее душу. И в сравнении с этим все остальное не имело никакого значения. Ни свобода, ни богатство, ни власть над смертью, ни даже его собственная жизнь. Но она его обманула! Когда он увидел ее, стоящую у окна, в полосе лунного света, у него оборвалось сердце, а лицо покрылось испариной. И вот именно в тот миг, когда до воплощения его мечты остался всего один шаг, она вдруг тихо вскрикнула и рухнула на пол, превратившись в неживую куклу, от властительницы его грез осталась только безжизненная оболочка. Он НЕ МОГ взять ее такой. Но отказаться от мечты, когда она была так близко, он тоже не мог. И поэтому, когда его ребята, сноровисто увязав в узлы все мало-мальски ценное, уже выстроили всех находящихся в доме у длинной стены столовой, чтобы быстренько покончить с малоприятным, но привычным делом и поскорее лиять из растревоженного города, он вдруг вскинул руку и коротко приказал:

– Отставить!

– Чего? – не понял Лубенек, после бегства Кузара быстро выдвинувшийся на вторые роли.

Вахмистр зыркнул на него так, что Лубенек счел за лучшее заткнуться, и продолжил:

– Эту, что без памяти, – наверх. И приставьте к ней сиделку, пусть побыстрее оклемается. Остальных – в дальнюю комнату. И охранять. Пока они в наших руках, нас никто и пальцем не тронет.

Но вот уже прошло два часа, а она до сих пор не пришла в сознание.

– Эй, командир, там какое-то ыбло к дому идет.

– Стрельни его, – сердито отозвался вахмистр и тут же передумал: – А вообще погоду, дай сам гляну.

«Ыбло» уже достигло нижних ступеней и остановилось. Выглядело оно действительно крайне необычно. Крепкий мужчина лет сорока пяти-пятидесяти в подвернутых штанах с вывернутыми карманами и тонкой нательной рубахе, с поднятыми руками. Вахмистр раз, другой выслушал молча его монотонный речитатив и крикнул:

– Ну, говори. Я – командир.

Круифф чувствовал, как крупные капли пота собираются в ручейки и стекают по вискам, скулам и шее. Он никогда не умел стабильно держать звуковую частоту-носитель, но то, что он еще жив, доказывало, что пока что это ему удается. Услышав окрик из окна, он замолчал и перевел дух. Похоже, первая фаза прошла успешно. Теперь главное – проникнуть внутрь. Он глубоко вдохнул и, беззвучно простонав, вновь напряг измученные голосовые связки. Поскольку с его способностями в области психопринуждения без базовой

частоты нечего было и дергаться.

– Господа соратники. Я прибыл к вам для переговоров. Мы хотим узнать ваши требования.

– Мы тебе не господа, сволочь! В выкрикнувшем эти слова голосе явно чувствовались истерические нотки, но, слава богу, они прозвучали не из уст главаря, а откуда-то сверху. В общем-то он был готов к подобной негативной реакции, но эта фраза была одним из управляющих ключей. Она должна была, на подсознательном уровне, доказать серьезность его намерений разрешить ситуацию с обоюдоприемлемым результатом.

– Прошу простить, уважаемые. – Он сделал паузу, давая им время осознать новое обращение, и продолжил: – Я хотел бы узнать, что мы должны сделать, чтобы вы согласились сохранить жизнь заложникам.

– А ничего вы не сделаете, – глухо сказал главарь, – вот еще подождем чуток и порешим всех на ваших глазах. Круифф отрицательно замотал головой:

– Это несерьезно, уважаемые. Я не могу вернуться с таким ответом. Вы можете выдвинуть требование заплатить вам. Золотом. Или валютой. И предоставить возможность беспрепятственно покинуть страну. А для гарантии безопасности вы можете оставить себе кого-то из заложников или заменить одних на других. Если ваши требования не будут слишком неразумными, я берусь уговорить осаждающих пойти вам навстречу. – Он замолчал.

С минуту из дома не доносилось ни звука. Круифф живо представил себе изумленные лица своих слушателей, перед которыми неожиданно открылось множество выходов из ситуации, которую они считали практически безнадежной. Притом с прибылью. В этом мире то, что для террористов его времени было банальностью, не могло не звучать божественным откровением. Наконец чей-то срывающийся голос сдавленно произнес:

– Золотом...

– Заткнись, – буркнул главарь. – Эй, ты, что ты там бормотал о том, что мы можем уехать с кем-то из заложников?

Круифф мысленно улыбнулся.

– Прошу простить, уважаемый, но для того, чтобы обсудить приемлемые условия, потребуется время, а я, признаться, несколько устал стоять тут. Вы не могли бы обыскать меня и позволить войти в дом?

Несколько мгновений ему никто не отвечал, потом главарь глухо произнес:

– Ладно, заходи.

И Айвен начал медленно подниматься по ступеням.

* * *

Майор появился за два часа до заката. Легкий двухместный аэроплан на последних каплях горючего перевалил через частокол сосен, вплотную подбежавших к городским окраинам, и, заглушив мотор, плавно спланировал над крышами домов к городской площади. Он умело погасил скорость, заложив опасный вираж на уровне верхних этажей домов, окружавших площадь, и скорее не сел, а рухнул на выщербленную брусчатку. Стойки шасси не выдержали столь грубой посадки и подломились. Майор выбрался из упавшей на брюхо машины и, содрав с головы шлем, протянул руку подбежавшему пилоту. Тот прибыл за полчаса до него на скоростной дизельной дрезине.

– Живы?

– Живы. Айвен внутри. Ведет торг о сумме выкупа и заложниках.

Майор скупо улыбнулся. Круифф идеально повернул ситуацию. Если разговор пошел уже о сумме, значит, уровень опасности для заложников близок к минимально возможной отметке. Можно было начинать действовать.

– Кто главный? Пилот усмехнулся:

– Наш старый знакомый. Еще по Рудному хребту. Во взгляде майора на мгновение мелькнуло удивление, тут же сменившееся догадкой. Он помрачнел:

– Как она?
– Пока без сознания. Майор покачал головой:
– Так вот, значит, почему они задержались... Оба помолчали. Пилот вскинул голову и посмотрел в глаза майору:
– Надо торопиться. Дивен опасается, что, как только принцесса придет в себя, ситуация резко обострится.
– Где их держат, известно?
– Принцессу Атессию и циркачку – в спальне на втором этаже, остальных – в дальней комнате. Угловая, по северной стене.
Майор кивнул. Расположение комнат в доме суверена они знали как свои пять пальцев.
– Нападавших локализовали? Пилот кивнул.
– Значит, начнем с дальней комнаты. Они помолчали. Это решение означало, вероятно, приговор принцессе.
– А может... – начал пилот.
– Я не могу рисковать сувереном, – перебил его майор и, резко повернувшись, двинулся к дому.

* * *

Тесс очнулась оттого, что солнце било ей прямо в лицо. Она открыла глаза, но тут же зажмурилась. Несколько мгновений она ничего не могла понять: почему солнце светит ей в лицо, разве сейчас вечер? Ведь в ее комнату солнце заглядывает только после пяти часов пополудни. И, бог мой, почему она до сих пор в постели? Маменька ужасно рассердится! Но в следующее мгновение она вдруг вспомнила все и невольно застонала.

– Ваше высочество, вы очнулись?
Голос Смиль заставил ее повернуть голову.
– Смиль, ты жива? А как...
Циркачка торопливо зажала ей рот рукой:
– Тихо, молчите. Все пока живы. Нас захватили бандиты. Один прямо за дверью стоит. А самый главный, одорукий, все время ходит и о вас справляется.

Тесс несколько мгновений размышляла над ее словами, но тут дверь в комнату распахнулась и на пороге появился... Тесс вздрогнула и зажмурила глаза. Как будто от этого незванный гость мог исчезнуть из ее жизни.

Вахмистр остановился на пороге. ОНА очнулась. Что ж, значит, все хорошо. Он повернулся к караульному и, мотнув головой в сторону сиделки, приказал:

– Отведи ее к остальным.

Тесс сжалась в комок. Вахмистр, с трудом сдерживая дрожь нетерпения, тщательно прикрыл дверь, задернул шторы на окнах и осторожно, чтобы не зацепить одежду крюком, принялся раздеваться. Тесс снова зажмурилась и почувствовала, как на нее накатывает дурнота.

– Ну ты! – Лицо вахмистра побагровело, и он, одним прыжком подскочив к кровати, ударил ее по щеке здоровой рукой. – Не вздумай опять! Я так долго ждал, а ты хочешь мне все спортить?!

Тесс содрогнулась от удара тяжелой мужской ладони, но в следующее мгновение почувствовала, что весь ее страх внезапно исчез. Осталась только ненависть. Этот человек посмел ЕЕ ТРОНУТЬ! Вахмистр несколько мгновений пожирал ее плотоядным взглядом.

– То-то, ишь глазенками засверкала, ох и гонору у вас, господских дамочек. – Торжествуя улыбаясь, он расстегнул ширинку и приспустил галифе. – А ну давай, красуля, помоги.

Тесс еще какой-то миг сидела неподвижно, потом медленно откинула одеяло и, опустив ноги на пол, покосилась на туалетный столик. Там среди булавок и коробочек с пудрой и тальком лежали четыре длинные острые бронзовые заколки.

– Ну ты, долго будешь пялиться по сторонам? Тесс молча кивнула, и, внезапно вскочив, сделала два быстрых шага, и оказалась у туалетного столика. По видимому, он что-то сумел прочесть в ее вспыхнувших глазах, потому что в последний момент успел подтянуть наполовину спущенные штаны и приподняться. Но больше ничего не успел. Тесс захватила заколку большим и указательным пальцами, так, как учила ее Смиль, когда обучала жонглированию, и резким движением резко выбросила руку вперед. Потом еще раз, еще и еще. Вахмистр хрипло выдохнул и, подняв руки к глазнице, из которой торчала одна из трех попавших в него заколок, повалился на кровать. Тесс зажала руками уши и зажмурила глаза, ожидая, что вот-вот дверь откроется и в комнату ворвутся бандиты, но никто не появился. И вдруг дверь будто вышибло взрывом, и она, кувыркнувшись в воздухе, со всей силы ударилась об оконную раму, обрушив на пол град стеклянных осколков. А на пороге стоял ОН. Мгновение Тесс, побледнев, смотрела ему в глаза, потом бросилась вперед и, чувствуя, что у нее не осталось больше сил на то, чтобы вести себя как подобает леди, обвила его шею руками и прошептала:

– Любимый, я знала, что ты придешь, что ты спасешь меня...

* * *

Когда Круифф, пошатываясь от страшного напряжения, в котором провел весь этот день, поднялся по лестнице и ввалился в комнату принцессы, майор с ошарашенным видом стоял посреди комнаты, наклонившись к принцессе, а она, плача и смеясь, покрывала поцелуями его лицо, шею, руки. Айвен застыл от удивления, но тут послышались легкие, стремительные шаги, и еще с лестницы донесся голос пилота:

– Пятнадцатый был на кухне. Вроде бы все... о, мама дорогая!

Круифф слегка повернул голову и сказал с усмешкой:

– Вот почему мне нравились русские сказки. У вас все всегда кончается свадьбой.

Эпилог

Майор стоял у бойницы и смотрел на город. Так похоже на Москву. Конечно, на прежнюю, убогую и грязную, и все же...

– Привет, отшельник.

Майор обернулся. Пилот стоял у соседнего зубца и тоже смотрел на город.

– Ну, и что ты решил? Майор пожал плечами:

– Она же еще ребенок.

– В этом мире выходят замуж и в более молодом возрасте.

– Но я... не люблю ее. – Майор замолчал, понимая, что его слова звучат совершенно неубедительно. Пилот не унимался:

– А ты пытался? Вообще хоть с кем-нибудь? Хоть в том, нашем старом мире?

Майор грустно улыбнулся:

– Знаешь, когда года через два-три прошла эйфория от... обретенных способностей, мы все начали чувствовать себя, – в его голосе зазвучала горечь, – уродами. И, кто раньше, кто позже, все мы пришли к одиночеству.

– Но почему?

Майор усмехнулся:

– А как ты думаешь, легко ли жить с мыслью, что твой сын или, что еще хуже, твоя дочь будут вынуждены всю жизнь нести это бремя? Причем не по собственному свободному выбору, а расплачиваясь за амбиции своего отца.

Пилот долго молчал, потом покачал головой:

– Откуда ты взял всю эту чушь?

Майор непонимающе уставился на него:

– То есть?

– Ну, насчет уродства. Ты всегда вызывал у меня только чувство здоровой зависти. Майор страдальчески поморщился:
– Ты не понимаешь...
– Нет, это ты не понимаешь, – перебил его пилот. – В чем выражается это твое уродство?
– Ну... – Майор запнулся. Все его страхи вдруг показались ему глупыми. Он пожал плечами. Пилот улыбнулся:
– Помнишь, ты говорил, что многое знаешь о человеческой психике, потому что с тобой поработали прекрасные психологи.
Майор кивнул.
– Так вот, похоже, кроме всего прочего, они позаботились еще и о том, чтобы ни у одного из вас не появился бы невзначай комплекс превосходства.
Князь удивленно уставился на пилота:
– Но я никогда...
Пилот продолжал улыбаться:
– Вот то-то и оно. Хотя, по-моему, они перестарались.
Они немного помолчали. Молчание нарушил пилот:
– Ну так что ты все-таки решил? Ты дашь шанс себе, ей, вам обоим?
Майор пожал плечами, его губы расплылись в улыбке:
– Знаешь, пожалуй, я рискну.
Пилот засмеялся:
– Тогда пошли. Гости давно собрались. Глупо начинать помолвку без жениха.
И они двинулись к башне, внутри которой проходила узкая винтовая лестница. Все еще только начиналось.

P.S

На написание этой книги меня подвигли похороны семьи последнего русского императора. Задумана она была давно, но сюжет просматривался смутно, а заняться серьезно вроде как руки не доходили или духа не хватало. Однако замогильные изыскания популярной прессы заставили попробовать сесть за компьютер, сначала просто ради интереса, а потом пошло, пошло...

Смерть Николая II и его семьи я считаю знаковым событием. До сих пор меня мучает мысль, что, если бы большевики решили провести судебный процесс, пусть даже и по своим, революционным законам, процесс, который, вне всякого сомнения, закончился бы смертным приговором царю и, вполне вероятно, его жене, вся наша история могла бы пойти по-иному. И если где-то существует Господь или какой-нибудь высший разум, то не являются ли все тяготы, выпавшие на долю нашей страны и приведшие ее к окончанию века к столь печальному краху, наказанием за то, что восемьдесят лет назад в Екатеринбурге, в подвале дома купца Ипатьева были без всякого суда, без причастия, хладнокровно, будто коровы на бойне, забиты и сам русский император, и его жена, и все его малолетние дети, и все, кто в эту минуту имел несчастье добросовестно исполнять свой человеческий и профессиональный долг рядом с горемычным бывшим русским государем.

Совершенно ясно, что Николай II не был ни великим государем, ни подвижником-великомучеником. Возможно, он не был даже порядочным человеком. Но та часть русских, несомненно не самая худшая, которая была выброшена со своей земли горячим ветром революции, канонизировала его и причислила к лику святых. Что, те люди, большинство из которых гораздо ближе стояло к вершинам власти, чем все, кто остался в новой стране Советов, не понимали, КЕМ был последний русский царь? Нет, они все прекрасно понимали, но пошли на это, возможно надеясь, что подобный шаг хоть как-то защитит Россию перед Богом. Что Господь примет Николая как искупительную жертву ВСЕГО русского народа. Но этого до сих пор никто не понял.

Страна, в которой происходит действие этой книги, очень сильно напоминает Россию. Параллели с семнадцатым годом очень заметны. Все та же разруха и тяжелые потери в мировой войне. Отречение государя. Развал всей вертикали государственной власти. И на фоне этого повсеместный захват власти самозванными группами людей, называющих себя. Комитетами действия. И все же это другая страна. Страна, в которой бывший самодержец не потерял доверие народа, страна, граждане которой не опустили руки и не дали свершиться страшному преступлению, страна, судьбу которой смогли изменить ТРОЕ людей. Которые, может, в чем-то и совершеннее нас сегодняшних, но в главном, в основном, такие же, как мы. И которые могут дать нам надежду, что и мы сможем преодолеть все нынешние трудности и победить.

О своем отношении к идеям Современного Монархизма можно высказаться по адресу:
<http://monarhia.web77.ru>